Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1927. ОКТЯБРЬ 10

ИЗД. ГОСПЛАНА С.С.С.Р. МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО, Н. А. КОВАЛЕВСКОГО,
С. Г. СТРУМИЛИНА, А. С. МЕНДЕЛЬСОНА
и Р. Е. ВАЙСБЕРГА

№ 10

ОКТЯБРЬ

1927 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

принимают участие:

Аквила (Германия), Александров И. Г., Баженов Б. Г., Базаров В. А. Баранский Н. Н., Бернацкий Л. Н., Бернштейн-Коган С. В. Бессонов С. А., Боголепов М. И., Болдырев Г. И., Браславский И. Я., Буланже Н. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е. (Германия), Варейкис И., Вайсберг Р. Е., Вильямс В. Р., Виноградский Н. Н., Вишневский Н. М., Владимирский М. Ф., Гинзбург А. М., Голендо М. С., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Гордон А. С., Гордон Р. С., Гордеев Г. С., Горев А. А., Гольцман А. З., Гринько Г. Ф., Громан В. Г., Гуров П. Я., Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Дмитров (Болгария), Долгов А. Н., Дунаевский Ф. Р., Егоров К. Д., Есин В. З., Золотарев В. И., Иоффе А. А., Каменев Л. Б., Кактынь А. М., Кафенгауз Л. Б., Квиринг Э. И., Килевиц С. С. Кениг Е. Л., Киселев С. М., Коларов (Болгария), Ковалевский Н. А., Кржижановский Г. М., Крицман Л. Н., Кричевский С. И., Крон Ц. М., Круг К. А., Кукель-Краевский С. А., Куйбышев В. В. Лапинский Н., Ларичев В. А., Лежава А. М., Леонтьев А., Лерман И. Е., Лозовский А., Лосицкий А. Е., Людвиг (Германия), Маймин, А. Б., Мендельсон А. С., Милютин В. П., Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., Осадчий П. С., Осинский В. В., Первушин С. А., Петров А. И., Поливанов М. К., Преображенский Е. А., Пятаков Г. Л., Радек К. Б., Рамзин Л. К., Рапопорт Шарль (Франция), Рой М. Н. (Индия), Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Сегаль А. И., Скобелев М. И., Смирнов А, П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солнцев Л., Спектатор (М. Нахимсон), Струмилин С. Г., Сушков З. Г., Тальгеймер А. (Германия), Таубе Е. А., Терпигорев А. М., Том-Ман (Англия), Трахтенберг И. А., Троцкий Л. Д., Турецкий Ш. Я., Тян-Пин-Сян (Китай), Фалькнер С. А., Фельдман Г. А., Фрумкин М. И., Хейфец Л. М., Цыперович Г. В., Цышевский И. А., Четыркин В. М., Членов С. Б., Чубарь В. Я., Шаров С. И., Шателен М. А., Шахновская С. В., Штейн Б. Е., Штерн А. Б., Эвентов Л. Я., Яковлев Я. А., Янушевский П. С., Ярилов А. А., и др.

Главлит № А—1396. Отпечатано в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филип., 11. Тираж 5.070.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. А. КОВАЛЕВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Стр.

Э. Квиринг. Экономическая политика к XV с'езду 7
В. Г. Громан. Система контрольных цифр на 1927/28 год 33
П. Старков и А. Неусыпин. Бюджет и народный доход 47
А. Сегаль. К вопросу о рентабельности промышленности и политике финансирования ее 57
Г. Серебренников. К вопросу об установлении новых норм брони подростков в промышленности 69
Э. И. Дейчман. Критические замечания к перспективному плану развития алкогольной промышленности 81
Ответ тов. Дейчману. 96
И. Е. Горский. Организация жилищного строительства и рабочий бюджет . . 100
Г. Пистрак. Условия реализации сельскохозяйственной продукции 122
И. Беляев. Некоторые итоги советского мелиоративного строительства . . . 146

М. В. Иоффе. Закон тенденции нормы прибыли к понижению в условиях СССР 157

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

Л. А. Мендельсон. К вопросу о динамике мощности производственного аппарата германской промышленности в 1913—26 гг. 173
А. В. Маракуев. Внешняя торговля в Китае и место ее в мировом товарообмене 186

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

Н. П. Садиков. Электрификация магистрали Москва — Курск — Донбасс . . . 213
С. А. Фалькнер. Борьба синтетической и натуральной нефти 235
И. Т. Гуштюк. К вопросу о месте постройки заводов для металлургической обработки концентратов руд цветных металлов Алтая и Восточного Казакстана 244

ОТДЕЛ IV

По районам

А. С. Аксамитный. К вопросу о роли Волго-Донского канала в транспортной экономике Союза 261
А. М. Терпигорев. Генеральный план развития каменноугольной промышленности Донбасса 269
И. И. Федорович. Подмосковный бассейн, как топливная база Центрально-Промышленного района 291

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

З. Сушков. Джон Гобсон — Империализм 307
А. Сегаль. Проф. Я. Б. Диманштейн — Проблема районирования металлопромышленности в связи с условиями промышленного развития Украины и Союза 310
Б. Страхов. М. Гурвич — Капитальное стройтельство промышленности СССР и УССР в 1926/27 г. 315
Л. Хейфец. Проф. И. Эслен — Политика внешней торговли 317
С. Славин. Плановое хозяйство Дагестана. Ежемесячный журнал 320

ОТДЕЛ VI

Статистика

Е. М. Тарасов. Сельское строительство 324

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Э. Квиринг

Экономическая политика партии к XV с'езду

На XV с'езде партия должна наметить основные директивы пятилетнего плана хозяйства страны. Эти решения приобретают тем большее значение, что они имеют за собой десятилетний опыт хозяйственной работы Республики Советов в совершенно новых социально-экономических условиях.

Первое десятилетие советской власти резко делится на два периода: первый до нэпа — до 1921 года, когда хозяйственная кривая из года в год показывала падение, и после нэпа — с 1922 года, когда эта кривая также неуклонно и притом бурным темпом шла вверх.

Поэтому, когда мы говорим о хозяйственных достижениях первого десятилетия советской власти, мы должны помнить, что собственно под'ем хозяйства относится не ко всем 10 годам, а лишь к последнему пятилетию — к периоду нэпа.

Это особенно важно для определения хозяйственных перспектив.

Наши достижения крайне недостаточны, но это много, очень много для тех условий, в которых проводилось наше хозяйственное строительство, и к тому же это значительный шаг вперед от того уровня, на котором хозяйство перешло под руководство пролетариата в конце 1917 года.

Империалистическая война нанесла народному хозяйству всех воюющих государств огромный ущерб. Понесла этот ущерб и царская Россия. В 1913 г. валовая продукция цензовой промышленности в довоенных рублях составляла 6.354 млн. руб., а в 1917 г. — всего 4.468 млн. руб., т.-е. всего 70% довоенного. Валовая продукция сельского хозяйства составляла в 1917 г. около 88% к 1913 году.

Таким образом, советская власть получила в наследство подорванное империалистической войной хозяйство. Гражданская война углубила хозяйственную разруху в такой мере, что в 1920/21 г. вся промышленность выпускала едва 20% довоенной, а важнейшие и крупнейшие отрасли промышленности замерли почти полностью. Выплавка чугуна в 1920 г. давала всего 2,4% довоенной, добыча руды — 1,7% довоенной, хлопчатобумажная промышленность — 5%, сельское хозяйство в 1922 г. давало всего лишь 43% довоенного сбора хлебов.

Оспаривая достижения советского хозяйства, наши враги будут указывать на то, что все капиталистические государства, участво-

вавшие в мировой войне, также успели восстановить и даже превзойти довоенный уровень своего хозяйства, значительно реконструировав его. Это верно. Но ни одна из капиталистических стран не пережила в эти годы ни столь разрушительной гражданской войны, ни изоляции от мирового рынка, как СССР. Это — во-первых. Во-вторых, ни одно из капиталистических государств не встречало в своем хозяйственном строительстве того огромного сопротивления — в виде саботажа бывших господствующих классов и их прислужников, какой пришлось преодолевать Советскому Союзу.

Капиталистический мир не создал за эти годы ничего нового. Мы же создали новую социальную систему хозяйствования с верху до низу. Мы долгие годы пребывали в периоде учебы. Рабочий класс с величайшим напряжением, учась и переучиваясь, постепенно овладевал хозяйственным аппаратом страны. И уже одно это есть огромное достижение, которое в будущем даст свои плоды.

Мы не просто восстановили довоенное хозяйство, мы достигли и перешагнули довоенные уровни на базе нового хозяйства, организовав его на социалистических началах.

Капиталистическую анархию мы заменили социалистическим планом.

И что самое важное: государство твердо овладело руководством социалистического сектора хозяйства. Машина уже не вырывается из рук.

Наши хозяйственные планы за последние годы выполняются.

Так, на 1925/26 г. рост промышленности ВСНХ намечался в 40 %, выполнение дало 42 %; на 1926/27 г. намечался в 20,1%, выполнение дает 18,2%; при этом по отдельным отраслям планы выполняются с большой точностью.

Все это указывает на то, что машина государственной промышленности идет именно туда, куда мы ее направляем.

Наиболее слабым местом в этой области должно быть признано планирование и выполнение капитального строительства. Здесь мы еще делаем крупные и грубые ошибки. Пример бумажной промышленности это показывает особенно ярко. Сметная стоимость строящихся заводов значительно ниже, чем реальная. Мы строим еще слишком дорого, без детально продуманных планов.

Стоимость строительства (в тыс. руб.)

Строительство	Стоимость		
	Предварительная, прин. ВСНХ в 1925/26 г.	Доложенная СТО в марте 1927 г.	Определяемая ВСНХ в настоящее время
Волжский комбинат Центробумтреста. . .	22.500	23.000	31.900
Кондопожская фабрика в Карелии	3.500	5.500	7.500
Балахнинская картонная фабрика Нижегородского ГСНХ	1.500	3.290	4.300

Такая же картина и по другим отраслям: Богомоловский комбинат — стоимость в 1925 г. определялась ориентировочно в 7 млн. руб., последняя уточненная смета — 21 млн. руб.; Керченский металлургический завод — первоначальная смета — 18 млн. руб., а окончательная — 32 млн. руб. Сметы много раз меняются, а действительная стоимость в несколько раз превышает сметную. Словом, аппаратом строительства мы еще не овладели, это надо признать и сделать соответствующие выводы.

Принципиальная установка

Прежде чем закончить сводку перспективного плана, надо установить ряд важнейших исходных принципиальных положений, на основе которых и должен составляться план. XV с'езд партии в первую очередь и должен установить эти принципиальные директивы. При современном состоянии материалов по пятилетке было бы крайне неосмотрительно связывать партию и правительство какими-либо твердыми цифровыми лимитами плановых заданий на 5 лет.

Наши перспективные планы в настоящее время могут быть лишь сугубо ориентировочными, и задача годовых планов сводится именно к тому, чтобы на основе более детальных материалов вносить в годовые отрезки пятилетки необходимые поправки, которые в итоге значительно могут изменить цифровое выражение пятилетки.

Поэтому сейчас важно не столько цифровое выражение пятилетки, сколько установление основных директив.

Остановимся лишь на важнейших директивах, которые должны быть положены в основу пятилетнего плана.

1) Конечная цель всего нашего хозяйственного строительства — создание коммунистического общества. Эта цель не может быть достигнута в течение пятилетия. Задача же пятилетия в первую очередь сводится к укреплению и дальнейшему росту социалистических элементов хозяйства.

Это — первая и важнейшая директива плана. Нам нужен не просто рост производительных сил страны, нам нужен такой рост производительных сил, который основан на росте удельного веса социалистических элементов, с тем, что этот рост обеспечивает победу социализма.

Пятилетний хозяйственный план должен обеспечить победу социализма.

2) Чтобы гарантировать эту победу в условиях капиталистического окружения, план должен предусмотреть более быстрый, чем в капиталистических странах, рост народного хозяйства.

3) Внутри страны гарантией такого роста должно быть, прежде всего, укрепление союза рабочих и крестьян. В соответствии с этим в пятилетие должно быть предусмотрено окончательное сближение сельскохозяйственного и промышленного индексов в порядке пони-

жения промышленных цен и изживание диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством.

4) Общей директивой хозяйственного плана должно быть бескризисное развитие всех отраслей народного хозяйства.

5) План должен предусмотреть такой рост промышленности, в частности тяжелой, который обеспечивает рост индустриализации страны и уменьшение нашей зависимости от капиталистических стран. Вместе с тем, он должен предусмотреть такой рост продукции легкой промышленности, чтобы удовлетворить растущий спрос и города и деревни.

Этот рост промышленности в основе должен явиться результатом ее реконструкции.

6) План должен обеспечить в соответствии с повышением производительности труда — при обязательном условии снижения себестоимости и цен — систематическое повышение заработной платы рабочих всех категорий.

Повышение жизненных условий как рабочих, так и крестьян, является важнейшей частью плана. При этом необходимо сблизить жизненный уровень деревенской бедноты и городского рабочего.

7) В области сельского хозяйства необходимо предусмотреть ряд широких мер, направленных к его реконструкции и общему под'ему, с тем, чтобы обеспечить, с одной стороны, растущее внутреннее потребление как широких масс, так и промышленности, а с другой — потребности экспорта.

Мероприятия государства должны быть направлены к интенсификации, увеличению трудоемких культур, мелиорации, землеустройства, тракторизации, удобрения, селекционных семян. Все эти мероприятия, проводимые в широком масштабе при значительных бюджетных ассигнованиях, должны изменить в корне современное отсталое, основанное на трехполье, крестьянское хозяйство.

8) Развертывание народного хозяйства должно повлечь за собой значительное увеличение пролетариата, занятого в промышленности, транспорте, строительстве и др.; интенсификация сельского хозяйства должна быть направлена к смягчению аграрного перенаселения и уменьшению отхода крестьян в города; в целом же рост народного хозяйства должен привести к значительному смягчению безработицы.

9) План должен предусматривать такое укрепление обороноспособности страны, какое вызывается условиями враждебного капиталистического окружения.

Эта основная принципиальная установка, в развернутом виде изложенная в тезисах ЦК ВКП к XV с'езду, и положена в основу всей работы Госплана на пятилетие.

Два варианта

В Госплане Союза заканчивается разработка пятилетнего плана в двух вариантах — отправном и оптимальном. Оптимальный вариант

по промышленности выработан ВСНХ, по остальным отраслям — секциями Госплана.

При первом обсуждении обоих этих вариантов Президиум Госплана пришел к выводу, что между ними нет принципиальной разницы. И тот и другой план исходит из одних и тех же общих принципов и директив. Оба варианта имеют одинаковую принципиальную установку, и вся разница между ними сводится лишь к разным методам учета реальных возможностей.

Оба варианта прежде всего исходят из одинакового роста социалистического сектора хозяйства и предусматривают темпы роста, значительно превосходящие средние темпы капиталистических государств. К этому надо еще прибавить, что оптимальный вариант ВСНХ уже учел переход в некоторых отраслях на трехсменную работу при семичасовом рабочем дне, тогда как в варианте Госплана это еще не учтено.

Оба варианта пятилетки ставят своей задачей бескризисное развитие нашего хозяйственного роста при возможно максимальных темпах. Оба варианта исходят из одной и той же установки политики цен и снижения себестоимости. И тот и другой вариант намечают снижение промцен, примерно, в пределах 24%, исходя из принципа сближения „ножниц" между ценами промышленными и сельскохозяйственными, т.-е. оба они идут по линии укрепления союза между рабочим классом и крестьянством. В обоих вариантах намечается, примерно, одинаковый темп роста зарплаты как номинальной (26%), так и реальной (45%), и одинаковый рост производительности труда (57%). Вот почему между этими вариантами нет принципиальной разницы. Вопрос идет лишь о том, чьи перспективные расчеты являются более правильными.

Тов. Кржижановский, при обсуждении пятилетки, очень метко сказал о недолетах и перелетах. Сейчас еще невозможно сказать, в какой мере отправной вариант является недолетом, а оптимальный — перелетом. Вот почему для ориентировки мы можем исходить из двух вариантов. Годовые и контрольные цифры будут определять степень ошибки того или другого варианта на каждый данный год.

ВСНХ в своем оптимальном варианте достиг больших результатов в смысле темпов роста благодаря тому, что он учел реконструктивные моменты в большей степени, чем это учтено и в первом варианте ВСНХ и в варианте Комиссии тов. Струмилина. Учет реконструктивных моментов как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства—задача наиболее тяжелая, и сказать сейчас, в какой мере мы действительно попали в точку в том и другом варианте, в какой мере основательны намеченные темпы, представляет большие трудности.

Мы уже имеем некоторый опыт реконструктивной работы. Мы имеем новые механизированные стекольные заводы с очень плохими результатами работы. Работа этих заводов, правда, из года в год

из месяца в месяц улучшается, но все же эти заводы не дали сразу тех результатов, которых мы ожидали. Мы еще не имеем новых бумажных фабрик, но то, что мы знаем по докладу о строительстве их,— говорит о том, что мы не будем иметь тех результатов, которые были намечены при составлении планов строительства этих фабрик. Постройка их обходится значительно дороже, и себестоимость будет значительно выше предположенной.

С другой стороны, мы, конечно, не можем ни в какой мере отрицать, что реконструктивные моменты при правильном хозяйствовании должны дать огромные результаты. Трудности заключаются в том, как эти результаты учесть и как их провести в жизнь. Предположенное сокращение строительного индекса на 30% будет реальным лишь при громадной работе всех наших хозяйственных организаций.

То же самое относится к реконструкции в области сельского хозяйства. Возьмем введение улучшенных семян. В какой мере может быть сейчас учтено, насколько поднимется урожайность в результате такого мероприятия? Разумеется, это может быть учтено только приблизительно. В какой мере точно могут быть учтены результаты от применения удобрений? Весь результат зависит не только от того, в каком количестве применяется удобрение, но также от того, как применяют в каждом хозяйстве эти удобрения по времени, по культурам и т. д., и т. п. И в промышленности и в сельском хозяйстве мы идем по линии массовых, широких мероприятий реконструктивного порядка, но опыта учета этих мероприятий мы еще не имеем.

Вторая трудность в балансировании пятилетки — это учет сбережений всего населения — и городского и сельского. А от размера этих сбережений ведь зависит очень многое; от этого зависит в какой мере мы можем рассчитывать на госзаймы, в какой мере повысятся вклады в сберкассы, в какой мере кооперация может рассчитывать на рост паевых капиталов, в какой мере население может участвовать своими капиталами в мелиоративных и тому подобных работах, в какой мере кредит должен пополнить недостающие средства населения и т. д. Рост сбережений зависит от очень многих не только хозяйственных, но и политических причин. Одно дело, наличие полной политической и экономической устойчивости — и внутренней и внешней; тогда создаются дополнительные стимулы по притоку сбережений; при изменившемся же положении мы будем иметь неизбежный их отлив.

Совершенно особо стоит вопрос об иностранных кредитах и о размерах тех концессий, которые могут быть получены на протяжении этого пятилетия и которые мы в балансе можем учесть также лишь очень и очень ориентировочно. Какое значение в свое время В. И. Ленин придавал концессиям, видно из его доклада VIII с'езду Советов в 1920 г. о покрытии расходов по плану электрификации:

„Чтобы осуществить задачи электрификации в финансовом отношении, расчет сделан на 1 — 1,2 миллиарда рублей золотом. Вы

знаете, что мы нашим золотым фондом можем покрыть далеко не всю эту цифру. Не велик также у нас и продовольственный фонд. Поэтому мы должны эти расчеты покрыть концессиями по тому плану, о котором я говорил".

Теперь уже ясно, что десятилетний план электрификации мы выполняем и без помощи концессионеров. Нэп дал нам новые ресурсы, о которых В. И. не мог еще говорить в 1920 г. Зато иностранные займы, пока в товарной форме, выросли очень значительно и их удельный вес в плане имеет уже большое значение.

Концессии теперь уже не могут иметь того значения, которое им придавал в 1920 г. В. И., но все же и теперь рост концессий может иметь большое значение для ускорения темпа роста нашего хозяйства.

Пример с планом электрификации показывает, что при утверждении многолетнего перспективного хозяйственного плана страны нельзя пред'являть требование бухгалтерски законченного баланса. Важно поставить перспективные задачи, определить масштаб хозяйственных работ, определить их стоимость и наметить основные пути покрытия необходимых расходов.

Вот почему всякий пятилетний план может быть только сугубо ориентировочным и поэтому с методологической стороны представляется возможным принять два варианта плана — один, рассчитанный на учет тех ресурсов, которые мы при настоящем нашем познании народного хозяйства можем уже, более или менее, вещественно охватить, и другой вариант, основанный на предположительных ресурсах, которые мы можем предвидеть, но которых мы полностью гарантировать не можем. Соответственно сказанному, отправной вариант является более сбалансированным в смысле покрытия намеченных планом капитальных затрат. Но эта сбалансированность имеет свою слабую сторону. Этот план намечает меньшие темпы развертывания, и в результате он в меньшей мере разрешает ряд социально-экономических проблем и, прежде всего, проблему спроса и предложения. Здесь опять-таки надо напомнить, что сейчас мы и годовые балансы спроса и предложения не можем составлять сколько-нибудь удовлетворительно. Эти работы являются пока грубо ориентировочными. Тем более, это трудно сделать на пятилетие, но все-таки в самых грубых чертах мы, конечно, можем сказать, что отправной вариант, который предусматривает меньший темп роста промышленной продукции, в меньшей мере соответствует балансу спроса и предложения, чем оптимальный вариант, который предусматривает значительно больший выпуск продукции.

Нам представляется, что в нашем спросе, и прежде всего в спросе крестьянских масс, на протяжении пятилетия должен произойти некоторый сдвиг в сторону производственного спроса. В какой мере можно учесть этот сдвиг, вопрос очень темный, но для нас совершенно ясно, что, по мере удовлетворения личных потребностей,

в крестьянских массах в первую очередь вырастает спрос производственный. Это значит, что вырастет крестьянское строительство, повысится покупка скота, чистосортных семян, удобрений и целый ряд других хозяйственных расходов, которые ослабляют потребительский спрос. С другой стороны, должен произойти рост культпросветительных расходов. У нас сейчас крайне незначительно производство таких предметов как часы, велосипеды, радиоаппаратура и т. п. Между тем, в бюджете европейского рабочего и крестьянина эти расходы обязательны. За 5 лет и у нас сильно увеличится рост производства подобных предметов потребления. Все это делает балансы спроса и предложения очень ориентировочными.

По всем этим соображениям составление двух пятилетних ориентировок представляется совершенно законным, и работа Госплана в этом направлении представляет значительный интерес.

Цифровое выражение основных директив

Переработка опубликованных „материалов" Госплана по пятилетке не закончена и поэтому новые цифры являются предварительными, имеющими сугубо ориентировочное значение.

Остановимся на вопросе о темпах развития, и в связи с ним на вопросах зарплаты, себестоимости, цен, сельского хозяйства и безработицы.

Вокруг вопроса о темпах в нашей экономической литературе развернулась широкая дискуссия, которая имеет политическое значение. Наши оппозиционные сверхиндустриализаторы охарактеризовали темпы, принятые в „материалах" Госплана как „позорно малые". При этом оппозиционные экономисты не дали себе труда сравнить их с цифрами пятилетки ОСВОКа, выработанной под руководством тов. Пятакова в ВСНХ, а там, где такое сравнение производилось, забывали, что план тов. Пятакова охватывал пятилетие 1925/26 — 1929/30 гг., между тем, как материалы Госплана — годы 1926/27 — 1930/31, а перерабатываемая пятилетка, о которой мы говорим сейчас, 1927/28 — 1931/32 гг.

1925/26 год был годом восстановительного периода и он дал рост продукции в 42%. То же в значительной степени относится и к 1926/27 г., который дал рост в 18,2 %.

Последующие годы будут уже в основном годами реконструкции и расширения производственной базы, и темп роста в эти годы будет неизбежно более замедленным.

Вот почему нельзя сравнивать пятилетки, в которые входят разные годы.

Если в пятилетку Пятакова внести поправки, приняв первые два года по отчетным данным, 1927/28 год по контрольным цифрам Госплана и последние два года 1928—30 гг. по отправному варианту Госплана, то к 1929/30 г. мы будем иметь против 108% роста, запроектированных Пятаковым, 139%. Правда, тов. Пятаков сам признал свою пятилетку недостаточной. Теперь, после того как первые три года уже проверены, это не может быть оспорено, но эта ошибка характерна для первых наших перспективных планов.

Наши познания недостаточны для того, чтобы более точно предопределять рост хозяйства страны.

Поэтому критика цифр, выдвигаемых последними планами, должна учитывать это обстоятельство.

По переработанному отправному варианту пятилетнего плана на 1927/28—1931/32 гг. предусматривается рост промышленной продукции по довоенным ценам на 68%, а по оптимальному — на 86% (по крупной промышленности, планируемой ВСНХ, 103%).

Эта разница сблизится, если в отправной вариант внести поправку на постепенное введение семичасовой трехсменной работы. В этом случае отправной вариант дает рост около 83%. Поскольку решение о постепенном переходе на семичасовой рабочий день теперь же принято, оно должно быть учтено и отправной план должен быть повышен. С внесением этой поправки разница в темпах значительно уменьшается.

Намеченные обоими вариантами темпы значительно превосходят темпы роста не только европейской, но и сев.-американской промышленности.

Самый высокий темп роста промышленности Соед. Штатов был в годы бурного периода 1899 — 1909 гг. — 6,4% в год; за военный период — 5,6%. В довоенной России годовой прирост за бурные 1893—1899 гг. составлял 10% (геометрический процент); в годы 1900—1909—1,7%, в 1910—13 гг.—11%. По отправному варианту пятилетки средне-геометрический прирост за 1927/28—1931/32 гг. даст 11% в год, по оптимальному—15%.

Удовлетворяет ли этот темп растущие потребности города и деревни? На этот вопрос дать ответ в цифрах наиболее трудно.

Попытки составления баланса на прошлые годы давали весьма различные результаты. В то время как по одним подсчетам мы имели даже избыток товаров и время от времени разные экономисты предсказывали кризис сбыта (затоваривание), другие, наоборот, выводили товарные дефициты по отдельным годам.

То же и теперь. Некоторыми работниками ВСНХ товарный дефицит по отправному варианту подсчитан к 1931/32 г. свыше 1 мрд. руб., а по оптимальному варианту — около 700 млн. руб.

Методология этих подсчетов встречает значительные возражения и, помимо того, не представляется возможным учесть перемещение от потребительского к производственному потреблению. Как-раз эта часть плана наименее разработана, и потому цифры менее всего могут претендовать на точность.

Ограничимся указанием на то, что по принятым темпам роста (по оптимальному варианту) душевое потребление значительно превышает довоенное.

Потребление на душу населения промтоваров личного потребления в натуре

Наименование продуктов	Единица измер.	1913 г.	1931/32 г.	1931/32 г. в %% к 1913 г.
Хлопч.-бум. ткани . . .	метров	19,1	27,8	145,5
Обувь кожан.	пар	0,33	0,458	138,8
Галоши	пар	0,22	0,283	128,7
Сахар	кило	7,91	9,35	118,2
Табак	кило	0,160	0,250	156,3
Мыло	кило	1,23	1,775	144,3
Керосин	кило	6,35	8,10	127,5
Спички	коробок	24,4	30,7	129,8

Вместе с тем, надо принять все меры для того, чтобы содействовать росту производственного спроса и усилению сбережений.

Рост мелких сбережений имеет огромное значение для усиления темпов развертывания народного хозяйства, так как эти сбережения будут целиком вложены в народное хозяйство.

Революция усилила потребительский спрос — мы вступили уже в фазу известного насыщения важнейших потребительских нужд. Поэтому мы должны всячески содействовать усилению производственного потребления.

Бюджет 1927/28 г. рассчитан на 500 млн. руб. поступлений по займам.

В ближайшие годы мелкие сбережения должны давать, примерно сумму около 500 млн. руб.

Это в значительной мере преобразит баланс спроса и предложения.

Баланс спроса и предложения, с другой стороны, прямо зависит от политики цен и заработной платы.

Партия в течение уже ряда лет держит курс на решительное снижение промышленных цен — для сближения индексов промышленных и сельскохозяйственных цен и приближения наших цен к мировым.

Эта политика полностью остается на ближайшее пятилетие. При стабилизации оптового индекса сельскохозяйственных цен намечается снижение отпускных цен ВСНХ около 21%. В результате этого „ножницы“ смыкаются. В соответствии с этой общей установкой ежегодно на основе учета урожаев, фактических ростов промышленности и снижения себестоимости должны быть установлены более точные лимиты, и если в результате пятилетия промцены будут понижены не на 21%, а на 18 или 25%, а сельскохозяйственные будут не стабильны, а понижены или повышены на несколько процентов, то это, конечно, не меняет существа дела.

Решающей является задача снижения себестоимости промышленной продукции. За 5 лет предусмотрено снижение на 23%, а снижение проминдекса даже на 30%.

Это задача огромной трудности, и она требует решительной реконструкции производственной базы и значительного повышения производительности труда.

В ВСНХ проделана очень интересная экспертная оценка пятилетия именно в направлении учета реконструктивных моментов. Эта работа представляет огромный интерес, но она должна прежде всего реконструктивно повернуть мозги наших инженеров и особенно строителей.

Наш строитель и техник пока еще слишком далек от экономики. Прадедовские методы строить основательно—слишком укоренились, и новые методы западно-европейской и американской техники прививаются у нас с большим трудом.

А сокращение строительного индекса на 30% именно предусматривает применение новых строительных методов, новых материалов и конструкций.

Нужно, чтобы реконструкции строительной техники в ближайшие годы было уделено максимальное внимание, для чего требуется максимальное использование опыта передовых в техническом отношении капиталистических стран.

Ленин особенно упирал на необходимость учиться у капиталистов — в данном случае у иностранной техники.

На основе рационализации снижение себестоимости должно быть достигнуто также повышением производительности труда, с таким расчетом, чтобы доля зарплаты в единице продукции уменьшалась.

На 5 лет запроектировано повышение зарплаты рабочих на 26%, а повышение производительности труда на 57%. Нужно помнить, что повышение производительности труда в значительной мере идет за счет рационализации производств, т.-е. за счет лучших машин и лучшей организации. Если бы номинальная зарплата повышалась в том же проценте, что и производительность труда, то все выгоды от рационализации получала бы только данная группа рабочих, так как для снижения себестоимости осталось бы немного ресурсов.

Поэтому производительность труда должна расти значительно быстрее, чем зарплата. Но рабочие имеют от этого выгоды в реальной зарплате благодаря снижению цен. Благодаря снижению цен реальный заработок рабочего повысится не на 26%, а на 45% (с учетом повышения квартирной платы).

Такое повышение представляет уже очень значительный рост благосостояния рабочего класса.

Рядом с мероприятиями по улучшению материального положения рабочего класса идут мероприятия по борьбе с безработицей.

Борьба с безработицей является одной из важнейших проблем (ближайшего пятилетия.

В капиталистических странах безработица является прямым следствием хозяйственных кризисов и периодов хозяйственной депрессии. В течение последних лет усиление безработицы в ряде стран Германия) является результатом капиталистической рационализации производства. У нас безработица имеет другие корни. Наша безра-

ботица за 1927 год усилилась, несмотря на то, что народное хозяйство, благодаря быстрому росту, вовлекает ежегодно в ряды пролетариата новые сотни тысяч рабочих. Рационализация производства не приводит к сокращению общего количества рабочих, так как рост покрывает сокращение. Лишь в отдельных отраслях хозяйства и по отдельным группам мы имеем абсолютное сокращение числа рабочих и служащих (полиграфическое производство, советские служащие). Безработица среди индустриальных рабочих увеличивается лишь по отдельным группам, а по ряду квалификаций даже имеется недостаток рабочих рук.

Корни нашей безработицы надо искать прежде всего в огромной тяге сельской бедноты в города (аграрное перенаселение) и в неустойчивости экономической базы городской мелкой буржуазии и мещанства.

Проблема безработицы разрешается, конечно, в процессе роста народного хозяйства страны.

Но надо уяснить себе с достаточной категоричностью, что рост промышленности не может обеспечить работу тем огромным массам, „ищущих труда", которые выбрасывает и еще может выбросить на рынок труда наша деревня в ее теперешнем состоянии.

Достаточно вспомнить, что из 25 млн. крестьянских дворов около 30%, т.-е. около 8 млн. дворов, относится к бедняцким, безлошадным и малопосевным хозяйствам. Положение этих 8 млн. дворов, или 16—20 млн. рабочих рук крайне неустойчиво. При экономических потрясениях такой хозяин пополняет армию „ищущих труда"— армию безработных.

Поэтому борьба с безработицей прежде всего должна вестись по линии укрепления хозяйства сельской бедноты и интенсификации сельского хозяйства.

Эта задача имеет, конечно, самостоятельное значение, но тем более важны все мероприятия этого характера, поскольку они содействуют также борьбе с безработицей.

В ряду этих мер для особо густо перенаселенных сельских районов Центральной полосы, Белоруссии и др. огромное значение имеет мелиорация. По этой же линии идут все мероприятия по увеличению трудоемких культур, увеличению животноводства, садоводства и т. п.

Подсчеты, произведенные Госпланом по пятилетке, показывают, что запроектированные мероприятия по интенсификации сельского хозяйства в значительной мере уменьшают аграрное перенаселение. В ближайшие годы мы будем иметь процесс уменьшения аграрной перенаселенности в абсолютных цифрах, примерно, на 1—2 млн. человек. В летние месяцы сельское хозяйство не будет иметь излишка рабочих рук (по всему Союзу надо учесть перемещение из одних районов в другие).

В соответствии с этим будет задержан дальнейший рост безработицы и начнется ее постепенное рассасывание.

Переход в ряде отраслей промышленности на 3 смены по варианту ВСНХ потребует дополнительно 250 тыс. рабочих, а это значит, что безработица сильно уменьшится.

На ряду с мероприятиями по интенсификации сельского хозяйства тяга из деревни в город может быть ослаблена также в результате значительного роста благосостояния деревенской бедноты и уменьшения разницы в жизненном уровне промышленного рабочего и деревенского бедняка.

Было бы утопией ставить задачу уравнения жизненного уровня сельской бедноты и городского рабочего на протяжении ближайшего пятилетия.

Эта задача может быть решена лишь при коренной реорганизации и промышленности и сельского хоязйства на более высокой технической базе при коллективизации бедноты. Такое „поравнение" и не требуется для прикрепления сельской бедноты к своему хозяйству. Нужно помочь бедноте „встать на ноги" и выйти из неприглядной нужды.

В первом варианте пятилетки Госплана рост жизненного уровня городского рабочего опережал рост крестьянского уровня. В переработанном варианте в соответствии с директивами тезисов ЦК к XV с'езду намечается сближение этого уровня.

В результате всех этих мероприятий мы будем иметь на протяжении предстоящего пятилетия смягчение безработицы.

В области сельского хозяйства пятилетний план предусматривает ряд массовых мероприятий, направленных к росту и реконструкции крестьянского хозяйства.

Расширение посевных площадей намечается на 17 млн. дес. Из этого количества в результате землеустройства 7 млн. дес., мелиорации — 1,5 млн. дес., переселения — 1,5 млн. дес., расчистки лесов и перехода с трехполья на многополье около 5 млн. дес.

Переход с трехполья на многополье увеличивает процент посева к пашне с 61% до 66%. Нельзя сказать, чтобы это было слишком смелое предложение. Значит еще через 5 лет около 1/3 всей пашни будет гулять под паром. Между тем, в западно-европейских странах процент пара значительно меньше: в Германии—7%, в Италии—16%, в Дании—всего 0,5%.

Это значит, что наше крестьянское хозяйство реконструируется крайне медленно. Это значит, что советская общественность должна приложить всю энергию для борьбы с дедовской отсталостью. Крестьянство во многих районах задыхается от земельной тесноты, а между тем только переход с трехполья на многополье может прибавить несколько десятков миллионов десятин пашни.

В этом же направлении идет мелиорация. По данным Белоруссии стоимость мелиорации одной десятины — от 40 руб. до 80 руб. Это вовсе недорого, и мелиорация может хорошо окупаться. Вот почему для районов с значительным количеством болот осушение их является важнейшим мероприятием для развития скотоводства.

Широко и планово это мероприятие поставлено в Белоруссии, которая на пятилетие намечает к осушению 22% своих болот.

Именно в таких масштабах необходимо ставить эту задачу.

В ряду этих мер стоит массовый переход на чистосортные семена. Пока почти на сто процентов переведены на чистосортные семена посевы хлопка и свеклы. Ведущая роль промышленности в этом мероприятии совершенно очевидна.

По всей стране под чистосортными семенами сейчас имеется около 1,5 млн. дес. К концу пятилетия намечается около 24 млн. дес., т.-е. около 20% всей посевной площади. Одно это мероприятие в течение 5 лет обещает дать лишних 300 млн. пуд. хлебов. Особое значение для развития экспорта имеет также увеличение посевных площадей под пшеницей и ячменем. В 1927 г. посевы этих культур дают всего 80% довоенной посевной площади. Это показатель отсталости Поволжья, а также Сев. Кавказа.

Пятилетка предусматривает поэтому усиленный рост посевов пшеницы на 35% и ячменя на 19% при среднем росте всех посевов на 16%. Мы не можем ставить себе задачу восстановить довоенное соотношение культур. Это было бы шагом назад. Трудоемкие культуры должны увеличить свою долю, но не за счет сокращения посевных площадей зерновых, а за счет новых площадей, получаемых в результате землеустройства и перехода с трехполья на многополье.

Мы не будем останавливаться на ряде важнейших мероприятий (удобрения, машинизация, скотоводство и т. д.). Все эти мероприятия идут по линии увеличения товарности сельского хозяйства.

Приведем лишь итоговые цифры: валовая продукция сельского хозяйства увеличивается за 5 лет по отправному варианту на 24%, по оптимальному на 31%, валовая товарная на 68% и 86%. Мы считаем, что запроектированные темпы соответствуют директивам партии, и дальнейшая задача сводится к более детальной проработке и подсчетам, чтобы в большей мере гарантировать проведение в жизнь намеченных планов.

Накопление

Но может быть все наши планы являются „фантазией в цифрах".

Имеются ли ресурсы для намеченного роста и откуда они могут быть почерпнуты?

Этот вопрос также подработан в Госплане и дает следующие результаты.

Накопления в государственном секторе народного хозяйства намечаются по отправному варианту около 21,5 мрд., из них государственная промышленность дает амортизационных отчислений и прибылей 6,4 мрд., транспорт—2,7 мрд., коммунальное хозяйство — 1 мрд., государственные кредитные учреждения — 1,3 мрд., а всего по всем отраслям народного хозяйства — 14,5 мрд., т.-е. из собственного накопления. По бюджету намечается 5,3 мрд., т.-е. по 1 мрд.

в год (в 1927/28 г. на финансирование государственного сектора народного хозяйства по бюджету намечено около 1.000 млн. руб.). По банкам (сальдо) намечается сумма в 1,2 мрд. руб. Прибыль подсчитана уже с учетом понижения цен. Ошибка по подсчету внутренних ресурсов едва ли может быть значительной, ибо подсчет произведен в соответствии с намеченными темпами развертывания. Все расчеты могли бы быть опрокинуты большим народным бедствием, самым страшным (если не говорить о войне) является неурожай масштаба 1921 г. Но и такой неурожай не мог бы нанести тех ударов, которые он нанес в 1921 г., так как страна стала неизмеримо сильней. Неурожай меньшего масштаба предусмотрен в расчетах пятилетки.

Таким образом, наиболее сомнительными могли бы быть цифры вложений в народное хозяйство из бюджета и по линии займов. Мы выше уже говорили о перспективах роста сбережений, и принятую цифру сальдо прихода по займам около 250 млн. руб. в год надо признать достаточно осторожной. По бюджету 1927/28 г. мы рассчитываем на 270—280 млн. руб. сальдо по займам. Опыт текущего года должен показать в какой мере в предстоящие годы можно рассчитывать на рост поступлений по займам. Все расчеты должны ориентироваться на увеличение, а не на уменьшение этой цифры.

Из'ятия через бюджет также намечены достаточно осторожно. Бюджет за 5 лет, исчисленный по отправному варианту в 32 мрд. руб., по расходной части предусматривает необходимое для выполнения плана капитальных работ финансирование. Но при этом доходная часть бюджета подсчитана очень осторожно и имеется полная возможность увеличить доход.

Расчет доходного бюджета предусматривает значительное сокращение акцизов по ряду продуктов, в том числе и по водке. Снижение акциза по водке представляется нам неосновательным, также по табаку и некоторым другим товарам. Это увеличивает доход на сотни миллионов рублей.

Не в достаточной мере предусмотрен рост с.-х. налога (с 310 млн. руб. в 1927/28 г. до 390 млн. руб. в 1931/32 г.). При освобождении от с.-х. налога бедноты представляется возможным несколько в ближайшие годы повысить прогрессию обложения, перелагая тяжесть налога на растущие крепкие и кулацкие хозяйства.

Запроектированный рост товарности сельского хозяйства вполне дает возможность по с.-х. налогу наметить более значительный рост доходов.

Если же осуществится оптимальный план развертывания народного хозяйства, тогда и все доходы бюджета механически повысятся.

Таким образом, ориентировочные цифры роста народного хозяйства являются вполне реальными, и намеченные капитальные затраты укладываются в рамки имеющихся средств.

Идем к социализму!

Важнейшей и основной директивой пятилетнего плана народного хозяйства является укрепление и дальнейший систематический рост социалистических элементов народного хозяйства в условиях новой экономической политики. Успехи в этом направлении, достигнутые за последние годы, убеждают нас в полной реальности этой директивы. Уже теперь на ленинский вопрос „кто кого“ жизнь дала совершенно определенный ответ: социализм побеждает. Только бешеные враги или безнадежные критики из оппозиции могут одни с надеждой, другие с отчаянием говорить о росте капиталистических элементов в хозяйстве Советского Союза.

При наличии совершенно неоспоримого и значительного роста социалистического сектора народного хозяйства — троцкистская оппозиция выдвигает против политики партии обвинение в том, что за последние годы произошел „непомерный рост тех сил, которые хотят повернуть развитие нашей страны на капиталистический путь“, что „стихийные процессы нэпа, не сдерживаемые и не направляемые твердой классовой политикой, подготовляют дальнейшие опасные сдвиги“, что политика партии ведет к „понижению удельного веса элементов социализма“.

Мы ни в какой мере не склонны прикрашивать действительное положение вещей. Мы не склонны отрицать огромные трудности, стоящие перед нами, мы не склонны отрицать, что капиталистические элементы имеют влияние в известной мере на некоторую часть государственных служащих и косвенно даже на отдельные группы членов партии, что особенно можно отнести к кулацкому влиянию.

Но на основании этих трудностей, которые абсолютно неизбежны в переходных условиях нэпа, когда происходит борьба социалистических и капиталистических начал, закрывать глаза на огромные достижения социалистических начал — это значит потерять перспективу.

Кто видит только свои недостатки и не замечает огромной творческой работы строительства социализма, тот сознательно устраняет себя от участия в этом строительстве, довольствуясь ролью безответственного критика. Так именно и поступает троцкистская оппозиция.

На самом деле, в какой же собственно отрасли народного хозяйства происходит понижение удельного веса элементов социализма, как это утверждает оппозиция.

Вспомним командные высоты: промышленность, банки, внешняя торговля, транспорт. Уступили ли мы в этих отраслях позиции частному капиталу?

Железнодорожный транспорт и связь на сто процентов обобществлены. Частный капитал в транспорте представлен совершенно

мизерным количеством мелких речных судов и в значительной части держит в своих руках местный транспорт (гужевой извоз). Едва ли даже оппозиция отважится доказывать, что частный извозный промысел представляет серьезную опасность для диктатуры пролетариата.

Внешняя торговля также целиком в руках государственных органов, исключая мизерной части оборота, проходящей через восточных купцов и смешанные торговые общества.

Из всей банковской системы Советского Союза в руках частников находятся только мельчайшие (по капиталам и оборотам) общества взаимного кредита, которые к тому же находятся под достаточным контролем государственных банков.

Остается промышленность, в которой доля частного капитала несколько более значительна. Но и здесь эта доля из года в год падает, уступая место государственной и кооперативной промышленности.

При этом нужно отметить общеизвестный факт, что частная промышленность представлена мелкими предприятиями и, главным образом, кустарями и ремесленниками. В цензовой промышленности частная промышленность дает в 1926/27 г. всего 2,5%, в мелкой и кустарной 77,5%. Обобществленный сектор в 1926/27 г. дает 83,6% продукции всей промышленности. Где же тут место для паники?

Троцкий, очевидно, все еще находится под впечатлением своего собственного доклада XII с'езду партии. В этом докладе Троцкий, анализируя соотношение продукции государственной и частной промышленности за 1921 и 1922 гг. и отметив рост кустарно-ремесленной продукции с 28% до 30,8%, указывал на большую опасность такого роста. Тов. Троцкий тогда назвал мелкую промышленность питательным бульоном, из которого в прошлом развивался наш капитализм.

О возможных перспективах развития нашего хозяйства в том же докладе, между прочим, сказано: „Кто желает ярче, конкретнее представить себе один из теоретически возможных вариантов дальнейшего процесса,— вариант, враждебный нам,— тот пусть прочтет главы из книги Владимира Ильича „Развитие капитализма в России“, где говорится о капиталистическом „оплодотворении“ кустарничества торговым капиталом“.

Мы не собираемся опорочивать „теоретическую“ возможность такой перспективы, но для всякого должно быть ясно, что уже и в 1923 г. допускать возможность такого развития советского хозяйства мог только человек, не верящий в творческие силы пролетариата. „Теоретически“ эта возможность была не исключена, а практически — в жизни — она была в условиях диктатуры пролетариата невозможна.

Но дело сейчас не в этом. С 1923 года прошло четыре года гигантского роста государственной промышленности.

По какому же пути пошло развитие? По пути „капиталистического оплодотворения“ или по иному пути,— по пути оплодотворения социалистического?

Троцкий докладывал XII с'езду о периоде с'едания основного капитала, когда государственная промышленность давала еще убыткии, Троцкий достаточно скептически отнесся к заявлению тов. Рыкова, что на следующий год государственная промышленность даст прибыль.

„Что же касается оптимистической надежды на третий год, то я воздержусь... Будет очень хорошо, если мы лучше подсчитаем наши убытки на третьем году нэпа... Если убыток уменьшается, а промышленность растет, то наше дело в шляпе, — тогда мы дожили до победы, т.-е. до прибыли" (доклад Троцкого XII с'езду).

До „победы" мы дошли давно, и не первый год имеем сотни миллионов рублей прибыли, государственная промышленность перешла довоенный уровень, доля частной промышленности (и цензовая и мелкая) в 1926/27 г. давала уже всего 14% всей валовой продукции.

Всего за четыре года вес ее сократился с 30,5% до 14%.

Где же, спрашивается, понижение элементов социализма?

Очевидно, троцкисты, испугавшись в 1923 г. кустаря и ремесленника, до сих пор не могут отделаться от этого испуга и им мерещится опасность там, где она минимальна.

На самом деле, в 1926/27 г. цензовая промышленность, которая на 97% является государственной, дает 106% довоенной продукции, а кустарно-ремесленная, т.-е. по преимуществу частная, — 89,5% довоенной.

Неужели все эти достижения социалистического сектора являются результатом „стихийных процессов нэпа"?

На предстоящее пятилетие запроектирован дальнейший рост удельного веса социалистического сектора промышленности до 87% всей продукции.

Можно было бы, конечно, запроектировать еще более значительный рост, но поскольку мы не собираемся отменять нэп, запроектированный темп вполне достаточен.

Конечно, за предстоящие 5 лет значительная часть кустарей войдет в промысловую кооперацию, но их место займут сотни тысяч новых. Рост кустарных промыслов и ремесла будет еще итти не один год. Известная часть их станет мелкими хозяйчиками, но если весь частный сектор, из которого лишь половина является эксплоататорской, дает всего 13% продукции страны, то победа социализма обеспечена.

Оппозиция в вопросе о темпах роста социалистического сектора встала на неправильный путь. Она считает нужным добиваться в ближайшие годы не только снижения доли частного сектора, но и снижения его абсолютных размеров. В 1926/27 г. в области промышленности и торговли это фактически уже имело место.

В 1925/26 г. товарная масса всей частной промышленности составляла 1.924 млн. черв. руб., в 1926/27 г. 1.849 млн. черв. руб.

Весь оборот частного сектора за те же годы составил 5.570 млн. черв. руб. и 5.200 млн. чер. руб.

Такое сокращение абсолютных размеров может иметь положительное значение лишь при том условии, что социалистический сектор в полной мере замещает частника. Под этим углом должен быть произведен еще более детальный анализ результатов 1926/27 г. для того чтобы сказать, насколько положительным является факт абсолютного сокращения работы частника в 1926/27 г. Особенно это важно в промышленности в виду значительной напряженности на рынке.

Поэтому в отношении частного промышленного капитала необходимо диференцировать политику в соответствии с тем, является ли его работа дополнением к работе государственной промышленности или же идет конкуренция и дезорганизация рынка.

Политика в отношении мелкой и кустарно-ремесленной промышленности выражена решением СНК от 3 мая 1927 г. и, именно исходя из директив этого решения, запроектирован на предстоящее пятилетие дальнейший ее рост в абсолютном выражении при понижении удельного веса.

Итак, в области командных хозяйственных высот позиции социалистического сектора за последние годы чрезвычайно укрепились, а в течение предстоящего пятилетия они будут укреплены еще в большей мере. Частный капитал занимает служебное, третьестепенное место, и не может быть никакой речи о том, будто в указанных отраслях нарастают элементы капиталистической реставрации,

Но может быть эта опасность идет с другой стороны, со стороны частной торговли, кулачества или смычки частного торговца с крестьянством?

Эта опасность была достаточно реальной в первые годы нэпа, и о ней нередко говорил Владимир Ильич Ленин.

Мы не будем останавливаться на вопросе о классовом расслоении деревни. Это большой самостоятельный вопрос, требующий обстоятельного анализа. Здесь я ограничиваюсь указанием на то, что процент безлошадных, бескоровных и беспосевных за последние годы медленно, но снижается и что процент кулаков составляет, примерно, около 4—5%. Следовательно, по сравнению с довоенными соотношениями мы имеем укрепление середняцкой группы, и значение кулацкой группы по своему удельному весу не может представлять слишком большой опасности для социалистического строительства. Не приходится отрицать, что влияние кулачества значительно превосходит его арифметический удельный вес. Нельзя также отрицать ряд ошибок местных органов, которые не всегда в достаточной мере обуздывают аппетиты кулаков.

Но в широкой исторической перспективе кулачество, связанное у нас рядом крепчайших пут, не представляет собой силу, которая сама, без наличия сильной крупной капиталистической буржуазии может явиться опасной угрозой советскому строю.

Оппозиция в своей троцкистской боязни перед крестьянством пытается опереться на следующие слова Ленина: „Пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма в России есть более крепкая экономическая база чем для коммунизма“ (т. XVII, стр. 428).

Это, конечно, правильно, но весь-то план Ленина (нэп и кооперативный план) и был направлен к тому, чтобы установить смычку между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством — в противовес возможной смычке частного капитала с крестьянством.

На базе мелко-крестьянского хозяйства, конечно, может вырасти капитализм при неправильной политике пролетариата.

Но где у Ленина сказано, что так и должно быть. Троцким действительно сказано о неизбежном столкновении пролетариата с крестьянством. Лениным же сказано обратное — и вся политика партии направлена именно к тому, чтобы не допустить смычку частного капитала с крестьянством и установить эту смычку с социалистической промышленностью.

В. И. Ленин в разное время подходил к вопросу о сроках победы социализма в нашей стране. На VIII с'езде Советов, касаясь десятилетнего плана электрификации страны, В. И. говорил: „Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно“ (т. XIV, стр. 428).

Десятилетний план электрификации выполняется в установленные сроки, но этот план есть, конечно, только начало электрификации страны.

В том же докладе (стр. 429) Ленин отметил огромнейшее препятствие на пути электрификации страны: „Но нужно знать и помнить, что провести электрификацию нельзя, когда у нас есть безграмотные“.

Прямым продолжением этих мыслей конца 1920 года является статья „О кооперации“ (май 1923 г.). Оппозиция вообще очень „осторожно“ воспринимает программу, изложенную в этой статье.

Она даже склонна поиздеваться над „кооперативным“ уклоном Сталина — Бухарина. Между тем, мысли Ленина изложены крайне просто и четко.

При условии, что крупные средства производства и государственная власть находятся в руках пролетариата, необходимо еще поголовное кооперирование для победы социализма.

Мысль эта крайне элементарна.

На самом деле: финансовый и промышленный капитал ликвидированы, банки, крупные средства производства (промышленность, транспорт) в руках пролетарского государства. Остается торговый капитал, мелкое производство, кулачество.

Поголовное кооперирование всех потребителей и мелких производителей исключает работу частного капитала и в торговле и в мелком производстве, в том числе крестьянском.

Кооперирование должно подвести под сельское хозяйство также и техническую базу современной промышленности (тракторизация, машинизация, индустриализация) и в этом смысле статья о кооперировании есть прямое продолжение мыслей Ленина об электрификации.

Под силу ли кооперации такая огромная задача? Безусловно, мы утверждаем, что развитие кооперации идет в этом направлении очень крупными шагами.

В статье о кооперации В. И. также затронул вопрос о сроках, и здесь вопрос о сроках связан с вопросом культурного развития широких масс.

„Нам осталось „только“ одно: сделать наше население настолько „цивилизованным“, чтобы оно поняло все выгоды поголовного участия в кооперации и наладило это участие. „Только“ это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это „только“, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения,— вот для чего требуется целая историческая эпоха, мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно—два десятилетия“ (т. XVIII, ч. II, стр. 141—142).

Оппозиция не довольна успехами социалистического сектора, не довольна темпом развития, падает в обморок при встрече с живым кулаком. А между тем В. И. Ленин говорил о целой исторической эпохе, которую на хороший конец мы можем пройти в одно — два десятилетия.

Не прошло еще полных пяти лет с того времени, как В. И. написал эту, огромнейшей важности, программную статью, и мы должны себя спросить: приближаемся ли мы к цели, намеченной В. И., и достаточно ли быстрым темпом мы идем к этой цели „поголовного“ кооперирования?

Оставляю в стороне вопрос о культурной работе, о борьбе за поголовную грамотность. Это слишком большая тема, чтобы затронуть ее мимоходом. Не видеть успехов в нашем школьном деле опять-таки может только слепой.

Итак, каковы успехи кооперирования?

В 1913 г. во всех системах кооперации (промысловой, сельскохозяйственной, потребительской) было 2 млн. чел. На 1 октября 1927 г. мы имеем 24 млн. членов, т.-е. в 12 раз больше. При этом огромный рост кооперирования происходил именно в течение последних лет, именно после 1923 года. На 1 октября 1924 г. было 7 млн.

членов, на 1 октября 1925 г.—15,6 млн., увеличение больше чем в два раза; на 1 октября 1926 г.—20 млн. членов и на 1 октября 1927 г. (данные предварительные)—24 млн. членов.

По линии городской потребительской кооперации в 1927 г. кооперировано 47% семей всего городского населения, в сельской потребительской—кооперировано 38% семей, в сельскохозяйственной кооперации—32%, в промысловой кооперации 20% от всего числа кустарей.

Много это, или мало? Это, безусловно, огромный шаг к конечной цели, это честное, добросовестное выполнение завета Владимира Ильича.

Но рост кооперирования не обусловливается лишь организационными успехами кооперации. Рост кооперирования обозначает рост кооперативных оборотов и вытеснение частной торговли.

Оппозиция и в этом вопросе нагоняет черные краски, уверяя, что массовый потребитель и сейчас получает необходимые ему продукты больше чем на 50% из рук частника.

Во-первых, это просто неверно, во-вторых, оппозиция и здесь хочет выпрыгнуть из сроков и не считается с динамикой. А между тем эта динамика крайне показательна. С 1923/24 г. доля частной торговли в розничном обороте падает очень сильно: в 1923/24 г.—60,4%, 1924/25 г.—42,7%, 1925/26 г.—38,9%, 1926/27 г.—32,6%, а кооперация за те же годы соответственно растет: в 1923/24 г.—27,8%, в 1924/25—40,6%, в 1925/26 г.—45%, 1926/27,—51,5%.

Государственная розница благодаря сдерживающей политике остается стабильной на уровне 15—16% (1923/24 г.—11,7%).

Из оптовой торговли частник вытеснен почти вчистую—с 20% в 1923/24 г. до 5% в 1926/27 г.

У кого после знакомства с этими данными могут быть хоть малейшие сомнения в том, что кооперация твердыми и уверенными шагами идет к полной победе над частной торговлей?

Оппозиция и здесь прежде всего сочиняет свои собственные цифры (больше 50% розницы у частника), а затем начинает пугать себя абсолютным размером оборотов частного капитала. Да, этот абсолютный размер еще значителен, составляя около 5 миллиардов и в опте, и в рознице. Но разве можно говорить только об абсолютных величинах, когда мы анализируем вопрос о борьбе социальных групп, когда мы проверяем „кто кого". Этот вопрос решают пропорции. Речь ведь сейчас идет о том, кто побеждает, а не о том победили ли мы частный капитал полностью.

И только так вопрос может ставиться в условиях нэпа. Если мы не хотим теперь же отменять нэп, мы можем ставить вопрос лишь о том—вытесняет ли и в каком темпе социалистический сектор частный—или же идет обратный процесс.

Жизнь и цифры подтверждают неуклонное вытеснение частного капитала: по розничной торговле социалистический сектор

(государственный и кооперативный) в 1923/24 г. имел 39,6% оборота, а в 1926/27 г.—67,4%, а частный, наоборот, в 1923/24 г.—60,4%, в 1926/27 г.—32,6%. По всей торговле (оптовой и розничной) социалистический сектор в 1923/24 г.—55,6%, в 1926/27 г.—81,9%, частник—в 1923/24 г.—44,4%, в 1926/27 г.—18%.

Где же тут основания для „ахания", „охания" и плача вокруг цифры абсолютного оборота частной торговли?

Но может быть темп вытеснения частного капитала идет слишком черепашьим шагом?

Цифры говорят об обратном. За 3 года мы имеем очень большие результаты. Даже в розничной торговле, т.-е. наиболее слабом месте, пропорция переменилась коренным образом. И что особенно нужно рекомендовать вниманию слабонервных оппозиционеров: в 1926/27 г. абсолютный размер оборотов частной торговли сократился сразу на 500 млн. руб. (с 5.770 мрд. до 5,2 мрд.).

Можно ли ускорить темп роста кооперативных оборотов? Можно конечно, но при условии, что государство дополнительно предоставит кооперации сотни миллионов оборотных средств, что возможно сделать только за счет сокращения ассигнований на государственную промышленность, транспорт, электрификацию, т.-е. за счет снижения темпа роста индустриализации страны.

Возможно ли увеличение темпа роста кооперативных оборотов без таких дополнительных вложений? Возможно, но только при условии форсированного роста паевых капиталов. Пока этот рост не обеспечивает больший темп. Об этом говорит нам состояние кооперации в настоящее время. Несмотря на значительный рост собственных паевых капиталов, финансовое положение кооперации, благодаря огромному росту оборотов, достаточно напряженное.

На некоторых рынках имеется недостаток ряда важнейших продуктов питания: мясо, крупа, масло растительное и коровье и др. Именно по линии таких продуктов частный капитал занимал значительное место—и если вытеснение частного капитала не сопровождалось достаточным ростом кооперативных оборотов, то в результате страдает потребитель. Такие факты показывают, что еще большее ускорение темпа вытеснения частной торговли,—при недостаточной подготовленности кооперации,—может дать не положительные, а отрицательные результаты.

Укрепление и рост кооперации должны итти органически, путем систематического вовлечения новых и новых кадров членов, при соответствующем росте собственных паевых капиталов.

Соотношение собственных и чужих (привлеченных) капиталов во всей системе кооперации еще очень напряженное. Собственные капиталы составляют слишком незначительную долю.

Рост кооперации должен сопровождаться ростом паевых капиталов, так как именно рост паевых капиталов является одним из показателей кооперативной активности членов.

Вот почему и темп роста оборотов торговли социалистического сектора надо признать удовлетворительным и обеспечивающим победу над частным торговым капиталом.

Всю нашу энергию нужно направить к тому, чтобы закрепить достижения и обеспечить дальнейший рост. В погоне за ростом мы никак не можем забыть вопрос о качестве работы. Наценки, торговые расходы—вот важнейшие вопросы кооперативной работы.

Нужно ведь не просто вытеснить и заместить частную торговлю — нужно торговать дешевле чем частник, с меньшими торговыми расходами и наценками.

В целом кооперация уже сейчас выполняет и эту задачу, но выполняет ее еще плохо.

И по этому вопросу можно, как это делает оппозиция, безнадежно причитывать над высокими расходами. Путь партии — путь повседневной и кропотливой борьбы за улучшение кооперативного аппарата, за снижение торговых расходов без паники, без скачков и метаний.

По пятилетке Госплана намечается увеличение доли социалистического сектора до 90% всего товарооборота, в том числе по опту до 95%.

Таким образом, частная торговля к концу пятилетия будет иметь 10% всего товарооборота, и, следовательно, в области торговли пятилетний план обеспечивает необходимый рост социалистического сектора.

Кооперативная торговля вытесняет частного посредника и лишает кулака возможности распространить свою деятельность в области торговли. Это уже большое ограничение кулацких перспектив, но при этом мелко-собственническое производство может остаться в полной неприкосновенности.

Преобразовать крестьянское хозяйство может только производственное кооперирование (артели, колхозы).

Эта задача во много раз трудней простого кооперирования торгового и снабженческого характера и потому оно и развивается гораздо более замедленным темпом.

И все же как ни медленно идет нарастание элементов коллективного хозяйства в сельском хозяйстве, тем не менее к десятилетию Октябрьской революции в колллективных хозяйствах всех типов организован 1 млн. крестьян, которые обрабатывают 1,5 млн. десятин земли.

В процентах к общему числу крестьян это очень мало, но в абсолютном выражении это не так уже мало. Миллион все-таки миллион, даже в том случае, когда он составляет не больше 1% от общего числа. Миллион об'единенных в коллективы есть в наших условиях огромная творческая и притягательная сила. И в области колхозного и артельного строительства мы имеем за последние годы определенный рост. Против 460.000 десятин посевной площади

в 1924/25 г. в 1927/28 году будет 1,5 млн. десятин. Валовая продукция в 1924/25 г. составляла 90 млн. руб., в 1926/27 г.—175 млн. руб.

Проектировать в цифрах рост производственных кооперативов в сельском хозяйстве очень трудно.

Предварительно по пятилетке намечается увеличение продукции социалистического сектора сельского хозяйства (совхозы, лесное хозяйство, колхозы и др.) с 11,9% в 1926/27 г. до 15,5% в 1931/32 г.

Такое увеличение предусматривает значительное увеличение ассигнований по линии совхозов и кредитование по линии колхозов.

Но рост последних зависит, конечно, главным образом, от самодеятельности крестьянской бедноты и середняков.

Плановая установка должна быть в направлении максимальной поддержки всех начинаний в области производственного кооперирования, чтобы в максимальной степени повысить рост социалистического сектора в сельском хозяйстве.

Необходимо еще указать, какое огромное значение в этом направлении имеет смычка государственной промышленности с крестьянским хозяйством по линии сырья. До сих пор контрактация охватила в массовом масштабе лишь хлопок и свеклу.

Именно здесь мы подходим к плановому руководству сельским хозяйством. Государственная промышленность через кооперацию производителей дает заказ на потребное ей количество сырья, оговаривая при этом ряд агрикультурных мероприятий (сорт семян, удобрения и даже порядок обработки прочего). Вольный рынок при этом отпадает. Крестьянское хозяйство работает на заказ, по заранее определенной цене и на полученные авансы. При этой системе частному посреднику нет места, и эта система содействует производственному кооперированию. На установление подобных отношений уходит несколько лет. По хлопку и свекле они установились, и мы в ближайшие годы будем свидетелями роста именно в этих районах товариществ по совместной обработке земли.

Обобществление товарообращения повлечет за собой обобществление производства.

Вслед за свеклой и хлопком система контрактации начинает применяться также в отношении других сырьевых культур — льна, картофеля, подсолнуха и др.

С ростом промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье, будет увеличиваться также непосредственная связь государственной промышленности с кооперативами производителей этого сырья.

Но вытеснение частного посредника проведено очень интенсивно в последние годы и в области заготовки других важнейших сельскохозяйственных продуктов: хлеба, маслосемян, масла коровьего,мяса и т. п.

Плановые государственные и кооперативные хлебозаготовители занимают почти монопольное положение на заготовительном рынке. Дезорганизующая роль частника сведена к минимуму.

В ближайшую пятилетку эти позиции должны быть укреплены, и главное внимание теперь должно быть обращено на качество работы (разрыв цен заготовительных и продажных, равномерное и полное удовлетворение рынка и др.).

Итак, подводя итоги, мы можем сказать: во всех областях народного хозяйства за последние годы имел место быстрый темп роста социалистического сектора. Частный капитал по всем фронтам оттеснялся на задний план. В промышленности, транспорте, денежном хозяйстве, торговле частный капитал не внушает никаких опасений, и в ближайшее пятилетие при дальнейшей планомерной и систематической борьбе с частным капиталом намеченный пятилетний рост социалистического сектора можно считать обеспеченным.

Наиболее прочным в частном секторе является положение кулацкой группы, но и она не представляет столь грозной силы, как это хочет представить оппозиция.

Не меняя своей общей политики в отношении деревни, партия на ближайшие годы, опираясь на бедноту и середняков, может применить ряд дополнительных мер по ограничению возможностей дальнейшего роста кулака и укреплению бедноты и середняков путем укрепления системы с.-х. и производственной кооперации.

Пятилетний план не может предусматривать полного уничтожения частно-капиталистических отношений. Это задача более длительного порядка. Весь план построен, исходя из принципов новой экономической политики, а не отходя от нее. Программа оппозиции при ее логическом завершении неизбежно упирается в необходимость отмены новой экономической политики, что могло бы иметь только отрицательные результаты.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что ускорить темп окончательной победы социализма в нашей стране может лишь победа мировой пролетарской революции.

Наша пятилетка составлена в расчете на внутренние силы и внутренние ресурсы страны. Возможное ускорение мировой революции или иные благоприятные факторы международного положения могут только ускорить темп нашего социалистического развития.

В. Г. Громан

Система контрольных цифр на 1927/28 год

I. Общая оценка достигнутого уровня в народнохозяйственном строительстве СССР

Строить контрольные цифры на будущий год — это значит определить те ресурсы, которыми располагает страна, определить потребности населения, выявить соотношение элементов национального дохода, затрачиваемых на производство и на удовлетворение непосредственных нужд населения, а также выделяемых на содержание государственного аппарата, удовлетворение культурных нужд страны и, наконец, на оборону последней. Столь же большое внимание должен вызвать к себе и вопрос об организационных силах, которыми располагает страна, при помощи которых она активизирует ресурсы и планирует народнохозяйственное развитие. Исчерпывающего знания всех элементов хозяйства у нас нет.

Попытка ЦСУ построить баланс народного хозяйства, который бы обнаружил, как производство, распределение, обращение, потребление и накопление связываются в единое органическое целое, взаимно пронизывая друг друга, — до сих пор не осуществилась. Поэтому мы вынуждены были строить систему статических и динамических коэфициентов, которые показывают нам соотношения элементов народного хозяйства, т.-е. строение хозяйства за каждый отрезок времени (наиболее удобным является годовой отрезок) и изменение этих соотношений. Показатели взаимной связи элементов за каждый отдельный год мы называем статическими коэфициентами, а изменение этих соотношений — динамическими. Отсюда построение системы статических и динамических коэфициентов. Базируясь на статистических данных, мы в виду несовершенства и неполноты их вынуждены прибегать к экспертным оценкам и, таким образом, строить нашу систему не только на статистических данных, но и на экспертизе.

Было бы в высокой степени интересно проследить динамику нашего хозяйственного развития, начиная хотя бы с последнего довоенного года, и определить таким образом уровень, достигнутый нами по сравнению с довоенным временем. Правда, Октябрьский переворот произвел такие радикальные изменения в социально-экономическом строении народного хозяйства, что 1913 г. никоим образом нормою служить не может. Но, тем не менее, в виду того, что основные технические элементы нашего производственного организма в существенных своих чертах идентичны, хотя и подверглись

реконструктивному преобразованию, это сравнение может служить одним из показателей материального уровня наших производительных сил. Самые отличия наши от 1913 года, которые обнаружило бы такое сравнение, были бы в высокой степени интересны, именно как показатели своеобразия эволюции советского народного хозяйства. Но, к сожалению, мы не располагаем соизмеримыми данными за 1913 год и за советское время. Лишь в самых грубо-приближенных чертах и в самых общих показателях такое сравнение допустимо, но и здесь возможны существенные погрешности. Еще недавно ЦСУ определяло продукцию нашей крупной промышленности в 5.600 млн. руб. для 1913 года, теперь же существует в ЦСУ расчет в 6.400 млн. руб. И в сфере сельского хозяйства мы вынуждены делать поправки на довоенное исчисление даже хлебной продукции в целых 19%. Исчисление для скота мы знаем только за 1916 год и т. д. Все, что можно было сделать в целях получения соизмеримых данных, было сделано в недрах Госплана, и общие результаты могут быть приведены в следующей таблице, в которой дана продукция нашего сельского хозяйства и промышленности в ценах 1913 года.

Таблица 1

Валовая продукция

(В млн. руб. по дов. ценам)

Годы	Промышл.		Сел.-хоз.		Всего	
	Абсол.	В %% к 1913 г.	Абсол.	В %% к 1913 г.	Абсол.	В %% к 1913 г.
1913	7.700[1]	100,0	11.670	100,0	19.370	100,0
1914	7.080	91,9	11.520	98,7	18.600	96,0
1915	7.860	102,1	12.060	103,3	19.920	102,8
1916	8.400[2]	109,1	11.460	98,2	19.860	102,5
1917	5.320	69,1	10.830	92,8	16.150	83,4
1918	2.340	30,4	9.780	83,8	12.120	62,6
1919	1.850	24,0	8.730	74,8	10.580	54,6
1920/21 [3]	1.300	16,9	7.140	61,2	8.440	43,6
1921/22	1.970	25,6	6.060	51,9	8.030	41,5
1922/23	2.570	33,4	8.280	71,0	10.850	56,0
1923/24	3.555	46,2	8.860	75,9	12.415	64,1
1924/25	4.937	64,1	9.249	79,3	14.186	73,2
1925/26	6.876	89,3	11.150	95,5	18.026	93,1
1926/27	7.820	101,6	11.580	99,2	19.400	100,2
1927/28	8.870	115,2	11.926	102,2	20.796	107,4

[1] Цифры 1913 г. заимствованы из последних публикаций ЦСУ, по меньшей мере на 10% менее действительных данных этого периода; следовательно, понижение было более значительным, а современный уровень менее высок, чем это показано в таблице.

[2] Повышение продукции на нужды войны и понижение мирной продукции.

[3] За хоз. годы.

Беглый взгляд на эту таблицу показывает, что мы в результате империалистической и гражданской войны, интервенции и блокады пережили жестокую экономическую разруху, и продукция основных отраслей народного хозяйства упала до 17% по промышленности и до 50% по сельскому хозяйству. Последнее подверглось в конце эпохи разрухи величайшему, небывалому даже для нашей, привыкшей к неурожаям страны голоду 1921 года. Но едва страна освободилась от внешних и внутренних войн, едва наступили сколько-нибудь благоприятные условия метеорологического характера для произрастания хлебов, как она начала с чрезвычайной энергией восстанавливаться. Не завершив восстановительного процесса, она приступила к реконструкции, начальным годом которой можно считать 1925/26 год. В чем выразился восстановительный и реконструктивный процессы, переживаемые нашей страной? Два ряда показателей должны нам выявить результаты этого процесса. Первый ряд приведен в табл. 1, ряд, показывающий развитие нашей продукции. Вторым рядом показателей является исследование движения основных фондов народного хозяйства. В настоящее время составлена таблица движения фондов лишь за три последних года и намечено движение на 1927/28 г. Соответствующие данные сгруппированы в табл. 2 (стр. 36).

Вся эта таблица исчислена в ценах 1925/26 г. Таким образом, в ней не отразилось движение цен за эти годы и она служит показателем реального роста наших фондов. К началу 1924/25 г. все фонды определялись в 55 мрд. руб. В первый из рассматриваемых лет они увеличились на 2,2%, во второй — на 3,7%, в третий — на 4,7% и на 1927/28 г. мы предполагаем рост, равный 5,8%. Мы видим все убыстряющийся рост наших фондов, и за четыре года они вырастают на 17,3%, доходя до 64,7 мрд. руб. Таким образом, основные фонды страны выросли за четыре года на 9,5 мрд. руб.

Наибольший рост дали за четыре года фонды крупных электростанций (плюс 190%), потом — торгово-складское дело (плюс 170%), это потому, что они были совершенно неразвиты в нашем хозяйстве. Наименьший рост дал жилфонд в городах, всего на 2,3%, при чем лишь с 1926/27 г. прекратился процесс растраты этих фондов. Наибольший интерес должен вызвать коэфициент роста фондов промышленности, а именно: 32,7% за 4 года и для сельского хозяйства 19,6%. Это вызвано процессом индустриализации страны при одновременном энергичном развитии сельского хозяйства. Если обратиться к показателям роста административных и социально-культурных фондов, то они дают нам коэфициент, превышающий рост нашей промышленности: вместо 32,7% мы имеем 38,6%, что определяется стремлением преодолеть чрезвычайную культурную отсталость нашей страны.

Для советского хозяйства глубокий интерес представляет анализ по социальным секторам: он показывает, что наиболее слабо развитый кооперативный сектор дает нам 117% прироста за че-

Таблица 2

Основные фонды народного хозяйства СССР

(В млн. руб. по ценам 1925/26 г.)

По об'ектам нар. хоз.	Абсол. к концу года					В %% к предш. году				Прирост за 4 года в %%
	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Сел. хоз. .	23.021	24.077	25.194	26.289	27.532	104,6	104 6	104,3	104,7	+19,6
2. Промышл. .	6.647	6.682	7.176	7.878	8.819	100,5	107,4	109,8	111,9	+32,7
3. Район. электростанции.	235	271	329	474	683	115,3	121,4	144,1	144,1	+190,6
4. Транспорт .	10.785	10.769	10.848	11.052	11.454	99,9	100,7	101,9	103,6	+6,2
5. Нар. связь.	212	223	240	263	292	105,2	107 6	109,6	111,0	+37,7
6. Торг.-ск. дело	405	545	724	930	1.093	134,6	132,8	128,5	117 5	+169,9
7. Админ. и соц.-культ. .	1.374	1.438	1.545	1.694	1.905	104,7	107,4	109 6	112,5	+38,6
8. Коммун. хоз.	2.247	2.250	2.307	2 371	2.470	100 1	102,5	102,8	104,2	+9,9
9. Жил. фонд в городах .	10.219	10.091	10.086	10.223	10.452	98,7	100,0	101,4	102,2	+2,3
Все нар. хоз. .	55.145	56.346	58.449	61.174	64.700	102,2	103,7	104,7	105,8	+17,3
В том числе:										
А. По секторам										
Государ. . . .	27.115	27.207	28.077	29.500	31.598	100,3	103 2	105,1	107,1	+16 5
Коопер. . . .	512	622	732	1.907	1.109	121,5	117,7	123,9	122,3	+116,6
Частн. . . .	27.518	28.517	29.640	30.767	31.993	103,6	103,9	103,8	104,0	+16,3
В том числе:										
Б. По эконом. категор.										
Фонды произв.	20.186	20.931	22.240	23.836	25.848	103.7	106,3	107,2	108,4	+28,0
„ распр.	11.786	11.923	12.220	12.676	13.317	101,2	102,5	103,7	105,1	+13,0
„ потреб.	23.173	23.492	23.989	24.662	25.535	101,4	102,1	102,8	103,5	+10,2

тыре года, следующее место занимает государственный сектор — 16,5% и наименьший — частный сектор 16,3%. В первые два из рассматриваемых годов государство еще не было в силах развить энергично капитальные вложения, но уже в последующие два года — 1926/27 и 1927/28 — мы видим резкое повышение темпа роста фондов государственного сектора по сравнению с частным, а именно, государственный дает рост 5,1% и 7,1%, тогда как частный характеризуется ростом—3,8% и 4,0%. Не менее интересно рассмотреть движение фондов по экономическим категориям. Мы видим, что фонд производственный возрос на 28,0%; фонды распределения, куда входят транспорт, торговля, возросли только на 13,0%, а фонд потребительский всего на 10,2%. Энергичное устре-

мление к развитию базы народного хозяйства, его производственного организма в этих показателях находит свое яркое выражение.

Эти показатели роста нашей продукции и наших основных капиталов характеризуют одновременно и восстановительный и реконструктивный процессы и ту их комбинацию, в которой мы живем в течение последних двух лет и которая явится особенно характерной для 1927/28 г. Если первые годы восстановительного процесса мы с полным правом могли охарактеризовать, как активизацию

унаследованных нами производительных сил от прежнего режима, то уже с 1925/26 г. на ряду с этой активизацией, которая продолжается и до сего дня и будет еще иметь место, особенно в области сельского хозяйства, и в наступающем году, мы все более и более вносим в наше народное хозяйство новые вложения с иным новым содержанием. Правда, и здесь необходимость восполнять частично пришедший в негодность производственный механизм, полученный нами в наследство, делает то, что значительная часть и даже быть может большая часть наших капитальных затрат идет, так сказать, параллельно с восстановительным процессом и является скорее его элементом. Мы восполняем запущенный нами в жестокие годы разрухи износ зданий и оборудований, но нет никакого сомнения, что мы восстанавливаем не в прежнем виде, а в более современном. Мы, восстанавливая, уже тем самым реконструируем.

Но если на ряду с постройками совершенно новых предприятий и радикальным переоборудованием целых предприятий или отдельных их частей мы не сумели надлежащим образом поставить наблюдение за характером наших капитальных вложений и за их эффективностью, то разрешение этой трудной необходимой задачи должно стать делом наступающего года. Лишь косвенными данными и частными наблюдениями мы должны оперировать, чтобы оценить степень произведенной нами реконструкции и определить ее эффективность. Нет никакого сомнения, что те темпы, совершенно не виданные для так называемого нормального развития производства, которые явствуют даже из табл. 1, были достигнуты не только при помощи восстановительного процесса, но и при помощи реконструктивного. Как взвесить и измерить влияние каждого из них, мы еще не знаем, но знать это мы должны. В нашей практике есть случаи, когда произведенные реконструктивные преобразования сначала давали совершенно неудовлетворительные результаты, но по освоении техническим и рабочим персоналом новых производственных условий производительность труда начинала возрастать уже совершенно исключительным темпом, недоступным и для восстановительного процесса.

Если бы мы хотели к настоящему моменту дать оценку восстановительных возможностей и эффективности реконструктивных начинаний и сравнить их силу, мы бы сказали таким образом: преобладающее направление принадлежит еще восстановительному процессу и реконструктивные наши начинания мы вынуждены подчинять требованиям восстановления, т.-е. восполнять устаревшие части и тем невольно ослаблять эффективность новых элементов оборудования, так как им приходится равняться по всей совокупности старых производственных условий. Мы стремимся выбиться из этих требований восстановительного процесса, приступая к полной реконструкции предприятий или постройке новых. Но повелительная задача удовлетворить потребности и населения и самого производства текущей продукцией, директива развивать во что бы то ни стало максимально самое производство, пользуясь по возможности всей совокупностью производительных сил,—приводит к тому, что реконструктивные начинания играют еще второстепенную роль. Но с каждым годом, даже кварталом, эта зависимость от требований восстановительного процесса ослабевает, что выражается все большим и большим процентом роста затрат на новые сооружения. В табл. 3 приведены соответствующие данные.

Развитие нашего хозяйства происходило не в изолированной стране. Едва закончилась интервенция и блокада, как мы, заключив торговое соглашение с Англией в марте 1921 года, восстановили нашу связь с мировым хозяйством, прежде всего в виде торговли за наличный расчет. Медленно развивались наши связи. Годы потребовались на то, чтобы получать краткосрочный кредит. Лишь в заканчивающемся году мы получили сколько-нибудь значительный

Таблица 3

Капитальные вложения в промышленность

По назначению	Абсол. в млн. руб.			В % % к итогу.		
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Кап. ремонт	157,0	112,0	131,0	19,4	11,3	11,2
Переоборуд. и расшир. .	447,0	568,6	640,0	55,1	57,3	54,9
Новое строит.	100,3	205,4	289,0	12,4	20,7	24,8
Жилстроит.	106,7	106,8	106,0	13,1	10,7	9,1
Итого . . .	811,0	992,8	1.166,0	100,0	100,0	100,0

долгосрочный кредит, вложенный нами в оборудование. Но благодаря сумме краткосрочных и долгосрочных кредитов мы не только влили в народное хозяйство значительную долю производительных сил, пока не оплатив ее соответствующим эквивалентом, но и путем непосредственной торговли мы превращали избыточные наши товары, преимущественно потребительского характера, в современное оборудование, или в недостаточно производимое в самой стране промышленное сырье. Поэтому всякие затруднения в наших сношениях с мировым хозяйством тяжело отражаются на ходе нашего развития. Отсюда лозунг „мир в наших отношениях с внешним миром“ — диктуется, помимо общей политической позиции, и непосредственно хозяйственными нашими интересами.

Середина текущего года характеризуется выступлением английского консервативного правительства против нас. Оно пока не отразилось существенно на нашей внешней торговле, но таит в себе опасность, если даже не говорить о непосредственном конфликте. Ухудшение этих отношений с внешним миром является одной из трудностей наступающего года.

Но и внутри нашего хозяйства достаточно элементов, затрудняющих наше развитие и требующих постоянного, неустанного внимания к их преодолению. Эти трудности, прежде всего, выражаются в ряде диспропорций. Капиталистическое хозяйство не может быть по своей природе гармонично. Пережитая эпоха войн, интервенций, блокад, экономической разрухи,—углубили эти диспропорции прежде всего тем, что наиболее расшатали промышленное производство, падавшее до $^1/_6$ довоенного уровня (см. табл. 1). Восстановительный процесс не мог итти гладко, гармонии нет и до настоящего времени в нашем хозяйстве. Было бы чудом, если бы мы могли в условиях, созданных экономической разрухой и при унаследованных страной производительных силах, при колоссальных социальных сдвигах, выражающихся в росте потребностей масс населения,—бескризисно развиваться.

Каковы же основные диспропорции в нашем хозяйстве?—Для 1921/22 г. и ряда последующих лет основной диспропорцией является

отставание уровня промышленного развития от уровня сел.-хоз. развития. Как ни велик темп роста нашей промышленности, как ни велики наши капитальные вложения именно в промышленность, как ни энергично осуществляется лозунг индустриализации, тем не менее, наша промышленность еще отстает в своем уровне от сельского хозяйства. Крестьянин и земля уже являются факторами производственного процесса и требуется сравнительно ничтожное оборудование, чтобы сел.-хоз. производство могло существовать. Промышленность есть более сложный организм, и нужно сочетание многих и многих элементов для того, чтобы промышленное производство могло иметь место. Поэтому экономическая разруха ударила гораздо больше по промышленности, чем по сельскому хозяйству. Но мы приближаемся несомненно к пределу этой диспропорции, и может быть наступающий год будет годом ее ликвидации.

Второй диспропорцией является неравномерное развитие внутри самой промышленности отраслей, обслуживающих непосредственные нужды населения, т.-е. вырабатывающих предметы потребления, и отраслей, вырабатывающих средства производства. Именно последние были наиболее поражены экономической разрухой и гражданской войной. На их восстановление мы должны были направить наибольшие усилия и до сих пор мы направляем главные средства на восстановление нашей тяжелой промышленности,— тем паче, что она обслуживает не только непосредственные нужды населения, но и транспорт и все остальные потребности — административные, социально-культурные и потребности обороны. Производство предметов широкого потребления, кроме того, в значительной мере зависит от привозного сырья. В текущем году это выразилось наиболее резко; в будущем году мы уже становимся на путь смягчения, усиливая темп развития промышленности, вырабатывающей предметы широкого потребления и, надо думать, мы близки к преодолению также и этой диспропорции.

Третьей диспропорцией является неравномерное развитие человеческих и материальных производительных сил. Рост населения у нас идет темпом, превышающим довоенный. Несмотря на величайшие жертвы империалистической войны и гражданской войны, на голод, на тифы, на эмиграцию, по нашим статистическим данным население выросло с 135,6 млн. до 146 млн., т.-е. на 10,4 млн. человек, или на 7,7%. Это соответствует темпу развития промышленности и сельского хозяйства в 1925/26 г. Но наша страна страдала аграрным перенаселением при царском режиме, и поэтому при равном росте населения и продукции аграрное перенаселение не может быть изжито, тем более, что по существу техника земледелия осталась прежней, несмотря на ряд реорганизационных улучшений. Не все трудящееся население находит себе производительные занятия, у нас растет число безработных, и абсолютная величина безработных очень велика. В табл. 4 приведены соответствующие данные,

Таблица 4

Численность безработных членов профсоюзов СССР

Отрасли хозяйства	В тыс. чел.			В %% к предш. году	
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Сел. хозяйство	70,6	154,1	288,3	218,3	187,1
Промышленность	278,5	312,9	448,0	112,4	143,2
Строит. дело	90,3	128,9	173,1	142,7	134,3
Транспорт и связь	130,1	120,0	180,8	92,2	150,7
Работн. гос. и общ. учрежд.	263,0	289,8	389,0	110,2	134,2
Прочие	50,2	79,5	128,1	158,4	161,1
Всего	882,7	1.085,2	1.607,3	122,9	148,1
В том числе без сел.-хоз рабочих	812,1	931,1	1.319,0	114,6	141,7
В том числе без сел.-хоз. и сезонных рабочих	692,8	771,0	1.101,8	111,3	142,9

Проблема безработицы не может не занимать нашего внимания, и надо во всех хозяйственных начинаниях, во всех планах хозяйственного строительства считаться с заданием дать возможно большому числу лиц производительные занятия, не прибегая, конечно, при этом к реакционным мерам, задерживающим развитие техники производства. Несмотря на энергичный рост занятых рабочих как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, все избыточное предложение рабочей силы не находит себе применения.

Нельзя не указать еще на одну своеобразную диспропорцию. Трудящиеся массы, освободившиеся от гнета эксплоататоров, подвергшись воздействию новой культуры, нового просвещения, чрезвычайно резко поднимают свои требования; материальный же процесс отстает от этих возросших потребностей: страна живет в напряжении неудовлетворения все растущих потребностей масс. При малейшей же несоразмерности роста номинальных доходов трудящихся масс в виде заработной платы и выручки крестьянства от реализации сельскохозяйственных товаров с темпом роста продукции предметов широкого потребления у нас образуется товарный голод, с тяжелой неизбежно сопутствующей атмосферой торгового ажиотажа, ростом цен и образованием очередей и „хвостов" у лавок. Преодоление этой диспропорции представляется особенно трудным в виду того, что сам советский строй всемерно стремится к максимальному удовлетворению потребностей трудящихся масс и развитию этих потребностей. Система коллективных договоров, которая на год вперед проектирует повышение из месяца в месяц заработной платы, система фиксированных цен при заключении контрактаций с деревней, понижение с.-х. налога при росте товарной продукции в деревне,—все это создает несоответствие покупательного спроса предложению, которое, как уже указано выше, обусловливается также необходимостью всемерного развития тяжелой индустрии для преодоления последствий экономической разрухи.

Нельзя не указать также на ту диспропорцию, которая заключается в несовпадении во времени вступления в хозяйственную жизнь сельскохозяйственной продукции и промышленной. Наш сельскохозяйственный год начинается с вступления в оборот огромной массы продукции сельского хозяйства; промышленность же как раз в эти месяцы, благодаря отпускам и ремонту, работает наименее интенсивно. К концу летних и началу осенних месяцев создается неравновесие спроса и предложения со стороны деревни. Обычно в это же время до сих пор происходил и под'ем заработной платы рабочих. Диспропорцию можно было бы ликвидировать наличием товарных запасов; последние медленно восстанавливаются, но восстановление это все же происходит и мы также идем к ликвидации этой диспропорции. В табл. 5 приведены соответствующие данные.

Таблица 5

Запасы в производственных организациях и торговле

В млн. руб. по отпускным ценам

Годы	Запасы в произв. организ.	В торговле		Всего	Товарная масса всей промышл.	Запасы в % к товарной массе
		Обобщ. сектор	Частн.			
1924/25	1.225	905	118	2.248	7.474	30,1
1925/26	1.339	1.232	123	2 694	10.437	25,8
1926/27	1.460	1.460	102	3.022	11.439	26,4
1927/28	1.549	1.572	94	3.215	12.741	25,2

Наконец, мы должны упомянуть и о той огромной диспропорции, которая создалась между развитием сельского хозяйства, промышленности и развитием транспорта и жилищного фонда. За четыре года капитальные фонды транспорта возросли всего на 6, 2%, городского жилстроительства на 2,3%, тогда как фонды сельского хозяйства выросли на 19,6%, а промышленности—на 32,7%. Мы не могли одновременно вкладывать капитал и в сельское хозяйство, и в промышленность, и в жилстроительство, и в транспорт. Поэтому на наступающий год ложится задача форсирования капитальных вложений в транспорт и усиления темпа городского строительства. Мы, действительно, предполагаем поднять темп железнодорожного строительства с 1,9% до 3,6%, а жилфонд с 1,4% до 2,2%.

Сейчас и транспорт и жилфонд находятся позади. Первый сможет явиться тормозом развития и промышленного и сельскохозяйственного производства, если не сможет своевременно и в полном потребном количестве перебросить с места на место необходимые для производства сырье и оборудование и доставить потребителю готовые изделия. Квартирные условия настолько тяжки, что парализуют возможность нормального отдыха трудящегося, и мы лишь в наступающем году предполагаем прекратить падение

нормы жилплощади на одного трудящегося, которое происходило за все это время. Одной из причин такого состояния жилстроительства является недостаточная квартирная плата, вызванная низким уровнем зарплаты. Теперь мы переходим довоенную черту зарплаты и можем поэтому поднять квартплату и тем сделать возможным нормальный ремонт и накопление средств для нового строительства.

Укажем еще на одну диспропорцию между крупным размахом капитальных вложений и недостаточной организованностью всего дела строительства. У нас еще нет выработанного перспективного плана развития народного хозяйства, нет поэтому плана перспектив строител ства, нет об'единяющего опыт строительства органа. Наш строительный индекс непомерно высок, достигая величины в 2,65. Соответствующая реорганизация строительного дела стоит на очереди.

Окидывая общим взглядом условия развития нашего народного хозяйства и те тенденции, которые выявляются при общем обзоре, мы должны дать такую формулу.

Мы несем в себе историческое тяжкое наследие царского капитализма, жестокие последствия экономической разрухи, вызванной империалистической и гражданской войной, интервенцией и блокадой. Мы пробудили огромные потребности освобожденных от эксплоатации помещиков и капиталистов трудящихся масс. Мы находимся в капиталистическом окружении, которое в последний период готовится к прямой борьбе с нами. Но мы сумели достигнуть и перешагнуть довоенный уровень производительных сил. Сумели многое сделать для ликвидации частью унаследованных нами, частью созданных вновь условиями Октябрьской революции диспропорций. Но, тем не менее, преодоление их является все еще актуальной задачей, при чем наиболее трудной диспропорцией является емкость потребности в рабочей силе со стороны нашего производственного механизма, совершенствующегося в своей технике, и роста трудоспособного населения, которое не находит себе применения.

II Предварительная оценка 1926/27 г. и задачи 1927/28 г.

1925/26 хоз. год начался с хозяйственных затруднений, вызванных как тем фактом, что мы переоценили наш урожай, а в связи с этим и перспективы экспорта и импорта, а следовательно, и перспективы развития промышленности, так и тем об'ективным фактом, что платежеспособный спрос при данном темпе роста заработной платы и численности рабочих, с одной стороны, и при унаследованных нами от неурожайного года высоких сельскохозяйственных ценах при возросшей сельскохозяйственной продукции — с другой, превысил товарное предложение, вследствие чего создалась атмосфера товарного голода с неизбежными спутниками этой атмосферы: торговым ажиотажем, ростом цен, выпуском крупных масс средств обращения и т. д.

Радикальными мероприятиями как по линии денежных кредитных отношений, так и непосредственной политикой понижения цен на сельскохозяйственные товары и задержки темпа роста номинальной зарплаты, было достигнуто во втором полугодии хозяйственного года известное равновесие на рынке. Это равновесие в первой половине 1926/27 хоз. года продолжалось, и даже стали замечаться на отдельных частях товарного рынка известные признаки насыщенности и перенасыщенности рынка (спички, махорка). Цены на сельскохозяйственные товары и номинальный уровень заработной платы держались на таком уровне, что платежеспособный спрос рос параллельно и даже несколько отставал от предложения. Но, начиная с июня месяца, на рынке совершился перелом: платежеспособный спрос стал расти быстрее предложения. Это обусловливается поднятием цен на сел.-хоз. товары при возросшей товарной массе, вследствие нового урожая, и повышением номинальной заработной платы рабочих по коллективным договорам. Между тем, в течение первых восьми месяцев хозяйственного года, благодаря указанному выше равновесию на рынке, правительству удалось провести директиву о понижении отпускных и розничных промышленных цен в крупных размерах; директива о десятипроцентном снижении розничных цен была почти полностью осуществлена.

Одновременно с этим в июне месяце, и особенно в июле, промышленная продукция предметов широкого потребления резко пала, вследствие отпусков рабочих, ремонта на предприятиях и в некоторых отраслях — недостатка сырья. Задуманное планом строительство, развивалось не только в предположенных размерах, но даже и превосходило их, что привлекало новые кадры рабочих при повышенной их оплате; благодаря недостатку квалифицированных строительных рабочих создался новый дополнительный спрос. Неравновесие на рынке обострилось влиянием внеэкономических факторов, слухами о войне, побуждавшими население свое денежное накопление держать в товарных запасах. И если первые восемь месяцев характеризовались тем, что потребитель стал разборчивее, то с июня месяца он вновь стал забирать все, что только появлялось на рынке; в связи с этим торговые организации скупают все, что есть, законтрактовывают будущую продукцию, не ставя никаких условий. Смягчившиеся в отношении торговли условия расчета промышленности вновь стали ухудшаться. Торговые организации, получая деньги от потребителя, могут итти на самые тяжелые условия расчета.

В сфере денежного обращения и кредита первые восемь месяцев характеризуются умеренным развитием денежной массы, кредитных отношений и крупным ростом вкладов и текущих счетов. С июня месяца началось обратное явление: текущие счета стали падать, денежная масса резко увеличивается и особенно резко стали расти активные операции банков. Промышленность, приступившая к крупным, даже превышающим предположения, капитальным работам, должна была

снимать свои текущие счета и пред'являть требования к кредиту. Это осложнилось тем, что Госбанк перекредитовал местную промышленность сверх годового плана, так как он работал без утвержденного квартального плана и тем ослабил свои ресурсы для удовлетворения нужд союзной промышленности.

Государственный бюджет первые восемь месяцев дал совершенно небывалый рост, но с июня—июля мы замечаем уже падение темпа роста бюджетных доходов по сравнению с соответствующими месяцами прошлого года.

Поэтому итоги 1926/27 хоз. года на ряду с рядом положительных показателей в смысле роста капитальных вложений и фондов, указанных выше, в смысле падения общего уровня цен, содержат в себе и отрицательный момент в виде превышения показателей роста платежеспособного спроса над ростом продукции предметов широкого потребления. Достигнутая в течение восьми месяцев гармоничность в развитии народнохозяйственных процессов вновь сменилась явлениями хозяйственных затруднений.

Все это ставит перед 1927/28 годом ряд самых серьезных проблем. Неравновесие на рынке спроса и предложения промтоваров не должно быть допущено. Это побуждает к тому, чтобы задержать рост номинальных доходов населения, превышающих цифру роста предложения товаров в их ценностном выражении, сократившемся благодаря политике понижения цен. Рост капитальных вложений должен быть соразмерен с об'ективными возможностями при условии несоздания ажиотажа на рынке строительных материалов. Особенно резко поднявшийся строительный индекс должен быть резко снижен. Приведение себестоимости в соответствие с пониженными ценами требует снижения индекса на средства производства.

Контрольные цифры на будущий год строились в предположении, что сельскохозяйственные цены снизятся на 5% против среднегодовых цен 1926/27 года, а промышленные на 6%, при чем предположено, что цены предметов широкого потребления удержатся на современном уровне, а цены на средства производства понизятся против современного уровня на 4%; это в среднегодовом выражении даст для предметов широкого потребления — 5%. Торговые накидки, резко пониженные в этом году, даже если они останутся на достигнутом уровне, уже дадут в среднегодовом разрезе новые понижения.

Ход капитальных работ в 1926/27 году, как было установлено обследованием РКИ, не был вполне удовлетворительным. Мы строили часто не то, что является наиболее необходимым, разбрасывались в строительстве, мы затягиваем сроки строительства, строим очень дорого и не всегда надлежащего качества, почему приходится перестраивать уже произведенные сооружения.

Государственный бюджет, извлекший в этом году огромную долю национального дохода и направивший ее на финансирова-

ние народного хозяйства в будущем году, уже не может расти таким же темпом, и максимум мы можем предположить, что он будет расти процента на два сильнее ценностного роста товарной массы и то при условии развития государственных займов.

1927/28 году придется ликвидировать уже наметившиеся диспропорции и поставить перед собой большие экономические и организационные задачи. Чтобы осуществить намеченный темп капитальных вложений и обеспечить их рациональный характер, необходимо создать центр строительства, который гарантировал бы экономическую целесообразность, техническую эффективность и финансовую дисциплину колоссальных капитальных вложений. Необходимо поставить вопрос о том, чтобы тот неквалифицированный труд, преимущественно крестьянского населения, который в значительной мере применяется в строительстве, был бы поставлен в условия, более близкие к труду сельскохозяйственных рабочих, чем промышленных, чтобы соответственные нормы ставок социального страхования были по отношению к ним пересмотрены, чтобы к строительству промышленности была привлечена промысловая кооперация, а в некоторых случаях и частный капитал; последний на условиях, продиктованных государственными заказчиками.

В связи с мировым хозяйством мы должны всемерно развить наш экспорт, как базу для импорта необходимого нам сырья и оборудования, тем паче, что новых долгосрочных кредитов мы не вводим в наш план текущего года, довольствуясь результатами ранее полученных кредитов. Это позволит нам приобрести оборудования для нашей промышленности в соответствии с ресурсами и их освоением. Рост номинальной заработной платы должен быть удержан в умеренных темпах, что может быть сделано благодаря достигнутому уровню бюджетного индекса.

П. Старков и А. Неусыпин

Бюджет и народный доход [1]

Напряжение финансовых ресурсов Союза, которое обусловливается в период возрождения народного хозяйства особыми задачами Союза, становится понятным, если указать, что общий бюджет СССР [2] (местный плюс государственный), даже выраженный в довоенных рублях, уже перешагнул за цифру бюджетов 1913 г. В 1913 г. общий бюджет России (с поправкой на территорию) был равен 3.655 млн. руб., в 1926/27 г. бюджет СССР по вероятному исполнению достигает цифры (в довоенных рублях) 3.490 млн. руб., а по контрольным цифрам на 1927/28 г. намечается бюджет в 4.025 млн. товарных рублей.

Так как народный доход Союза еще не вполне достиг довоенного уровня, то, очевидно, бюджетные изъятия из этого дохода превышают нормы 1913 года. Своеобразие доходной части советского бюджета, в которой видную роль играют неналоговые доходы, с одной стороны, и совершенно иная структура расходной части его с другой, исключают возможность каких-либо суммарных сопоставлений и сравнений „тяжести“ того и другого бюджетов. Однако, в печати и практике приходится встречаться с утверждением, что между народным доходом и бюджетом существуют устойчивые взаимоотношения (статические коэфициенты) и что наблюдающееся ежегодное увеличение удельного веса бюджета к народному доходу является недопустимой народнохозяйственной диспропорцией. Для этих утверждений главным аргументом является ссылка на довоенные соотношения и соотношения в иностранных государствах. Своеобразность нашего социального и хозяйственного уклада ставит под большое сомнение возможность такой аргументации и делает необходимым изучение специфических особенностей взаимоотношений бюджета и народного дохода в советских условиях. В настоящее время мы располагаем четырьмя бюджетами в твердой валюте,—это дает нам достаточный материал для анализа этих взаимоотношений.

---

[1] В порядке постановки вопроса. Ред.

[2] Общим бюджетом мы называем бюджет государственный плюс местный за вычетом переходящих сумм. В дальнейшем все цифры будут даны по этому общему бюджету.

Взаимоотношения между общим бюджетом и народным доходом за четыре года рисуются в следующем виде:

	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Народный доход (в млн. черв. руб).	15.589	20.252	22.560	24.208
Общий бюджет (брутто)	3.706	5.024	6.355	7.098
Сводный бюджет в % к нар. дох.	23,8	24,8	28,2	29,3

Как видно, бюджетный темп опережает темп роста народного дохода, так как удельный вес его из года в год увеличивается, другими словами—в течение четырех последних лет стабильности коэфициентов не было. Процент бюджетного из'ятия за четыре года возрос с 23,8% до 29,3%, но арифметическое выражение этих величин не дает права делать какие-либо выводы, так как даже на пространстве этих четырех лет взаимоотношения между бюджетом и народным доходом развивались по законам более сложного порядка. В течение указанного периода в Союзе резко возрастал доход на душу населения. Сравнение бюджетных душевых из'ятий (по общему бюджету — брутто) с ростом душевого дохода Союза представляется в следующем виде: бюджетные из'ятия на душу возрастают с 26,5 до 47,4 рублей, а душевой доход — со 111,4 до 161,8 рублей. В процентах прироста это дает: бюджетное душевое из'ятие + 78,8% и душевой доход + 45,2%. Таким образом, темп возрастания из'ятий на душу значительно более высок, чем темп роста питающего его душевого народного дохода. Однако, это более высокое возрастание бюджетных из'ятий отнюдь не сокращало абсолютного размера свободного остатка душевого народного дохода, т.-е. той части, которая получается за вычетом из среднего душевого народного дохода средней квоты бюджетных из'ятий. Наоборот, из года в год, при относительно возрастающем из'ятии в бюджет, этот свободный остаток душевого народного дохода в достаточной степени интенсивно растет. В 1924/25 г. он составлял 85 рублей, затем, переходя через такие суммы, как 106 и 110 рублей, на 1927/28 год по контрольным цифрам он запроектирован в сумме около 115 рублей. Одного этого замечания достаточно, чтобы сказать, что рост бюджетного из'ятия при одновременном росте душевого дохода необязательно знаменует увеличение бюджетного бремени.

Но суммарное сопоставление бюджета — брутто с народным доходом не может быть признано достаточно показательным. В нашем доходном бюджете имеются значительные суммы, которые вряд ли можно отнести к категории из'ятий. Так, доходы бюджета от предприятий государства (почта, транспорт, промышленность, торговля и т. д) и от займов,— только с большими оговорками могут быть приняты в расчет при анализе взаимоотношений бюджета и народного дохода. Более правильно было бы делать сопоставление податной части нашего общего бюджета с народным доходом.

Но и в нашей податной части бюджета имеются значительные суммы, представляющие собою либо антиципацию прибыли обобществленных предприятий (подоходный налог с государственных предприятий), либо расчет между обобществленным хозяйством и фиском по налогам, не перелагаемым на население.

По экспертному заключению комиссий, работавших над вопросом о тяжести обложения, около 8% всех налоговых поступлений оплачиваются в конечном счете самим же фиском.

Если принять все эти замечания, то погодное сопоставление податной части общего бюджета с народным доходом будет следующим (в рублях):

	1924/25	1925/26	1926/27	1927 28
Народный доход на душу.	111,4	141,4	154,1	161,8
Рост дохода	—	+ 26,9%	+ 8,9%	+ 4,9
Налоги на душу[1] . . .	10,29	13,96	17,42	18,83
Рост налогов	—	+ 35,6	+ 24,8	+ 8,0%
% налогового из'ятия из народного душевого дохода	9,2%	9,9%	11,3%	11,6%

Как видно из этого сопоставления, налоги также растут быстрее, чем душевой народный доход, но рост этот более медленный, чем рост бюджета—брутто.

Чтобы оценить значимость как роста всего бюджета, так и роста податной его части с точки зрения тяжести и напряженности бюджетных из'ятий, необходимо перейти к анализу совершенно своеобразного расходного бюджета Союза.

В нашем расходном бюджете резко выделяются три основные его функции: 1) управления, 2) социально-культурного обслуживания населения и 3) капиталонакопления. В абсолютных цифрах расходов эти функции могут быть представлены следующим образом:

	1924 25	1925/26	1926/27	1927/28
Управление	1.025,7	1.416,7	1.557,8	1.595,4
Соц.-культурное обслуживание	603,5	854,4	1.091,1	1.235,2
Капиталонакопление . .	716,1	891,6	1.552,5	1.904,1
Прочие	1.360,5	1.860,8	2.153,6	2.360,8
Всего	3.705,8	5.023,5	6.355,0	7.097,5

При этом расходы по управлению показаны в суммах расходов на административно-хозяйственные ведомства по государственному и местному бюджетам, расходов на оборону страны и ассигнований по фондам госбюджета. В строчке „социально-культурное обслуживание" показаны расходы на просвещение (включая по транспорту, ЦИКу и СНК Союза), здравоохранение, социальное обеспечение и охрану труда. В этой же строчке показаны все расходы общего бюджета на социальное страхование рабочих и служащих, зарплата

[1] Со скидкой 8% как оборотных сумм.

которых проходит по бюджету. Строчка „капиталонакопление" обнимает собою все расходы по финансированию народного хозяйства и расходы на образование государственных резервных фондов (металлического и червонного). Последняя строчка включает все остальные расходы общего бюджета, не подпадающие ни под одну из вышестоящих категорий. Сюда отнесены, во-первых, эксплоатационные расходы транспорта и связи (без соц.-культурных расходов), по госбюджету, эксплоатационные расходы коммунального хозяйства, местной промышленности и прочие расходы по местному бюджету, т.-е. все оборотные средства обобществленного сектора народного хозяйства, проходящие через бюджет по доходной и расходной его части.

Функция „управления" в широком смысле представляет собою снабжение средствами государственного аппарата (включая оборону), иначе говоря, „накладные расходы государства, как такового". Эта функция превалирует в бюджетах дореволюционного времени и в бюджетах капиталистических стран. Чтобы определить ее значимость и ее тенденции в советских бюджетах по отдельным годам, следует определить душевую квоту этих расходов и сопоставить ее с подушным народным доходом и налогом.

Сопоставление дает следующие ряды (в рублях):

	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Расходы управления на душу	7,33	9,89	10,64	10,66
Удельный вес этого расхода в народном душевом доходе	6,6%	7,0%	6,9%	6,6%
Удельный вес расходов управления в душевом налоге	71,2%	70,8%	61,0%	57,8%

Душевая квота этого расхода росла до 1926/27 г. в абсолютных цифрах, а в 1926/27 и 1927/28 она предполагается стабильной. К народному доходу процент в общем стабилен, так как колебания не дают оснований для каких-либо выводов. Но соотношение этих расходов с налогами показывает, что доля налога, идущая на покрытие накладных расходов государства из года в год, падает, т.-е. что налоги растут интенсивнее, чем того требуют управленческие расходы Союза. Увеличение этих расходов в абсолютных цифрах обусловливается необходимостью усилить оборону Союза, так как чисто управленческие расходы в последний год уменьшаются и в абсолютной сумме. Отсюда очевидно, что рост налогов обусловливался ростом других расходов бюджета. Энергичная кампания за режим экономии и за дальнейшую рационализацию управленческого аппарата, которая уже ярко отразится на бюджете 1927/28 г. и которая должна привести к консолидации административно-управленческих расходов в бюджетах ближайших лет,— еще больше укрепляет вывод, что управленческая функция в условиях мирного строительства Союза не будет давить на наши бюджеты.

Другой характерной особенностью советского бюджета является совершенно своеобразный и при этом все расширяющийся круг функции бюджета в области безвозмездного оказания услуг населению. Для примера возьмем хотя бы область социально-культурных услуг. Так, если в довоенное время запросы населения в области просвещения удовлетворялись в значительной степени за счет непосредственных расходов из индивидуальных бюджетов граждан, то в наше время, наоборот, они удовлетворяются в подавляющей степени за счет советского бюджета. Это происходит, во-первых, потому, что все учебные заведения в настоящее время принадлежат государству и, во-вторых, потому, что плата за обучение сведена к минимуму и притом касается преимущественно состоятельных слоев общества. Малосостоятельные слои населения выделяют из своих бюджетов на плату за обучение или очень незначительную часть или не выделяют вовсе. Как дальнейший шаг в расширении бесплатного обучения можно привести тот факт, что с 1 октября 1927 года по Москве совершенно отменяется плата за обучение в школах I ступени. Принцип безусловной бесплатности услуг со стороны государства в этом случае претворяется в жизнь. Затем область социального обеспечения. Если в условиях довоенного времени в подавляющей своей массе расходы по страхованию относились на счет индивидуальных бюджетов населения, то в настоящее время они полностью обобществлены, выпали из индивидуальных бюджетов населения и в значительной части оплачиваются по государственному и местным бюджетам. Обслуживание населения по линии здравоохранения принципиально также перенесено с индивидуальных бюджетов на бюджет общества.

Процесс перехода этих расходов с индивидуальных бюджетов на общественный бюджет можно выявить в цифрах общесоюзного бюджета. Наиболее интересным является сопоставление этих расходов с налоговыми из'ятиями за последние четыре года.

Сопоставление душевых квот налоговых платежей с квотами душевого расхода бюджета на соц.-культурное обслуживание населения покажет, во-первых, какую долю бюджет возвращает в том же году плательщику налогов, разгружая этим его личный бюджет, а во-вторых, те тенденции, которые намечаются в этих взаимоотношениях (в руб.):

	1913[1]	1924/25	1925/26[1]	1926/27[2]	1927/28
Налоги на душу	12,15	10,29	13,96	17,42	18,83
Соц.-культ. расходы на душу населения	3,0	4,31	5,97	7,45	8,26
Удельный вес соц.-культ. расходов в налогов. платежах населения . . .	24,7%	41,8%	42,7%	42,8%	43,9%

[1] Основные данные 1913 г. взяты частью по отчетным данным, частью по данным, опубликованным в литературе.

[2] 60 млн. руб. акцизных доходов, внесенные в бюджет 1926/27 г. как просроченные платежи трестов, показаны в 1925/26 г. по моменту оплаты их населением.

Бюджет России довоенного времени, таким образом, едва возвращал 25% взимаемого душевого налога. Между тем как советский бюджет этот процент резко увеличивает. В 1924/25 г. было возвращено 41,8% душевого налога, а по контрольным цифрам на 1927/28 г. намечается возврат в 43,9%. Таким образом, советские бюджеты резко отличаются по относительной доле возврата налогового из'ятия и вместе с тем в этих же бюджетах выявляется ясная тенденция возрастания этой доли. Тенденция роста социально-культурного обслуживания населения могла быть представлена в еще более разительной форме, если бы учесть, что ассигнования на эти нужды в первые годы восстановительного периода были направлены преимущественно на организацию аппарата обслуживания, в то время как ассигнования последних лет шли исключительно на развертывание сети оперативных учреждений и на усиление и улучшение их работы, т.-е. были использованы населением гораздо более эффективно.

Итак, если население, оплачивая налоги, в том же году получает эквивалент в виде услуг государства, которые облегчают личный бюджет трудящихся, то будет правильным исключить себестоимость государству этих услуг из душевой квоты налогового из'ятия. В этом случае мы получим те налоговые из'ятия, которые идут на покрытие расходов по публично-правовым функциям государства, т.-е. по тем расходам, которые доминируют в бюджетах капиталистических стран и рост которых не сокращает расходов индивидуальных бюджетов. Эти налоговые из'ятия (так сказать, из'ятия — нетто) составляют погодно (с 1924/25 по 1927/28 гг.) на душу населения 5 р. 98 к., 7 р. 99 к., 9 р. 97 к., 10 р. 57 к., а в процентах к народному доходу 5,4%, 5,6%, 6,5%, 6,5%. Рост из'ятий нетто значительно более плавный, чем рост налоговых из'ятий брутто, которые были приведены в начале статьи, при чем проект бюджета по контрольным цифрам намечает стабильность этого из'ятия на 1927/28 г. (6,5% в 1926/27 и 6,5%—в 1927/28).

Если мы сопоставим темпы роста душевого народного дохода, душевого налогового из'ятия (безразлично брутто или нетто) и душевого расхода в бюджете на социально-культурные потребности населения, то получим следующие динамические показатели (в %%):

	1925/26	1926/27	1927/28	В среднем
Душевой народный доход . . .	+27,0	+ 9,0	+5,0	+13,4
Налоги на душу нетто	+35,6	+24,8	+8,1	+22,8
Социально-культурные расходы на душу	+38,5	+24,8	+10,9	+24,7

Социально-культурные расходы растут быстрее налогов, а налоги, в свою очередь, растут интенсивнее душевого народного дохода. В этом случае мы имеем тенденцию, обратную той, которая наблюдается при анализе расходов на управление и оборону. Таким образом, если поставить вопрос, какая из этих двух функций бюджета (управление и социально-культурное обслуживание населения) давит на бюджет, т.-е. создает элемент бремени, то едва ли это пришлось бы сказать об управлении. При постановке вопроса в связи только с этими двумя функциями напряженность налоговых из'ятий являлась бы следствием давления, главным образом, со стороны расходов на социально-культурные нужды. Но возникает вопрос, а каковы взаимоотношения между налоговыми поступлениями, с одной стороны, и двумя указанными функциями расходного бюджета — с другой?

Если бюджеты капиталистических государств в своей расходной части ставят себе задачей обслуживание управления и отчасти социально-культурных нужд населения и в основе находят средства на эти цели в налогах, то не будет ошибкой, если признать, что и в советском бюджете расходы по управлению и на соц.-культурные нужды населения покрываются за счет налогов.

Следующая таблица дает ответ на поставленный вопрос:

	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Душевой расход бюджетов на управление, оборону и соц.-культ. нужды	11,64	15,86	18,09	18,92
Налоги на душу	10,29	13,96	17,42	18,83
% расходов, покрыв. налогами .	88,4%	88,0%	96,3%	99,5%

Налоги, как видно, в 1924/25 покрывали только 88,4% расходов по двум указанным функциям, а в 1927/28 г. они уже покрывают почти 100% (99,5%). Сближение душевой квоты налоговых доходов, с одной стороны, и расходов по управлению и социально культурному обслуживанию населения — с другой, об'ясняется, во-первых, ростом налогов, во-вторых, весьма умеренным ростом расходов по управлению и обороне (см. табл. на стр. 50). Относительно управления в тесном смысле слова (без обороны) следует указать, что государственный аппарат на местах к 1926/27 г. вполне сконструировался и в настоящее время происходит процесс его рационализации и удешевления, т.-е. стабилизации его расходов. Весь прирост налоговых доходов, таким образом, в значительной своей части может быть обращен на социально-культурные и хозяйственные нужды, т.-е. на те именно потребности, удовлетворение которых за счет общественной кассы разгружает индивидуальные бюджеты плательщиков налогов.

Сохранение налоговых ставок на существующем уровне, т.-е. сохранение существующего процента налогового из'ятия при одновременном сохранении наблюдаемых тенденций в расходах двух этих категорий, обеспечивает возможность в ближайшие же годы покрыть их одними налоговыми доходами бюджета. Бурные росты налоговых доходов восстановительного периода отходят в историю и на смену им идут более умеренные, но и более ровные темпы роста этих доходов, связанные с общим ростом народного дохода. Контрольные цифры на 1927/28 год уже намечают сближение темпов роста этих величин. Однако, те же контрольные цифры, несмотря

на необходимость в этом году усилить оборону Союза, обеспечивают соц.-культурным расходам почти 11% роста. Твердою поступью движутся вперед прямые налоги Союза и именно эти налоги переданы как доходные источники в республиканские и местные бюджеты, на которые падает главная обязанность соц.-культурного обслуживания населения. Если бы установить связь между налоговыми источниками доходов и этими расходами, то это обеспечило бы основной массе населения, даже при сохранении существующих ставок налогов, - реальное погодное ослабление налогового бремени. Здесь не лишнее напомнить, как ревниво относятся к социально-культурным потребностям населения в низовых бюджетах. Исполнение плана всеобщего обучения идет впереди задания. На удовлетворение именно этих нужд охотно мобилизуется каждая освобождающаяся копейка из общественных сумм. Исполнение бюджетов 1926/27 и 1927/28 гг., особенно местных бюджетов, вероятно даст нам еще более резкие линии роста этих расходов, т.-е. еще более значительное понижение душевого налогового изъятия нетто.

Своеобразная природа советского бюджета, отражающая особенности нашего социального и хозяйственного уклада, еще более резко проявляет себя в третьей его функции — функции капиталонакопления. Капиталонакопление в бюджете, если считать его в цифрах ассигнований на финансирование народного хозяйства и на накопление всех видов резервов, за четыре года возросло с 716,0 млн. руб. в 1924/25 г. до 1.904,1 млн. руб. в 1927/28 году. В процентах прироста изменения капиталонакопления и общего бюджета представляются таким образом: первое за эти годы выросло на +165,9%, общий же бюджет на +91,5%. В процентах к общей оценке бюджета капиталонакопление составляло: в 1924/25 году — 19,3%, а в 1927/28 — 26,8%. Это значит, что в первом году бюджет выделял меньше одной пятой бюджетных изъятий из народного дохода на стимулирование роста народного хозяйства, а следовательно, и роста душевого дохода, а в последнем году это выделение намечается уже в размере больше одной четвертой части этих изъятий. Таким образом, рост функции капиталонакопления в бюджете в значительной степени меняет характер бюджетных изъятий каждого года, увеличивая интенсивность их использования в народнохозяйственных целях.

Резко выделяющийся рост расходов на финансирование народного хозяйства легко может вызвать вопрос, за счет каких бюджетных изъятий осуществляется этот процесс капиталонакопления.

Конечно, не может быть речи о том, что отдельным категориям расходов соответствуют определенные доходные источники — бюджеты как государственный, так и местный, строятся по принципу общего котла. Тем не менее, путем сравнения задач бюджетов частно-капиталистического и советского, с одной стороны, и сравнения доходных частей того и другого — с другой, можно наметить некоторую увязку между отдельными категориями доходов и расходов.

При анализе расходов на управление и соц.-культурное обслуживание населения мы приняли гипотезу о том, что налоговым доходам в расходной части корреспондируют как раз именно эти две функции бюджета — управления и соц.-культурного обслуживания населения. В цифровом выражении на 1927/28 год увязка между этими частями, как мы приводили, достигает почти 100%. Отсюда ясно, что если налоговые поступления в первую очередь идут на поддержание первых двух функций бюджета — управления и соц.-культурного обслуживания, то третья основная функция бюджета — капиталонакопление — осуществляется за счет другой части доходного бюджета — за счет неподатных доходов. Последнее предположение, точнее — положение, представляется весьма убедительным по следующим соображениям. Неподатная часть в основном по существу является совершенно новой областью доходов, возникшая в советском бюджете, как следствие проведенной национализации капиталов и обобществления целого ряда отраслей народного хозяйства. Равным образом, новой функцией является и капиталонакопление в бюджете, так как в условиях капиталистического государства капиталонакопление осуществляется частной личностью. Октябрьской революцией эта функция частной личности в общем оказалась обобществленной. Поэтому, поскольку обе эти части советского бюджета — неподатные доходы, с одной стороны, и капиталонакопление в расходной части — с другой, новые части бюджета, — будет верным и выставленное нами положение, что функцию капиталонакопления правильнее всего координировать с социалистической частью нашего доходного бюджета — с неналоговыми доходами в первую очередь и с положительным остатком по доходам от займов во вторую очередь.

Признавая известную обоснованность по существу за произведенной увязкой определенных групп доходов с определенными группами расходов, представляется теперь интересным отметить, как развиваются в расходной части бюджета расходы обычные, т.-е. свойственные (в принципе) всякому из бюджетов, и расходы, свойственные, главным образом, советскому бюджету.

Так, если сопоставить темпы роста душевых расходов по управлению и социальным услугам с темпом душевых же расходов бюджета на накопление, то получим следующее:

	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28 г.	Средн. темп роста
Соц.-культ. расходы и расходы на управление на душу в руб. . .	11.64	15,86	18,09	18,92	—
% прироста . . .	—	36,2	14,1	4,6	+18,3
Расходы на капиталонакопление на душу в руб.	5,12	6,76 [1]	10 61	12,73	—
% прироста . . .	—	32,0	56,9	20	+36,3

[1] В этой сумме учтено 75,8 млн. руб. затрат на капитальные работы по транспорту, которые по балансовым соображениям не были показаны в общих сводных таблицах по общему бюджету.

Итак, первые две функции бюджета, закончив свой восстановительный период или, вернее, свой организационный период, входят в берега естественного, в ногу с народным доходом идущего роста, и потому их могут снабжать ресурсами налоговые доходы, развивающиеся в том же темпе. Совсем другой темп роста капиталонакопления в бюджете. Восстановительный период пройден, но на смену ему, как видим, не меньшие требования пред'являет реконструктивный. Роль бюджета в капиталонакоплении по государственному сектору громадна; бюджет дал почти половину собранных за четыре года капиталов. Поэтому финансовыми источниками для этой функции бюджета могут служить только ресурсы, созданные революцией, и возрождающиеся государственные займы, у которых более широкие перспективы.

Бюджетное напряжение этих источников велико, почти предельно,— но вряд ли было бы правильно брать курс на его снижение. В условиях неполного удовлетворения растущих потребностей населения аккумуляция средств банками весьма ограничена. Бюджет является более острым инструментом для аккумуляции капиталов, чем банковская система, и вряд ли было бы осторожным в начальной стадии реконструктивного периода переводить процесс капиталонакопления на другие рельсы. Роль бюджета в капиталонакоплении не должна ослабевать и, следовательно, все неподатные ресурсы бюджета необходимо использовать на 100%.

Налоговые источники также напряжены и перед нами несомненно стоит задача снижения „бюджетного бремени". Первым условием для снижения этого бремени является „ускорение сроков строительства и максимально быстрый ввод в эксплоатацию новых капитальных вложений" и этим путем стимулирование народного дохода, а это при сохранении налоговых ставок даст рост свободного от из'ятия остатка душевого народного дохода. Далее, так как в советском бюджете интенсивно растет обслуживание социально-культурных и хозяйственных потребностей основных масс населения, то из года в год чисто налоговые из'ятия нетто, т.-е. из'ятия, идущие на покрытие только накладных расходов государства, как такового,— будут резко падать. В результате мы получим реальное снижение налогового бремени.

Другой путь, путь прямого снижения бюджетных из'ятий из народного дохода, поведет к сокращению основных функций бюджета, что равносильно отказу от завоеванных позиций на пути строительства обобществленных форм хозяйственной и социальной жизни Союза.

А. Сегаль

К вопросу о рентабельности промышленности и политике финансирования ее

Проверенные ВСНХ и НКФ СССР балансы промышленных предприятий за 1925/26 г. позволяют дать, на основе отчетных материалов, картину прибыльности советской промышленности (общесоюзного значения) как по отраслям производства, так и по отдельным трестам.

Рентабельность последних может быть выражена по отношению или к стоимости (в частности — к себестоимости) продукции их, или к задолженным в производстве капиталам. Наиболее характерным признаком, при существующей системе измерения в денежных единицах, мы считаем именно высоту рентабельности задолженного в предприятии капитала или суммы трудовых и денежных (и тому подобных) ценностей, участвующих в производстве и связанных с ним хозяйственных операциях.

Здесь надо оговорить крайнюю условность понятия „собственного" капитала советского предприятия и соответственную трудность разграничения „собственной" и „чужой" части функционирующего капитала, особенно при наличии бюджетных дотаций и ссуд, принципиальной спорности включения их в уставные капиталы и проблематичности инвентарных оценок имущества. Эта условность, а также различная степень участия „чужих" средств в производстве и различная, устанавливавшаяся часто ad hoc по соображениям целесообразности, высота процентной оплаты таковых, нарушают сравнимость рентабельности, определенной по отношению к собственным капиталам предприятий. Поэтому лучше всего применить метод определения рентабельности *всего задолженного капитала* путем отношения *суммы* прибыли и уплаченных процентов к *сумме* собственного и чужого капиталов, включая в последнюю, разумеется, и беспроцентные ссуды и дотации.

Это даст нам картину рентабельности всего функционирующего в тресте капитала безотносительно к вопросу о его номинальных владельцах. Для ясности надо оговорить, однако, что в дальнейшем исследовании в сумму прибыли *не* включаются ни рента на поверхность или недра, ни налоги и другие виды государственного дохода, попадающие в исчисление издержек производства треста.

Таблица 1

Отрасли промышленности	Устав. капитал на 1/X 1935 г. в черв. рублях	Средне-годовая сумма: Осн. кап. по активу	Средне-годовая сумма: Оборотн. средств	Средне-годовая сумма: Всего задолж. капитала (2+3)	Коммер. себестоимость реализованной продукции	Прибыль по исчислен. НКФ	Уплачено за пользование чужими капиталами	Общая прибыль на свой и чужой капиталы (6+7)	% рентабельности: К устав. капиталу (6 к 1)	% рентабельности: К общему капиталу (8 к 4)	% рентабельности: К себестоимости продукции (6 к 5)	% рентабельности: К себестоимости продукции (8 к 5)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Млн. черв. рублей											
Бумажная	52,0	41,8	54,2	96,0	78,3	17,8	1,4	19,2	34,5	18,5	22,9	24,5
Лесная	59,6	29,6	92,3	121,9	82,4	— 8,3	5,8	— 2,5	— 13,8	— 2,0	— 10 0	— 2,9
Химическая	192,4	136,5	158,8	295,3	181,1	26,6	3,3	29,9	13,8	10,2	14,6	16,5
Нефтяная	496,2	ок. 36 ,5 (547,8)	238,8	ок. 600,3 (786,6)	147,7	59,9	2,3	62,2	12,7	10.4 (7,9)	40,3	41,9
Угольная	261,8	236,0	98,1	334,1	167,4	12.9	3,6	16,5	4,9	4,9	7,7	9,8
Электротехнич. . . .	142,8	74,4	155,6	230,0	95,8	14,8	3,9	18,7	10,4	8,1	15,4	19,5
Металлическая . . .	1.10 ,5	716,4	614,7	1.331,1	571,2	36,8	18,2	55,0	3,3	4,1	6,4	9,6
Текстильная	1.524,0	1.181,2	866,0	2.047,2	1.215,0	202,6	14,5	217,1	13,3	10,6	16,7	17,9
Пищевая	549,9	494,7	615,1	1.109,8	387,7	66,6	20,6	87,2	12,1	7,5	17,1	22,5
Итого . . .	4.382,2	3.272,1 (3.458,4)	2.893,6	6.165,7 (6.352,0)	2.926,6	429,7	73,6	503,3	9,9	8,16 (8,0)	14,6	17,1

Таким образом, в сводной табл. 1, показывающей рентабельность отдельных отраслей общесоюзной промышленности, именно столбец 10, мы считаем наиболее характерным признаком.

В этой таблице цифры, относящиеся к нефтяной промышленности, корректированы нами на основе постановления СТО от 16 октября 1926 г. об оценке основных капиталов нефтяных трестов. Поскольку балансы трестов ко времени их рассмотрения еще не были исправлены, в скобках поставлены устаревшие цифры оценок основного капитала и соответствующие им (не точные) цифры рентабельности.

Что касается других отраслей промышленности, мы остаемся при высказываемом нами неоднократно (в частности, в № 12 за 1926 г. и № 2 за 1927 г. „План. Хоз.“) мнении о преувеличенности трестовских оценок основного капитала, хотя и включенных формально в балансы предприятий и нашу табл. 1. Для сравнения укажем, что если бы принять те приблизительные общие оценки основных капиталов, какие предложены были нами в статье в № 2 „План. Хоз.“ с. г., то рентабельность всего задолженного в общесоюзной промышленности капитала представилась бы в общем на 1% выше, чем это дано столбцом 10 табл. 1, а именно:

Таблица 2.

Отрасли промышленности	При трестовских оценках осн. капитала (в %%)	При наших оценках основного капитала (в %%)
Бумажная	18,5	22,3
Лесная	— 2,0	— 2,0
Химическая	10,2	11,9
Нефтяная	10,4 (7,9)	10,4
Угольная	4,9	4,9
Электротехническая . .	8,1	8,4
Металлическая	4,1	4,4
Текстильная	10,6	13,6
Пищевая	7,5	8,6
В среднем	8,16	9,15

По отдельным, даже однородным трестам можно наблюдать значительную пестроту в размере рентабельности как определенной по отношению к капиталам, так и к себестоимости. Это можно видеть из табл. 3, где приведены данные о рентабельности, вполне соответствующие столбцам 10 и 12 табл. 1, характеризующие высоту общей прибыли, разделяемой трестом с владельцами „чужих“ средств в предприятии.

Колебания высоты прибыли по отраслям производства и отдельным трестам об'ясняются:

а) различным строением капитала, имеющим место и в однородных предприятиях, главным образом, вследствие различной степени изношенности основных капиталов. Например, в текстильной промышленности на ряду с трестами, имеющими в своем составе сравнительно хорошие фабрики (Тверской, Московский, Иваново-Вознесенский), другие отличаются сильной изношенностью оборудо-

Таблица 3

Высота рентабельности по отдельным трестам общесоюзной промышленности

	По отношению к капиталу (в %/%)	По отношению к себестоим. (в %/%)
Бумажная промышленность		
Центробумтрест	18,5	24,5
Лесная		
Северолес	— 7,4	— 13,3
Севзаплес	0,6	0,7
Двинолес	— 3,8	— 3,2
Фанеротрест	32,0	39,1
В итоге	— 2,0	— 2,9
Химическая		
Анилтрест	25,4	38,0
Севхимтрест	4,8	13,9
Резинотрест	11,8	18,3
Госмедторгпром	15.8	10,8
Коксобензол	— 3,2	— 9,7
Редкие элементы	— 1,2	— 2,8
В итоге	10,2	16,5
Нефтяная		
Азнефть	7,1 (5,6)	29,8
Грознефть	20,5 (14.1)	81,5
Эмбанефть	7,7 (7,0)	23,7
В итоге	10,4 (7,9)	41,9
Угольная		
Донуголь	5,4	10,7
Кузбасстрест	14 5	30,1
Черембасстрест	12 7	24,9
АИК Кузбасс	— 3,2	— 8,9
Москвоуголь	— 5,4	— 12,1
В итоге	4,9	9,8

	По отношению к капиталу (в %/%)	По отношению к себестоим. (в %/%)
Электротехническая		
ГЭТ	9,4	22,6
Слаб токи	3,3	8,2
Аккумуляторный	4 1	6,3
Карболит	8,8	19,0
В итоге	8,1	19,5
Металлическая		
а) Черная металлургия		
Югосталь	8,1	17,8
Краматорский	11,5	20,6
Красный Октябрь	6,7	10,0
Электросталь	30,1	67,1
Надеждинский	— 0,1	— 0,2
Пермский	5,3	7,6
Южуралмет	6,0	10,8
Магнезит	32,4	33,2
В итоге	7,6	15,1
б) Машиностроение		
Гомза	0,9	2,2
Ленинмаштрест	1,4	5,0
ЮМТ	— 3,5	— 9,5
Цупвоз	— 1,1	— 2.2
Автотрест	— 5,7	— 18,3
Госшвеймашина	17,0	37,3
Госметр	7,8	4,4
В итоге	1,1	2,8
в) Цветная металлургия		
Уралмедь	8,6	16,7
Госпромцветмет	7,3	12.1
В итоге	7,5	12,8
г) Судостроение (3 треста)	— 1,6	— 11,1
д) 2 железорудных треста	0,6	1,3
Всего по металлопром	4,1	9,6

Текстильная	По отношению к капиталу	По отношению к себестоимости
а) Хлопчатобумажн. 11 трестов в общем	от 2 до 20,5 в общ 9,4	от 4,6 до 27,1 в общ 16,4
б) Шерстяная — 5 трестов в общем	от 15 до 27,9 в общ 18	от 22,2 до 43,6 в общ. 25 6
в) Льнопеньков.— 4 треста в общем	от 2,8 до 16,2 в общ 9,6	от 3,5 до 22 в общ. 16,7
г) Шелкотрест	11,5	18,5
д) Кардолента	10,4	16,2
Всего	10,6	17,9
Пищевая		
Чаеуправление	44	43.5
Центроспирт	6,8	15,6
Сахаротрест	4,9	17,1
В итоге	7,5	22,5
Всего по общесоюзной промышл.	8,2	17,1

вания (Красно-Пресненский, Серпуховский, Камвольный, почти вся грубосуконная промышленность);

б) качеством инвентаризационной работы и оценки основных капиталов, в общем преувеличенной против экономической действительности, но, разумеется, в разной степени по разным трестам и даже целым отраслям производства, например, по нашему мнению, значительно более преувеличенной в текстильной промышленности, чем в металлической;

в) условиями производства, определяющими различную высоту себестоимости в зависимости от естественных условий (для добывающих предприятий), от стоимости сырья и материалов франко—завод, от стоимости энергии, от технической организации производства и изношенности оборудования и т. п.;

г) характером ассортимента товаров и конъюнктурными и регулирующими условиями, определяющими высоту отпускных цен;

д) той или иной степенью затоваренности и искажениями в учете оборотных средств, влияющими на оценку последних; в частности, из последней не всегда удается полностью исключить строительные материалы, идущие в капитальное строительство;

е) некоторыми привходящими моментами, например, по бумажной промышленности, высота рентабельности определяется в зависимости и от импортно-торговых операций треста; если элиминировать это обстоятельство, то рентабельность Центробумтреста снизится с 18,5% приблизительно до 14,5% по отношению к капиталу, но поднимется с 24,5% почти до 40% по отношению к себестоимости, т.-е. обнаружится меньшая рентабельность капитала при больших накидках на себестоимость.

Как было уже сказано выше, влияние кредитных условий на относительную высоту рентабельности элиминировано в силу примененного метода суммирования прибыли треста с суммами по оплате чужих капиталов. Если бы элиминировать также те искажения, какие привносятся разнобоем в оценке имущества (п. „б“) и наличием у треста импортно-торговых операций (п. „е“), то картина получилась бы в достаточно чистом виде, но и в данном виде сопоставление цифр рентабельности трестов может дать интересные характеристики для оценки их деятельности.

Помимо непосредственного сравнения по одному из признаков, приведенных в табл. 3, интересно и сопоставление одновременно по обоим признакам. Например, Ленинградский текстильный трест характеризуется цифрой рентабельности в 16,8% по отношению к капиталу и 27,1% по отношению к себестоимости продукции, а Ярославский хлопч.-бум. трест — соответственно 20,5% и 11,7%. Правда, производства эти не одноро ны (первый изготовляет широкий ассортимент бумажных и шерстяных тканей, второй — преимущественно хлопч.-бум. пряжу); тем не менее, с точки зрения использования капитала все-таки заслуживает внимания, что второй стоит

значительно впереди, давая при значительно меньших накидках на себестоимость (11,7% против 27,1%) даже большую прибыль на задолженный капитал, а следовательно, и на занятые в тресте средства производства. Другой пример: вся нефтяная промышленность в целом, в связи с тяжелым строением и относительной дороговизной своего капитала, дает хорошую прибыль на капитал (10,4%) ценой чрезвычайно высоких накидок на себестоимость (41,9%). Такая невыгодная картина, вытекающая из об'ективных условий, не изменилась бы, если бы даже включить в прибыль и взимаемую в доход казны ренту (попудную плату). Такими же условиями строения капитала об'ясняется, напр., если сравнить два разных предприятия химпромышленности, что Севхимтрест дал значительно меньшую рентабельность капитала, чем полуторговый Госмедторгпром, несмотря на более высокие накидки на себестоимость.

Переходя к отдельным отраслям производства, можно наметить хотя бы следующие общие характеристики их:

а) Бумажная промышленность (Центробумтрест) имела в 1925/26 г. высокую прибыльность, главным образом, вследствие высоких накидок на продукцию собственного производства (до 40% на себестоимость). Значительно меньшие накидки на стоимость импортной бумаги, тем не менее, еще повысили среднюю рентабельность капитала, благодаря значительно большей оборачиваемости этой части капитала треста сравнительно с капиталом, занятым в производстве.

б) По лесной промышленности общая картина — убыточность операций вследствие дороговизны производства, вытекающей из его технической отсталости и неполного использования древесины сравнительно с нашими конкурентами на мировом рынке. Фанерный трест дал хорошую рентабельность по кон'юнктурным условиям, благодаря высоким ценам внутреннего рынка.

в) В химической промышленности высокая рентабельность отдельных предприятий (Анилтрест, Резинотрест, Госмедторгпром) определяется, главным образом, большими накидками на себестоимость. Севхимтрест характеризуется отсталостью и дороговизной производства.

г) Довольно высокая рентабельность нефтяной промышленности обеспечивается как выгодами экспорта, так и условиями построения плановых цен на внутреннем рынке. При этом капиталы Грознефти, с ее преобладающей фонтанной добычей и высоким содержанием бензина, дают значительно больший процент рентабельности, чем по другим нефтяным трестам, несмотря на более высокую попудную плату казне (кстати повторить — не включаемую в цифры относительной и абсолютной прибыли нефтяных трестов).

д) Для угольных трестов пестрота цифр относительной рентабельности определяется различными естественными условиями, отражающимися на себестоимости добычи и на качестве угля как

топлива, а также политикой сдержанных угольных цен, остающихся все-таки слишком высокими сравнительно с довоенными, благодаря высокому производственному индексу, особенно по линии зарплаты, играющей в себестоимости угля значительную роль.

е) Высокая рентабельность электротехнической промышленности определяется, главным образом, хорошими продажными ценами.

ж) В черной металлургии два треста, имеющие специальную продукцию — Электросталь и Магнезит — показали весьма высокую рентабельность. Первый из них вырабатывает инструментальную сталь разных профилей, при чем трест, благодаря, главным образом, установленному новому оборудованию, достиг в отчетном году значительного снижения себестоимости, что позволило снизить отпускные цены отчетного года, сохраняя высокую рентабельность капиталов треста. Завод „Магнезит", вырабатывающий специальные магнезитовые продукты, использовал, видимо, свою монополию в этой отрасли производства.

В отношении чисто металлургических трестов можно указать, что из уральских трестов Пермский дал несколько пониженную рентабельность сравнительно с Южно-Уральским из-за высокой себестоимости чугуна, что в свою очередь обусловливалось слишком высокой стоимостью дровозаготовок Пермского треста. То же относится и к Надеждинскому комбинату, но и в этих условиях некоторая незначительная убыточность его носит скорее формальный характер, об'ясняясь недостаточно четким разделением учета текущих и капитальных ремонтов, частично же низкая рентабельность его вытекала и из некоторого несоответствия между себестоимостью продукции и отпускными ценами.

Завод „Красный Октябрь" (в Царицыне), работавший более экономично, по сравнению с уральскими трестами дал и несколько более высокую рентабельность, чем они. Еще более благоприятным в этом отношении было положение Югостали, улучшившей организацию производства в 1925/26 г. Краматорский завод, выделившийся из Донугля с 1 октября 1925 г., соединяет производство черного металла с машиностроением, при чем именно последнее оказалось в 1925/26 г. для треста особенно рентабельным (24%—26% к себестоимости) благодаря высоким отпускным ценам.

з) В машиностроении наиболее рентабельным является трест Госшвеймашина. Причина этого кроется в методе определения трестом отпускных цен на основную продукцию (швейные машины и части их) путем помножения довоенных отпускных цен на „средний индекс вздорожания", между тем как фактическая себестоимость возросла в меньшей степени, по условиям импорта ввозимых частей.

Рентабельность других машиностроительных трестов не высока и чаще отрицательна, что об'ясняется и регулирующей политикой сдержанных цен (в частности, при поставке НКПСу) и многими

технико-организационными дефектами производства в 1925/26 г., удорожавшими производство.

Убыточность Автотреста об'ясняется сложностью и новизной автопроизводства в СССР.

и) Судостроение носит убыточный характер по всем трестам, что об'ясняется отчасти новизной дела коммерческого судостроения в СССР и недостаточной нагрузкой заводов.

к) Вся текстильная промышленность, работающая в условиях напряженного спроса на текстильные товары, характеризуется высокой рентабельностью; особенно это относится к шерстяной промышленности, сократившей в 1925/26 г., по сырьевым условиям, выработку чисто шерстяных товаров и перешедшей, в значительной степени, на выработку наиболее рентабельных полушерстяных.

л) Высокая прибыльность чайной промышленности вытекала из превалирующего в ее деятельности импортно-торгового характера ее операций.

Пестрота процента прибыли и стоящих за ним хозяйственных тенденций (напр., в отношении размера накидок на себестоимость) вынудила СТО поставить вопрос о политике в области прибылей промышленности. Принципиальное решение вопроса дано в постановлении СТО от 19 августа 1927 г., устанавливающем связь между политикой прибылей, политикой снижения цен и задачами накопления в промышленности в целях расширения воспроизводства. В постановлении отмечается, что „масса прибыли, как правило, должна расти, при чем рост должен итти за счет увеличения массы товаров, а также за счет рационализации производственного процесса и оборота, при снижении абсолютной величины прибыли в отпускной цене на единицу товара". Постановление предусматривает необходимость устанавливать „среднюю прибыль по всей промышленности, по отдельным ее отраслям, в пределах отраслей — по трестам, для включения в калькуляцию отдельных предприятий". Однако, арифметика подчинена здесь хозяйственной целесообразности — п. 6 постановления гласит: „Внутри промышленности, согласно плану, отдельные отрасли, а также отдельные предприятия могут давать прибыль повышенную или пониженную в сравнении с установленной средней нормой или вовсе не давать прибыли, если это предусмотрено планом в связи со специфическими условиями работы".

Может быть, не сразу бросается в глаза наличие тесной экономической связи между политикой прибыли в промышленности и политикой финансирования ее; такая связь не только существует, она прямо подчеркнута постановлением СТО от 14 июня 1927 г.: предусматривая новый порядок бюджетного финансирования промышленности (через ОДК Промбанка), СТО поручил заинтересованным ведомствам (ВСНХ, НКФ, НКТоргу, Госплану) „представить конкретные предложения, с соответствующим обоснованием, о системе безвозвратности и возвратности ссуд и кредитов промышленности и одновременно с этим представить доклад о системе амортизационных отчислений и политике в области прибылей".

Как бы ни углублять идею хозрасчета промышленных трестов СССР, как бы ни разграничивать формально фискальные позиции госбюджета от учета и распоряжения национализированным имуществом,— совпадение управленческих и хозяйственных функций государства весьма затрудняет абстрактное решение вопроса о возвратности или безвозвратности бюджетных ассигнований промышленности и оплате их процентами, заставляя решать этот вопрос, главным образом, ad hoc, в зависимости от реальной обстановки и соображений наибольшей конкретной целесообразности.

Обычно считают, что безвозвратность бюджетных ассигнований предрешает включение их в состав уставного капитала трестов, а возвратность исключает таковое. Если первое можно признать бесспорным, то второе, как увидим ниже, не всегда обязательно.

Можно признать, нам кажется, в общем три основания возвратности бюджетных ассигнований:

а) Если последнее имеет место в целях усиления основного капитала предприятия, то погашение такой ссуды стоит в зависимости от возможности фактического высвобождения амортизационных сумм из предприятия в совершенно ликвидной денежной форме; при этом размер процентной оплаты ссуды должен определяться в зависимости от вероятного процента прибыли самого треста, исчисленной по отношению к реально действующим в нем капиталам. В этом случае возвратная часть бюджетного ассигнования не включается в уставный капитал и проводится самостоятельной статьей в пассиве.

б) Другая схема погашения бюджетного ассигнования, направленного на усиление основного капитала, ставится в зависимость от рентабельности предприятия, если перспективы эксплоатации и сбыта и политика прибылей позволяют предусмотреть выделение из прибылей треста суммы, необходимой для погашения и процентной оплаты бюджетной ссуды. Здесь мы имеем случай, когда предрешаются одновременно и возвратность ссуды и включение ее в уставной капитал треста, при чем последнее осуществляется по мере погашения ссуды.

в) Ассигнование, идущее на усиление оборотных средств, может быть сделано возвратным в зависимости от перспективы замены его в обороте треста другими ресурсами (из прибылей треста или за счет краткосрочного кредита), или же в зависимости от перспективы ускорения оборота и снижения оборотного капитала в будущем.[1]

Для иллюстрации можно указать, как на характерный пример, на гидроэлектрическую станцию — долголетнее сооружение, способ-

[1] Приведенные автором основания возвратности бюджетных ассигнований редакция считает дискуссионными. Ред.

ное ряд лет работать почти без капитального ремонта; таким образом, для него необходимость обратного вложения в предприятие высвобождаемых амортизационных сумм наступает спустя ряд лет, так что по принципу, изложенному выше в п. „а", бюджетное ассигнование может быть сделано в подавляющей части возвратным. Более того, эксплоатация такого предприятия предполагает по меньшей мере получение 6% на затраченный капитал, иначе сооружение его делается лишенным экономического смысла, и это настолько ясно, что калькуляцию себестоимости электрической энергии обычно отождествляют с калькуляцией цены и включают в нее оплату капитала, при чем полученная таким образом главная слагающая себестоимости — цены значительно превосходит сумму эксплоатационных расходов и амортизации. Поэтому и в силу принципа п. „б" надо предусмотреть возвратность всего или почти всего ассигнования, при чем процент оплаты ссуды здесь может быть принят близким к расчетному проценту калькуляции, так что часто он будет близким или равным предельному (в силу декрета) проценту — 6%. Здесь по мере погашения ссуды может возрастать уставный капитал предприятия, однако, не выше чем до реальной оценки имущества по активу к моменту стабилизации уставного капитала (если пренебречь незначительной величиной оборотного капитала такой станции).

В других отраслях промышленности признак, указанный в п. „а", трудно применять в тех случаях, когда предполагается неопределенно долгий срок эксплоатации предприятия. Например, в угольной или нефтяной промышленности, или вообще в горнодобывающей, его можно применять в тех случаях, когда самостоятельное предприятие организуется для выработки определенного участка месторождения. Но при таких огромных производственных конгломератах, как Донуголь или Азнефть, где истощение одних участков, полей или пластов компенсируется вовлечением в эксплоатацию других, только в редких случаях можно будет устанавливать возвратность бюджетных ассигнований по принципу покрытия таковых из амортизационных сумм (п. „а"). Но это не закрывает еще возможности погашения и процентной оплаты бюджетного ассигнования из прибылей. Поясним это прямым расчетом.

Погашение ссуды в 100 рублей, нарастающей из $a\%$ сложных, равными уплатами в течение 25 лет требует ежегодно:

При $a = 0\%$ (беспроцентная ссуда) . . . . 4 р. или 4 на сумму ссуды.

„ $a = 1\% \ldots\ldots 1 \text{ р.} \times \frac{1{,}01^{25}}{1{,}01^{25} - 1} =$ ок. 4,5 „ „ 4,5% „ „ „

„ $a = 2\% \ldots\ldots 2 \text{ „} \times \frac{1{,}02^{25}}{1{,}02^{25} - 1} =$ „ 5 „ „ 5% „ „ „

„ $a = 3\% \ldots\ldots 3 \text{ „} \times \frac{1{,}03^{25}}{1{,}03^{25} - 1} =$ „ 5,5 „ „ 5,5% „ „ „

„ $a = 4\% \ldots\ldots$ и т. д. = „ 6,4 „ „ 6,4% „ „ „

„ $a = 5\%$ = „ 7 „ „ 7% „ „ „

„ $a = 6\%$ = „ 7,8 „ „ 7,8% „ „ „

Указанные в этой скале проценты содержат и полное погашение ссуды в 25 лет и оплату ее из 0%—6% годовых.

Исходя из сопоставления указанных выше цифр (4,5% — 7,8%) с возможной рентабельностью трестов в перспективе, можно устанавливать характер бюджетного ассигнования и степень возвратности ссуды по признаку п. „б". Например, при высокой и устойчивой рентабельности Грознефти бюджетное ассигнование для нее может быть полностью возвратным и погашаться из 6%, а для Азнефти, для которой при существующих рентных ставках прибыль близка к средней по всей промышленности (7 — 8% на капитал), необходимо итти на ограничение или возвратности или процента; например, можно предложить половину бюджетных ассигнований включать в уставный капитал немедленно (безвозвратное ассигнование), половину же погашать из 4 — 6%, что равносильно ежегодному отчислению 3,2 — 3,9% на всю сумму бюджетного ассигнования (возможны и другие комбинации). В этом случае по мере погашения возвратной части ссуды соответственно на сумму этого погашения (но не присчитанного к нему процентирования долга) ежегодно в течение 25 лет будет увеличиваться уставный капитал треста. Бюджетные ассигнования на капитальное строительство Донугля надо считать в ближайшие годы вообще безвозвратными в связи с ничтожной рентабельностью этого треста и перспективой настойчивого снижения угольных цен по мере удешевления производства.

Остаток прибыли за взносом погашения по ссуде подлежит распределению, согласно декрету о трестах, при чем подоходный налог должен взыскиваться с полной суммы валовой прибыли, а предусмотренное статьей 46 декрета о трестах отчисление 12,5% прибыли („капитал расширения") должно итти в первую очередь на необходимое увеличение уставного капитала.[1]

Нетрудно составить скалу погашения ссуд и на другие сроки (например, на 15 - 20 лет равными суммами, что облегчит, в сопоставлении с перспективной картиной прибылей субсидируемого предприятия, определение доли и условий возвратности и оплаты ссуд.

Следует, кстати, отметить, что во многих случаях бюджетные ассигнования имеют целью строительство новых промышленных предприятий, технически передовых и потому обещающих высокую диференциальную прибыль сравнительно со старыми предприятиями

---

1 Дело в том, что арифметически и формально величина прибыли по балансу не изменяется от такой операции погашения ссуды, так как соответственно уменьшается долг предприятия; но часть прибыли оказывается при этом в форме освобожденной от задолженности части капитального имущества и прочих материальных ценностей, иначе говоря, принимает, главным образом, неподвижную форму. Экономически это, разумеется, неравноценно с накоплением в ликвидной форме, хотя бы ценой сохранения всей задолженности за трестом. Поэтому следовало бы, нам кажется, в этом случае при разверстке балансовой прибыли часть ее относить на соответственное увеличение уставного капитала.

аналогичного производства. Таким образом, в большинстве случаев можно обосновать возвратность и процентную оплату таких ссуд по признаку рентабельности трестов, с постепенным соответственным увеличением их уставного капитала (см. п. „б“).

Но и в отношении тех безвозвратных ассигнований, какие включаются непосредственно в уставные капиталы трестов, следует поставить вопрос, должны ли они быть в то же время и беспроцентными? Мы считаем, что этот вопрос должен принять более широкую форму: должны ли вообще тресты, как хозрасчетные учреждения, оплачивать свои уставные капиталы, т.-е. переданную в их эксплоатацию часть национального достояния? Принципиальный ответ на этот вопрос должен быть дан положительный: с иным социальным содержанием, но требование прибыли остается и в условиях нэпа. Как правильно указывает А. С. Мендельсон (статья в № 6 „План. Хоз.“ за 1927 г.), говоря о категории прибыли: „Из стимула к хозяйствованию в условиях капиталистического процесса, когда процесс расширенного воспроизводства есть лишь средство, способ достижения цели получения максимальной прибыли,— эта категория превращается в средство накопления, при помощи которого достигается расширенное воспроизводство, направляемое в сторону достижения социализма“. Разумеется, это не устраняет необходимости перераспределения накоплений через госбюджет. И вышеупомянутое постановление СТО от 19 августа с. г. о политике прибылей промышленности предусматривает, как правило, рентабельность промышленных капиталов, хотя и индивидуализированную по отраслям производства, а иногда и по трестам. Этим предрешается включение прибыли в калькуляцию цены. Мы считаем, что в силу этого принципа, а также и с точки зрения хозяйственной дисциплины, все уставные капиталы трестов должны оплачиваться госбюджету, но система твердых процентных оплат должна быть построена достаточно осторожно, варьируя по отраслям и трестам и отражая в себе в значительной степени не только политику прибылей, но и политику цен, а также задачи необходимого для трестов внутреннего накопления средств для расширенного воспроизводства.

Г. Серебренников

К вопросу об установлении новых норм брони подростков в промышленности[1]

(Методология вопроса и опыт исчисления)

I

На последнем С'езде Советов СССР получил свое принципиальное разрешение старый наболевший вопрос о броне подростков в промышленности. По докладу председателя ВСНХ СССР С'езд Советов вынес решение о необходимости пересмотра действующих норм брони на основе соответствия их с действительной потребностью предприятий.

Вопрос о необходимости пересмотра норм брони подростков в промышленности поднят уже довольно давно. Еще в 1924 г. по этому вопросу шла оживленная дискуссия в печати, и ряд хозяйственных работников высказывался в том смысле, что действующие нормы брони установлены без достаточного учета потребности промышленности в квалифицированных пополнениях.

Опыт последних лет в достаточной степени подтвердил правильность этих утверждений и доказал языком фактов и цифр, что установленные нормы брони подростков являются для подавляющего большинства промышленных отраслей весьма избыточными. Прежде всего эта избыточность действующих норм брони получила свое отражение в том почти всеобщем явлении, что несмотря на ряд законодательных и ведомственных (как по линии НКТ, так и по линии ВСНХ) подтверждений, нормы брони подростков промышленностью полностью не выполнялись. Против среднего процента брони подростков 7—8%, положенного по закону, общий процент подростков по промышленности составлял в 1925 г.—5,5%, в 1926 г.—5,7% от общего числа рабочих.

Но и эти невыполненные целиком нормы числа подростков оказались для промышленности тяжелыми и болезненно отражавшимися на общей организации рабочего состава предприятий и, прежде всего, на организации труда и обучения подростков. Как показал опыт, предприятия не имеют возможности использовать всех подростков на производственной квалифицированной работе. Большой процент подростков используется как запасная рабочая сила на

[1] В порядке обсуждения. Ред.

неквалифицированных работах, не получая никакого обучения и не принося пользы производству (по некоторым трестам — Мальцевский округ, Люберецкий завод, Фанерный трест — процент подростков на неквалифицированных работах составлял в 1926 г. 40—50%, по каменноугольной промышленности — 27%).

На ряду с этим избыточность брони отражается неблагоприятно и на самом обучении. Предприятия, как правило, стремятся охватить обучением возможно большую часть брони, но для всех обучающихся подростков нехватает станков, инструкторов и т. д., вследствие чего падает успеваемость и производительность труда подростков.

В целях изжития этих ненормальностей ЦИК СССР и вынес свое постановление. Основной смысл его заключается в том, чтобы закрепить за предприятием лишь то количество подростков, которое оно должно обучать для покрытия своей определенной потребности в квалифицированной, т.-е. требующей обучения силе.

Таким образом, это постановление ЦИКа твердо устанавливает на броню подростков взгляд, как прежде всего на ученический институт, именно как на институт подросткового ученичества: новые нормы брони должны стать как бы фиксированным выражением потребного предприятию числа подростков учеников.

II

Какими же путями и какими методами должны устанавливаться эти новые нормы брони?

Чтобы ответить с необходимой полнотой на этот сложный вопрос, нужно его расчленить на составные части, а именно в соответствии с основной установкой брони на покрытие потребности предприятия в квалифицированных рабочих, путем соответствующего обучения подростков, выявить, во-первых, кого нужно в данном случае разуметь под квалифицированными рабочими; во-вторых, какую именно потребность в них броня должна покрывать и как эту потребность исчислять; в-третьих, как, исходя из этой потребности, устанавливать необходимое число забронированных для обучения подростков.

Рассмотрим эти вопросы по порядку.

Понятие „квалифицированный рабочий" в достаточной степени неопределенно. По принятой официальной номенклатуре Наркомтруда основной признак квалифицированных профессий — принадлежность к определенным тарифным разрядам. Однако, при исчислении норм брони этим признаком руководиться никак нельзя, потому что тарифный разряд не является, как таковой, критерием для определения, нуждается ли данная профессия в обучении или нет. Мы имеем ряд квалифицированных (по разряду) профессий, не требующих обучения, и, наоборот, ряд полуквалифицированных профессий, обучения требующих. Поэтому отбор профессий, принимаемых во внимание при расчете норм брони, должен производиться не по голому тарифному признаку, а по признаку сложности той или иной профессии и требуемой ей подготовки и обучения, при чем все профессии, требующие определенной организованной подготовки (в форме ли школьного обучения—школах ФЗУ, или в форме просто производственного обучения, путем индивидуально-бригадного ученичества) должны при этом браться в расчет.

Такого рода работа по установлению профессий, требующих организованного обучения, проводилась в течение последних двух лет в ГЭУ ВСНХ СССР с участием ЦК Союзов и Главпрофобра, и ее результаты могут быть в основном приняты, как исходный материал всей работы по установлению норм брони.

К основному принципу отбора профессий, подготовляемых броней, необходимо, однако, сделать одно весьма существенное ограничение. Поскольку „броня подростков" является, как было сказано выше, институтом именно подросткового ученичества, то естественно, что из ее расчета должны быть исключены профессии, не допускающие труда подростка или обучения его к данной профессии, хотя бы они и требовали организованного обучения (а именно профессии в тяжелых, вредных, горячих и опасных производствах, например, забойщики—в каменноугольной промышленности, ключники — в нефтяной и т. д.). В этих профессиях броня и связанное с ней подростковое ученичество, конечно, не могут служить источником восполнения потребности в квалифицированной рабочей силе.

Таким образом, круг профессий, потребность в коих должна восполнять броня, нужно определить как квалифицированные профессии, требующие того или иного организованного обучения и допускающие труд подростков или их обучение к данной профессии.

III

Второй вопрос, возникающий при исчислении норм брони, какую именно потребность в квалифицированных рабочих броня должна покрывать и как эту потребность установить?

Прежде всего нужно отметить, что броня подростков не должна и не может покрывать всей имеющейся потребности в рабочих квалифицированных профессий и не только потому, что некоторые из этих профессий, как мы отметили, не могут быть подготовлены из подростков, но, главным образом, в силу того обстоятельства, что кроме брони подростков есть ряд других источников квалифицированной рабочей силы (передвижка, рынок труда, взрослое ученичество, избыточная рабсила), которые должны приниматься в расчет при покрытии потребности в рабочей силе.

Но если не всю, то какую именно часть потребности в квалифицированных рабочих должна покрывать броня?

Тут нужно принять во внимание, что поскольку норма брони устанавливается на более или менее продолжительный срок, она должна строиться на основе более или менее стационарной, из года в год постоянной потребности. Таковой является потребность в восполнении убыли, и ее то в первую очередь и в основном должна покрывать броня подростков, тем более, что прямое, непосредственное назначение брони — это введение в производство молодых возрастов взамен убывающих старых. Но вместе с тем, по отношению к тем отраслям промышленности, для которых характерно быстрое возрастание числа рабочих или которые вообще встречают затруднения в укомплектовании своего рабочего состава, броня должна частично, в некоторой доле подготовлять рабочих и для целей развертывания промышленности, и при ее исчислении это развертывание должно учитываться, как некоторый дополнительный коэфициент к основному расчету. Наоборот, для тех отраслей промышленности, для которых намечается в течение ряда ближайших лет стационарный состав рабочей силы (в частности, в связи с уплотнением труда) и потребность которых в рабочей силе вследствие этого ограничивается восполнением убыли рабочего состава,— броня должна исчисляться из такого расчета, чтобы покрывать своими выпусками не всю убыль, а ее некоторую, но обязательно весьма значительную часть, чтобы таким образом остающаяся меньшая часть убыли восполнялась из других внутренних источников (передвижка взрослых рабочих и т. д.).

Обратимся теперь к методологической стороне вопроса, т.-е. каким путем должна определяться потребность в рабочей силе и прежде всего убыль рабочей силы. Это вопрос — очень сложный и на нем нужно остановиться подробнее.

Обычно под естественной убылью понимают чисто физиологическую убыль по причинам смертности и инвалидности, но это узкое ограничительное понимание явления; кроме физиологических факторов убыли имеется ряд факторов социально-экономического характера, как-то: перемена профессий, уход в сельское хозяйство или в домашнее хозяйство, уход на общественную работу, в семью, весьма существенно влияющих на уровень убыли, особенно в условиях нашей страны с повышенной динамикой рабочего состава. Необходимо поэтому учитывать при установлении брони всю убыль, понимая под ней общее выбытие рабочей силы из производства как по физическим, так и по социально-экономическим причинам.

Такое понимание убыли определяет в основном и методологию ее исчисления. Прежде всего оно приводит к отказу от попыток установить коэфициенты убыли на основе данных отдельных хозорганов (промзаведений, трестов, хотя бы и крупных), так как последние не в состоянии проследить по отношению к значительной

части выбывших рабочих, переменили ли они только место своей работы или совсем ушли из данного производства (или со своей профессиональной работы), без чего нельзя установить действительные размеры убыли. Подсчет убыли по производствам (или профессиям) нужно поэтому производить, исходя из массовых данных, относящихся к данному производству (или профессии) в целом.

С другой стороны, столь же несомненно, что при этом необходимо убыль исчислять, не расчленяя ее по отдельным составным факторам, так как эти факторы весьма многочислены и в значительной своей части не поддаются точному статистическому учету, а во всей ее совокупности, целиком.

Что касается данных об убыли отдельных трестов или данных, относящихся к учету отдельных ее частей, то они могут быть привлечены лишь как вспомогательный, проверочный материал к основному „целостному“ расчету убыли.

Из всех существующих методов подсчета убыли, отвечающих этим основным требованиям, наиболее приспособленным к нашим бытовым условиям, признан рядом авторитетных органов (Секция профтехнического образования ОСВОК, органы Госплана СССР) так называемый „метод модального возраста“, сущность которого заключается в том, что годичная убыль рабочих определяется, исходя из числа рабочих в модальном (наиболее распространенном) возрасте.

Тем не менее, в последнее время многие, исходя из того положения, что социально-экономические факторы не могут сколько-либо значительно повышать норму физиологической убыли, высказывались в том смысле, что метод модального возраста дает преувеличенный расчет убыли и что поэтому нельзя основываться на установленных путем его применения (к данным переписи 1923 г.) нормах Нам, однако, представляется такое мнение неосновательным.

Во-первых, у нас, в сущности, нет других исчислений убыли, значительно отличающихся от госплановских. Произведенное нами сличение норм убыли, экспертным путем установленных хозорганами с нормами Госплана показывает, что эти нормы, хотя их часто противопоставляют, оказываются очень близки друг к другу, или же данные хозорганов даже превышают нормы Госплана. Металлопромышленные тресты ГУВП и Гомза исходят в своих подсчетах из 4% убыли (против 4,1% госплановского подсчета). Секция профтехнического образования установила на основании экспертных суждений хозорганов процент убыли в каменноугольной промышленности 6% (против 4,8%) и в текстильной—5% (против 5,3%). Иваново-Вознесенский трест определяет процент убыли квалифицированных текстильщиков в 5—6—7%. Совет с'ездов химической промышленности—убыль в химической промышленности (в основной) в 5% (против 4,5%). Инж. Готман в своем докладе в Лесной секции ОСВОКа процент убыли квалифицированных деревообделочников определяет в 5% (против 4,2%).

С другой стороны, произведенный нами весьма, правда, грубый опыт анализа убыли рабочего состава по отдельным факторам приводит в общем к тем же выводам, что если госплановский расчет не точен, то скорее в сторону преуменьшения, чем преувеличения, а что уход на учебу, выдвиженчество на союзную и прочую работу, уход женщин в семью, экономическая убыль — уход в деревню, перемена профессий, деквалификация, связанная с безработицей,— в общем итоге должны образовать довольно значительную убыль рабочего состава, заметно повышающую физиологическую норму убыли.

Что касается путей и методов определения той части прироста, которая должна учитываться в нормах брони, то они могут носить только экспертный характер. На основании анализа существующего положения с комплектованием рабочей силы из остальных источников (биржи труда, взрослое ученичество, избыточная рабсила, передвижка) и возможных перспектив его на ближайшие годы нужно установить, следует ли производить частичную подготовку прироста квалифицированных рабочих из брони подростков и если да, то в каких размерах.

IV

Последним элементом, входящим в расчет брони, является нормальная продолжительность подготовки, требуемая отдельными производствами и профессиями. Совершенно ясно, что при нормальном сроке обучения в два года понадобится иметь в броне подростков в два раза больше, чем при годовом сроке обучения.

Нужно отметить, однако, что количество подростков в броне должно увеличиваться не прямо пропорционально потребному числу лет обучения (как в приведенном примере), но с некоторым даже возрастанием, вызываемым необходимостью дополнительно учитывать при расчете брони некоторый процент утечки за время обучения, который ложится не в одинаковой степени на отдельные годы обучения, а является и абсолютно и относительно большим при долгосрочном, чем при краткосрочном обучении. Можно условно принять утечку при одногодичном обучении — 5%, при двухгодичном — 10%, а при трехлетнем — 20%. Столь резкое возрастание утечки при трехлетнем обучении представляется вполне естественным, поскольку трехлетнее обучение выдержать значительно труднее, чем двух- или одногодичное и поскольку поэтому отсев учащихся при трехлетнем обучении весьма возрастает.

Когда установлены профессии, требующие организованного обучения из подростков и определена та потребность в них, которая должна покрываться через броню, а также известен срок обучения по отдельным профессиям, то установление норм брони становится делом довольно простого технического расчета и может быть произведено путем применения вполне определенной формулы.

Действительно, если мы обозначим через a — процент рабочих, требующих подготовки, к общему числу рабочих, через m — процент годичной убыли этих рабочих, через q — продолжительность обучения в годах и через n — процент утечки брони за время обучения, то нормальный процент брони к общему числу рабочих выразится в:

$$\frac{a \cdot m}{100} \cdot q \, \frac{(100+n)}{100}$$

При этом надо иметь в виду, что так как сроки обучения (q), а также и процент убыли (m) не одинаковы для всех профессий, расчет по этой формуле надо производить раздельно по группам профессий, однородным в отношении требуемой подготовки и убыли, затем суммируя полученные результаты.

V

На основании изложенных принципов нами произведен пробный подсчет необходимых норм брони подростков в соответствии с потребностью промышленности по важнейшим отраслям производства.

В качестве конкретных исходных материалов при этом были использованы разработанные в прошлом году в ГЭУ ВСНХ СССР номенклатуры профессий, требующих организованной подготовки, с распределением их по формам и срокам подготовки (без тех частичных коррективов, которые внесены Отделом экономики труда и профтехнического образования в самое последнее время) и произведенный Отделом экономики труда и профтехнического образования на основании этих номенклатур по фактическим данным трестов и главных управлений учет профессионального состава по отдельным производствам.

В качестве примера произведенного учета приведен профессиональный состав по металлообработке и металлургии, полученный на основании данных о списочном числе рабочих по профессиям трестов Гомзы, Мосмаштреста, Ружтреста, Патроно-трубочного треста, Судотреста Южно-Уральского треста, Пермского горнозаводского треста, Южмаштреста и крупнейших заводов Югостали с общим количеством 212.000 рабочих[1] и профессиональный состав по каменноугольной промышленности по данным Донугля.

Профессиональный состав рабочих, требующих подготовки, в металлопромышленности

В %% к общему числу рабочих.

I. Металлообработка (проф. состав металлообрабатывающих трестов)

Всего требует обучения	47,2	Формовщики-шишечники	2,6
		Сталевары, вагранщики	0,3
Из них:		Медники	0,5
А. Профессии, требующие длительного обучения в школах ФУЗ[2]	28,2	Вальцовщики	0,2
		Сварщики, нагревальщики	0,5

[1] Самый подсчет произведен заведующим профтехобразованием треста Гомзы тов. И. Д. Ульяновым.

[2] Взяты лишь рабочие, приходящиеся на 6-ой разряд и выше, что составляет 71% общего числа рабочих по приведенным профессиям.

Модельщики	0,6
Кузнецы, молотобойцы	2,2
Котельщики, чеканщики	0,7
Калильщики	0,5
Отжигальщики	0,2
Слесаря	13,0
Токаря	5,5
Станочники	6,4
Б. Профессии, требующие недлительного обучения, подготовляемые в порядке индив.-бригадн. ученичества	19,1
Обрубщики, опиловщики	0,5
Крючечники	0,1
Плавильщики	0,1
Волочильщики, тянульщики	01
Клепальщики	0,7
Листоправы	0,2
Паяльщики, лудильщики	0,2
Штамповщики	0,3
Болторезы	0,3
Машинисты	2,0
Электромонтеры	0,8
Прессовщики	0,9
Разметчики	0,6
Монтеры	0,4
Лекальщики	0,1
Шаблонщики	0,1
Столяры	1,7
Шлифовальщики	0,2
Крановщики	0,5
Кровельщики жест.	0,4
Плотники	1,7
Маляры	0,8
Печники	0,7
Кочегары, шуровщ.	1,6
По профессиям, перечисленным в разделе А, рабочих низших разрядов (до 5-го включительно), что составляет 29% общего их числа.	11,5

II. Металлургия (проф. состав металлургических трестов)

Всего требует обучения	34,9
Из них:	
А. Профессии требующие длительного школьного обучения[1]	18,8
Горновые	0,3
Газовщики, генераторщ.	0,1
Формовщики, шишечн., литейщ.	2,3
Сталевары, вагранщики	0,6
Медники	0,2
Вальцовщики	3,1
Сварщики, нагревальщики	1,4
Модельщики	0,1
Кузнецы, молотобойцы	1,8
Б. Профессии, требующие индивидуально-бригадн. ученичества	16,1
Из них:	
1. Профессии, могущие быть подготовленными из подростков	6,51
Обрубщики, опиловщики	0,6
Котельщики	0,21 (27% от 0,8%)
Котельщики, чеканщики	0,8
Калильщики	0,1
Отжигальщики	—
Слесаря	5,8
Токаря	1,4
Станочники	1,5
Машинисты	3,7
Электромонтеры	0,6
Прессовщики	0,2
Разметчики	0,3
Монтеры	—
Лекальщики	—
Шаблонщики	—
Столяры	0,3
Канавщики-желобщики	0,7
Крючечники	1,1
Плавильщики	0,8
Сортировщики, резчики	12
Волочильщики, тянульщики	0,1
Клепальщики	0,6
Паяльщики, лудильщики	0,2
Крановщики	0,1
Кочегары, шуровщ.	1,5

[1] Взяты лишь рабочие 6-го и выше разрядов (76% общего состава).

Слесаря	1,65 (25% „ 5,8%)
Токаря	0,26 19% „ 1,4%)
Станочники	0,36 (24% „ 1,5%)
Электромонтеры	0,1 (17% „ 0,6%)
Кузнецы, молотобойц.	0,95 (53% „ 1,8%)
Болторезы	0,1
Разметчики	0,05 (18% от 0,3%)
Кровельщики	0,2
Столяры	0,03 (11% от 0,3%)
Плотники	1,1
Маляры	0,2
Печники	0,7
2. Профессии, подготовляемые из взрослых рабочих	9,59
Ковшевые сифонщики	0,6
Горновые	2,69% (13% от профессий, невошедш. в раздел А)
Газовщики генерат.	
Формовщики, литейщики	
Сталевары, вагран.	
Медники	
Вальцовщики	
Сварщики, нагрев. кантовщ.	
Модельщики	
Машинисты	
Прессовщики	
Калильщики	
Монтеры	
Шаблонщики	
Лекальщики	

Профессиональный состав рабочих, требующих подготовки, в каменноугольной промышленности

А. Профессии, требующие длительного школьного обучения	17,0
а) Через трехлетнюю школу ГПУ	9,1
Машинисты врубовых машин	1,1
„ подземные, лебедчики и пр.	1,1
„ паровозные	1,3
Камеронщики	0,3
Электрики	0,67
Слесаря	1,6[2]
Токаря	0,5
Котельщики	0,6
Столяры, плотники	1,4[3]
Кузнецы	0,60
б) Через двухлетнюю школу ГПУ	7,9
Бурильщики	1,6
Крепильщики	5,4
Дорожные	0,6
Запальщики	0,3
Б. Профессии, не требующие школьного обучения	20,3
Забойщики	16,1
Прочие подземн. рабочие (проходчики ствольные)	1,6
Прочие строительные и механические рабочие	1,4
Кочегары	1,2
Всего по профессиям, требующим подготовки	37,3

По остальным важнейшим отраслям промышленности произведен аналогичный подсчет; общие его результаты (по группам профессий) представлены в общей таблице исчисления брони, приведенной ниже.

Самый расчет брони велся, в основном, в соответствии с вышеизложенным, на восполнение естественной убыли, при чем проценты убыли брались по отдельным производствам, исходя из данных расчета, произведенного в Госплане, но с учетом данных трестов

[1] Общее число рабочих основного производства принято за 100%.

[2] По основным данным 2,2%; уменьшено в связи с последними данными Донугля.

[3] По основным данным—2%; уменьшено в связи с последними данными Донугля.

и главных управлений ВСНХ СССР, в результате чего приняты следующие нормы убыли.

По металлопромышленности и электропромышленности взят коэфициент 4%, принятый Госпланом, Главметаллом и крупнейшими трестами.

По каменноугольной промышленности взят коэфициент 6%, принятый Донуглем и Горной секцией ОСВОКа в прошлом году.

По нефтяной промышленности взят коэфициент 4% по аналогии с металлопромышленностью, так как по нефтяной промышленности подавляющая масса подготовляемых профессий — механические.

По текстилю взят коэфициент 5%, близкий к принятому Госпланом (5,3%), подтвержденный исследованием Иваново-Вознесенского треста и Текстильной секцией ОСВОКа.

По бумажной промышленности взят коэфициент 3,5%, выдвигаемый Бюро с'ездов бумажной промышленности и бумажными трестами (по Госплану — 4%).

По лесной промышленности взят коэфициент 4% (близкий к госплановскому — 4,2%).

По силикатной — 5% (по Госплану — 5,5%).

По кожевенной и пищевой — 4% (по Госплану также 4%).

По химической — 5% (по Госплану — 4,5%, по данным Совета с'ездов химической промышленности — 5%).

По полиграфической и горнорудной взят близкий с среднему процент — 5%.

Что касается прироста рабочего состава, то он учтен дополнительно к основному подсчету чисто экспертным путем и притом в весьма незначительной степени. В самом деле прирост рабочей силы на ближайшую пятилетку запроектирован всего в 20%, при чем на последние годы пятилетки он выражается всего в 2,6% — в 1930/31 г. и в 2,7% — в 1931/32 г., а между тем только последние годы и должны приниматься во внимание при подсчете брони, так как комплектуемая сейчас броня даст пополнение только в эти годы. Между тем, мы имеем значительные кадры квалифицированных безработных на рынке труда, мы имеем обычную практику предприятий комплектовать свои квалифицированные ряды при развертывании производства из взрослых рабочих как занятых уже в производстве, путем их передвижки с низших работ, так и из приходящих извне. Пятилетка предусматривает интенсивный рост курсового обучения, что создаст еще более широкие возможности для организованной передвижки. Кроме того, во многих производствах имеются значительные излишки рабочей силы, которые, повидимому, учтены в настоящее время еще далеко не полно и которые будут рассасываться постепенно, прежде всего при расширении производства.

При такой обстановке нет никаких оснований относить на броню подростков сколько-нибудь значительное покрытие потреб-

Расчет нормального процента брони подростков по важнейшим отраслям производства

Отрасли промышленности	В %% к общ. числу рабочих, требующих обучения:			Из них допускающих обучение подростков			% убыли	Ежегодн. убыль рабоч., треб. обуч. из подростк. (в %% к общ. чис. раб.)			Из общей убыли раб., треб. подг., должны быть покр. броней (в %% к общ. числу рабочих)		Средняя продолж. потребного обучения		% подрост. для восполнен. убыли (в %% к общ. числу раб.)			% брони к общ. числу раб. с дополн. учет. части прироста
	Длительного	Недлительного	Всего	Длит.	Недлит.	Всего		Длит.	Недлит.	Всего	Длит.	Недлит.	Длит.	Недлит.	Длит.	Недлит.	Всего	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1. Металлообрабатывающая . . .	28,2	19,0	47,2	28,2	19,0	47,2	4	1,128	0,76	—	1,128	0,76	3 г.	1½ г.	4,06	1,26	5,31	5,3
2. Металлургия . .	18,8	16,1	34,9	18,8	6,5	25,3	4	0,752	0,26	—	0,752	0,26	3 „	1½ „	2,706	0,43	3,1	3,5
3. Каменноугольная	17,0	20,3	37,3	17	1,4	18,4	6	1,82	0,084	—	1,02	0,084	3 и 2 „	1½ „	3,07 (2,01+1,06)	0,18	3,25	3,25
4. Нефтяная . . .	15,1	15,2	30,3	12,08	10,99	15,29	4	0,483	0,4376	—	0,483	0,438	3 „	2 „	1,74	0,96	2,7	3,0
5. Электротехническая	28	19	47	28	19	47	4	1,12	0,76	—	1,12	0,76	3 „	1½ „	4,02	1,25	5,25	5,3
6. Текстильная . .	28,1	34,2	62,3	28,1	31,2	59,3	5	1,40	1,56	—	1,12	1,25[1]	3 и 2 „	¾ „	2,96 (1,29+1,67)	0,95	3,91	4,0
7. Лесная	14,2	7,4	21,6	14,2	7,4	21,6	4	0,568	0,296	—	0,568	0,296	3 „	1½ „	2,044	4,488	2,532	3,0
8. Бумажная . . .	25	28	53	25	28	53	3,5	0,875	0,98	—	0,875	0,98	3 „	1 „	3,25	1,07	4,32	4,5
9. Химическая резиновая . . .	12,8	33,6	46,4	12,8	33,6	46,4	5	0,64	1,68	—	0,64	1,68	2 „	¾ „	1,4	1,26	2,66	3,0
10. Химическая основная	16,6	9,8	26,4	16,6	4,5	21,1	5	0,83	0,225	—	0,83	0,22	2 „	1 „	1,82	0,25	2,07	2,5

[1] 80% убыли.

ности на развертывание производства; в нашем расчете оно принято в размере 10—15% общего прироста.

А для текстильной промышленности, для которой характерен стационарный состав рабочей силы, взято лишь 80% убыли.

Полученные путем этого подсчета окончательные результаты и самый порядок подсчета явствуют из таблицы на 79 стр.

Если, исходя из этих полученных коэфициентов, подсчитать средний процент необходимой брони по всем означенным отраслям промышленности и распространить его на всю промышленность в целом, то мы получим средний процент брони по промышленности — 4% от общего числа рабочих, т.-е. приблизительно на 45% ниже среднего процента брони по декрету ВЦИКа (принимая его за 7,5%) и на 25% ниже фактического выполнения брони в настоящее время (по данным на 1 января 1926 г. число подростков в промышленности составляло 5,6% от общего состава рабочих).

Конечно, произведенный нами подсчет является ориентировочным и достаточно грубым. Он велся исключительно по группам профессий, чем стирались существующие между отдельными профессиями различия в проценте естественной убыли и некоторые колебания в сроках подготовки. С другой стороны, при подсчете совершенно не учтены тенденции технического перевооружения и рационализации промышленности и изменения, вносимые ими в рабочий состав; между тем, мы в течение ближайших лет по некоторым отраслям производства будем иметь дело с исчезновением некоторых профессий и нарождением новых (например, стекольная промышленность). Наконец, потребность в рабочей силе в связи с развертыванием промышленности проанализирована в весьма недостаточной степени. Однако, нам представляется, что все уточнения, которые необходимо будет в расчет брони внести по этим линиям, едва ли могут значительно изменить его результаты.

Могут быть частичные изменения в ту или иную сторону, но тот вывод, что мы сейчас стоим перед необходимостью довольно значительного сжатия норм брони, нам представляется бесспорным. Этот вывод неопровержимо вытекает из фактического положения с броней на предприятиях в настоящее время, обрисованном в начале статьи, и из произведенного анализа вопроса в целом.

Необходимо только, чтобы это количественное сжатие существующей брони подростков производилось с необходимой постепенностью, без механического снятия подростков с работы, а путем постепенного перевода выходящих из подросткового возраста учеников на постоянную работу в производстве. Таким образом, в течение определенного срока, хотя бы года, мы можем добиться действительно безболезненного перехода на новые нормы брони, соответствующие интересам и потребностям развивающейся государственной промышленности.

Критические замечания к переспективному плану развития алкогольной промышленности

В опубликованном комиссией Госплана СССР коллективном труде „Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг." мы находим также данные о перспективах развития потребления алкогольных напитков в нашем Союзе. Мы считаем необходимым, пока еще не поздно, пока еще перспективный план не утвержден соответствующими инстанциями, поднять вопрос о необходимости исправления и изменения намеченного плана развития винокуренной промышленности.

Прежде чем разобрать перспективу развития алкогольной промышленности, намечаемую Госпланом, мы считаем необходимым привести некоторые данные, характеризующие развитие у нас алкоголизма и его последствия за последние годы.

Потребление было по годам следующее (в млн. ведер):

1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
		Водка		
—	0,8	4,1	20,5	31,5
		Пиво		
8,0	17,2	20,6	31,0	32,0

Мы имеем бурное нарастание потребления спиртных напитков из года в год.

Если проследить по рабочим бюджетам расход на спиртные напитки, то мы имеем аналогичную картину. Расход на спиртные напитки занимал в общем бюджете следующую долю (в %%):

	1923	1924	1925	1926
Московские рабочие . .	0,9	1,5	4,2	—
Харьковские рабочие .	0,9	1,7	2,4	—
Донбасс	—	0,8	2,5	3,1

И здесь мы видим резкое нарастание трат рабочих на спиртные напитки. Рабочий тратит из своего бюджета на спиртные напитки в 2 раза больше, чем на жилищное строительство и в 5—7 раз больше, чем на развлечения (Урал, Донбасс).

Нарастание разрушающего действия спиртных напитков на здоровье населения мы имеем во многих областях. Мы считаем воз-

[1] В порядке обсуждения. Ред.

можным приводить только такие данные, зависимость которых от потребления спиртных напитков очевидна и не вызывает никаких сомнений. Мы имеем, прежде всего, бурное нарастание поступления больных с алкогольными психозами в психиатрические лечебные заведения. Так, по РСФСР поступление больных с алкогольными психозами было следующее:

Годы	Число больных	В % к общему числу больн., поступив. в психиатр. леч.
1916—20	Единичные случаи	—
1923	1319	2,4
1924	1657	5,5
1925	3562	7,2

По городу Москве число больных с алкогольными психозами и хроническим алкоголизмом, поступивших в психиатрические больницы, возросло с 25 в 1921 г. до 1279 в 1926 г. Процент больных на почве алкоголизма по отношению ко всем поступившим в психиатрические больницы по годам был следующий:

1921	1922	1923	1924	1925	1926
2,2	2,4	4,6	6,0	9,9	25

Относительно умерших от алкоголизма мы, к сожалению, не располагаем статистическими данными для всего Союза, так как у нас вообще отсутствует статистика причин смертности. Мы имеем эти данные только для отдельных городов. Приведем данные для Москвы и Ленинграда.

Умерло от алкоголизма (абсолютные числа):

	1923	1924	1925	1926
Ленинград . . .	18	32	85	167
Москва	16	23	86	144

На 100 тысяч населения приходится в Ленинграде смертных случаев от алкоголизма в 1923 г.—1,7, в 1924 г.—2,7, в 1925 г.—6,4 в 1926 г.—10,9.

За 4 года смертность от алкоголизма увеличилась в Ленинграде в шесть раз.

В отношении количества алкоголиков мы располагаем данными только по гор. Москве. В наркодиспансеры гор. Москвы обратилось за помощью: [1]

	Посещений сделано ими:
1924 г.—2162 алкоголика.	10.142
1925 г.—5352 „	54.000
1926 г.—8971 „	75.000

За три года мы имеем только в Москве зарегистрированную армию в 16 тысяч алкоголиков, находящихся уже во власти алкоголя и не способных от него избавиться, несмотря на полное сознание гибельного действия алкоголя на его организм и страстное желание избавиться от болезни. „Посадите в тюрьму, сделайте что хотите со мной, только вылечите“,— таково типичное обращение алкоголика. Огромное большинство алкоголиков (85—90%) — это рабочие и члены их семейств.

[1] Статья А. С. Шоломовича, „Борьба с наркотизмом“, Московский медицинский журнал, № 5, 1927 г.

Еще одно явление, свидетельствующее о нарастании алкоголизма — это количество лиц, задержанных милицией на улице в пьяном виде. Мы опять-таки располагаем данными только для отдельных городов, в том числе Ленинграда и Москвы. Правда, и в довоенное время по числу арестованных за пьянство Петербург превосходил столицы других стран.

Один задержанный (в год) в пьяном виде приходился:

Петербург	Берлин	Вена	Париж
на 25 жит.	369 жит.	1220 жит.	17.000 жит.

За последние годы задержано в пьяном виде в Ленинграде:

1923	1924	1925
2.088	11.000	21.000

Проф. Бехтерев в № 82 (1927 г.) „Известий ЦИКа“ сообщает, что число задержанных в пьяном виде в Ленинграде достигло в 1926 г.—95 тысяч.

В Москве за 1926 г. составлено 50 тысяч протоколов на лиц, задержанных в пьяном виде на улицах. Как заявляют во всех вытрезвителях, число протоколов равно приблизительно ½ задержанных. Протоколы составляются только на тех задержанных, с кого можно получить трехрублевый штраф. Таким образом, и в Москве количество задержанных в пьяном виде на улицах в 1926 году достигало приблизительно 100 тысяч. Задерживаются только лица, нарушающие общественный порядок или неспособные самостоятельно двигаться. И тут опять огромное число (80%) падает на рабочих. Как только начинается вечер, район милиции заваливается пьяными. Напрасно вы стали бы в это время обращаться в милицию с заявлениями о кражах или других делах: все заняты пьяными буянами, которых надо допросить, составить протокол, водворить в вытрезвитель или „холодную“ и стеречь.

Нечего говорить уж о том, что наши вытрезвители совершенно не приспособлены для своих функций, что значительная часть задержанных, переночевавших в „холодной“, потом попадают в больницу с тем или иным простудным заболеванием. Хотим мы этого или не хотим, а надо ставить вопрос о постройке в городах вытрезвителей.

Не желая затрагивать сколько-нибудь спорных моментов, мы не приводим данных, касающихся влияния алкоголизма на заболеваемость туберкулезом, венерическими болезнями, на повышение смертности и на рост преступности, так как эту область нельзя считать разработанной безупречно.

Мы полагаем, что социальная патология алкоголизма (т.-е. влияние его на здоровье населения) достаточно характеризуется и теми цифровыми данными, которые мы выше привели.

Каково влияние алкоголизма на наше народное хозяйство?

Уже в настоящем году трата населения на спиртные напитки (водку, пиво и вино), не считая самогона, составляет 850 миллионов рублей. Учтя, что половина этой суммы поступает в виде акцизов в бюджет Союза, все же остается еще огромная сумма около 400 млн. руб., затрачиваемых нами на потребление разрушающих общественный организм спиртных напитков.

Другая сторона влияния алкоголизма на народное хозяйство — это прогулы и понижение производительности труда, как следствие потребления спиртных напитков. Мы, к сожалению, в этой области не располагаем хорошо разработанными данными. Но и отчетные данные с мест дали, повидимому, основание „Экономической Жизни" в передовице от 19 мая 1926 г. выставить следующее положение: „Но настоящим бичем производства являются прогулы по уважительным и особенно по неуважительным причинам, связанные с развитием пьянства. Помимо того, что рост прогулов непосредственно влияет на сокращение производительности труда, помимо того, что пьянство влияет на рост брака, прогулы, — пьянство вносит еще дезорганизацию в самый ход производства, ибо вызывает простои целых цехов из-за неполадок и задержек в подготовительных отделениях".

НК РКИ Украины произвел в ноябре 1925 года обследование крупных заводов гор. Харькова в целях выявления влияния выпуска 40-градусной на прогулы и производительность труда. Обследование обнаружило на крупном заводе ВЭК увеличение прогулов на 50% и понижение производительности труда после праздничных дней от 5—15% в токарных цехах и 20—25% в литейных цехах в сравнении с месяцем до выпуска 40-градусной. Конечно, такие огромные цифры говорят вместе с тем о том, что обследование было поставлено примитивно. Надо было исключить и другие моменты, кроме водки, повлиявшие на рост прогулов и понижение производительности труда. Но, к сожалению, мы реагируем только на такие явления и на такие цифры, которые бьют своей колоссальностью. Между тем, и значительно меньшие цифры понижения производительности труда являются бичем народного хозяйства.

В конце 1914 года, через полгода после запрещения продажи спиртных напитков в России, Вольно-экономическое общество предприняло большое обследование в целях выявления влияния запрещения продажи спиртных напитков на производительность труда и на прогулы в промышленности. Обследованием было охвачено 172 предприятия в Московско-Промышленном районе с числом рабочих 214.615. Материалы этого обследования были опубликованы в сборнике под редакцией Кубацкого. Материалы были тщательно разработаны и освещены. Самые скромные подсчеты позволяют притти

к несомненному выводу, что в результате запрещения продажи спиртных напитков производительность труда увеличилась минимум на 0,89%. Это при условии, что от 15% до 18% рабочих было мобилизовано и за короткий промежуток времени влилось 6% новых рабочих. Что означает такая скромная цифра 0,89% для нашего хозяйства? Для одной только промышленности настоящего года это означает потерю в 126 млн. рублей.

Подсчетом потери народного хозяйства от алкоголизма занимались экономисты в разных странах. Мы не должны принимать на веру всех подсчетов буржуазных экономистов. Разумеется, к ним должно отнестись критически. Но все же известную ориентировку они могут дать. Французские экономисты подсчитали, что при доходе Франции от спиртных напитков (акцизы и налоги) в сумме около 300 млн. франков убыток государства от алкоголизма выражается в сумме около $1^1/_2$ миллиарда франков. Подсчеты статистиков и экономистов Соед. Штатов Америки показали, что Соед. Штаты терпят убытка от алкоголизма в размере полмиллиарда долларов в год. Было бы полезно и нашим экономистам, статистикам и социал-гигиенистам заняться подсчетом дебета и кредита алкоголя.

После этих кратких данных, характеризующих только некоторые стороны нашего алкоголизма и его последствий, обратимся к перспективному плану развития алкогольной промышленности, намеченному авторами „Перспектив развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.".

Авторы этой книги прекрасно учитывают, что при составлении перспективного плана для строительства социализма в нашей стране смешно танцевать от печки варварски отсталой царской довоенной России. Во вступительной части мы читаем следующие чрезвычайно интересные положения:

„Путем простой экстраполяции от прошлого мы могли бы в лучшем случае продолжить это прошлое в исправленном и дополненном издании еще на пять или пятнадцать лет. Но таким способом не построишь нового общественного строя. Там, где дело идет о сознательном творчестве нового будущего, гораздо более уместны иные методы — методы инженерной проектировки новых социальных конструкций на основе тех или иных плановых заданий.

Мы вступаем в новую полосу развития, когда между нашим прошлым и будущим властно вклинивается творческая воля революционного пролетариата (разрядка наша. Э. Д.).

Наши планы строятся не для более или менее беспочвенных гаданий и знахарских предсказаний о том, что будет через пять или десять лет, а прежде всего для создания определенной системы

хозяйственных заданий в области социалистического строительства".

Когда переходишь к рассмотрению перспективного плана развертывания винокуренной промышленности, то приходится предположить, что все приведенные нами из вступительной части основные положения, касающиеся основ нашего строительства, были составителями в этом отношении совершенно игнорированы. На стр. 122 мы читаем всего лишь 3 строчки для об'яснения плана развития винокуренной промышленности: „Винокуренная и спиртоводочная промышленность развертывается в соответствии с намеченным планом реализации водочных изделий, так как расширение технического применения спирта за этот период не может быть значительно". Иначе говоря, предполагается готовить столько, сколько можно продать и сколько выпьют. Творческая воля революционного пролетариата не вклинивается там, где казалось бы эта воля особенно энергично должна вмешаться.

В результате такого пассивного отношения к этому участку народного хозяйства мы получаем довольно неприятную „перспективу". Динамика валовой продукции винокуренной и спиртоводочной промышленности представлена в „Материалах Центральной комиссии" в следующем виде (по заводскому учету, по ценам локо — фабрика, без акциза, в млн. руб):

	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	Пятилетний прирост в %
Довоен. руб. . .	140,5	180,0	216,0	250,0	280,0	192,6
Черв. „ . .	261,5	321,0	371,5	413,0	434,0	138,5

Итак, за пять лет будет заготовлено на наших заводах водки на 1.800 миллионов черв. рублей по заводским ценам без акциза. За пять лет валовая продукция водки увеличится на 92,6%, в то время как вся валовая продукция отраслей госпромышленности, производящих предметы широкого потребления, даст прирост за 5 лет 67,3% а свекло-сахарная промышленность за то же пятилетие даст прирост в 47,3%.

Продукция 40° госпромышленности рисуется перспективным планом в следующем виде (в млн. ведер):

	1924/25	1925 26	1926/27	1927/28	1928 29	1929/30	1930/31
Спирт 40° . .	7,8	32,8	36,0	46,0	62,0	73,0	84,0
Из него хлебн. вина . . .	4,1	20,5	31,5	38,0	48,0	58,0	68,0
На душу населения в бутылках водки	0,6	2,9	4,3	5,1	6,5	8,0	9,5

В результате такой планировки удельный вес винокуренной промышленности в общей группе предметов широкого потребления поднимается с 3,24% до 5,70%, в то время как удельный вес сахарной промышленности снижается с 8,41% до 7.45%, чайной с 1,32% до 0,94% и хлопчатобумажной—с 35,15% до 33,6%.

Пивоваренная промышленность, к сожалению, не выделена в таблицах Госплана, а включена в общую рубрику „прочие пищевые". Нам приходится поэтому воспользоваться данными „пятилетней гипотезы пивоваренной промышленности" ВСНХ СССР.

Предполагаемая выварка пива рисуется в следующем виде:

	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
Млн. ведер пива	32	36	38	41	43,8
Душевое потребление пива в ведрах	0,22	0,24	0,25	0,26	0,28

Мы имеем и в пивоваренной промышленности постоянное нарастание продукции и душевого потребления.

Если взять теперь динамику развития товарной продукции отраслей госпромышленности, производящих предметы широкого потребления, и сопоставить с динамикой товарного развития водочной и пивоваренной промышленности, то получается следующая картина:

Динамика товарной продукции спиртоводочной и пивоваренной промышленности по ценам заводов в млн. довоенных рублей

Годы	Стоим. спирт. прод.	Стоим. пива	Стоим. тов. спиртоводочной и пивной прод. вместе	Стоим. тов. прод. предм. шир. потр.	Процентн. отнош. стоим. прод. пива и водки к стоим. прод. широк. потр.
1925/26 . . .	84,2	29,7	113,9	2.435	4,6
1926 27 . . .	126,5	28,8	155,3	2.829	5,5
1927/28 . . .	163,8	32,4	196,2	3.190	6,1
1928 29 . . .	198,7	34,2	232 9	3.504	6,6
1929/30 . . .	231,3	36,9	268.2	3.830	7,0
1930/31 . . .	260,4	39,6	300,0	4.163	7,2

Мы видим, что удельный вес товарной продукции водки и пива в общей товарной продукции предметов широкого потребления с каждым годом увеличивается и доходит до 7,2% в 1930/31 году. У нас, к сожалению, отсутствуют данные по виноделию. Вместе с продукцией вина удельный вес спиртных напитков был бы еще выше.

Небезынтересно сопоставить перспективу развития нового жилстроительства с перспективой развития спиртных напитков. Жилищный вопрос является самым больным вопросом в нашем социалистическом строительстве. Весьма тяжелые жилищные условия населения наших городов в последние годы продолжали ухудшаться. Вместо голодной санитарной нормы в 16 кв. аршин жилой площади на 1 душу мы имеем (в кв. арш.):

1924/25	1925/26	1926/27
12,17	11,31	11,07

Средняя жилая площадь с каждым годом уменьшается.

Сопоставим затраты населения на водку и пиво (без вина) по этикетным ценам, в соответствии с сниженными ценами, предусмотренными Госпланом и ВСНХ, с затратами на новое жилищное строительство, намечаемыми по перспективному плану.

	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	Всего за пять лет
Затраты населения на водку и пиво в млн. руб.	767,4	845,0	956	1.101	1.258	4.927,4
Затраты на новое жилстроит. в млн. руб. .	325	394	457	524	590	2.290

Затраты населения на спиртные напитки в два с лишним раза больше, чем затраты на новое жилищное строительство из всех источников.

При этом варианте жилищного строительства средняя жилая площадь на одного человека в кв. аршинах представляется по годам в следующем виде:

1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929 30	1930/31
12,17	11,31	11,07	10,87	10,73	10,67	10,71

Мы имеем беспрерывное уменьшение средней жилой площади вплоть до 1929/30 г. В 1930/31 г. средняя площадь стабилизуется и все же остается на 12% ниже средней жилой площади 1924/25 г.

Когда сопоставляешь затраты на спиртные напитки с затратами на жилищное строительство; когда видишь перспективу резкого нарастания душевого потребления водки и пива и одновременное понижение средней жилплощади, то начинаешь сильно опасаться, не пошли ли мы в этой области как-раз тем путем, который порицают сами составители „перспективного плана". Не пошли ли мы путем „простой экстраполяции от прошлого, при помощи которого мы в лучшем случае продолжим это прошлое еще на пять или пятнадцать лет".

Что порой действительно применялся метод простой экстраполяции от прошлого можно видеть хотя бы из того, что Наркомзем Украины строит перспективный план развития хмеля, исходя из того положения, „что за семилетний период годовое потребление пива дойдет до нормы (!) 1910 г., т.-е. до 60 млн. ведер пива".[1]

Посадка хмеля намечена поэтому Наркомземом Украины в следующих размерах:

Годы	Десятины	Годы	Десятины
1925	1000	1929	3200
1926	1500	1930	4100
1927	2000	1931	5000
1928	2600		

[1] „Перспективный план по сельскому хозяйству Украины". Наркомзем УССР, 1925 год.

Ориентировка на довоенные „нормы" потребления спиртных напитков стала в последнее время прокрадываться в печать. Если работник Центроспирта выставляет положение, „что алкогольная потребность в массе стабильна в своих размерах, т.-е. душевые нормы должны колебаться не значительно, а в 1925/26 г. приближаться к довоенным, в соответствии с уровнем восстановления хозяйства",[1] то тов. Фрумкин на страницах „Известий ЦИК'а" тоже ориентируется на довоенную „норму", хотя он гораздо скромнее тов. Д. Тов. Фрумкин пишет: „Учитывая годовую потребность населения в 75% довоенной, можно определить душевое потребление самогона сельским населением в 0,26 ведра",[2] Почему тов. Фрумкин считает необходимым ориентироваться на довоенную норму и почему он скромничает и определяет потребности населения в 75% довоенных, этого он не считает нужным пояснить.

Составители „перспективного плана" не пошли по неправильному пути ориентировки на довоенные нормы в области потребления спиртных напитков. Ими была взята ориентировка на душевые нормы последнего года. Так, на 21 стр. читаем следующие строки: „Мы, например, считаем недопустимым сколько-нибудь заметное расширение потребления водки против достигнутых уже стихийным развитием самогонного промысла масштабов. Поэтому программа винокурения рассчитана на предстоящее пятилетие лишь в таком размере, какой необходим для замещения наличного потребления самогона".

Чрезвычайно важно, что составители перспективного плана считают недопустимым расширение потребления водки. Повидимому, в этой плоскости убеждать и спорить не приходится. Центр тяжести надо поэтому перенести в другую плоскость, каково теперешнее потребление спиртных напитков, вернее, каково „наличное" потребление самогона? Составители перспективного плана, к сожалению, не сочли нужным пояснить, какое количество самогона они принимают за „наличное" и на основании каких источников.

Обратимся к источникам, из коих можно почерпнуть данные о наличии потребления самогона. Первый источник—это данные анкеты Госспирта, произведенной в июле—августе 1923 г. Анкета охватила территорию с 42,5 млн. сельского населения.

По данным этой анкеты производство и потребление самогона сельским населением нашего Союза было в 1923 г. до разрешения в продажу крепких напитков 607,5 млн. градусов, или 15,2 млн. ведер в переводе на 40°.

У нас нет надобности и основания заподозрить Госспирт и его анкетеров в преуменьшении цифры самогонокурения. Другой источник, более позднего происхождения — это данные бюджетного обсле-

[1] Д., „Современное состояние самогоноварения".
[2] Фрумкин, „Борьба с самогоном".

дования 10.000 крестьянских хозяйств, произведенного ЦСУ с 1/IV 1924 г. по 1/IV 1925 г. По этим данным расход на спиртные напитки (водка, вино, пиво и самогон) составляет 78 коп. на душу в год. Как видно из этих же данных, трата на самогон в %% по отношению к общей сумме трат на все спиртные напитки колеблется в зависимости от местной цены на самогон от 4,6% в Карелии, где бутылка самогона стоит 1 р. 70 к., до 94,5% в Ульяновской губ., где бутылка самогона стоит 24 коп.

Из суммы душевой траты на спиртные напитки (78 коп.) трата на самогон в среднем на душу выражается в сумме около 50—60 к. при средней стоимости бутылки самогона около 50 коп. На душу сельского населения приходится, таким образом, за этот годовой период 1—1,2 бутылки самогона, а для 120.000.000 сельского населения это составит 6—6 24 млн. ведер самогона. Вот примерно цифра самогонокурения, которая может служить для ориентировки. (Допустим, что после выпуска 40° производство самогона не сократилось и что в 1926/27 г. самогонокурение дает такую же цифру, как и в 1924/25 году, тогда перспективный план должен быть построен таким образом, что душевое потребление должно быть в 1930/31 году 5,3—5,5 бут. на душу населения (душевое потребление 40° в настоящем году равно 4,3 бут., а самогон 1—1,2 бут.), между тем, по перспективному плану в 1930/31 году душевое потребление водки дойдет до 9,5 бут. на душу.)

Для того чтобы не превысить норму потребления настоящего года с учетом наличного потребления самогона, выпуск водки в 1930/31 году не должен превысить 40 млн. ведер; соответственно 31 млн. ведер хлебного вина 1926/27 г., 6 млн. ведер самогона и 3 млн. ведер на прирост населения. Намеченная же перспективным планом цифра в 68 млн. ведер хлебного вина для 1930/31 года на 28 млн. больше той цифры, которая должна быть установлена для того, чтобы удержаться на теперешнем уровне потребления спиртных напитков.

Что составители перспективного плана далеко вышли за пределы теперешнего потребления спиртных напитков, можно видеть из других подсчетов. На стр. 17 в таблице 3 приведена перспективная „Структура расходного бюджета рабочей семьи в 1925/26—1930/31 гг.“. Из этой таблицы мы узнаем, что трата рабочей семьи на „напитки и наркотики“ увеличится с 7 руб. 44 коп. в 1925/26 г. до 12 р. 12 к. на одну душу в 1930/31 г. Из данных бюджетов рабочих мы можем почерпнуть сведения, что траты на табак, папиросы и спички из года в год меняются незначительно. Так, рабочая семья тратила в месяц в условных бюджетных рублях на наркотики, кроме спиртных напитков:

1923	1924	1925
0,57	0,61	0,65

а процент участия расходов на табак, папиросы и спички обнаруживает даже тенденцию к понижению; так, по годам этот процент был:

1923	1924	1925
1,6	1,4	1,2

Легко видеть, что по крайней мере 75% повышения трат на „напитки и наркотики“ падет на спиртные напитки. В 1930/31 г. трата на „напитки и наркотики“ увеличится на душу на 4 руб. 68 коп. против 1925/26 г. Приняв, что 75% этой суммы падет на спиртные напитки, мы получим увеличение трат на спиртные напитки в 3 руб. 51 коп. на душу, а на семью на 14 руб. 39 коп. Это при условии, что отпускные цены на водку будут снижены за этот период на 24—25%.

Как могла получиться такая „математика“, что при установлении „недопустимости сколько-нибудь заметного расширения потребления водки против достигнутых уже стихийным развитием самогонного промысла масштабов“, мы все же получаем повышение расходов на „напитки и наркотики“ на 63% при повышении всего расходного бюджета на 37,6%? И эта таблица показывает, что составители „перспективного плана“ вышли порядочно за пределы „достигнутых уже стихийным развитием самогонного промысла масштабов“.

Приведем еще одну таблицу, которая лишний раз подтвердит, насколько широко размахнулись составители „перспективного плана“ в области винокуренной промышленности. Обратимся к таблице 5 (стр. 20) „Перспективы емкости рынка СССР на промышленные продукты широкого потребления“ (при неизменных ценах). Из этой таблицы мы видим, что прирост норм в %% за 5 лет для всех продуктов выразится в 46%, а для спиртных напитков в 92%. Общая емкость рынка спиртных напитков выразится по данным той же таблицы в 1930/31 г., при неизменных ценах, в сумме 335 млн. руб., между тем табл. 7 на 64 стр. показывает товарную продукцию спиртоводочную на сумму 403,6 млн. по пониженным ценам. Мы получаем порядочное расхождение между емкостью рынка на спиртные напитки, устанавливаемой составителями перспективного плана, и товарной продукцией, намечаемой теми же составителями.

Значительное снижение акциза и отпускных цен на спиртные напитки, намеченное „перспективным планом“, не может быть признано рациональным. Практика довоенная и последних лет показала, что понижение цен на спиртные напитки обязательно вызывает повышение потребления этих напитков. При намечаемом снижении индекса отпускных цен по товарной продукции за пятилетие на 16,8%, отпускные цены на водку и пиво снижаются на 23—25%, при этом акциз на пиво снижается на 33,4%.

Если в отношении акциза на водку допустимо осторожное снижение акциза и отпускных цен в целях борьбы с самогонокурением, то совершенно нерационально снижение акциза и отпускных цен на пиво и вино.

Само собой разумеется, что для того, чтобы удержать дальнейший рост душевого потребления спиртных напитков, довольствоваться одним только ограничением продукции и предложения спиртных напитков было бы недостаточно. Надо учесть, что алкоголь — наркотический яд, к которому организм „привыкает". Необходимо поэтому, параллельно с ограничением предложения, повести огромную работу, которая способствовала бы ограничению также и спроса со стороны населения на спиртные напитки. Важнейшими мероприятиями, которые могут способствовать ограничению спроса на алкогольные напитки, могли бы быть: антиалкогольное воспитание детей в школе, пропаганда в клубах, избах-читальнях, кружках и пр., развитие и удешевление безалкогольных напитков (молоко, фруктовые минеральные воды); удешевление и развитие кино, театров, клубов, спортивных площадок и проч. Для осуществления этих мероприятий необходимо в перспективном плане пересмотреть специальный фонд на борьбу с алкоголизмом. Этот фонд должен составляться из ежегодных, возрастающих по своим размерам отчислений от акциза на спиртные напитки.

Всякое промедление с проведением мероприятий по борьбе с алкоголизмом осложняет и затрудняет работу. С каждым годом увеличивается армия виноделов и площадь виноградников, растет армия рабочих и служащих, занятых в производстве и сбыте водки и пива, увеличивается число лиц, „привыкших" к алкоголю, и т. д.

Мы, к счастью, пока являемся в области потребления спиртных напитков самой „отсталой" страной. Так, душевое потребление спиртных напитков в абсолютном алкоголе за период 1919—1922 гг. в различных странах было следующее (в литрах):

Франция	17,99	Эстония	3,73
Испания	15,83	Новая Зеландия	3,64
Италия	13,77	Чехо-Словакия	3,23
Швейцария	11,99	Швеция	3,03
Аргентина	11,12	Голландия	3,00
Чили	10,09	Дания	2,89
Бельгия	9,01	Германия	2,74
Перу	7,30	Болгария	2,53
Великобритания	6,17	Норвегия	1,95
Австрия	5,75	Румыния	1,30
Венгрия	5,73	Соед. Штаты	0,68
Австралия	4,31	СССР (в 1925 г.)	0,63
Япония	3,92		

Даже в 1925 г. потребление абсолютного алкоголя в СССР значительно ниже чем в прочих странах за период 1919—22 гг.

В этой „отсталости" еще одно преимущество Советского Союза. Мы эту „отсталость" должны с каждым годом увеличивать, и это будет дополнительным доказательством успешности развития нашего социалистического строительства.

Есть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое заставляет с особенной настойчивостью требовать большего внимания алкогольному вопросу. Мы вступили в полосу военной опасности. Буржуазия в любой момент может навязать нам войну. Быть готовым к войне это значит, помимо прочего, так строить свою промышленность и свой бюджет, чтобы война внесла по возможности меньше ломки и изменений в них. Что с началом войны мы должны будем запретить продажу спиртных напитков, это вряд ли кто станет оспаривать. Из промышленности и бюджета будет выхвачена миллиардная сумма, восприять которую иным путем мы не будем подготовлены.

В силу всех перечисленных в настоящей статье причин мы считаем, что отступление на алкогольном фронте пора закончить. В городах пора перейти в наступление. Не расширение душевого потребления спиртных напитков в городах должны мы планировать, а стабилизацию и сокращение. Подлинная творческая воля революционного пролетариата должна властно вклиниться между прошлым и будущим и направить сотни миллионов рублей из русла потоков алкоголя, подрывающего культурный и экономический рост нашей страны, в русло жилищного и других отраслей нашего социалистического строительства.

Напомним, что один из тезисов Агитпропа ЦК ВКП (б) в связи с выпуском сорокаградусной гласит:

„Но Советское государство ни в какой мере не упускает из виду того вреда, который сопряжен с распространением водки для культурного и экономического роста страны.

Равным образом оно считает, что доход от продажи водки не может играть доминирующую роль в его бюджете и теперь же принимает меры, ограничивающие количество выпускаемой водки".

Перспективный план развития винокуренной и пивоваренной промышленности на пятилетие в 1926/27—1930/31 гг., опубликованный Госпланом СССР, не соответствует директивам партии и интересам социалистического строительства; принятие этого плана было бы огромной ошибкой, задерживающей темп социалистического строительства.

Вариант Центр. Комиссии по пятилетке в этой области должен быть решительно отвергнут. План развития винокуренной и пивоваренной промышленности, а также и виноделия должен быть построен, исходя не только из недопустимости дальнейшего повышения душевого потребления спиртных напитков в городах, но и из необходимости частичного свертывания мест продажи спиртных напитков по требованию рабочего населения.

Для сельского населения дальнейший выпуск спиртных напитков должен быть максимально ограничен и предназначен для тех районов, где самогонокурение широко развито.

В составлении нового перспективного плана должны принять активное участие, помимо представителей профессиональных организаций, также представители Наркомздрава, Наркомтруда и Наркомпроса. Конкретно этот план за пятилетие 1926/27—1930/31 гг. мыслится нами следующим образом:

а) Выпуск хлебного вина должен быть спроектирован таким образом, чтобы к концу пятилетия количество его не превышало 40 млн. ведер в год.

б) Необходимо в бюджете предусмотреть специальный фонд по борьбе с алкоголизмом.[1] Фонд должен составляться из ежегодных отчислений от акцизов на спиртные напитки. Примерное отчисление должно быть:

1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
1%	2%	3%	4%

в) Так как уменьшение акциза и отпускных цен на спиртные напитки вызовет увеличение потребления напитков не только сельским, но и рабочим населением, необходимо изменить намеченное в перспективном плане резкое снижение акциза и отпускных цен, особенно в отношении пива и вина.

Автор статьи, равно как и научные работники Государственного института социальной гигиены, обсудившие изложенные здесь материалы, хорошо учитывают все трудности, какие представляет собой, с одной стороны, разработка „перспективного плана" народного хозяйства, а с другой стороны, проблема алкоголизма и борьба с ним.

„У нас запрет был сорван огромным развитием самогонокурения на селе, о чем можно судить, хотя и косвенно, по числу конфискованных самогонных аппаратов и по количеству конфискованного самогона в 1922 и последующих годах. Запрещение было проведено у нас в 1914 году, по случаю войны, без предварительного систематического антиалкогольного воспитания населения.

Запрету в Соед. Штатах предшествовали 100-летнее антиалкогольное движение и запрет в отдельных штатах по постановлению самого населения. Если мы все же считаем, что Америка переживает кризис в области запрета, то виновником этого кризиса является в первую очередь международный и американский алкогольный капитал, который ведет бешеную атаку на „Prohilition" (запретительный закон), прорывая фронт трезвости систематическим ввозом спиртных напитков контрабандным путем. В Норвегии запрет был отменен, главным образом, благодаря нажиму Франции и Испании, которые под угрозой отказа от закупок в Норвегии сельдей, сардин и других рыбных консервов, требовали разрешения ввоза крепких

[1] Детальный план борьбы с алкоголизмом на ближайшее пятилетие должен быть представлен Наркомздравом и Наркомпросом на утверждение Госплана.

вин из Франции и Испании. Трудно в короткий срок без огромной подготовительной работы и при отсутствии необходимых предпосылок уничтожить то, что веками насаждалось и прививалось населению. Трудно также допустить, чтобы капиталистическое государство было способно до конца довести отрезвление нации.

Совсем другое дело у нас, где государство капитала и, в частности, алкогольного капитала уничтожено.

Однако, мы считаем, что Советское государство содержит в себе все предпосылки, необходимые для успешной борьбы с алкоголизмом. Надо только эти предпосылки правильно использовать. Сокращение потребления алкогольных напитков должно пойти как путем уменьшения спроса, так и путем уменьшения предложения этих напитков.

Задача коммунистической партии и планирующих органов не только, планируя, уменьшать предложения спиртных напитков, но и выковывать сознательную волю революционного пролетариата и крестьянства—к уменьшению, а затем и к уничтожению потребления алкогольных напитков.

Задача трудная, но в условиях советской власти разрешимая.

Ответ тов. Дейчману

Считая очень ценными сообщенные тов. Дейчманом факты угрожающего нашему хозяйству роста алкоголизма в городах, а также присоединяясь к большинству выдвинутых им практических предложений, направленных на борьбу с алкоголизмом, мы не можем все же согласиться с ним в основном. Проблема борьбы с алкоголизмом в нашей стране гораздо сложнее, чем это, повидимому, представляется нашему критику. И это видно уже из того, что он совершенно не представляет себе истинных размеров потребления самогона в деревне.

По его мнению, основанному на данных крестьянских бюджетов, деревня потребила в 1924/25 г. всего около 6—6,2 млн. ведер самогона, что с учетом средней крепости самогона около 25° не превышает 3,8 млн. ведра в 40°. При чем это потребление имеет даже тенденцию к довольно резкому снижению, так как еще для 1923 г. наш критик определяет, согласно анкете Госспирта, потребление самогона в деревне в 15,2 млн. ведер 40° крепости. Таким образом, чуть ли не за один год потребление самогона по этим данным сократилось на 11,4 млн. ведер или ровно в четыре раза. Если еще учесть, что казенной водки в 1924/25 г. было выпущено всего 4,1 млн. ведер, из которых в деревню попало не более 1—2 млн. ведер, то придется сделать чрезвычайно оптимистические выводы. Очевидно, самогон исчезает из потребления деревни даже независимо от каких-либо наших усилий в этом направлении. И, стало быть, казенное винокурение, выдвинутое у нас несколько лет тому назад, как мера борьбы с самогоном, является просто вредной ошибкой.

Если бы это было так, то мы очень охотно исправили бы эту ошибку и вовсе отказались бы от казенного винокурения. Фискальных задач в этой области мы не преследуем. И, разумеется, проектировать программу даже только в 40 млн. ведер водки, как это нам рекомендует тов. Дейчман, для того чтобы заместить ими всего 4 млн. и без того исчезающего из употребления самогона, было бы чудовищной ошибкой, чтобы не сказать чудовищным преступлением.

К сожалению, однако, дело обстоит не так. Лишь крайней неосведомленностью можно об'яснить такое оперирование цифрами потребления самогона, добытыми из анкет Госспирта или крестьянских бюджетов, какое мы находим у тов. Дейчмана. Неужели он не понимает, что на анкету Госспирта не могли откликнуться, с полной

готовностью удовлетворить его любознательность, все сто процентов самогонщиков? Впрочем о точности показаний в анкете Госспирта у нас нет поверочных данных, но о крестьянских бюджетах нам кое-что в этом отношении известно. А именно: когда в ЦСУ для обследования тяжести обложения деревни в 1924/25 г. пришлось сопоставить отчетные данные о реализации подакцизных продуктов с тем потреблением их, какое зафиксировано в бюджетах, то оказалось, что расхождение этих данных по таким безобидным предметам, как соль, сахар, керосин не превышало 5—10%, т. е. оставалось в пределах нормальной статистической погрешности, а в отношении водки данные бюджетов пришлось признать раз в 20 (двадцать!) преуменьшенными.

Нужно ли тов. Дейчману об'яснять причины такой скромности в показаниях опрошенных крестьян? И нужно ли добавлять, что едва ли в показаниях о потреблении запрещенного самогона они проявили меньше „скромности", чем в показаниях о потреблении разрешенной казенной водки. Но если коэфициент поправки на водку применить и к самогону, то его потребление в 1924/25 г. придется оценить уже не в 3,8, а в 76 млн. ведер.

Насколько близка к истине эта последняя цифра сказать трудно, но во всяком случае она гораздо более правдоподобна, чем цифры тов. Дейчмана.

Тов. Дейчман, характеризуя рост алкоголизма в городах, отмечает, что в одной Москве, благодаря свободной продаже водки мы насчитываем уже 16 тыс. зарегистрированных алкоголиков. Это ужасно. И с этим надо бороться. Но знает ли наш критик, что еще до разрешения продажи казенной водки у нас в деревне было конфисковано только в границах РСФСР в 1922 году 54.776 самогонных аппаратов и привлечено к суду 134.851 самогонщиков. А за следующий 1923 год это число привлеченных за тайное винокурение самогонщиков возросло уже по РСФСР до 347.938. А сколько их осталось непривлеченных? По некоторым обследованиям установлено, что на каждые 5—6 дворов в деревне у нас функционировал один самогонный винокуренный завод. Это на 24 млн. дворов составит несколько миллионов таких заводов. Сколько же они при такой „демократизации" производства имели потребителей? Сколько же алкоголиков готовилось у нас в деревне при таком всеобщем, прямом, равном и тайном винокурении? В особенности если учесть специальные качества этого самогонного зелия, которые для придания ему забористости, как видно из документов Госспирта, нередко „сдабривается не только табаком и купоросом, но даже и такими явно ядовитыми веществами, как едкий калий и серная кислота". Ведь уж если водка яд, то самогон при указанных условиях это яд в квадрате или в кубе. Что же может предложить для его обезвреживания наш суровый критик? Увы, он ничего нам не предлагает с этой целью, ибо даже не видит того зла, с которым мы боремся.

Опыт запретительной системы борьбы с алкоголизмом в нашей деревне не дал никаких результатов. И мы решили испытать другой путь. Никакие репрессии и запрещения сами по себе не могут дать хорошего эффекта в борьбе со столь распространенным злом, как самогонный промысел, уже потому, что этот промысел для крестьян весьма рентабелен. Искоренить его можно только экономическими мерами, путем конкуренции. Стало быть, решающее значение в этой борьбе будет иметь цена того казенного вина, которым мы хотим вытеснить самогон. Сам тов. Дейчман приводит тому прекрасную иллюстрацию из крестьянских бюджетов. В Карелии, где самогон дороже казенной водки, он уже в 1924/25 году был на 95% вытеснен из крестьянского бюджета водкой, а в Ульяновской губернии, где водка значительно дороже самогона, там до 95% затрат идет на самогон и только 5 на водку. И все же тов. Дейчман протестует против намеченного в пятилетке снижения цен на водку.

По расчетам НКВД ведро самогона продается, в среднем, по 85 коп. бутылка.[1] Тов. Дейчман принимает даже более низкую цену в 50 к. за бутылку. И в то же время требует, чтобы цена казенного вина, запроектированного нами к концу пятилетки в 84 коп., была повышена. Но в таком случае мы ведь не вытесним самогона. Даже цена в 84 коп. стоит на пределе возможной конкурентности и признана нами достаточной только потому, что самогон на 15° слабее, хуже качеством и преследуется законом, стало быть, при понижении цены не будет окупать связанного с промыслом риска.

Еще менее понятны нам протесты тов. Дейчмана против параллельного с водкой снижения акциза на виноградное вино и пиво. Разве он не понимает, что, снижая цену водки, мы не можем не снизить цен вина и пива без того, чтобы не увеличить потребление водки за счет вина и пива. Но разве к этому должна быть направлена наша политика?

Мы во всяком случае до сих пор понимали иначе свою задачу. Эта задача в двух словах сводится к следующему. При настоящем уровне нашей культуры мы не можем рассчитывать раз и навсегда покончить с алкоголизмом в стране в одно или два пятилетия. Наша задача сводится лишь к тому, чтобы по возможности его обезвредить, захватив в свои руки возможность планового регулирования производства и потребления алкоголя. Наибольшим препятствием такого планового регулирования является совершенно ускользающий от него самогонный промысел. А потому его надо уже в ближайшее пятилетие вытеснить и уничтожить. А затем задача сведется к плановому вытеснению более вредных видов алкоголя, т.-е. водки, менее вредными, например, виноградным вином и пивом; вытеснение тех и других вовсе безвредными возбудителями, к которым мы относим, прежде всего, такие мощные конденсаторы

[1] Статистический обзор деятельности НКВД, вып. 4—5. М. 1925 г., стр. 61.

энергии, как шоколад и вообще сахарные продукты, и, наконец, создание таких культурных условий быта в стране, которые, сводя потребность масс в алкоголе к минимуму, исключили бы даже при наличии алкоголя возможность алкоголизма.

На ближайшее пятилетие было бы огромным достижением, если бы нам удалось только целиком вытеснить самогон, не увеличивая общего потребления самогона и водки. Такова наша целевая установка.

Если с выпуском намеченных к 1930/31 г. 68 млн. ведер водки мы полностью вытесним самогон, то эта первая задача будет выполнена. Но для того чтобы ее, даже с некоторым сокращением наличного ныне потребления алкоголя в городе и деревне, выполнить, нам придется уже в течение ближайшего пятилетия ограничить потребление городов и направить весь прирост нашего производства водки в деревню и притом в те районы, где особенно распространен самогонный промысел. До сих пор Центроспирту не удавалось такое плановое распределение потребления, ибо цены казенной водки были слишком высоки для ее свободного распространения в деревне при ненасыщенном спросе города. Теперь это уже не так. И отныне мы уже в состоянии будем из года в год снижать долю городов в потреблении казенной водки не только в относительных, но и в абсолютных цифрах.

Цифровые наши наметки в отношении программы реализации водки может быть и нуждаются в поправках. Но это следовало бы доказать более солидными расчетами, чем приведенные Дейчманом. Его сопоставления „емкости рынка“ на водку по табл. 7 (см. „Пятилетку“, стр. 64) с программой производства совершенно не состоятельны, ибо по бюджетам подсчитана только водка без самогона, да и то крайне неполно, вследствие особенностей этого источника, а программа производства имеет в виду прежде всего задачу вытеснения самогона.

Мысль о создании специального фонда для борьбы с алкоголизмом заслуживает всяческого внимания. Но едва ли его следует связывать с акцизом на водку. Правда, уже Витте употреблял долю доходов от монополии на борьбу с алкоголизмом. Но возводить эту его дань лицемерию в образец, достойный подражания, едва ли следует. В огромной программе социально-культурного строительства новой социалистической России, которая потребует от нас для своего осуществления немалых затрат, уложатся и потребности культурной борьбы с алкоголизмом. Потребные же для этого фонды смогут нам планомерно обеспечить лишь общие ресурсы бюджета.

Центр. комиссия по пятилетнему плану

И. Е. Горский

Организация жилищного строительства и рабочий бюджет [1]

Современное состояние жилищного хозяйства СССР характеризуется: а) колоссальным недостатком жилой площади (дефицит жилой площади [2] на 1 октября 1927 года достигает кругло 64 млн. *кв. м*, или 45% наличного фонда жилищ); б) технической изношенностью жилфонда (28% износа); в) дефицитностью домового бюджета (покрывается лишь 77% себестоимости эксплоатации и амортизации); и г) недостаточным развитием нового жилищного строительства, значительно отстающего от темпа годового прироста городского населения (рост за 1926/27 г. основного капитала выразился только около 2%.)

На ряду с этим присущие наличной системе организации жилищного строительства в СССР недостатки, ярко выявленные только-что закончившимся обследованием НК РКИ СССР, осложняют разрешение жилищного вопроса, приобретающего в связи с быстрым ростом городов, развитием промышленности, транспорта и прочих отраслей народного хозяйства, а также все более повышающимся уровнем социально-культурных потребностей трудящихся,—значение первостепенной государственной важности.

Хозяйственное положение и состояние жилищного фонда, как видно, вовсе не соответствуют огромному значению жилищной проблемы городских населенных мест, обеспечивающему благоприятные условия существования трудовых масс Союза. Для восстановления жилищного хозяйства и создания благоприятных условий для его развития необходимо программы деятельности государственных и местных органов власти на ближайшие годы строить, имея в виду достижение двух основных целей:

а) положить предел происходящему до сих пор в огромном большинстве городов Союза уничтожению основного капитала жилищного хозяйства и

б) восстановить, переоборудовать и развить жилищный фонд в соответствии с потребностями народного хозяйства.

Задачи эти весьма сложны, требуют чрезвычайной согласованности в работе всех ведомств и организаций (наркоматы, правительства союзных республик, исполкомы), причастных к делу жилстроительства, и упираются прежде всего в разрешение вопроса об учете капиталообразования в жилищном хозяйстве, правильной организации всей системы жилстроительства в Союзе и соответствия характера строительства с экономическими возможностями рабочего бюджета. Мы постараемся бегло, но достаточно конкретно коснуться этой основной группы вопросов, трактуя их в увязке с состоянием рабочего бюджета.

[1] В порядке обсуждения. Ред.

[2] Исходя из 8 *кв. м* на душу и в переводе на потребителей жилой площади.

1. Сохранение основного капитала в жилищном хозяйстве

Одна из основных причин, задерживающих развитие жилищного строительства и расширение сети жилищной кооперации,—это ненормальные условия эксплоатации жилищного фонда.

Наличность дефицита в бюджете домовых хозяйств городов устанавливается анализом социального состава городского населения. Всего рабочих, служащих, безработных, учащихся, лиц, занятых в сельском хозяйстве, и др. с семьями учитывается около 85% всего состава населения. На торговцев, хозяев с наемными рабочими, владельцев торговопромышленных предприятий, лиц свободных профессий, ремесленников-кустарей с их семьями приходится в среднем до 15%. Первая группа населения занимает 84,2% всего жилого фонда, вторая—14,8% жилого фонда. Ниже половины себестоимости эксплоатации жилфонда (до 90 коп. в среднем) оплачивается $^4/_5$ всего жилищного фонда, занятого первой группой.

Вся сумма дефицита по жилищному фонду составляет 22% от суммы потребности, исчисленной, согласно калькуляции (в среднем 1 руб. 80 коп.),[1] и целиком идет за счет сокращения неотложных амортизационных и эксплоатационных расходов по домовому хозяйству, иначе говоря, за счет дальнейшего обесценения сохранившегося жилищного фонда, а также дальнейшего сокращения наличного запаса жилищ. Среднее поступление в месяц за 1 кв. сажень составляет сейчас около 1 руб. 40 коп. Для полного перехода на самоокупаемость необходимо сделать повышение существующей платы на 28%.

Всякого рода добровольные взносы, процентные отчисления от аренды торговых и промышленных помещений в кассу домоуправлений не спасают положения, так как общий размер их составляет не свыше 10% к калькуляции себестоимости, и эти суммы идут только на покрытие накопившегося ремонта. Весь дефицит по жилищному хозяйству в СССР ориентировочно равен 144 млн. руб. в год.

При анализе причин такого крупного дефицита приходится сталкиваться с двумя явлениями: во-первых, среди работающих в промышленных заведениях преобладают по размерам заработка низшие группы плательщиков (около половины зарабатывают до

[1] При учете полностью амортизации.

50 руб.), что же касается высших групп (свыше 100 руб.), то они составляют весьма небольшое количество—около 10%. Во-вторых, оказывается совершенно недостаточной мерой устанавливать для нетрудовых элементов цены выше себестоимости в несколько раз и в то же время для массового контингента населения (до 85%) фиксировать цены, составляющие в среднем 50% нормальной цены (90 коп. от 1 руб. 80 коп.).

Дальнейшее чрезмерное обложение нетрудовых элементов не отразится сколько-нибудь значительной величиной на общем балансе квартирной платы. При подсчете оказывается, что нетрудовые элементы в среднем платят 10% годовых (а по Москве—18%) на стоимость новой постройки в виде квартирной платы и часть служащих с высокой зарплатой (3 руб. в среднем за кв. саж.) вносят современную квартирную плату в размере 7% годовых от строительной стоимости 1 кв. саж. жилой площади новой выстройки.

Поэтому при высоком учетном проценте на частном рынке нетрудовым элементам выгоднее оставаться в старых муниципализированных домах, нежели строить новые жилища. Ниже будут указаны причины, по которым, вероятно, в ближайшем будущем будут приняты меры законодательного порядка по освобождению муниципализированного жилфонда от нетрудовых элементов.

Учитывая, что квартирные цены при настоящем положении вещей не могут быть понижены для нетрудящихся (а, наоборот, будут повышаться), и таковым, несомненно, придется заняться новым строительством жилищ, следует ожидать на ближайшие годы исчезновения нэпманов из муниципализированных владений. Положение это еще более подсказывает своевременность повышения квартирных цен для основного кадра потребителей—трудящихся.

По сравнению с довоенным бюджетом нынешний квартирный расход трудящихся обладает весом в два раза меньшим, чем в довоенное время, составляя около 5% от бюджета. Между тем, в некоторых отраслях промышленности уровень зарплаты превосходит довоенный уровень, и на ряду с этим норма потребления жилой площади рабочих в среднем значительно увеличилась.

Данные Центрального бюро Статистики Труда приводят даже к более низкому проценту—4%, однако тут несомненно сказалось то обстоятельство, что повышение квартплаты с 1926/27 г. еще не могло быть полностью учтено в произведенных обследованиях.

Средняя квартплата рабочих, по данным указанного обследования, выражается в размере 22,6 коп. за 1 кв. метр в месяц, а служащих—в размере 30,3 коп. (январь—март 1927 г.).

В отношении этих средних можно предполагать некоторое преувеличение, происходящее вследствие значительного удельного веса крупных городов в числе обследованных городских поселений. Современная квартплата рабочих в процентах к заработку главы семьи колеблется от 4,4% (для получающих до 20 руб. в месяц) до 11,9%

(для получающих 200 руб.). Несомненно, что в настоящее время имеется полная возможность повышения квартплаты для трудящихся. Это повышение, однако, должно проводиться в порядке постепенности и с таким расчетом, чтобы в бюджете семейного рабочего расходы по оплате помещения не составляли в среднем более 10% расходной части бюджета. Постепенность может быть достигнута путем снижения скидок с основных ставок квартирной платы (квартирная такса), при чем уже в настоящее время может быть поставлен вопрос о совершенной отмене скидок (зависящих от зарплаты) для лиц, не имеющих иждивенцев. Для этих категорий лиц оплата помещений по квартирной таксе даже при минимальном заработке не выйдет за пределы 10% от расходного бюджета. Возможно также поставить вопрос об исчислении квартплаты по совокупности заработков членов семьи, что дало бы некоторое уравнение в бюджете трудящихся. Нам, однако, кажется, что такое исчисление, зависящее от бытовых условий, являлось бы своего рода налогом на лиц, проживающих с семьей. Действительно, брак между трудящимися имел бы своим последствием повышение квартплаты для новобрачных. Едва ли целесообразно проводить такого рода экономические репрессии против об'единения лиц наемного труда в одну семью, хотя бы это и оправдывалось целями увеличения доходности жилищного хозяйства.

Совершенно необходимо в ближайшие два года довести среднюю квартплату по всему жилфонду до размеров самоокупаемости (40 коп. за 1 кв. метр в месяц), а затем повысить и эту среднюю с целью извлечения средств на расширенное воспроизводство основного капитала жилфонда. Весьма вероятно, что очередное повышение квартплаты будет произведено лишь во второй половине текущего хозяйственного года с 1/IV 1928 г. Поэтому для проведения минимального увеличения годовой средней на 6% нам необходимо во второй половине года повысить среднюю квартплату на 12%. Как уже указывалось, обложение квартплатой нетрудовых элементов не может быть увеличено, равно как и остальных категорий, платящих выше себестоимости жилищ. Всякое давление в этом направлении несомненно вызовет понижение государственных доходов по другим линиям обложения. Увеличение номинальной зарплаты в связи с переходом части трудящихся в высшие по оплате жилищ категории, а также отмена скидок для лиц, не имеющих иждивенцев, может повысить среднюю квартплату на 1,5—2%. Остальное увеличение (на 10%) должно пойти за счет уменьшения скидок по зарплате для лиц, не платящих себестоимости эксплоатации и амортизации жилищ.

Рабочие и служащие, платящие ниже себестоимости жилищ, занимают 60% всей жилой площади. Следовательно, для повышения средней квартплаты по всему фонду на 10% необходимо повысить квартплату для этих категорий городского населения на 16—17%. Если принять среднюю квартплату рабочих и служащих (без высших

категорий) в 22 коп. на 1 кв. метр в месяц, то увеличение должно составить около 3,7 коп. на 1 кв. метр в месяц. т.-е. 10% от средней таксовой стоимости жилищ. Таким образом, для достижения 12% повышения средней квартплаты во втором полугодии 1927/28 г. достаточно уменьшить скидки с квартирной таксы для лиц, платящих ниже таксы на 10% (т.-е. если скидка с квартирной таксы составляла 75%, она должна быть установлена в размере 65% и т. д.). Такое повышение не сможет сильно отразиться на бюджете рабочей семьи. Правда, повышение для низших по зарплате категорий дает в результате увеличение процента стоимости квартплаты по отношению к заработку главы семьи до 12% в отдельных случаях, однако, изменение процентного отношения квартплаты ко всему бюджету семьи не будет резким. В среднем к 1928/29 г. квартплата составит менее 6% от бюджета рабочей семьи, достигая для отдельных категорий рабочих 8—9%. В следующей таблице дается изменение процентного отношения квартплаты к заработку главы семьи при проектируемом повышении квартплаты.

Сопоставление расходов по квартирной плате с бюджетами отдельных категорий рабочих и служащих дает следующий ряд:

Квартирная плата и зарплата рабочих и служащих (по Москве)

Для раб. и служ. с заработком	Современ. плата за 1 кв. саж.	Площ., занимаемая средн. семьей кв. саж.	Суммы квартплаты	В %% к заработку главы семьи	Плата за 1 кв. саж. при сниж. скид. на 10%	Сумма квартплаты	В %% к заработку главы семьи
	Руб.		Руб.		Руб.	Руб.	
от 21— 30 р.	0,50	3,5	1,75	5,8— 8,7	0,70	2,45	8,1—11,6
„ 31— 40 „	0,70	—	2,45	6,1— 8,2	0,90	3,75	7,9—10,2
„ 41— 50 „	0,90	—	3,15	6,3— 7,9	1,10	3,85	7,7— 9,4
„ 51— 60 „	1,10	5	5,50	9,1—11,0	1,30	6.50	10,8—12,7
„ 61— 70 „	1,30	—	6,50	9,3—10,8	1,50	7,50	10,7—12,3
„ 71— 80 „	1,40	—	7,0	8,8—10,0	1,60	8,00	10,0—11,3
„ 81— 90 „	1,50	5,5	8,25	9,2—10,3	1,70	9.35	10,4—11,5
„ 91—100 „	1,60	—	8,80	8,8— 9,8	1,80	9,90	9,9—10,9
„ 101—125 „	1,80	6	10,50	8.5—10,5	2,0	12,0	9,6—11,9
„ 151—175 „	2.20	8	17,60	10,0—12,0			
„ 201—225 „	2,90	9	26,10	11,6—13,0	остается	без по	вышения
„ 226—250 „	3,30	9	29,70	11,9—13,2		ставок	

Как видно, при большем увеличении заработка увеличиваются постепенно проценты по оплате за жилплощадь, исчисленные к заработку с'емщика помещения.

В таблице даются расчеты, исходя из максимальной квартирной таксы—2 руб. за 1 кв. саж. (4,55 *м*) в месяц. Фактически такая такса существует лишь в г. Москве, поэтому процентное отношение к заработку главы семьи в среднем будет ниже указанного в таблице. В последующие годы повышение квартплаты должно итти тем

же порядком, т.-е. должны постепенно снижаться скидки с квартирной таксы, зависящие от заработка, с тем, чтобы через ряд лет мы имели скидки исключительно на многосемейность и на неблагоустроенность жилищ (отсутствие водопровода, канализации и т. п.). Вместе с тем, должны подвергнуться пересмотру самые таксы, так как в настоящее время таксы не учитывают в достаточной мере ряда факторов, которые отражаются на стоимости жилищ (оборудование водопроводом, канализацией, территориальное расположение). Коэфициенты благоустройства в квартирной таксе должны устанавливаться также с учетом таких признаков, как ветхость квартир, затрудненность доступа света в них, неудобное расположение и др.

Неминуемым шагом на пути к достижению бездефицитного бюджета домохозяйств является перевод каждого отдельного домохозяйства по возможности на хозрасчет, а это мыслимо лишь при постепенном в дальнейшем выравнивании квартирных ставок для рабочих и служащих по расценкам квартирной таксы, т.-е. путем дальнейшего сокращения размеров процентных скидок.

В поисках покрытия жилищного дефицита, помимо способа изыскания новых средств (например, специальные капиталы жилищного фонда), а также увеличения квартирной платы, необходимо обратиться к другому способу—снижению стоимости содержания жилищ. Без общей экономии, без сокращения накладных расходов по управлению и содержанию домового хозяйства не может происходить дальнейший рост жилищного хозяйства на рациональной базе. На местах требуется выработка примерной калькуляции себестоимости содержания домов разных категорий и установление примерного соотношения расходных статей бюджета домов. Конкретно, необходимо приступить к нормализации домового бюджета.

Сравнивая этапы развития в послевоенное время уровня квартирных цен в РСФСР с Зап. Европой, мы наблюдаем, что в Зап. Европе, начиная с 1923 г., быстро восстанавливаются довоенные квартирные цены (Англия, Соед. Штаты, Дания, Италия, Бельгия, Норвегия, Швеция, Швейцария, Франция).

В Берлине с I/X с. г. надбавка к квартирной плате в старых домах составит 20% от довоенной цены. Любопытно, кстати, показать, как вновь возникшие строительные фирмы стараются спекулировать на происходящем постоянно увеличении цен в старых домах. В „Берлинер Тагеблат“ можно найти любопытные об'явления на эту тему, одно из них приводим (№ 394, 1927 г.):

Vorteile gegenüber Altwohnungen
Festmiete—keine Mietssteigerungen. (Die Altwohnungsinhaber zahlen bereits ab 1. 10. 27 20% Zuschlag zur Friedensmiete. Weitere erhebliche Steigerungen sind im nächsten Jahre zu erwarten.)

Нам нет надобности гнаться за капиталистическими государствами, ибо в наемной плате капиталистических государств учитываются не только издержки постройки дома, ремонт, недобор квартирной платы, простой, процент на капитал, вложенный в строительство, но и процент на основную и добавочную ценность земельного участка, на котором выстроено жилое строение.

Мы можем, во-первых, исключить вовсе из нашей нормальной квартирной цены дома земельную ренту и, во-вторых, ограничиться, при перспективном построении на ближайшие 5 лет постепенным включением в квартирную таксу примерно до 4—5% на строительный капитал. Наше идеальное построение квартирной платы исходит из произведенной в городах сплошной муниципализации земель, а стоимость земли составляла значительную часть от всей стоимости владения. Таким образом, мы стремимся достигнуть уровня таких цен на жилища, при которых Зап. Европа не сможет с нами конкурировать. Это обстоятельство необходимо рельефно подчеркнуть, как вытекающее из особенностей советского жилищного хозяйства и являющееся весьма благотворным фактором для бюджетов трудящихся.

Только в Советском государстве возможно осуществить лозунг дешевых цен на здоровые жилища. На какое же повышение средних квартирных цен мы можем пойти в течение ближайшего пятилетия (1927/28—1931/32 гг.)? Нам представляется, что здесь не должно быть скачков в смысле резкого повышения квартплаты для трудящихся, так как последнее неизбежно должно вызвать повышение зарплаты в таком же, а может быть и в большем размере. При условии ограничения определенным максимумом (10% от бюджета), должно итти соразмерным темпом повышение квартплаты рабочих и служащих и рост реальной заработной платы. Если мы возьмем динамику средней зарплаты рабочих и служащих крупной цензовой промышленности, то будем иметь следующие данные на пятилетие.

Рост заработной платы рабочих и служащих за 1927/28 —1931/32 гг. (в черв. руб.)

Крупная цензовая промышл.	В абсолютных числах							
	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Рабочие	44,66	53,80	59,18	62,72	65,93	68,57	71,31	74,16
Служащие	81,51	101,42	108,75	110,10	115,71	120,34	125,15	130,16

Крупная цензовая промышл.	В %% к предыдущему году						
	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Рабочие	120,5	110,0	106,0	105,1	104,1	104,0	104,0
Служащие	124,4	107,2	101,3	105,1	104,0	104,0	104,0

В соответствии с темпом общего роста реальной зарплаты рабочих и служащих может быть запроектирован темп повышения квартирной платы. При этом политика приближения квартплаты к себестоимости эксплоатации и амортизации муниципализированного жилищного фонда должна быть увязана со следующими моментами:

1) Увеличение к 1931/32 г. средней нормы жилищного довольствия для рабочих, минимум до 12 кв. аршин на душу.

2) Стабилизация современной жилищной нормы для прочих категорий городского населения.

3) Постепенное увеличение удельного веса рабочих и снижение удельного веса служащих и нетрудовых лиц в численности социальных групп городского населения.

4) Стабильность квартирных цен для лиц свободных профессий и с нетрудовыми заработками (в виду достигнутых уже лимитов квартирных цен для них).

На основе вышеуказанных принципов мы считаем наиболее вероятным следующую динамику среднегодового уровня квартирных цен в месяц:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.
За 1 кв. саж.	1 р. 48 к.	1 р. 60 к.	1 р. 73 к.	1 р. 87 к.	2 р. 02 к.
За 1 кв. метр	32,6 к.	35,2 к.	38 к.	41 к.	44,4 к.

При этом средний уровень квартирных цен для рабочих за 1 кв. саж. жилой площади в месяц может быть постепенно доведен к 1931/32 г. до 1 р. 60 к., а для служащих — 1 р. 90 к.

Ниже мы приводим наметку баланса квартирной платы к 1931/32 г., подчеркивая, что он отражает вместе с тем всю дальнейшую политику по использованию жилфонда в интересах в первую голову рабочих, имеющих сейчас в среднем около 10 кв. арш. на душу. Как видно из баланса, мы ориентируемся на более благоприятную жилищную перспективу в городах, чем это изображено в работе Госплана СССР по пятилетнему плану народного хозяйства (предварительные материалы). Вскользь укажем, что наша средняя норма на душу к концу пятилетия проектируется в 6,0 кв. метра в результате большей финансовой программы (увеличены вложения по республиканским и местным фондам) и большей эффективности строительства (в наших расчетах учитывается порайонная программа как нового строительства, так и восстановления разрушенных домов, при этом средняя стоимость единицы сооружения более снижена).

Особняком стоит вопрос о квартирных ценах во вновь выстроенных домах исполкомами и хозорганами.

Себестоимость 1 кв. саж. в них составляет примерно 3 рубля в месяц (эксплоатация и погашение строительного капитала).

Очевидно для рядового рабочего, даже с вышесредним заработком, это непосильно. Урегулировать вопрос можно в двух направлениях.

Можно предоставить право взимания квартплаты во вновь выстроенных госпредприятиями или исполкомами домах не в равном для всех размере за единицу жилой площади, а в соответствии с платежеспособностью жильцов, однако, не ниже, примерно, 30 коп. и не выше 1 руб. 32 коп. за 1 кв. метр жилой площади в месяц (при чем ставки выше себестоимости взимаются с лиц, заработок коих превышает примерно 150 руб. в месяц).

В таком случае исполкомы и хозорганы должны подбирать состав будущих жильцов, учитывая их заработок.

Возможно, что это для данного момента наиболее простое решение вопроса.

Но не исключена возможность дальнейшего разрешения вопроса об уравнении квартирных цен в новых и старых домах. Расчет приводит к следующим выводам.

Если принять, что вновь выстроенный с 1923 г. жилфонд составляет около 7% от всего жилфонда и что квартплата в старых домах достигнет 1 руб. 50 коп. за 1 кв. саж. в месяц в 1927/28 г., квартплата же, необходимая для покрытия расходов по эксплоатации и по погашению строительной ссуды в новых домах, должна равняться 3 руб. за 1 кв. саж., то для уравнения квартплаты в старых и новых домах необходимо было бы установить общий средний уровень квартплаты в размере 1 р. 60 к. в месяц. Таким образом, при повышении квартплаты в старых домах всего на 6,75% (10 коп. на 1 кв. саж.) мы сможем компенсировать тот недобор, который получится в новых домах вследствие уравнения квартплаты.

Если мы возьмем последний год пятилетия (1931/32) и ориентировочно будем считать, что новый фонд к этому времени составит 25% всего фонда, то увидим, что средняя уравненная плата во всех домах должна будет составить 2 р. 25 к. с 1 кв. саж., т.-е. на 12% превышать запроектированный нами (см. выше) уровень квартплатыв старых домах к 1931/32 г. Вообще же, исчисление надбавки к квартплате в старых домах можно привести к уравнению $x = \frac{C}{a+b} - \alpha$, где C есть вся выручка от поступления квартплаты, a — жилплощадь в новых домах и b — жилплощадь в старых домах и α — существующий уровень квартплаты в старых домах.

Повышение квартирной платы должно дать крупные средства на жилищное строительство местных исполкомов путем из'ятия излишков доходов домовладения. Действующие пока только в РСФСР законы о специальных капиталах жилищного фонда и об арендной плате с муниципализированных домовладений должны быть распространены на всю территорию СССР и послужить основой накопления средств на новое жилстроительство. При обсуждении в Госплане СССР плана жилстроительства на 1927/28 г. обнаружилось, что участие исполкомов за счет местных бюджетов в финансировании жилстроительства является удовлетворительным только по

Ориентировочный баланс квартплаты за 1931/32 г.[1]

№№ п/п	Наименование социальных групп	Лиц данной группы вместе с членами семьи (в %)	Средняя норма (в кв. м)	Занимаемая площ. по средн. норме (на кажд. 100 чел.)		Средние ставки кварт. платы (за 1 кв. м в коп.)	В % к средней квартплате	Общая сумма квартпл. в руб. (на каждые 100 чел.)	Распредел. квартплаты в % по группам населен.
				Абсолют. в кв. м	В %				
1	Рабочие	38,0	6,1	232	37,4	35,2	79,3	81,7	29,7
2	Служащие	23,0	6,5	149	24,0	41,8	94,2	62,5	22,7
3	Безработные	5,0	5,5	27	4,4	13,2	29,8	3,7	1,3
4	Ремесленники и кустари	8,0	6,0	48	7,7	66,0	149,0	31,8	11,6
5	Свободн. професс.	0,8	8,1	6	1,0	82,5	186,0	5,0	1,8
6	Нетрудов. элемент	5,0	7,5	37	6,0	110,0	248,0	40,8	14,8
7	Занятые в сел. хоз.	12,0	6,0	72	11,6	44,4	100	32,0	11,6
8	Прочие	8,2	6,0	49	7,9	36,3	81,7	17,8	6,5
	Всего	100	6,2	620	100	44,4	100	275,3	100

РСФСР. Так, на 1927/28 г. контрольные цифры РСФСР намечают участие местных бюджетов (без Моссовета) только на новое строительство в сумме 24 млн. руб. против 14 млн. для истекшего 1926/27 г. (рост на 60 %). Между тем, по УССР это участие заявлено на 1927/28 г. лишь в сумме 3,0 млн. руб., или примерно в 1% всех поступлений по местным бюджетам. По БССР картина не более отрадна. Необходимо в будущем ориентироваться на пятипроцентное в среднем участие местных бюджетов в жилстроительстве СССР. При продолжающемся огромном росте местных бюджетов следует решительным образом воспротивиться тенденциям отдельных республик переложить тяжесть финансирования рабочего жилстроительства исключительно на госбюджет.

Жилищная проблема требует для своего постепенного разрешения максимального накопления средств внутри самого жилищного хозяйства.

Специальные капиталы явятся тем регулятором, который в период переходной системы квартирной платы будет по возможности поддерживать на определенном техническом уровне все муниципализированное хозяйство в СССР в целом.

Излишки средств сверх нормального домового бюджета в домах, эксплоатируемых комхозами, должны непосредственно обращаться в специальные капиталы; излишки же доходов домовладений, переданных в аренду, должны изыматься в порядке арендной платы. От из'ятия излишков доходов не должны быть освобождены также и частные домовладения, и лишь строения, возведенные на правах застройки, явятся в данном случае исключением. Таким образом, накопление внутри самого жилищного фонда должно способствовать

[1] На основе оптимального варианта средней нормы жилплощади в 6,2 кв. метра на душу городского населения. Мы допускаем возможность ее снижения доб кв. метров.

восстановлению его основного капитала. В настоящее время лишь небольшая часть доходов от торгово-промышленных помещений обращается на жилищные нужды; большая же часть их в жилстроительстве от 75% (по РСФСР) до 95% (по другим союзным республикам) идет на социально-культурные нужды мест—больничное, школьное дело и т. п. В дальнейшем, в порядке постепенности, все большая часть этих средств должна обращаться непосредственно на жилищное дело. Точно также должен быть урегулирован вопрос об арендной плате за помещения, занятые учреждениями под канцелярии и иные нужды неторгового и непромышленного характера; поступления от этих помещений до сих пор не дают необходимых амортизационных сумм; эксплоатация же помещений весьма неудовлетворительна.

Все указанные источники должны явиться базой, на которой может быть развернуто жилищное строительство исполкомов для удовлетворения той многочисленной рабочей массы, которая по состоянию своего бюджета не в силах обеспечить себя жильем в порядке кооперативного строительства, и вместе с тем или вовсе не имеет жилища или находится в самых тяжелых жилищных условиях. Здесь мы вплотную подходим к вопросу о нормальном размещении рабочей силы, так как нетрудно предвидеть, что отсутствие жилищ может сильно затруднить развертывание промышленных и транспортных предприятий. Жилищная кооперация снабжает жилищем замкнутый круг лиц или проживающих в арендованных кооперацией домовладениях, или являющихся членами строящихся кооперативов. Вместе с тем, в домах, принадлежащих промышленным и транспортным предприятиям, осело значительное число лиц, утративших связь с этими предприятиями, и это обстоятельство делает невозможным предоставление квартир вновь вовлекаемым в производство рабочим. Необходимо предоставить предприятиям право освобождать жилую площадь в принадлежащих им домовладениях по прекращению трудовых отношений и путем обязательного заключения договоров с отдельными рабочими и служащими, урегулировать эксплоатацию этих домовладений как в отношении сроков найма, так и в отношении обязанности жильцов по содержанию в исправности и оплате жилищ. Только таким образом можно достигнуть уменьшения тех весьма значительных расходов, которые сейчас несет промышленность по содержанию и ремонту заводских квартир и которые тяжелым бременем ложатся на себестоимость продукции промтоваров. Достаточно указать, что одни расходы на капитальный ремонт заводских жилищ достигают в настоящее время 12—13 млн. руб. в год, и что в громадном большинстве заводские квартиры предоставляются бесплатно, при этом, однако, следует принять во внимание интересы той части рабочих, которые за счет предоставления бесплатного и в большинстве совершенно неудовлетворительного жилья (достаточно указать, что средняя жилая норма рабочих и служащих, проживающих в заводских квартирах, немногим превышает 10 кв. арш. на душу), получает пониженную заработную плату, и предусмотреть соответствующую компенсацию для этих категорий при заключении колдоговоров.

Точно также должны быть приняты меры к тому, чтобы муниципализированный фонд в большей степени служил удовлетворению нужд рабочего населения. При повышении квартплаты отпадает необходимость содержания в муниципализированных домах „дойных коров" из нетрудового элемента, для покрытия расходов по домоуправлению. Экономически и политически целесообразно полное освобождение нетрудовых категорий населения муниципализированного фонда, так как уплачиваемая ими квартплата расходуется в большинстве на эксплоатационные нужды и может дать лишь совершенно ничтожные средства на новое жилищное строительство. Далее, должен быть поставлен предел расширению жилплощади лиц, являющихся членами жилищно-арендных кооперативов, и облегчен доступ в арендованные дома рабочим и служащим промышленных и транспортных предприятий со стороны. С этой же целью необходимо образование фонда жилищ, находящихся в ведении исполкомов, для удовлетворения рабочей части населения, а также облегчения обмена жилищами между трудящимися.

Следует указать здесь еще одно мероприятие, могущее послужить к улучшению жилищных условий рабочих — это освобождение части жилых помещений, занятых в городах учреждениями. Значительное сокращение как числа самих учреждений, так и числа их сотрудников, очень мало повлияло на освобождение жилых зданий. Необходимо предусмотреть общее сокращение и нормирование площади, занятой учреждениями (в особенности после проведения 20% сокращения аппарата), а также перевод учреждений из помещений жилого типа в нежилые помещения.

2. Восстановление и развитие жилищного фонда

Ежегодные вложения в новое жилищное строительство, несмотря на значительное напряжение государственных средств, направленных на эти цели, до сих пор не могут смягчить общий жилищный кризис в городах и увеличить среднюю норму жилплощади на одного жителя. Две основных причины здесь являются решающими: интенсивный рост городского населения, значительно превышающий довоенные нормы, и чрезмерная дороговизна строительства, недоступного для бюджета рядового рабочего. При ограниченности общих финансовых возможностей государства чрезвычайно важно направить средства на новое жилстроительство туда, где они могут дать максимальный эффект с точки зрения индустриализации страны. При этом использование средств местных бюджетов, амортизационных капиталов хозорганов, фондов улучшения быта рабочих, ассигнований по госбюджету и собственных накоплений

жилкооперации,—должно быть так же, как и по кредитным источникам, приведено в полное соответствие с удельным весом отдельных экономических районов в отношении потребности в новых рабочих жилищах. С другой стороны, должны в полной мере учитываться, в зависимости от местных условий, порайонная стоимость сооружения жилищ и состояние стройпроизводства. На первое место должен быть поставлен вопрос о планировании жилищного строительства союзных республик в разрезе отдельных экономических районов, с тем чтобы строительство обобществленного сектора обслуживало в первую очередь города с усиленным экономическим ростом, испытывающим притом особо острый жилищный кризис. Обобществленное строительство, составляющее по сумме вложений свыше 75% всего жилстроительства, не должно распыляться по всей территории СССР и должно удовлетворять преимущественно районы развивающейся промышленности.

Так как локальные вложения в новое жилстроительство приобретают с каждым годом все большее и большее значение в общей программе жилстроительства, то необходимо при составлении операционного плана в первую очередь выявлять ту часть программы, которая будет выполнена за счет местных источников. Эта „неподвижная" часть рабочего жилищного строительства определит, при сопоставлении эффекта ее с общей жилищной нуждой данного района, необходимые вложения из централизованных источников, распределяемые в плановом порядке. К числу локальных источников относятся: средства частного капитала, местные фонды рабочего жилищного строительства, средства местного бюджета, фонды улучшения быта рабочих и паевые накопления жилищной кооперации.

Удельный вес этих источников весьма значителен. Достаточно указать, что фонды улучшения быта на 1927/28 г. составят около 44 млн. руб.; средства местных фондов рабочего жилищного строительства должны поступить в сумме около 20 млн. руб.; местный бюджет только по РСФСР включает на новое жилстроительство 74 млн. руб.; средства же частных застройщиков можно определить в размере 120 млн. руб., исходя из размеров строительства, обследованного переписью 1927 г. Следует отметить, что один подсчет всех средств, которые будут вложены в жилстроительство данного района по указанным источникам, еще не даст представления о соответствующем увеличении жилфонда. Сопоставление стоимости жилстроительства по отдельным районам и по категориям застройщиков показывает значительное колебание средней стоимости одного кв. метра, зависящее от целого ряда причин: наличия в данном районе пригодного к восстановлению жилфонда, соотношения каменной и деревянной стройки, стоимости стройматериалов и рабочих рук, большей или меньшей технической организованности строительства и т. д.

Строительство каждой категории застройщиков имеет свои особенности, которые отражаются на стоимости строительства и, следовательно, на эффективности денежных вложений. Все эти факторы необходимо принимать во внимание при составлении общего плана жилстроительства, равно как и подготовленность той или иной категории застройщиков к выполнению намеченной программы строительства. В конечном счете, просчеты по этим линиям отражаются на бюджете потребителя—рабочего. Особо остро встает вопрос о регулировании стоимости жилстроительства в той части его, которая полностью или частично производится за счет государственных средств. Необходимо принять решительные меры по снижению стоимости стройматериалов и обеспечению ими жилстроительства, к неуклонному проведению технического нормирования построек, к стандартизации изготовления отдельных частей построек, к образованию фонда сухой древесины и улучшению качества стройматериалов, к уменьшению накладных расходов и т. д., с тем, чтобы уже в строительстве 1927/28 г. мы приблизились к установленному СТО снижению стоимости стройпроизводства на 15%. Правительства союзных республик должны безотлагательно установить для каждой категории домов в пределах данного района лимиты стоимости постройки единицы жилплощади. Удешевление построек не должно, однако, отражаться на их качестве. Перепись 1926 г. дала весьма неутешительные данные о качестве новых построек, возведенных в период 1923 — 1926 гг. Так, сравнение существовавших и вновь возведенных строений по материалу стен дает следующее соотношение:

	Процент строений			
	Камен.	Смешан.	Дерев.	Проч.
Существовавший жилфонд	12,3	3,2	70,2	14,3
Вновь построенные в 1923—1927 гг. дома	2,9	0,8	72,6	23,7

Понижение солидности построек характеризуется такими данными: средняя площадь, приходящаяся на одно жилое здание в существовавшем фонде — 51 *кв. м* во вновь возведенном — 38 *кв. м*.

Современная дороговизна жилстроительства отражается не только на понижении эффективности ежегодных капитальных вложений, но и на степени доступности новых жилищ для низко оплачиваемых категорий рабочих и служащих. Между тем, повторяем, без приведения стоимости строительства в соответствие с бюджетными возможностями рабочей семьи нельзя развить массового государственного и кооперированного строительства. Германия, Англия и Франция дают иллюстрации тому, что с удешевления строительства нужно начать при построении перспективы изжития жилищного голода. Надо строить только то, что доступно населению, и можно только тогда строить, если потребитель жилья действительно в состоянии оплатить стоимость содержания квартиры и погашать строи-

тельный капитал. Мы сейчас уже в состоянии серьезно подойти к планированию жилищного дела, поскольку нам ясна картина возможного роста реальной зарплаты и настоятельно выдвинутая проблема снижения стоимости строительства. Поэтому с каждым годом мы будем насчитывать все большие и большие успехи на жилищном фронте, и впадать в пессимизм нет оснований. При боевой готовности регулирующих и планирующих жилищное дело органов можно уже в ближайшие полтора года добиться заметного результата — под'ема средней нормы на душу городского населения (рост средней нормы на рабочего в ряде районов начинается уже в текущем году).

Какую же картину мы имеем в данный момент, определяющую круг рабочих, могущих либо участвовать в кооперации, либо платить исполкомам и хозорганам, возводящим новые дома, стоимость погашения строительного капитала? Зададимся также вопросом, при каком бюджете посильно участие рабочего в жилищном строительстве (путем ли участия в кооперации, либо оплатой себестоимости исполкому, хозоргану и проч.). Возьмем норму в 5 кв. саж. на семью и сделаем прикидку для деревянного строительства со стоимостью за 1 куб. саж. 100 руб., — 130 руб. и 160 руб., а для каменного строительства 200 руб. Тогда стоимость всей кубатуры составит соответственно 1.600 руб., 2.080 руб. и 2.560 руб. для деревянного строительства и 3.200 руб. для каменного (для удовлетворения средней семьи по фактической жилой норме). Что составит расход по погашению этой ссуды в месяц? Покажем его в таблице:

При погашении из 2% в течение срока	Мес. стоимость (в руб.) погашен. ссуды при строительной стоимости в 5 кв. саж. жилой площади			
	1.600 руб. (100—1 куб.)	2.080 руб. (130—1 куб.)	2.560 руб. (160—1 куб.)	3.200 руб. (200—1 куб.)
В 30 лет	5,12	7,74	9,52	—
В 35 лет	5,33	6,93	8,53	10,66
В 45 лет	4,52	5,87	7,23	9,04
В 60 лет	—	—	—	7,66

Если иметь в виду, что расходы по содержанию помещения (оплата за площадь и коммунальные услуги) составляют примерно 10% от среднего бюджета рабочей семьи, а вместе с платежом ссуды можно максимально нагрузить бюджет до 20%, то нетрудно вывести лимиты доступного для рабочего строительства.

Как видно, лимитом расхода по погашению ссуды служит 10% от бюджета в 90 — 100 руб. Рабочий с таким бюджетом может строиться при стоимости деревянного строительства в 160 руб. за куб. даже при 30-летнем сроке погашения ссуды; при меньшем бюджете — 70 руб.—такое дорогое строительство ему уже недоступно и он должен искать выхода в удешевленной стройке примерно в 120 — 130 руб., что вовсе не является недостижимым в массовом масштабе в ближайшие годы. Опыт строительства прошлого года

показал, что жилищная кооперация уже местами стала на путь удешевления стоимости постройки. Наконец, каменное строительство вполне доступно при сроке кредитования в 60 лет. При установленных СНК СССР льготных условиях кредитования кооперативного жилстроительства нет, как видно, надобности добиваться их пересмотра: никакого эффекта мы не получим по линии увеличения минимального срока кредитования строительства. Следует указать, что заемщику вовсе невыгодно удлинять сроки кредитования без конца: так, при 45-летнем сроке он за каждую тысячу рублей ссуды платит 33 руб. 91 коп. в год, а в течение 45 лет он должен будет погасить не 1.000 рублей, а 1.526 руб., между тем как при сроке в 30 лет он в течение всего 30-летнего срока выплачивает 1.339 руб.

Как видно, в первом случае плательщиком будет всего уплачено в виде процентов на заемные средства 52,6% на заемный капитал, а во втором случае — лишь 33,9%; при стоимости квартиры в 5.000 руб. разница в уплате процентов выразится в общей сумме 435 руб. Если взять масштаб жилищного строительства, осуществленного кооперацией в истекшем году, кругло в 50.000.000 руб., то при соответственной прикидке мы получаем, что при удлинении срока с 30 до 45 лет кооперация уже переплачивает в виде процентов лишних 9 млн. руб. (18,7% от 50 млн.). Крайне важно подчеркнуть, что есть логический и экономический предел желательным срокам. Так, при увеличении ссуды на 10 лет — с 20 до 30 лет — ежегодный платеж по погашению ссуды понижается при 2% роста на 16 руб. 51 коп. на каждую тысячу рублей; при увеличении же на 10 лет срока ссуды с 30 лет до 40 лет это понижение ежегодного взноса составит на тысячу рублей уже только 8 р. 09 к. Если проследить изменения в условиях погашения ссуды, предоставленной на срок 50 лет и затем в 60 лет, то окажется, что при 60-летнем сроке понижение платежа в год составит на тысячу рублей всего лишь 3 руб. 06 коп. Наконец, еще при более значительном сроке уменьшение тяжести погашения ссуд окажется совершенно неощутимым для потребителя, в то время как ему приходится ссуду погашать лишних 10 лет (что составит дополнительный расход до 150 руб. на каждую тысячу рублей).

Срок ссуды	Стоимость погашения 1.000 руб. в год при 2% (в руб.)	Разница в условиях погашения при увеличении срока ссуды на 10 лет (в руб.)	Общая сумма взносов за ссуду в 1.000 р. (в руб.)
10 лет	111,33	—	1.113,3
20 „	61,16	50,17	1.223,2
30 „	44,55	16,51	1.339,5
40 „	36,56	8,09	1.462,4
50 „	31,82	5,74	1.591,0
60 „	28,76	3,06	1.725,6
70 „	26,66	2,1	1.866,2
80 „	25,16	1,5	2,012,8
90 „	24,04	1,12	2.163,6
100 „	23 20	0,84	2.320

Как уже указывалось, современное жилстроительство не поспевает за ростом городского населения и средняя жилнорма на одного городского жителя продолжает падать. По первоначальному плану Госплана СССР, вся программа жилстроительства по СССР на 1927/28 г. (вместе с частным капиталом) оценивается в 456 млн. руб. (цифра, по нашему мнению, преуменьшена), из которых на обобществленный сектор приходится 386 млн. руб. Строительство промышленности запроектировано в сумме 111 млн. руб., транспорта — 38 млн. руб., жилкооперации (без московской) — 34 млн. руб., Моссовета и московской кооперации — 82,5 млн. руб., прочих исполкомов — 69 млн. руб. В этот план должны быть дополнительно внесены изменения в связи с ассигнованием к десятилетию Октябрьской революции особых сумм на жилстроительство по госбюджету (п. 2 заключительной части манифеста).

Это ассигнование значительно расширит программу жилстроительства текущего года (до 520 млн. руб.) так как вызовет приток собственных средств застройщиков в соответствии с добавочными ассигнованиями из централизованных источников; но так как юбилей мы справляем раз в 10 лет, то нельзя рассчитывать на ежегодные чрезвычайные ассигнования на жилстроительство. Средства же, отпускаемые через ЦКБанк на кредитование, не могут считаться достаточными, и необходимо поставить вопрос о том, чтобы ежегодное пополнение средств ЦКБанка проходило в порядке твердого процентного отчисления от бюджета СССР. Вместе с тем, своевременно было бы установить также долевое участие республиканских бюджетов в кредитовании жилстроительства из республиканских фондов. До сих пор республиканские бюджеты совершенно не участвовали в деле кредитования жилстроительства, и размеры республиканских фондов были совершенно ничтожны (так, например, республиканский фонд РСФСР составлял в 1926/27 г. менее 1 млн. руб., в то время как программа жилстроительства РСФСР по обобществленному сектору составляла почти 200 млн. руб.).

В строительстве прошлых лет (1923—1926 гг.) частное жилстроительство занимало огромное место, в значительной степени способствуя смягчению жилищного кризиса. Ни в одном районе СССР частное жилстроительство не строило менее 50% вновь возведенной жилплощади, а в ряде районов частное строительство (по площади) занимало свыше $^3/_4$ всех возведенных построек.

В таблице на стр. 117 дается порайонное распределение строительства 1923—1926 гг. по обобществленному и частному секторам. Недостатки частного строительства общеизвестны,— имея почти исключительно потребительский характер (средний размер жилплощади на одно строение составляет всего 28 кв. метров, что соответствует двум комнатам), оно способствует нерациональному использованию городских земельных участков, затрудняет работу коммунальных предприятий и т. д. Кроме того, дешевизне частного строительства противопоставляется низкое качество построек как в техническом, так и в санитарно-гигиеническом отношении.

Распределение жилплощади, возведенной по обобществленному и частному секторам, по районам РСФСР за 1923 г.

Районы	Обобществ. в кв. м	В % % к итогу	Частный в кв. м	В % % к итогу	Обобщ. и частн. сектор вместе в кв. м	В % % к итогу	Соотнош. между обобщ. и частн. в % % Обоб.	Част.	Всего
1. ЦПО	58.970	40,1	133.477	21,8	192.447	25,3	30,6	69,4	100
2. ЦЧО	877	0,6	31.524	5,1	32.401	4,3	2,7	97,3	100
3. Сев.-Зап. обл.	13.980	9,5	43.366	7,1	57.346	7,5	24,4	75,6	100
4. Сев.-Восточн.	7.923	5,4	13.724	2,2	21.647	2,8	36,6	63,4	100
5. Вятско-Ветлужск.	1.622	1,1	13.401	2,2	15.023	2,0	10,8	89,2	100
6. Ср.-Волжский.	3.515	2,4	43.417	7,1	46.932	6,2	7,5	92,5	100
7. Западный	3.904	2,7	50.319	8,2	54.223	7,1	7,2	92,8	100
8. Нижне-Волжский.	3.530	2,4	26.554	4,3	30.084	4,0	11,1	88,3	100
9. Сев. Кавказ	13.868	9,5	70.605	11,5	84.473	11,1	16,4	83,6	100
10. Дагестан	1.216	0,8	12.037	2,0	13.253	1.7	9,2	90,8	100
11. Урал	13.584	9,3	38.537	6,3	52.121	6,8	26,1	73,9	100
12. Башкирия	1.086	0,7	11.723	1,9	12.809	1,7	8,5	91,5	100
13. Сибкрай	15.355	10,4	65.567	10,6	80.922	10.6	19,0	81,0	100
14. Казакстан	1.434	1,0	32.394	5.3	33.828	4.4	4,3	95,7	100
15. ДВО	3.927	2,7	24.640	3,8	28.567	3,7	13,8	86,2	100
16. Бурято-Монголия.	236	0,2	2.698	0,4	2.934	0.4	8,0	92,0	100
17. Крым	1.783	1,2	1.288	0,2	3.071	0,4	58,3	41.7	100
Всего по РСФСР (без Якутии и Киргизии)	146.810	100	615.271	100	762.081	100	19,3	80,7	100
Москва	27.169	18,5	2.492	0,4	29.661	3.9	91,6	8.4	100
Ленинград	2.619	1,8	1.241	0,2	3.860	0,5	67,8	32,2	100

Тем не менее, в настоящее время мы не можем итти по пути ликвидации частного строительства. В виду недостаточности средств по госбюджету, республиканскому и местному бюджетам, отпускаемых на рабочее жилстроительство, необходимо привлечь к восстановлению и расширению жилищного хозяйства не только средства мелких индивидуальных застройщиков, но и крупный частный капитал, обеспечив благоприятные условия для развития самодеятельности населения.

При этом для постройки крупных жилых домов за счет частного капитала необходимо оказывать содействие в направлении: а) облегчения и ускорения регистрации частных акц. обществ и паевых товариществ; б) предоставления льгот при эксплоатации; в) увеличения сроков права застройки; г) освобождения от налогов; д) установления льготы по денежному и товарному кредиту; е) поощрения образования частных обществ взаимного жилищного кредита и ж) распространения указанных льгот также и на иностранных предпринимателей и др.

В Германии мы видим случаи, когда муниципалитеты не могут своими средствами справиться с растущим жилищным кризисом и принуждены обращаться за помощью к иностранному капиталу. Не

так давно Берлинский муниципалитет заключил с американцами договор на постройку 8.000 жилых квартир в г. Берлине. Несомненно, что применение иностранного капитала могло бы найти у нас благоприятную почву при проведении вышеуказанных мероприятий.

В отношении мелкого частного строительства потребительского характера необходимо также принять меры к его упорядочению. В большинстве это строительство производится рабочими и служащими, составляющими основной контингент застройщиков, и развитие его об'ясняется, главным образом, бытовыми условиями. Перед жилищной кооперацией стоит задача максимального вовлечения этих застройщиков в строительные кооперативы.

Указанное выше нерациональное использование земельных участков городов особенно характерно для частного строительства, но имеет место также и в строительстве других категорий застройщиков. Поэтому является совершенно необходимым урегулировать вопросы

а) планировки городов и селений в связи с нуждами строительства и необходимостью прекращения стихийного жилищного строительства, затрудняющего планомерный рост городов и поселков и вызывающего непроизводительный расход по благоустройству последних;

б) укрупнения производимого жилищного строительства по всем категориям застройщиков;

в) согласования мероприятий по коммунальному благоустройству с строительством жилищ.

В целях установления согласованности в программах жилищного строительства ежегодные ассигнования по союзному госбюджету на строительство коммунальных предприятий должны определяться в размере не менее 15% кредита на жилстроительство, отпускаемого из ЦКБанка. Последнее мероприятие совершенно необходимо, в виду намечающейся тенденции отставания в росте средств, отпускаемых на кредитование коммунального благоустройства от роста кредитов на жилстроительство. Между тем, оборудование нового жилфонда элементами благоустройства вызывает необходимость в крупных затратах на расширение и реконструкцию сетей наличных коммунальных предприятий и на организацию новых.

Вопрос о том, какие категории застройщиков (по обобществленному сектору) являются основными и о роли жилищно-строительной кооперации в общей программе жилстроительства, — являлся предметом оживленной дискуссии. Однако, сейчас можно считать совершенно установленным, что хозорганы (промышленность и транспорт) и местные исполкомы должны рассматриваться как основные застройщики, при чем осуществление жилищного строительства в крупных городских центрах целесообразно производить преимущественно через исполнительные комитеты, удельный вес коих в программе рабочего жилищного строительства составляет более 25%.

Осуществление же жилищного рабочего строительства на территории предприятия и желдорог, а также на территориях вновь

устраиваемых рабочих поселков в районах, где исполкомы не смогут осуществить жилстроительство вследствие маломощности своих бюджетов, целесообразно производить через органы ВСНХ и НКПС. В программе жилстроительства 1927/28 года строительство промышленности составит свыше 25%, а строительство по линии транспорта около 10%. Учитывая, что рост реальной зарплаты и удешевление строительного кредита и строительства весьма существенно увеличивают возможность охвата рабочего населения строительной кооперацией и вовлечения таким путем в это дело собственных средств рабочих и служащих,—необходимо увеличить удельный вес кооперации в строительстве и доли ее в госкредитах на жилищное строительство в соответствии с фактическим ростом ее собственных паевых средств.

Наконец, в целях привлечения средств населения, возможно допущение индивидуального рабочего жилстроительства в промышленных поселках и районах, где бытовые условия не позволяют еще развивать крупное благоустроенное жилстроительство, а также в мелких городах с разрешения соответствующих исполкомов и при условии упорядочения строительства (кооперирование, техническая помощь и т. д.).

Для осуществления жесткой директивы о решительном снижении стоимости строительства требуется прежде всего упорядочить современную систему организации жилстроительства. Необходимо обратить внимание на постановку учета, инспектирования, планирования и общей рационализации строительства. Представляется, что эти функции соединить воедино и возложить их на какую-нибудь одну из существующих организаций, связанных с делом жилстроительства (Госплан, Наркомтруд, Цекомбанк, Стройкомиссия при СТО, наркомвнуделы союзных республик), является нецелесообразным и для более успешного выполнения всего этого комплекса вопросов необходимо, на основе детального анализа, разграничить деятельность ведомств и организаций, причастных к делу жилищного строительства. Финансово-экономическое планирование, в соответствии с общим народнохозяйственным планом СССР и союзных республик, должно быть сосредоточено в госпланах, с устранением существующих в данное время проявлений ненужного параллелизма разработки этих вопросов со стороны НКТ и Цекомбанка. При этом плановое начало в жилстроительстве должно быть усилено.

Плановые органы должны в этой работе получить полную поддержку как в центре, так и на местах. Вопросы нормирования строительства и его рационализации должны войти в сферу компетенции Стройкомиссии при СТО, которая в своей текущей работе должна опираться на наркоматские ячейки: по линии транспорта — НКПС, по линии промстроительства — ВСНХ и по линии жилищного строительства — НКТруд.

Таким образом, Стройкомиссия должна разработать мероприятия по удешевлению строительства рабочих жилищ путем выработки типовых проектов, экономических коэфициентов, а также иметь наблюдение за их осуществлением через местные и республиканские стройкомиссии.

Роль Наркомтруда в вопросах построения государственной жилищно-строительной политики совершенно бесспорна. Примеры ведомств Западной Европы, очень близких (по формальному признаку) Наркомтруду, весьма поучительны и представляют собой исчерпывающие иллюстрации, приводящие нас с явной убедительностью к выбору Наркомтруда в качестве органа, устанавливающего государственную жилищно-строительную политику в СССР.

Мы имеем в этом отношении пример Германии, которая до 1917 г. об'единяла все это дело в Министерстве внутренних дел. В 1918 г., когда программа строительства жилищ стала широко развиваться и упираться в проблему рынка труда и заработной платы, эта работа была отнесена по линии Министерства Труда. В Австрии существует специально Министерство социального управления, которое распоряжается специальными государственными фондами жилищного строительства. Наконец, в Англии жилищное дело планируется Министерством здравоохранения. (В союзном масштабе у нас нет Наркомздрава и из союзных наркоматов наиболее близки функции охраны рабочего здравия Наркомтруду.) Представляется правильным в качестве прерогатив НКТруду установить мобилизацию финансов, бросаемых на жилстроительство (в частности, 50% от централизованных средств, бросаемых в пятилетнем плане на жилстроительство, идут за счет Цустраха, и таким образом 50% финансового плана ЦКБанка зависят от НКТруда). Наблюдение за правильным предоставлением льгот учреждениям и организациям, производящим строительство рабочих жилищ, представляет немаловажное дело. По существу льготы (налоговые, транспортные, по лесу, по кредиту и т. д.) представляют собой скрытые субсидии, которые в иной форме и, конечно, в значительно меньших размерах имеют место и в Западной Европе. Когда в СТО 2/XII 1926 г. поднимался вопрос о значительном напряжении бюджета Цустраха по финансированию жилстроительства, в Английском парламенте в тот же день решался вопрос о снижении субсидий по генплану жилстроительства. Там с 9 фунт. стерлингов, установленных государственным законом Уитли 1924 г. при рабочем правительстве Макдональда, субсидия была доведена до 7 фунт. стерл. 10 шилл. Все те скрытые льготы, которые сейчас у нас недостаточно ясно учтены, представляют собою сбалансирование между современным состоянием бюджета потребителей жилищ и стоимостью строительства. Наркомтруд и Госплан должны тщательно подсчитать, в какую сумму обходится государству предоставление всех льгот на жилстроительство и результаты изучения стоимости льгот учесть при развертывании пятилетней программы рабжилстроительства. Для об'единения жилищного строительства на местах, где оно принимает значительный масштаб, целесообразна организация строительных комитетов при исполкомах с подчинением последних строительным комиссиям при ЭКОСО союзных республик. Самый учет строительства должен итти по линии ЦСУ и его республиканских и местных органов — в отношении учета продукции и по линии ЦКБанка и его филиалов и местных городских и коммунальных банков — по линии финансовых затрат. Особо следует указать на значение опытного жилищного строительства. Работа всех отдельных ведомств в этом направлении должна быть согласована, так как при скудных наших средствах мы не можем слишком широко ставить опыты, к тому же часто не дающие нужных результатов.

На основе указанной выше схемы несомненно нам удастся строить и выполнять сводный план жилищного строительства в Союзе, при правильном выборе районов строительства и категорий застройщиков (этому моменту мы придаем второстепенное значение, центральным вопросом при планировании является выявление коэфициента значимости отдельных районов, а потом уже решение вопроса, кто и в какой части является выполнителем местной строительной программы), и достигнуть улучшения качества строительства и повышения его эффективности. Лозунгом дня является — наибольшее накопление новых материальных благ в жилищном хозяйстве и увязка рабоче-жилищного строительства с бюджетными возможностями рабочего. Первым условием для решения этой проблемы является хорошая организация жилстроительства и твердая дисциплина на жилищном фронте.

Г. Пистрак

Условия реализации сельскохозяйственной продукции[1]

В условиях существования мощного обобществленного хозяйства, при национализации крупной промышленности и монополии внешней торговли, характер рыночных связей между распыленным попрежнему мелким крестьянским производителем и этим обобществленным хозяйством приобретает новые черты, существенно отличающие современные условия реализации сельскохозяйственной продукции от условий капиталистического строя.

В то время как предложение попрежнему остается распыленным, спрос все более организуется и регулируется государством, и мелкий товаропроизводитель — крестьянин, выступая на рынок в качестве продавца, все чаще сталкивается с предлагаемой ему организованным и часто фактически монопольным покупателем (государственным и кооперативным заготовителем) ценой. Истекшие годы новой экономической политики являют процесс все большего охвата сельскохозяйственного рынка этим плановым воздействием. Этот процесс не протекал спокойно и гладко, в этом отношении истекший период был зачастую периодом борьбы, ошибок, побед и поражений для той и другой стороны, но в конечном счете он привел к значительному укреплению позиций обобществленного сектора на рынке и вытеснению или сильному ограничению неорганизованного спроса.

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение тех методов и мероприятий, при помощи которых плановое хозяйство стремится организовать и добивается организации сельскохозяйственного рынка в интересах всего народного хозяйства и в соответствии с задачами обобществления последнего. (Мы лишь перечислим эти методы и мероприятия: организация мощных государственных закупочных аппаратов; поддержка и стимулирование организованного потребителя в лице потребительской кооперации в его закупочных операциях; организация и поощрение кооперированного сбыта в лице сельскохозяйственной кооперации; регулирование покупных и продажных цен перечисленных аппаратов; наконец, в исключительных случаях, административные мероприятия по ограничению частного оборота.)

[1] В порядке обсуждения. Р е д.

Основные моменты, подлежащие здесь рассмотрению, заключаются в подведении итогов государственной политики в области овладения сельскохозяйственным рынком, в анализе тех условий реализации, которая имела место для производителя сельскохозяйственных товаров, того отражения, которое рыночная обстановка оказала на развитие самого сельскохозяйственного производства, развитие, связанное с интересами промышленности и всего народного хозяйства в целом. Анализ прошлого должен послужить основой для политики будущего и, более конкретно, для выяснения тех возможностей и путей, которые намечаются на проектируемый 1927/28 год.

Методы планирования для рынка каждого отдельного сельскохозяйственного товара (или группы товаров) тесно связаны, с одной стороны, с своеобразными условиями данного рынка и, с другой — с той степенью непосредственного охвата данного рынка, которая достигнута государством к настоящему моменту. Однако, нельзя упускать из виду, что между рынками отдельных сельскохозяйственных товаров существует тесная взаимозависимость и поэтому успех мероприятий на рынке какого-либо одного сельскохозяйственного товара зависит от того, насколько вся совокупность мероприятий в отношении условий реализации сельскохозяйственной продукции составляет целостную систему.

Под этим углом зрения мы рассмотрим состояние отдельных рынков важнейших сельскохозяйственных товаров и, далее, условия реализации сельскохозяйственной продукции в их совокупности.

Рынок хлебов

По приблизительным подсчетам распределение заготовки хлеба между обобществленным и необобществленным сектором выражается следующими величинами (в %% к итогу всей заготовки):

	1923/24 г.[1]	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Основные плановые заготовители .	57	51	70	80
Местные гос. и кооп. загот.	6	8	4	6
Итого обобществ. сектор[2] .	63	59	74	86
Частн. торговцы и непосредств. закупки потреб.	37	41	26	14
Всего	100	100	100	100

Первым годом сколько-нибудь значительного выступления обобществленного хозяйственного сектора на хлебном рынке был 1923/24 год — год наиболее крупного после революции хлебного экспорта. Государственные хлебные ресурсы в 1923/24 году образовывались еще отчасти за счет натуральной части сельскохозяйственного налога (с учетом которого доля обобществленного сектора по-

[1] 1923/24 г. без учета натуральной части сельскохозяйственного налога.

[2] К доле обобществленного сектора отнесены и те закупки, которые совершались через частных посредников. Эта доля особенно велика в 1923/24 г., а в последующие годы уменьшается.

вышается до 70%), но вместе с тем государство выступило также крупным покупателем хлеба, ведя (до момента денежной реформы) активную повышательную политику в отношении хлебных цен. Максимальных размеров (и абсолютно и относительно) заготовки необобществленного сектора достигли в 1924/25 году, в котором атмосфера неурожая и недостаточно гибкая политика цен облегчили условия работы частного капитала. В последующие годы достигнуто резкое сокращение работы частного заготовителя, облегченное в последнем году из'ятием ряда арендованных им мельниц и затруднением для него условий перевозок.

По мере того как обобществленный сектор овладевает хлебным рынком, усиливается и влияние его на уровень фактических реализационных цен хлебопроизводителя. По нашим исчислениям общие реализационные для всей товарной массы хлеба цены в сопоставлении с ценами основных заготовителей представляются следующим образом (в коп. за пуд):

		1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Рожь	Цена осн. заг.	84	93	71
	Общ. реализ.	97	98	74
	Разница в коп.	13	5	3
Пшеница	Цена осн. заг.	118	125	104
	Общ. реализ.	142	131	107
	Разница в коп.	24	6	3
Овес	Цена осн. заг.	83	88	59
	Общ. реализ.	98	102	63
	Разница в коп.	15	14	4
Ячмень	Цена осн. заг.	85	70	53
	Общ. реализац.	104	74	56
	Разница в коп.	19	4	3

Взвешенное по четырем культурам превышение общей реализационной цены над государственной составляет в %%:

Для 1924/25 г.	19,2
Для 1925/26 г.	5,7
Для 1926/27 г.	3,4

За все рассматриваемые годы цены основных заготовителей остаются ниже общих реализационных цен, но из года в год, по мере все большего охвата рынка, государственная заготовительная цена все более определяет собой тот денежный эквивалент, который крестьянин получает за свой продукт. Две важнейших проблемы ставятся во весь рост этим фактом.

Во-первых, государственная политика хлебных цен должна обеспечить не только денежный, но и определенный реальный, товарный эквивалент за зерно. Это достигается все более активной политикой цен на рынке промышленных товаров, охват которого обобществленным сектором увеличивается параллельно охвату рынка сельскохозяйственного. Здесь необходимо подчеркнуть, что только степенью реальных успехов в регулировании продажных розничных

цен на промтовары определяется для крестьянства реальность устанавливаемых государством хлебных цен.

Во-вторых, по мере овладения хлебным рынком государственная заготовительная цена становится все более мощным фактором влияния на производство зерновых культур. То обстоятельство, что производство хлебов в первую очередь связано с удовлетворением потребностей самого производителя, ни в малейшей мере не ослабляет значения хлебной цены для производства зерна на рынок. Кроме того, уровень цены зерна в известной мере определяет распределение уже наличного у производителя продукта на собственное потребление, переработку (напр., в продукты животноводства) и отчуждение. В наших условиях, при политике под'ема производственных возможностей мелких и менее мощных хозяйств, товарные излишки которых для отдельного хозяйства ниже, чем в хозяйствах крупных, значение хлебной цены еще усиливается по сравнению с условиями дореволюционной России. Выдвигая это положение, мы ни на минуту не забываем о мощном и часто пертурбационном влиянии на производство хлебов колеблемости урожаев. Это обстоятельство не только не ослабляет значения правильной политики хлебных цен, а наоборот — обязывает к такой постановке планирования их, при которой влияние стихийных факторов полностью учитывается, как один из решающих исходных элементов для определения уровня цены, соответствующего условиям производства.

Состояние статистических материалов дает весьма скудные возможности для определения реального эквивалента зерна в промышленных товарах. Для наших целей совершенно необходимо рассмотрение вопроса в районном разрезе, притом отдельно по линии обобществленной и частной торговли. Между тем, разработка материалов о ценах на промышленные товары как по секторам торговли, так и по районам, совершенно недостаточна. Мы имеем здесь весьма яркий пример отставания нашей статистики от потребностей планового хозяйства.

Чтобы пролить некоторый свет на этот первостепенной важности вопрос, пришлось воспользоваться районными индексами Кон'юнктурного Института, отражающими движение промышленных цен преимущественно частной торговли. Мы считаем необходимым подчеркнуть, что имеющийся по этим индексам статистический материал не отражает уровня покупательной способности хлебов по линии обобществленного обмена между городом и деревней. Начатое с января 1927 г. исчисление индекса отдельно по обобществленной и частной торговле выявило значительную разницу как в уровне, так и в динамике этих индексов. Так, на 1 января 1927 года розничный промышленный индекс кооперативной торговли ниже соответствующего индекса частной торговли на 17%, а на 1 августа — на 19%. На соответствующие величины повышается и покупательная способность хлебов по линии обобществленного обмена.

Одновременно рост кооперативной розничной торговли за счет вытеснения частной делает все менее реальными эквиваленты, исчисляемые по индексам частной торговли. Поэтому, располагая для длительного периода только индексами частной торговли, мы лишены возможности судить с достаточной долей достоверности о действительном уровне покупательной силы хлебов, и можем лишь до некоторой степени отразить ее динамику.

Сопоставление этих индексов, взвешенных по месяцам по об'ему плановых заготовок, с заговительными ценами (взвешенными таким же образом) позволяет дать следующие иллюстрации динамики эквивалентов зерна и промышленных товаров (по сел.-хоз. годам):

Районы	Товары	В %% к предшествующему году					
		Район. индекс промтов. Инст. взвеш. по срокам заготовок		Сред. за год взвеш. загот. цена за 1 пуд в черв. коп.		Стоим. 1 пуд. в промтоварных копейках	
		1925/26	1926/27	1925/26	1926/27	1925/26	1926/27
УССР	Рожь	101	116	98	76	98	64
	Пшеница	104	114	91	74	87	66
Сев. Кавказ.	Пшеница	98	104	108	97	111	92
	Ячмень	97	105	94	76	97	73
Центр.-Черн. обл.	Овес	106	107	85	72	81	66
Урал	Пшеница	101	109	116	79	115	72
Сибирь	Пшеница	109	104	97	95	91	90

Если судить по этим данным, то в большинстве случаев от 1924/25 к 1925/26 гг. промышленный индекс повышается, а реальный эквивалент понижается. В 1926/27 г. по сравнению с 1925/26 г. наблюдается дальнейшее повышение проминдекса и благодаря снижению номинальных заготовительных цен — еще более значительное понижение реальных эквивалентов.

Однако, для правильного суждения о действительном размере эквивалентов, необходимо ввести в расчет изменение урожайности, как фактор, меняющий от года к году себестоимость продукта, независимо от трудовых затрат на его производство.

Для этого сопоставим относительные изменения от года к году урожайности и дохода с десятины (см. табл. на стр. 127).

В 1925/26 г. рост урожайности сопровождался, примерно, таким же ростом дохода с десятины посева. Таким образом, вся разница в себестоимости единицы зерна, получившаяся в результате благоприятных метеорологических условий, не зависящих от производителя, была, однако, передана только производителю. В 1926/27 г. мы в большинстве случаев видим, наоборот, снижение дохода с десятины более значительное, чем снижение урожайности. Следовательно, повышение себестоимости, в результате ухудшившихся стихийных усло-

Районы	Товары	В %% к предш. году			
		Чистый сбор с 1 дес.		Стоимость чистого сбора с 1 дес. в промтов. руб.	
		1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
УССР	Рожь	163	88	158	58
	Пшеница	140	96	122	62
Сев. Кавказ	Пшеница	184	60	203	56
	Ячмень	452	49	440	36
Центр.-Черн. обл.	Овес	744	68	600	46
Урал	Пшеница	107	94	123	68
Сибирь	Пшеница	108	90	96	81

вий, не только не было возмещено производителю, но он получил меньше и в возмещение трудовых затрат.

Таким образом, с точки зрения производителя, условия реализации хлебов в 1925/26 г. должны быть охарактеризованы, как чрезвычайно благоприятные, а в 1926/27 г. (по сравнению с предшествующим), как неблагоприятные.

С народнохозяйственной точки зрения целесообразной может быть признана такая установка в политике цен, при которой как выгоды от урожая, так и убытки от неурожая не падают всецело на производителя, а перераспределяются известным образом на все народное хозяйство. Если принять эту установку, то для хозяйства в целом цены 1925/26 г. являлись слишком высокими, а цены 1926/27 г. слишком низкими. В известной мере только высокие цены 1925/26 г. позволили в 1926/27 г. провести заготовки по низким ценам в том размере, который имел место, хотя и ослабив при этом у производителя стимулы к дальнейшему расширению производства.

Имеющиеся данные о динамике посевных площадей показывают, что рост посевной площади под зерновыми культурами в 1927 г. сильно замедлился и во всяком случае не превышает коэфициента естественного прироста населения. Хотя влияние хлебных цен здесь является не единственным и не решающим фактором, но оно может быть прослежено в ряде случаев. Если уровень хлебных цен не мог отразиться на размерах озимого клина, то на размер яровых посевов, прирост которых ничтожен, на ряду с другими причинами, несомненно оказал влияние весенний уровень цен. Наиболее яркой иллюстрацией влияния цен на производство является падение в южных районах площади под ячменем, заготовительная цена которого была чрезмерно понижена, несмотря на невысокий урожай.

Уровень хлебных цен оказывал также несомненное влияние на распределение урожая между собственным потреблением произво-

дителя, накоплением в крестьянском хозяйстве натуральных хлебных запасов и рыночным отчуждением зерна. Это влияние трудно выделить в чистом виде, так как на размер потребления влияет, в первую очередь, величина сбора, а образование запасов является непременным условием устойчивости крестьянского хозяйства, особенно в засушливых районах. Тем не менее, ряд данных указывает на то, что условия реализации 1925/26 г. больше стимулировали отчуждение, а 1926/27 г.— накопление. По СССР, в целом, накопление зерна в крестьянском хозяйстве в 1926/27 г., т.-е. в год второго урожая, превысило накопление первого после неурожая 1925/26 г. (288 млн. пуд. против 270 млн. пуд.). При других рыночных условиях размер накопления второго урожайного года должен был оказаться меньше, как это предусматривал, например, экспертный совет по исчислению продукции хлебов и хлебофуражного баланса.

Для планирования хлебных цен не менее важным, чем исследование годового их уровня, является анализ и правильный учет факторов, определяющих внутригодичную динамику цен. Если годовой уровень цены зерна определяется, главным образом и в первую очередь, размерами производства текущего года и остатками от урожая предыдущих лет, то на динамику цен на протяжении года весьма значительное влияние оказывают факторы чисто экономического порядка. Эти факторы многообразны и освещаются специальными исследованиями. Здесь надлежит остановиться на тех важнейших из них, которые имеют первостепенное значение для государственной политики цен.

Как в довоенное время, так и сейчас, период массового предложения зерна приходится на осенние месяцы, непосредственно после уборки урожая, а наиболее слабая заготовка имеет место летом. Помимо того, что сезоны реализации связаны с производственными факторами (перерывы в периодах полевых работ), основной причиной массовой выброски зерна в короткий осенний период является низкий уровень благосостояния крестьянства, вынуждающий его не растягивать предложение хлеба на рынок на весь год. Только более зажиточные слои крестьянства имеют возможность реализовать зерно постепенно, в зависимости от рыночной кон'юнктуры.

Массовая реализация хлеба в осенние месяцы вынуждалась в дореволюционной России еще тем, что на осень приходилось большинство налоговых, арендных и иных платежей. Как по этим, так и по ряду других причин, спрос всегда оказывался осенью ниже предложения, весной же это несоответствие выравнивалось, или спрос даже превышал предложение.

В связи с изложенными причинами весенние цены на хлеб обычно превышали цены осени, но только верхушка деревни могла извлекать из этого обычного изменения кон'юнктуры известные выгоды.

Таким образом, в связи с изложенными чертами экономики русского хлебного рынка при планировании хлебных цен необходимо учитывать следующие важнейшие моменты:

1) осень является основным сезоном реализации хлеба для большинства крестьянских хозяйств и основным же периодом закупки предметов первой необходимости;

2) календарное распределение налоговых платежей может усилить или ослабить сезонность предложения хлеба;

3) повышение цен от осени к весне выгодно, главным образом, для верхних слоев деревни.

Мы останавливаемся на этих общеизвестных фактах потому, что правильный анализ динамики хлебных цен за истекшие хлебозаготовительные кампании, надлежащая оценка мероприятий регулирующих органов в отдельные периоды года и вытекающие отсюда задачи для будущих лет могут быть даны только в свете этих фактов.

Пережитые три хлебных кампании (1924/25, 1925/26 и 1926/27 годов) вписали важнейшую страницу в историю борьбы государства за овладение хлебным рынком и являются богатейшим источником опыта для планирования хлебного рынка в будущем. Эти кампании протекали в условиях влияния противоречивых факторов, чрезвычайно осложнявших рыночную обстановку и затруднявших нахождение правильной линии в политике цен. Так, потребности народного хозяйства вынуждали, с одной стороны, к форсированию осенней реализиции хлеба, в виду ненасыщенности потребительского рынка и потребности в развитии экспорта. Особенностью хлебозаготовок последних лет, в отличие от дореволюционной рыночной обстановки, является п р е в ы ш е н и е осенью спроса над предложением, что в известной мере сдерживало обычное сезонное снижение цен. С другой стороны, при недостаточности еще запасов промышленных изделий концентрация крестьянского спроса на них в осенние месяцы являлась фактором отрицательным как для устойчивости валюты и общего уровня цен, так и для хозяйственного равновесия в целом. Это обстоятельство побуждало к политике снижения хлебных цен. Общая политика государства в отношении крестьянства требовала уравнения в условиях реализации для основной массы хозяйств и деревенской верхушки, или даже создания для первых лучшей рыночной обстановки, что диктовало политику устойчивости цен в течение года, в отличие от довоенной повышательной весенней тенденции. Наконец, необходим был правильный учет своеобразных условий каждого года как в отношении размеров с.-х. производства, так и общей народнохозяйственной обстановки.

Хлебная кампания 1924/25 неурожайного года началась борьбой против роста хлебных цен, в интересах укрепления покупательной силы незадолго до того введенной твердой денежной единицы.

Однако, введенные лимитные цены ни в какой мере не соответствовали рыночной обстановке (неурожай, ненасыщенность рынка,

превышение спроса над предложением). Попытка установить слишком низкий уровень цен скоро привела к сокращению государственных заготовок и к усилению работы частного капитала. Недостаточные закупки хлеба осенью стимулировали лишь рост цен весной, рост, который в условиях неурожайного года всегда бывал значителен.

Опыт этого года выявил необходимость более гибкого подхода к хлебному рынку и возможность только такой политики цен, которая не идет прямо в разрез с рыночной обстановкой, обусловливаемой, в первую очередь, размерами производства.

Хлебная кампания следующего 1925/26 г. началась при еще большем обострении указанных выше противоречий, осложненных преждевременным и неправильным учетом размеров производства, возможного отчуждения и созданной общей рыночной обстановки. Вкратце характеристика условий, в которых протекала первая важнейшая половина кампании, сводится к следующему:

1) Размер урожая, благодаря исключительно неблагоприятным условиям уборки, снизился на 5%, что после неурожайного года, при истощении крестьянских запасов, должно было сильнейшим образом отразиться на размерах возможной реализации. Между тем, план хлебозаготовок (сентябрьский вариант) был составлен без учета этих фактов и являлся преувеличенным.

2) Спрос попрежнему превышал предложение, при оголении запасов на государственных складах и в портах и при форсировании экспорта. Крестьянство полностью учло создавшуюся рыночную кон'юнктуру.

3) С.-х. налог был снижен против предшествующего неурожайного года при значительно возросших, кроме хлеба и за счет технических культур, доходах крестьянства, а взыскание налога было рассрочено на ряд месяцев.

4) При отсутствии запасов промышленных изделий для насыщения деревенского рынка, одновременное повышение осенью заработной платы рабочих и служащих усилило городской спрос на промтовары.

Все это привело к тому, что на хлебном рынке начался ажиотаж, перекинувшийся на рынки промышленных изделий и явившийся источником роста цен. Подготовка к широкому капитальному строительству, при ненасыщенности рынка строительных материалов и при резком повышении цен на лес (увеличение попенной платы), создала добавочный источник роста цен. Падение покупательной силы денег не могло способствовать хотя бы временному оседанию их в крестьянском хозяйстве, а отсутствие промтоваров не давало возможности использовать сравнительно благоприятные (как мы видели выше) условия эквивалентного обмена между городом и деревней.

Опыт первого полугодия 1925/26 г. показал, что высокие цены на хлеб сами по себе еще не являются достаточным условием успешности продвижения деревенской продукции в город, если этой продукции не противопоставлен встречный поток в деревню продукции города.

Предпринятая осенью 1925 года вторично попытка задержать рост хлебных цен вновь не увенчалась успехом в виду несоответствия ее рыночной обстановке, а расширила лишь поле деятельности частного капитала, для борьбы с которым потребовалось административное вмешательство в виде фактического прекращения частных хлебных перевозок.

Только рядом чрезвычайных усилий, направленных на восстановление хозяйственного равновесия, и насыщением спроса на хлеб была создана обстановка для перелома повышательной тенденции хлебных цен. К тому же хорошие виды на урожай лета 1926 года вызвали уже вместо сдержанности усиленное предложение хлеба, хлебные цены покатились вниз, а государственный спрос был сужен, еще более ослабляя кон'юнктуру рынка.

Летом 1926 года впервые создалась обстановка, благоприятная для накопления государством резервных запасов. Однако, так как на первый план была выдвинута задача возможно большего снижения цен, то эта возможность осталась неиспользованной. Отсутствие запасного фонда дало себя знать в следующем году.

1926/27 год—год повторного урожая—создал на хлебном рынке обстановку, неизмеримо более благоприятную, чем предшествующие два года. Ряд новых рыночных и организационных условий отличает этот год от предыдущих: сокращение продукции технических культур ослабило другие (кроме реализации хлеба) источники крестьянского дохода; накопление некоторых запасов у производителя увеличивало потенциальную товарность хлеба; сроки взыскания с.-х. налога вновь были сконцентрированы на осенние и зимние месяцы; городской спрос на промышленные изделия не был усилен осенью, как в 1925/26 году; государственные позиции на хлебном рынке укрепились, благодаря лучшей организации и дисциплинированности заготовительного аппарата и сужению поля деятельности частного капитала, в результате лишения его значительной части арендованных мельниц.

При этих условиях удалось установить и удержать тот уровень цен, который характеризует 1926/27 год. Отсутствие достаточных запасов хлеба в руках государства создало обычные затруднения также осенью 1926 года, тем более, что вследствие неблагоприятных условий уборки в ряде районов и неблагоприятной географии урожая поступление хлеба на рынок началось с запозданием против нормальных сроков. Для ликвидации этих затруднений экспорт хлеба в осенние месяцы был сокращен и зерно экспортных районов было направлено на внутренние рынки.

Истекший год характерен стабильностью цен в течение всей хлебной кампании. Задача удержания весенних цен от роста была

облегчена совокупностью естественных и экономических условий. После повторного урожая весенний крестьянский спрос на хлеб был ниже, чем в предшествующие годы, по крайней мере до появления опасений за урожай в засушливых районах; спрос же внедеревенский был несравненно более организован, чем в 1924 и 1925 годах. С другой стороны, кампания по снижению промышленных цен успела дать существенные результаты, и при сохранении номинальных цен на хлеб повысила покупательную способность его. Наконец, государственный спрос за счет нового сжатия экспорта удерживался в границах умеренного предложения.

Выше было указано, что низкий уровень цен способствовал накоплению крестьянских запасов в размере, еще большем чем в 1925/26 году. Таким образом, фактическая реализация хлеба в истекшем году оказалась ниже возможной, а достигнутый уровень цен был куплен ценой отказа от полного использования высокой кон'юнктуры мирового хлебного рынка и от накопления достаточного резервного фонда.

Однако, нельзя недооценивать то коренное изменение обстановки на хлебном рынке, которое создалось к концу кампании, в связи с переломом в движении цен на промышленные товары. Покупательная способность их, начиная с января, значительно увеличивается. Так, реальная цена хлеба (в промтоварах) изменялась следующим образом (в %% к цене частной торговли на 1 января = 100):

РАЙОНЫ	По индексам частн. торг.			По индексам кооп. торг.		
	1 января	1 апреля	1 июля	1 января	1 апреля	1 июля
УССР Рожь	100	104	108	115	123	131
УССР Пшеница	100	108	113	118	128	136
Сев. Кавказ (пшеница)	100	105	109	116	125	132
Сибирь „	100	105	105	118	129	132
Урал „	100	106	109	121	124	133

За данный период, можно констатировать, насколько велико расхождение эквивалентов по линии обобществленного и частноторгового обмена: к концу рассматриваемого периода эквиваленты кооперативной торговли выше частных более чем на 20%. По мере увеличения удельного веса кооперации и охвата ею рынка, для крестьянства становятся все более реальными именно эти более высокие эквиваленты.

Резюмируем выводы из произведенного анализа:

1) Условия реализации хлеба складываются в каждом данном году в зависимости от размеров производства данного и предшествующих лет, размеров накопленных запасов, соотношения спроса и предложения и видов на будущий урожай. Годовой уровень хлебных цен является функцией совокупности этих условий.

2) Государственная политика заготовительных цен не может итти в разрез с общей рыночной обстановкой при наличии значительного неорганизованного спроса. По мере организации спроса реальная возможность влияния на цены увеличивается, будучи ограничена, однако, необходимостью сохранения известных размеров спроса для удовлетворения внутреннего рынка и потребностей народного хозяйства в обмене с внешними рынками.

3) По мере овладения хлебным рынком увеличивается влияние государственной цены на производство хлебов, необходимый уровень которого диктуется общим развитием и потребностями народного хозяйства.

4) Размер крестьянского предложения хлеба определяется не номинальной ценой, а реальным эквивалентом и при том фактической возможностью обмена хлеба на городские товары.

5) Реальность эквивалента единицы хлеба и других товаров расценивается производителем и должна расцениваться, при установлении цены на хлеб, на основании учета изменения себестоимости зерна в связи с урожайностью.

6) Необходимым условием сохранения равновесия на хлебном рынке, наиболее подверженном влиянию естественных стихийных факторов, является наличие достаточных государственных запасов хлеба.

Перспективы начавшейся хлебной кампании 1927/28 года развертываются в условиях третьего урожайного года, лучшего территориального размещения урожая, чем в истекшем году (высокий урожай в УССР и в ЦЧО), своевременно законченной уборки хлеба в ряде районов, наличия больших крестьянских запасов и, следовательно, потенциально больших размеров предложения зерна.

Особенно важно подчеркнуть, что наибольшими запасами от производства прежних лет обеспечены засушливые районы. Это обстоятельство значительно суживает размеры неорганизованного крестьянского спроса, хотя не исключает в отдельных местностях и для отдельных хлебов (например, кормовых) возможного осложнения рыночной обстановки.

Весьма характерным штрихом начавшейся кампании является раннее выступление на Украине зажиточных хозяйств, что может быть об'яснено, в первую очередь, избыточным уже после снятия урожая для этих хозяйств наличием хлеба, вынуждающим реализацию ранее накопленных запасов. Отсутствие роста цен минувшей весной также могло сыграть некоторую роль в столь раннем выступлении на рынок деревенской верхушки: при стабильности цен задержка хлеба до весны становится невыгодной, в виду его порчи, утерь и т. п.

Огромное влияние на возможное предложение хлеба должно оказать произведенное снижение цен на промышленные изделия, успевшее уже отразиться на ценах низовых рынков. Реальный эквивалент единицы хлеба, даже при стабильности номинальной цены, повышается этим фактором весьма заметно. Улучшение качества промтоваров еще более улучшает рыночный эквивалент зарна. При проектируемом контрольными цифрами уровне цен на промтовары улучшение хлебных эквивалентов против кампании 1926/27 г., в случае сохранения прошлогоднего уровня цен, достигает не менее 10% (без учета повышения заготовительных цен в июле и августе 1927 г.).

Если обратиться к рассмотрению реального дохода с десятины, т.-е. к выявлению эквивалентов с учетом изменения себестоимости зерна в связи с изменением урожайности, то в ряде районов этот доход повышается, в других — понижается, в зависимости от сравнительной высоты урожая в 1926 и 1927 гг. Произведенные в различных вариантах расчеты, охватывающие важнейшие районы и культуры, приводят к результату, что сохранение прошлогоднего номинального уровня цен с перераспределением его по районам, в зависимости от изменения урожайности, обеспечивает тот же реальный доход с десятины, что и в прошлом году. Необходимо отметить, что для третьего урожайного года этот размер дохода не является уже столь пониженным, как для года истекшего. Если использовать возможность целесообразного перераспределения выгод от высокого урожая (равно как и невыгод от пониженного в некоторых районах урожая) на все народное хозяйство, то остается известный простор и для снижения номинальных цен.

При планировании хлебозаготовок и хлебных цен на будущий год необходимо вновь напомнить и подчеркнуть следующие важнейшие моменты:

1) Успешность заготовок зависит не только от номинальной цены и реального эквивалента, но и от фактической возможности обмена хлеба на нужные крестьянству промтовары. Менее выгодный, но осуществимый товарный обмен имеет все преимущества перед более выгодным, но нереализуемым эквивалентом.

2) Установление определенного уровня хлебных цен, при необходимом размере заготовок, не может быть достигнуто изолированно, без учета связи и взаимозависимости хлебного и других с.-х. рынков. Все мероприятия в области заготовок должны быть приведены в согласованную систему.

Рынки растительного сырья

Детальный анализ условий реализации каждого вида с.-х. сырья может быть дан только в специальном исследовании, здесь же возможно ограничиться изложением лишь важнейших моментов, относящихся к сырьевым рынкам первостепенного значения для промышленности или экспорта. Сюда относятся рынки хлопка, льна, пеньки, сахарной свеклы и маслосемян.

Реальные возможности прямого влияния государственной политики на условия ценообразования на сырьевых рынках находятся в зависимости от степени товарности данной культуры, охвата данного рынка обобществленным хозяйственным сектором и конкурентоспособности с последним частно-хозяйственного сектора.

Рынки хлопка и сахарной свеклы охватываются почти целиком обобществленным спросом. Самое производство этих культур находится частью в руках государства (заводская свекла), а производитель крестьянин находится в определенных договорных отношениях с покупателем его продукции. Обладая фактической монополией на этих двух рынках, государство легко регулирует и ценообразование на них. Это положение создает наиболее тесную связь между государственной заготовительной ценой, обеспечиваемым реальным эквивалентом и развитием производства хлопка и сахарной свеклы.

Одной из важнейших черт государственной политики на рынках хлопка и сахарной свеклы является почти полная стабильность от года к году устанавливаемых заготовительных цен. Поэтому последствия колеблемости урожаев — выгоды от высокого урожая и невыгоды от низкого—целиком ложатся на крестьянское хозяйство. При большей подвижности цен на конкурирующую с хлопком и свеклой пшеницу, соотношение дохода от единицы посева той и другой культуры лишено устойчивости. В этих условиях частно-хозяйственный расчет производителя при определении размера посева каждой из конкурирующих культур не всегда совпадает с народнохозяйственными интересами. Замедленные приросты посевных площадей хлопка и особенно сахарной свеклы в 1926 году находятся в известной связи с указанным обстоятельством, точно так же, как и более значительные приросты площадей под хлопком и свеклой в 1927 году.

Следующим по тесноте связи между размерами производства и государственной политикой цен является рынок льна—волокна, также почти целиком охватываемый государством. Заготовительные цены на лен за истекшие годы неоднократно менялись, при чем не всегда в соответствии с задачей поддержания и развития производства. Изменчивые соотношения между ценой льна и ржи, игнорирование меняющейся урожайности (следовательно, и себестоимости), недостаточный учет других условий производства и рыночности льна,— все это приводило к неустойчивости льняного рынка и хода льнозаготовок. В 1926 году вся совокупность указанных обстоятельств имела следствием сокращение посевной площади, недоснабжение промышленности и уменьшение этой важнейшей статьи нашего экспорта.

Рынки пеньки и маслосемян находятся в существенно иных условиях, в виду наличия на ряду с государственным значительного спроса частной и кустарной промышленности.

В этих условиях влияние государственной политики цен на ценообразование и размеры производства приобретают иной характер. При наличии недостатка этих видов сырья обостряется борьба за овладение им между обобществленной крупной промышленностью и частной мелкой и кустарной. За истекшие годы обобществленный сектор не раз терпел неудачи в этой борьбе. Существеннейшее значение для товарности этих видов сырья (как и для льна) имеет соотношение их цен с ценами соответствующих готовых изделий. Все сказанное выше относительно значения высоты сбора с десятины данной и конкурирующих культур и соотношения их доходности должно быть применимо и к этим культурам, особенно к подсолнуху.

Основные выводы о состоянии рынков растительного сырья и задачах государственной политики цен на них сводятся к следующему:

1. Условия производства хлопка и сахарной свеклы, как культур целиком товарных и полностью охватываемых обобществленным сектором, наиболее тесно связаны с государственными мероприятиями. Поэтому в интересах устойчивого развития производства этих видов сырья необходимо ослабить влияние естественных стихийных факторов на доходность этих культур. Государственные мероприятия на этих рынках должны строиться с учетом рыночной обстановки и доходности конкурирующих культур (пшеницы).

2. Политика цен на рынках этих видов сырья, являющихся об'ектом борьбы между обобществленным и частным сектором и между товарным и натуральным хозяйством, должна быть направлена на всемерное увеличение товарности данных видов сырья, что связано с уровнем цен соответствующих готовых изделий, на полное обеспечение сырьем обобществленной промышленности и на дальнейшее укрепление сырьевой базы. При установлении и изменении заготовительных цен необходимо учитывать все условия производства данного сырья и конкурирующих продуктов, в частности, соотношение их себестоимости, урожайности и доходности.

Перспективы на 1927/28 год достаточно выяснились только для сахарной свеклы и подсолнуха.

Высокая урожайность в текущем году сахарной свеклы обеспечивает значительно повышенный против прошлого года уровень доходности ее. Одновременное повышение заготовительной цены (вместе с натуральными доплатами) создает еще более благоприятную обстановку для дальнейшего развития посевов свеклы. Заранее договоренная между государством и производителем цена передает все выгоды от повышенного урожая текущего года, которые могли бы быть перераспределены в народном хозяйстве, целиком в руки крестьянства.

Резко меняются условия реализации подсолнуха благодаря высокому урожаю. Совершенно исключительная обстановка создается

для масляничного семени на Сев. Кавказе, где при повышенной в текущем году урожайности подсолнуха одновременно понизилась урожайность пшеницы. Характеристика рыночной обстановки явствует из следующего сопоставления с предшествующими годами:

	Заготов. цена за 1 пуд в коп.		Процентн. соотношение	Доход с чистого сбора 1 дес. в руб.		Процентн. соотношение
	Пшеница	Подсолн.		Пшеница	Подсолн.	
УССР						
1924/25	166	82	49,4	51,13	26,32	51,5
1925/26	151	91	60,3	65,08	37,13	57,1
1926/27	112	102	91,1	46,14	36,72	79,6
1927/28[1]	114	126	110,5	52,67	63,88	121,3
Сев. Кавказ						
1924/25	106	78	73,6	38,16	24,73	64,8
1925/26	115	87	75,7	76,01	50,46	66.4
1926/27	111	101	91,0	43,73	38,97	89,1
1927/28 [1]	106	120	113,2	34,98	71,52	204,5

Доходность единицы площади подсолнуха, бывшая все время ниже доходности пшеницы, а в настоящем году, если останется соотношение цен конца кампании 1926/27 года, превысит доходность пшеницы на Украине на 20%, а на Сев. Кавказе вдвое. Если соотношения между пшеницей и подсолнухом в 1924/25 и 1925/26 годах были неудовлетворительны для последнего, то в настоящее время приходится констатировать опасения, что создавшееся соотношение цен затормозит на Сев. Кавказе поступление на рынок пшеницы, что уже и наблюдается. Мы имеем здесь яркий пример необходимости учета при построении цен многочисленных, находящихся в динамическом взаимодействии факторов.

Рынки продуктов животноводства

Продукты животноводства являются самой крупной статьей дохода сельского хозяйства.

Считая по современным ценам, товарная часть продукции животноводства составила:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
В млн. руб.	875	1.199	1.444
В %% ко всей тов. части земледелия	45	45	52

Между тем, наиболее важный из животноводческих рынков — мясной—почти всецело находится в руках необобществленного сектора. По исчислениям Наркомторга охват продукции мяса централизованными заготовителями составил в 1925/26 г. 5,5%, в 1926/27 г. 7,7%.

[1] По ценам июня 1927 года.

Если учесть еще заготовки местных организаций, то все же этот процент повысится незначительно. Поэтому ценообразование на рынке мяса происходит совершенно стихийно, без всякого прямого воздействия государственных мероприятий.

Цены на скот подвержены значительным изменениям от года к году, находясь в тесной связи с условиями производства. Обычно динамика цен на скот противоположна в тенденции динамике хлебных цен: резкое падение в неурожайные годы и рост в последующие годы урожая.

За последние три года цены зерновых культур и мяса изменялись следующим образом:

	1924/25	1925/26	1926/27
	В рублях за пуд		
Зерновые	1,15	1,10	0,87
Мясо	5,58	6,84	7,46
	% изменения к предш. году		
Зерновые	—	— 4	—21
Мясо	—	+ 22	+ 9

Из года в год в течение рассматриваемого периода рыночные соотношения между зерном и мясом изменялись в пользу последнего. Это явление не выходит за рамки обычного в урожайные годы после неурожайного. Но в наших условиях — условиях организованного хлебного стихийного и мясного рынка — оно осложняется тем первостепенной важности обстоятельством, что соотношения между хлебными и мясными ценами далеко отклонились от сложившихся в довоенное время. Если в среднем за 1909 — 1913 годы эквивалент мяса и ржи колебался по отдельным районам в пределах от 3,3 до 6,5 (средняя — 4,9), а в отдельные годы самый высокий эквивалент для мяса доходил до пределов от 4,4 до 9,2 (средняя 6,8) пудов ржи за пуд мяса, то для 1926/27 года средний эквивалент составил уже 10 пудов, т.-е. почти в полтора раза превысил максимальную довоенную среднюю. Это соотношение не могло не отразиться на размерах реализации хлебов, делая весьма выгодным скармливание его скоту. Последний год принес многочисленные подтверждения, что переработка зерна в мясо получила широкое развитие. Не останавливаясь здесь на оценке этого явления с народнохозяйственной точки зрения, необходимо лишь подчеркнуть ту сложную обстановку, которая создается для государственной политики цен наличием бок-о-бок организованного хлебного и стихийного мясного рынков.

Рынки масла и яиц охватываются обобществленным сектором в значительно большей степени, чем мясной рынок. По исчислению НКТорга доля обобществленного сектора в заготовках составила (в %%):

	1925/26	1926/27
Масло	37	47,8
Яйца	38	56

Так как плановые заготовки ведутся, главным образом, в наиболее товарных районах, то в этих последних охват рынка обобществленным сектором должен быть определен значительно выше.

Масло и яйца составляют крупные статьи нашего экспорта, поэтому правильная политика на этих рынках представляет существенный народнохозяйственный интерес. Производство масла представляет весьма благодарную почву для кооперирования крестьянских хозяйств в районах молочного животноводства, успех которого связан с установлением выгодных для производителя заготовительных цен на масло и молоко. За истекший период политика цен на рынке масла, как и на других рынках, не отличалась устойчивостью. В наибольшей степени несоответствие заготовительных цен на масло с рыночной обстановкой сказалось в 1925/26 году, когда в сезон заготовок цены были значительно снижены, при высоком спросе внутреннего рынка на масло и необходимости экспорта. Установленные заготовительные цены не соответствовали ни условиям производства (напр., ценам на корма), ни высокому общему уровню цен. В связи с этим обобществленные заготовки не получили должного развития и за их счет усилилась работа частного капитала. Последствия слишком низких цен отразились не только на рынке, но в известной мере поколебали и производственную базу маслоделия.

Такой же пример неустойчивости политики заготовительных цен 1925/26 год являет и на яичном рынке. Здесь последствия были те же: вклинивание частного капитала в разрыв между высокой конъюнктурой потребительского спроса и низкой ценой, предложенной производителю плановыми заготовителями, и уменьшение товарности яиц за счет роста деревенского потребления.

В 1926/27 году рыночная конъюнктура, созданная государством для производителя масла и яиц, была несравненно более благоприятной особенно на яичном рынке. На последнем доля обобществленного сектора составила в истекшем году уже более половины всей товарной массы.

Рынки сырья животного происхождения (кож и шерсти) относятся к числу тех, где предложение еще не достигло уровня спроса, при наличии конкуренции между обобществленной и необобществленной промышленностью. Охват рынка обобществленным сектором, по данным НКТорга, выражается следующими величинами (в %% к всему товарному выходу):

	1924/25	1925/26	1926/27
Кожи крупные	67,7	63,3	68,4
Кожи мелкие	44,5	52,4	53,3
Шерсть	48,5	52,7	62,5

Как видно из этих данных, крупная промышленность недобирает на внутреннем рынке значительную долю ресурсов страны

при наличии одновременно значительного импорта этих видов сырья.[1]

Важнейшей задачей в области политики заготовительных цен на этих рынках является недопущение разрывов между ценой сырья и фабриката, уменьшающих товарность и увеличивающих оседание сырья в крестьянском хозяйстве и кустарную его переработку. В периоды увеличения этих разрывов одновременно с уменьшением товарности сырья усиливается и конкуренция частного капитала на сырьевых рынках, что еще более суживает сырьевую базу крупной промышленности. В общем на протяжении истекших лет „ножницы" между сырьем животного происхождения и соответствующими изделиями сближались, но в 1925/26 году товарный голод вызвал и увеличение оседания кожсырья в крестьянском хозяйстве (развитие кадушничества) и усиление заготовительной деятельности частной промышленности. Острый недостаток шерстяных тканей в 1926/27 г. также имеет следствием значительное оседание овчины и шерсти, идущих в кустарную переработку. Недостаток хрома усилил работу частного капитала на рынке опойка.

Плановые заготовительные цены на кожсырье и шерсть, если и не всегда достаточно гибко приспособлялись к рыночной обстановке, то все же по сравнению с ценами других с.-х. рынков отличались сравнительной устойчивостью, не давая тех резких расхождений в тенденции с рыночной кон'юнктурой, которые отмечались выше для зерна, льна, масла и яиц. Постепенное снижение цен на готовые изделия, укрепление животноводства, в частности, поощрение и субсидирование овцеводства, ряд организационных мероприятий,— все эти факторы упрочивают животноводческую сырьевую базу. Отрицательным моментом является неизжитый недостаток кожтоваров и шерстяных тканей, обострение которого вновь может привести, как и в 1925/26 году, к значительной неустойчивости данных сырьевых рынков.

При рассмотрении отдельных с.-х. рынков мы выявляли наиболее существенные связи в условиях ценообразования как с.-х. товаров между собой, так и между с.-х. и промышленными товарами. Переходя к более обобщенному анализу совокупности условий реализации с.-х. продукции, остановимся на современных ценностных соотношениях в сопоставлении с сложившимися в довоенный период.

Ценностные соотношения между отдельными группами с.-х. товаров в сопоставлении с довоенными приводятся в следующей таблице, представляющей индексы цен производителя, взвешенные для каждого года по товарной массе отдельных продуктов (отношение групповых индексов к индексу всех с.-х. продуктов = 100):

[1] Констатируя это, мы не упускаем из виду несоответствия между внутренними ресурсами и потребностями промышленности в отдельных сортах сырья.

	1913	1924/25	1925/26	1926/27	Проектир. на 1927/28
Все с.-х. продукты	100	100	100	100	100
В том числе:					
Зерновые	100	99	90	72	75
Технические[1]	100	89	82	84	90
Продукты животноводства	100	104	111	121	121
Прочие[2]	100	109	121	119	111

При всей неточности материалов, легших в основу приведенных данных, они свидетельствуют с несомненностью о наличии значительного разрыва довоенных ценностных соотношений внутри сельского хозяйства. При анализе мясного рынка мы констатировали разрыв между ценами на мясо и зерно и в качестве основной причины указывали на разрыв в организации спроса на этих рынках. То же явление имеет место на рынке картофеля, овощей и фруктов, индекс которых является наиболее высоким. Все значение этого разрыва выявляется, если учесть долю каждой из вышеприведенных групп в общей сумме реализации с.-х. продукции.

Товарная масса с.-х. продукции в % к итогу

	По довоенным ценам				По современным ценам			
	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Зерновые	25,4	27,9	29,0	27,8	25,2	25,2	20,8	20,6
Технические	17,1	20,3	16 6	20,0	15,3	16,8	14,0	17,9
Животноводство	42,9	40,1	42,5	40,6	44,5	44,5	51,7	49,5
Проч. растениевод.	11,5	9,4	9,6	9,3	12,5	11,3	11,4	10,2
Луговодство	3,1	2,3	2,3	2,3	2,5	2,2	2,1	1,8
Все с.-х. продукты	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Из приведенной таблицы видно, что и по довоенным ценам доля продуктов животноводства и второстепенных продуктов растениеводства составляет примерно половину всей с.-х. товарной массы. В современной оценке, благодаря разрыву ценностных соотношений, эта доля в 1926/27 г. достигает уже 63%.

Если сложившееся в 1926/27 году соотношение цен с точки зрения производителя являлось значительной отдушиной против низких цен на зерно, то с народнохозяйственной точки зрения этот разрыв цен имел и отрицательные последствия в виду недостаточной реализации зерна, а в социально-экономическом разрезе он приводит к уменьшению охвата с.-х. рынка обобществленным сектором, роль которого в заготовках мяса и второстепенных растительных продуктов ничтожна.

[1] В состав группы вошли масличные, лен, пенька, хлопок, сахарная свекла, табак, махорка.

[2] В состав группы вошли: картофель, овощи, фрукты, виноград, солома, сеяные травы.

Контрольные цифры на 1927/28 год проектируют сближение индексов зерна, продуктов животноводства и растениеводства за счет снижения цен последних двух групп. Об'ективные предпосылки для этого имеются налицо: некоторое падение цен на мясо при наличии неурожайных районов является обычным, цены же на продукты растениеводства могут быть снижены в виду достаточного роста их продукции. С другой стороны, как мы указывали выше, для третьего урожайного (для СССР в целом) года уровень хлебных цен 1926/27 г. не является уже столь напряженным, как в прошлом году. Однако, и при этих об'ективных предпосылках для достижения проектируемого контрольными цифрами уровня и соотношения цен необходимы большие усилия в деле организации животноводческого и второстепенных с.-х. рынков. Если в качестве одной из основных проблем будущего года контрольные цифры выдвигают сохранение равновесия в обмене между городом и деревней, не ослабляя у крестьянства стимулов к расширению производства, то основным рычагом для достижения этой цели является изменение рассмотренных выше ценностных соотношений в направлении, проектируемом контрольными цифрами.

Значительные сдвиги ценностных соотношений, по сравнению с довоенными, произошли и внутри группы технических культур (отношение к индексу технических культур = 100):

	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Индекс технич. культур	100	100	100	100
В том числе:				
Масличные	77	93	93	87
Лен	141	121	113	125
Пенька	178	163	148	148
Махорка	212	215	160	160
Хлопок	86	94	96	96
Сах. свекла	90	87	87	87

Среди товаров этой группы пенька и махорка имеют наиболее высокие индексы; хлопок, сахарная свекла и масличные — самые низкие. Промежуточное положение занимает лен. Наиболее устойчивы индексы хлопка и свеклы, рынки которых являются и наиболее организованными. Попытки снизить индекс льна, как известно, не имели успеха несмотря на то, что и этот рынок почти целиком охватывается организованным спросом. При высоких индексах на конкурирующие с льном культуры, в частности ржи, снижение индекса льна противоречило бы условиям производства. Между тем, попытки снижения заготовительных цен на лен производились в то время, когда увеличивался разрыв между ценами на хлеб в производящих и потребляющих (в частности, льноводных) районах. Только создание соответствующих условий для доходности посевов льна может обеспечить более низкие цены на лен.

Индекс масличных является составным из индексов семян конопли (наиболее высокого), льна и подсолнуха (наиболее низкого).

Цена масличного подсолнуха в номинале близка к довоенной, что создавало для него кон'юнктуру, еще менее выгодную, чем для большинства зерновых хлебов. На будущий год контрольные цифры предусматривают сохранение существующих цен на масличные; в частности, для подсолнуха это означает повышение средней годовой цены 1926/27 года, что, как мы видели выше, означает резкое увеличение доходности десятины подсолнуха. При этом следует ожидать значительного, благодаря высокому урожаю, снижения рыночной цены на подсолнух и сближения ее с государственной заготовительной ценой. Вместе с тем, увеличится и доля обобществленного сектора в охвате этого рынка.

Обращаясь к ценностным соотношениям между с.-х. промышленными товарами, необходимо сопоставить цены, по которым крестьянство отчуждает свою продукцию с ценами, по которым им приобретаются промышленные изделия. За отсутствием для всего рассматриваемого периода индекса розничных цен, охватывающего кооперативную и частную торговлю, приходится пользоваться для этой цели индексом розничной, преимущественно частной торговли (К. И. НКФ). Мы выше уже указывали, что этот индекс не может быть использован для суждения об уровне, а лишь для приближенного выявления динамики реальной покупательной силы с.-х. товаров. К сожалению, по состоянию материалов для рассматриваемого периода приходится принять малоподходящую базу — неурожайный 1924/25 год, — что необходимо учитывать при анализе нижеприведенной таблицы.

Соотношение с.-х. и промышленного индексов по кварталам и с.-х. годам представляется в следующем виде[1] (в %% к среднегодовым индексам за 1924/25 год):

	VII—IX	X—XII	I—III	IV—VI	С.-х. год	В %% к предш. году
С.-х. индексы						
1924/25	100	90	107	114	100	—
1925/26	107	99	112	112	106	106
1926/27	108	96	104	106	102	96
Пром. индексы						
1924/25	104	102	97	95	100	—
1925/26	95	104	106	113	103	103
1926/27	111	113	113	111	112	109
„Ножницы" (Отнош. промышл. к с.-х. индексам)						
1924/25	105	114	91	83	100	—
1925/26	90	106	95	101	98	98
1926/27	103	118	110	105	110	112

Произведенное сопоставление наглядно показывает сдвиги, происшедшие в ценностных соотношениях продукции города и деревни на протяжении рассматриваемых трех лет.

[1] Среднегодовые индексы получены из квартальных, взвешенных по об'ему заготовок каждого квартала.

Наиболее низкий уровень с.-х. цен приходится на неурожайный 1924/25 год, когда высокие хлебные цены компенсировались низкими ценами на продукты животноводства. После под'ема в 1925/26 г., в истекшем году с.-х. индекс вновь возвращается к уровню 1924/25 г., но при обратном соотношении цен зерна и продуктов животноводства. Между тем, промышленный индекс из года в год повышается. Поэтому наибольшее раздвижение „ножниц" приходится на истекший год.

Обращает на себя внимание, что наиболее благоприятное соотношение цен сложилось для деревни в 1925/26 году. Нами выше уже указывалось, что это соотношение для народного хозяйства в целом было непосильно, нарушив равновесие в обмене между городом и деревней. В 1926/27 году сложившееся соотношение грозило вновь нарушением этого равновесия, на этот раз в обратную сторону: вместо товарного голода появились признаки затоваривания промышленности. Поэтому, если в 1925/26 году, когда к концу III квартала (с.-х. года) „ножницы" показали наибольшее сближение, хозяйственное положение вынуждало к снижению с.-х. цен, то в 1926/27 г., к концу II квартала, при максимальном расхождении с.-х. и пром. цен, создалась об'ективная обстановка и категорическая необходимость в снижении цен промышленных.

Выше мы указывали, что отсутствие в стране достаточных запасов промтоваров создает каждый год, в связи с резкой сезонностью поступления на рынок с.-х. продукции и более равномерным производством промышленных изделий, известные затруднения на рынке в осенние месяцы. Поэтому весьма существенным представляется освещение вопроса о внутригодичном распределении реального покупательного фонда деревни. В той части, в которой этот фонд образуется доходами от реализации с.-х. продукции, мы имеем необходимые элементы для соответствующего приближенного исчисления, которое приводим ниже (в %% к годовому итогу):[1]

		VII—IX	X—XII	I—III	IV—VI	С.-х. год
1924/25	А . .	25,2	32,8	23,2	18,8	100
	Б . .	9,5	59,2	26,8	4,5	100
	В . .	28,9	26,8	22,2	22,1	100
	Г . .	27,6	26,2	22,8	23,4	100
	Д . .	104	102	97	94	100
1925/26	А . .	25,9	33.6	21,8	18,7	100
	Б . .	3,6	43,3	43,5	9,0	100
	В . .	28,7	32,4	19,1	19,8	100
	Г . .	31,0	32,1	18,7	18,2	100
	Д . .	92	101	102	109	100
1926/27	А . .	27,4	34,9	20,1	17,6	100
	Б . .	6,6	61,6	28,4	3,4	100
	В . .	31,0	30,4	18,7	19,9	—
	Г . .	31,1	30,3	18,5	20,1	100
	Д . .	99	100	101	99	—

[1] А—Номинальный доход от реализации. Б—С.-х. налог и страх. платежи. В—Номинальный покупательный фонд. Г—Реальный покупательный фонд. Д—Отклонение индекса промтоваров от среднегодового.

Приведенные сопоставления вскрывают в некоторой степени динамическое взаимодействие важнейших факторов, определяющих внутригодичное распределение платежеспособного спроса. Выводы, к которым приводит это сопоставление, сводятся к следующему:

1) На первый квартал с.-х. года приходится примерно четверть годовой реализации с.-х. продукции, на второй (I квартал хоз. года)— треть, а на два последующих — по одной пятой части.

2) Платежеспособный спрос распределяется по кварталам несколько равномернее, при чем выравниванию его способствует сосредоточение взимания налогов и иных платежей на период наибольшей реализации.

3) Распределение реального покупательного фонда на промтовары связано с динамикой промышленного индекса. Повышающийся в течение года индекс увеличивает долю первых кварталов, понижающийся — способствует выравниванию реального обмена в течение года. Конечно, подобная динамика с.-х. индексов оказывает обратное действие.

И. Беляев

Некоторые итоги советского мелиоративного строительства

Наступающее десятилетие Октябрьской революции, совпадающее с окончанием восстановительного и началом реконструктивного процесса народного хозяйства Союза, является тем моментом, когда весьма своевременно подвести итоги за прошлое время и сделать некоторый прогноз на будущее.

Настоящий момент интересен еще и тем, что вступая в одиннадцатый год советского строительства, мы фактически вступаем в первый год пятилетия, контрольные цифры которого установлены на базе увязанного перспективного пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза.

Среди ряда мероприятий, направленных на восстановление и реконструкцию сельского хозяйства Союза, мелиоративные мероприятия, мероприятия по коренному улучшению с.-х. угодий (орошение, осушение, культуртехнические мероприятия, обводнение и проч.) имеют весьма заметное и при этом прогрессивно увеличивающееся значение.

Вопросы организации территории, улучшения кормовых площадей, развития культуры хлопка, расширения торфяных разработок, улучшения лесосплава и ряда других мероприятий являются неразрывно связанными с мелиоративным строительством.

Оценить роль и значение современного состояния мелиоративного строительства является возможным, только наблюдая его в исторической перспективе развития.

В довоенной России мелиоративное строительство едва начинало развиваться. В то время как в соседних странах Запада и Востока шла кипучая работа по интенсивному мелиоративному строительству, Россия переживала стадию самых первых шагов весьма экстенсивного мелиоративного строительства.

Так, в то время как в Англии, Бельгии и Германии шло почти сплошное дренирование полевых угодий, Россия едва начинала экстенсивную осушку луговых площадей. В то время как Англия в странах Востока (Египте и Индии) и Америка развивали широкое ирригационное строительство, русское правительство в завоеванных средне-азиатских и закавказских окраинах ограничивалось, главным образом, лишь поддержанием существующих оросительных сооружений, руководствуясь при их эксплоатации доисторическим „обычным правом" этих районов.

Только в последние 10 лет перед войной роль государства в деле мелиорации начинает увеличиваться и начинают расти ассигнования на мелиоративные мероприятия. Так, за 10 лет, с 1904 по 1914 гг., бюджетные ассигнования на последние возросли с 0,8 до 14 млн. руб., хотя нужно оговориться, что не все эти средства являлись капитальными вложениями,—значительная часть их шла на общие исследования и организационные расходы.

Империалистическая война, революция, а затем и гражданские войны нанесли развитию мелиоративного строительства в нашей стране сильный удар. Оно совершенно приостановилось. Выполненные сооружения, не получая необходимого ухода и ремонта, начали быстро разрушаться. Так, по Средней Азии и Закавказью орошаемая площадь от половины до двух третей вышла из эксплоатации, а оставшиеся сооружения подвергались сильному разрушению. Размер основного капитала, вложенного в мелиоративные сооружения, сильно уменьшился.

Только конец 1923/24 г. и начало 1924/25 г., совпавшие с введением твердой валюты, оформлением землепользования вообще и прав на использование мелиорированных площадей в частности, являются переломным моментом в деле мелиоративного строительства. С этого времени мелиоративное строительство начинает повсеместно быстро развиваться. Для засушливых районов Европейской части Союза — РСФСР и УССР — сильный толчок мелиоративному строительству был дан общественно-мелиоративными работами, охватившими в 1924/25 г. всю засушливую территорию Союза. Для республик же Средней Азии и Закавказья решающую роль сыграла проблема развития хлопководства.

Развивающаяся деятельность системы с.-х. кредита, сопровождающаяся постепенным улучшением условий мелиоративного кредитования, создание фондов борьбы с засухой и восстановления ЦЧО, с одновременным ростом землеустроительных работ, связанных с расселением,— способствовали и продолжают способствовать дальнейшему росту мелиоративного строительства и вовлечению в него широких слоев крестьянства, кооперированного в мелиоративные товарищества.

Наконец, не малую роль играет и момент национального самоопределения республик, сопровождающийся бурным мелиоративным строительством.

Рост мелиоративного строительства за истекшие годы виден из нижеследующих таблиц.

Поскольку в порядке финансирования сельского хозяйства установлено (весьма искусственно) разделение мелиоративных мероприятий на мелиоративные, обнимающие гидротехнические и культуртехнические работы в РСФСР (без хлопководческих районов),

УССР и БССР, и ирригационные, обнимающие, главным образом, оросительные работы Средне-Азиатских республик, ЗСФСР и хлопководческих районов РСФСР, является необходимым остановиться на рассмотрении мелиоративных и ирригационных мероприятий в отдельности.

В нижеприводимой табл. 1 указаны данные, характеризующие об'ем капитальных вложений на мелиорации—гидротехнические и культуртехнические — по РСФСР, УССР и БССР.

Таблица 1

Об'ем капитальных вложений по мелиорации, с показанием эффективности по республикам РСФСР, УССР и БССР, за период времени 1923/24—1927/28 гг. включительно

Наименование республик	Годы	Источники финансиров. (млн. руб.) Бюдж. гос. (союзн. и р сп.)	Бюдж. мест.	Кред. и мел.-фонд	Собств. ср.	Всего	Об'ем основн. мероприят. Осуш. тыс. га	Орош. тыс. га	Обвод. тыс. посел.	Культ.-тех. улуч. тыс. га
РСФСР без хлопководческих районов Кирг АССР и КАССР)										
	1923/24	4,1	—	1,9	1,7	7,7	—	—	—	—
	1924/25	10,9	0,8	1,1	2,6	15,4	104	99	6,4	68
	1925/26	2,6	0,9	1,9	3,8	9,2	134	18	4,9	129
	1926/27	6,5	2,0	7,0	4,8	20,3	162	54	7,1	175
	1927/28	6,6	2,5	9,9	6,0	25,0	165	56	7,3	200
УССР										
	1923/24	0,2	—	—	—	0,2	—	—	—	—
	1924/25	3,8	—	0,4	0,2	4,4	17,0	—	—	—
	1925/26	2,1	—	2,2	0,6	4,9	20,0	1,0	0,1	1,8
	1926/27	1,3	0,3	1,7	2,8	6,1	25,0	2,2	0,3	5,0
	1927/28	2,6	0,5	2,2	3,0	8,2	30,0	2,6	0,5	10,0
БССР										
	1923/24	—	—	—	0,1	0,1	—	—	—	—
	1924/25	0,4	—	—	0,3	0,7	11,0	—	—	—
	1925/26	0,8	—	0,2	0,3	1,3	14,0	—	—	—
	1926/27	1,0	—	0,2	0,6	1,8	32,0	—	—	35,0
	1927/28	1,3	—	1,0	1,2	3,5	45,0	—	—	40,0
По трем республ. РСФСР, УССР и БССР.										
	1923/24	4,3	—	1,9	1,8	8,0	—	—	—	—
	1924/25	15,1	0,8	1,5	3,1	20,5	132	99	6,4	68,0
	1925/26	5,5	0,9	4,3	4,7	15,4	168	19	5,0	130,8
	1926/27	8,8	2,3	8,9	8,2	28,2	219	56,2	7,4	215,0
	1927/28	10,5	3,0	13,1	10,2	36,8	240	58,6	7,8	250

Примечания: 1) По РСФСР приведены данные без автономных республик, так как по таковым данных не имеется.

2) В об'ем мелиоративных мероприятий по РСФСР не входят мелиоративные мероприятия, связанные с подготовкой переселенческого фонда.

3) По УССР в сумму 2,6 млн. руб. входит 1,7 млн. руб. на обводнительные работы по колфонду.

4) Данные за 1927/28 год взяты по контрольным цифрам.

Большой размер бюджетных ассигнований и выполненных работ по РСФСР и УССР в 1924/25 г. об'ясняется осуществлением общественно-мелиоративных работ в названных республиках.

Отличительной чертой мелиоративных работ в вышеназванных республиках является большое участие в них средств населения.

За исключением чрезвычайного 1924/25 г. размер безвозвратных ассигнований, отпускаемых по бюджету, весьма близок к 33% от общих размеров капитальных вложений.

Ирригационное строительство СССР в республиках Средней Азии, в Закавказье и в хлопководческих районах РСФСР (Кирг. АССР и КАССР) на 1927/28 год и предшествующие годы представлено в следующей таблице:

Таблица 2

Об'ем капитальных вложений в ирригационное строительство за период времени 1923/24 — 1927/28 гг. включительно по хлопководческим районам СССР [1]

Наименование республик	Годы	По бюджету: Союзн	Респ.	Всего госбюдж.	Местн. бюджет	Мелиорат. фонд	Собст. средства	Всего капитальн. вложений
Ср.-Аз. респ. (включая хлопководческие районы РСФСР — Кирг. АССР и КАССР)	1923/24	3,8	—	3,80/3,10	—	—	—	3,80/3,10
	1924/25	8,9	—	8,90/5,90	—	—	—	8,90/5,90
	1925/26	18,4	—	18,40/11,8	—	—	—	18,40/11,8
	1926/27	18,3	5,9	24,2/17,2	—	2,0	2,0	28,2/21,2
	1927/28	19,9	3,0	22,9/22,9	7	2,1	2,1	34,1/27,1
ЗСФСР								
	1923/24	1,5	—	1,5	—	—	—	1,5
	1924/25	2,7	0,7	3,4/3,20	—	—	—	3,4/3,2
	1925/26	5,6	1,4	7,0/6,5	—	—	—	7,0/6,5
	1926/27	6,2	1,4	7,6/7,0	—	0,7	0,7	9,0/8,4
	1927/28	7,1	2,0	9,1/8,4	—	0,9	0,9	10,9/10,2
По хлопковым районам СССР								
	1923/24	5,3	—	5,3/4,6	—	—	—	5,3/4,6
	1924/25	11,6	0,7	12,3/9,1	—	—	—	12,3/9,1
	1925/26	24,0	1,4	25,4/18,3	—	—	—	25,4/18,3
	1926/27	24,5	7,3	31,8/24,2	—	2,7	2,7	37,2/29,6
	1927/28	27,0	5,0	32,0/31,3	7	3,0	3,0	45,0/37,3

Отсутствие точных данных, характеризующих изменение орошаемых площадей, происходившее по республикам в зависимости от ирригационного строительства, затрудняет установление об'ективных измерителей эффективности таковых.

Общий об'ем капитальных вложений по Союзу приведен в следующей табл. 3.

---

[1] В графах „местный и государственный бюджет" и „всего капитальных вложений" числителем приведен общий об'ем капитальных вложений, в знаменателе таковой за вычетом расходов на административно-эксплоатационные расходы.

Таблица 3

Об'ем капитальных вложений в мелиоративно-ирригационные мероприятия по СССР за период времени с 1923/24 по 1927/28 гг. [1]

Источники финансирования	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г
Бюджет (союзный, республ., местный)	9,6	28,2	31,8	42,9	52,5
	8,9	25,0	24,7	35,3	44,8
Кредит и мелиорат. фонд	1,9	1,5	4,3	11,6	16,1
Собств. средства	1,8	3,1	4,7	10,9	13,2
Всего	13,3	32,8	40,8	65,4	81,8
	12,6	29,6	33,7	57,8	74,0

Показателем участия населения в деле мелиоративного строительства может служить темп роста мелиоративных товариществ:

Таблица 4

Рост мелиоративных товариществ по республикам и Союзу в целом за период с 1923/24 по 1926/27 гг.

Наименование республик	Количество мелких товариществ 1923/24 г.	1924/25 г.	1925 26 г.	1926/27 г.
РСФСР	2.500	4.000	5.000	6.000
УССР	—	550	850	1.100
БССР	100	250	400	600
Ср.-Аз. республ.	—	20	100	200
ЗСФСР	—	—	—	60
СССР	—	4.820	6.350	7.960

Однако, поскольку размер мелиоративных товариществ, их мощность и активность весьма различны, постольку к приводимым данным (взятым с округлением) необходимо относиться с большой осторожностью.

Учитывая, что одним из весьма характерных показателей состояния мелиоративного строительства является динамика капитальных вложений в мелиоративное строительство, весьма интересно попытаться сделать таковую оценку. Отсутствие точных данных о размере капитальных вложений позволяет сделать названную оценку с большим приближением и в значительной степени в порядке экспертной оценки.

Исходя из общей суммы мелиорированных площадей (по данным, опубликованным в различных изданиях) и средней стоимости (в золотом исчислении) главнейших видов мелиоративных работ — осушительных и оросительных,—является возможным подойти к установлению приблизительного размера основного капитала, вложенного в мелиоративные мероприятия к концу 1914 года. При этом ряд капитальных вложений, связанных с специальными изысканиями, как потерявшими в настоящее время свою ценность, приходится сбро-

[1] В числителе показана сумма капитальных вложений, включая расход на административно-эксплоатационные расходы, в знаменателе—без таковых.

сить со счетов. В нижеследующей табл. 5 приводится исчисление основного капитала, вложенного в мелиоративное строительство к концу 1914 года.

Таблица 5

Капитальные вложения, связанные с мелиоративным строительством на территории союзных республик и Союза в целом, за период времени до конца 1914 г. (в золотом исчислении)

Наименование республик	Осушительные мероприятия: Осуш. пл. в тыс. га	Ср. един. стоим. осуш. 1 га	Общ. разм. кап. затр. (млн. руб.)	Оросительные мероприятия: Орош. пл. в тыс. га	Ср. един. стоим. орош. 1 га	Общий размер капит. затрат	Прочие мероприятия (общий размер капитальн. вложений)	Итого капит. вложен., связ. с мелиорат. работ.
РСФСР (без хлопковод. районов)	770	30	23,1	100	100	10,0	3,3	36,4
УССР	220	30	6,6	10	100	1,0	0,8	8,4
БССР [1]	220	30	6,6	—	—	—	0,7	7,3
Ср.-Аз. респ. (включая хлопк. район РСФСР)	—	—	—	3.700	75	277,5	2,8	280,3
ЗСФСР	—	—	—	1.000	75	75,0	0,8	75,8
По СССР	1210	30	36,3	4.810	—	363,5	8,4	408,2

В вышеприведенной таблице капитальных вложений не учитываются средства населения, вложенные в обводнительные сооружения сельских местностей, в силу отсутствия достаточно полных данных для учета как первоначальных капитальных вложений, так и современного состояния названных сооружений и мероприятий, осуществляемых населением для их поддержания.

Переводя довоенные цены на современные по индексу 150, получим следующий об'ем капитальных вложений в червонном исчислении (с округлением):

Таблица 6

Капитальные вложения, связанные с мелиоративным строительством по СССР (В черв. исчислении)

Наименование республик	Осушительн. мероприятия	Оросительн. мероприятия	Прочие	Всего кап. вложен.
	(В млн. рублей)			
РСФСР	34,6	15	5,0	54,6
УССР	9,9	1,5	1,2	12,6
БССР	9·9	—	1,0	10,9
Ср.-Аз. респ.	—	416,2	4,2	420,4
ЗСФСР	—	112,5	1,2	113,7
По СССР	54,4	545,2	12,6	612,2

Отсутствие данных, характеризующих фактическое состояние основного капитала, вложенного в мелиоративное строительство, заставляет также при его определении воспользоваться методом экс-

[1] Об'ем работ по республикам взят в размерах их современной территории, без учета площадей, отошедших от Союза.

пертной оценки. Исходя из учета состояния мелиоративных сооружений в периоды 1922/23 г. в порядке первого приближения, является возможным принять: для Средней Азии 1% на амортизацию и 2% на ремонт, всего 3% в год, 1% на амортизацию и 1% на ремонт, всего 2% в год для остальных республик Союза, что составит за 9 лет—с конца 1914 по 1923/24 гг. — по Средне-Азиатским республикам 27% и для других республик Союза 18%. Некоторое прогрессивное увеличение износа капитальных вложений на названные 9 лет принимается преднамеренно, исходя из соображений, что разрушение гидротехнических сооружений часто прогрессирует при отсутствии необходимого своевременного ремонта.

Пользуясь ранее принятыми процентами на амортизацию и ремонт и учитывая об'ем капитальных вложений по годам и республикам в последующие годы, начиная с 1923/24, мы получим следующую картину динамики основного капитала, вложенного в мелиоративные сооружения по республикам и Союзу в целом (см. табл. 7).

Данные, приводимые в табл. 7, показывают:

1) что наступающий конец десятилетия застает нас весьма близко от момента окончания процесса восстановления довоенного основного капитала, вложенного в мелиоративное строительство по Союзу в целом — 89% от довоенного в конце 1926/27 г. и 99% в конце 1927/28 г.;

2) что по республикам процесс восстановления идет весьма различным темпом: по РСФСР основной капитал к концу 1926/27 г. уже составлял 170% от довоенного, а к концу 1927/28 г. должен достигнуть 212%, по УССР — 197% к концу 1926/27 г. и 258% к концу 1927/28 г.; по БССР — 110% к концу 1926/27 г. и 140% к концу 1927/28 г.; по Ср.-Аз. республикам — 74% в 1926/27 г. и 79% в 1927/28 г. и по ЗСФСР — 92% в 1926/27 г. и 100% в 1927/28 г.;

3) что темп нарастания капитальных вложений достаточно большой и при этом из года в год увеличивается;

4) что абсолютный размер ежегодных капитальных вложений превосходит максимальный размер капитальных довоенных вложений.

На ряду с вышеуказанными строительно-техническими достижениями необходимо отметить ряд организационных достижений, облегчающих дальнейший рост работ и выявление инициативы населения.

К таковым необходимо отнести:

а) развитие и углубление научно-исследовательских работ;

б) проработку, а в некоторых республиках (БССР) окончательное оформление водно-мелиоративного законодательства, подводящего правовую базу под мелиоративное строительство;

в) начинающуюся механизацию гидротехнических и культуртехнических работ, которая стимулирует развитие не только строительного, но и эксплоатационного кооперирования населения;

Таблица 7

Динамика основного капитала, вложенного в мелиоративные сооружения по республикам и Союзу в целом, за период с 1914 по 1927/28 гг.

Наимен. республ.	Размер осн. капитала на 1914 г.	Об'ем осн. капитала на конец 1922/23 г.	Изменен. осн. капит. за 1923/24 г.		Об'ем осн. капит. к концу 1923/24 г.	Изменен. осн. капит. за 1924/25 г.		Об'ем осн. капит. к концу 1924/25 г.	Изменен. осн. кап. за 1925/26 г.	
			Об'ем нов. капит. влож. +	Амортиз. и ремонт —		Об'ем нов. капит. влож. +	Амортиз. и ремонт —		Об'ем нов. капит. влож. +	Амортиз. и ремонт —
РСФСР	54,6	44,8	7,7	0,9	51,6	15,4	1,0	66,0	9,2	1,3
УССР	12,6	10,3	0,2	0,2	10,3	4,4	0,2	14,5	4,9	0,3
БССР	10,9	8,9	0,1	0,2	8,8	0,7	0,2	9,3	1,3	0,2
Ср.-Аз. респ. . .	420,4	306,9	3,1	9,2	300,8	5,9	9,0	297,7	11,8	8,9
ЗСФСР	113,7	93,2	1,5	1,9	92,8	3,2	1,9	94,1	6,5	1,9
СССР . . .	612,2	464,1	12,6	12,4	464,3	29,6	12,3	481,6	33,7	12,6
			+0,2			+17,3			+21,1	

Наимен. республик	Об'ем осн. капит. к концу 1925/26 г.	Изменен. осн. капит. за 1926/27 г.		Об'ем осн. капит. к концу 1926/27 г.	В %% к 1914 г.	Изменен. осн. капит. за 1927/28 г.		Об'ем осн. капит. к концу 1927/28 г	В %% к 1914 г.
		Об'ем нов. капит. влож. +	Амортиз. и ремонт —			Об'ем нов. капит. влож. +	Амортиз. и ремонт —		
РСФСР	73,9	20,3	1,5	92,7	170	25,0	1,9	115,8	212
УССР	19,1	6,1	0,4	24,8	197	8,2	0,5	32,5	258
БССР	10,4	1,8	0,2	12,0	110	3,5	0,2	15,3	140
Ср.-Аз. респ. . . .	300,6	21,2	9,0	312,8	74	27,1	9,4	330,5	79
ЗСФСР	98,7	8,4	2,0	105,1	92	10,2	2,1	113,2	100
СССР	502,7	57,8	13,3	547,4	89	74,0	14,3	607,3	99
		+44,7				+59,9			

г) наконец, намечающиеся пути об'единения мелиоративных товариществ в мощные мелиоративные союзы, которые должны послужить весьма крупным фактором дальнейшего развития мелиоративного строительства.

Данные табл. 1 подтверждают в общем сделанные выводы и показывают, что параллельно с увеличением количества выполненных работ начинается и процесс интенсификации мелиоративного строительства. Так, по трем республикам — РСФСР, УССР и БССР — парал-

лельно с гидротехническими работами начинают быстро развиваться и культуртехнические работы; для Средне-Азиатских республик и ЗСФСР показательным является развитие строительства инженерных систем.

Размер участия в мелиоративном строительстве средств населения, вкладываемых в виде собственного труда, собственных средств а также и ссудных средств показывает увеличение инициативы заинтересованного населения.

Учитывая, что в современных условиях мелиоративное строительство носит служебный характер и выполняется в значительной мере в силу потребностей, обусловленных задачами интенсификации и реконструкции сельского хозяйства, весьма важно установить, в какой мере современный об'ем и темп развития строительства отвечают поставленной задаче.

Для разных республик Союза степень названной увязки весьма различна.

В силу того, что в Ср.-Азиатских и Закавказских республиках об'ем мелиоративно-ирригационного строительства определяется задачами общесоюзного порядка — задачей развития орошаемых площадей в размерах, обеспечивающих хлопком текстильную промышленность Союза, — план мелиоративного строительства названных республик является весьма напряженным. В силу этого, несмотря на то, что местное население, количественно уменьшившееся за время революции и гражданской войны, не успевает собственными силами даже своевременно осваивать вновь орошаемые площади, а также не может принимать активного участия в названном строительстве, все же темп мелиоративного строительства должен увеличиваться.

Однако, необходимым условием такового увеличения должно быть одновременное проведение ряда сопутствующих организационных мероприятий, обеспечивающих своевременное и наиболее интенсивное использование орошаемых площадей.

Быстро развивающееся за последние годы мелиоративное строительство БССР характеризуется тем, что сильно нарастающий темп увеличения бюджетных средств не сопровождается соответствующим нарастанием средств населения.

Такое положение дела является показателем того, что мелиоративное строительство приближается к моменту, когда на ряду с дальнейшим развитием работ (требуемых общим планом развития народного хозяйства БССР) должен найти себе место ряд организационных мероприятий, обеспечивающих увеличение притока собственных средств населения и тем самым позволяющих осуществить полное использование возможностей, открываемых работами, проводимыми в бюджетном порядке.

Более или менее правильно установившимся можно признать темп капитальных вложений по УССР, где об'ем государственных

мероприятий в значительной мере гарантирует возможность использования сил и средств местного населения.

Совершенно иначе дело обстоит в РСФСР, где об'ем капитальных вложений, хотя и значительно превосходит довоенный, но где все же необходимо признать современный об'ем вложений недостаточным, так как целый ряд реконструирующих процессов, охвативших ряд районов РСФСР, требует выполнения более широких мелиоративных мероприятий.

Так: а) кормовая проблема в Северно-Восточном, Северо-Западном, Западном и Центральном районах; б) проблема придания устойчивости хозяйствам в засушливых областях; в) проблема восстановления ЦЧО и г) наконец, проблема рациональной организации территории, проводимой во всех районах,—требуют для своего осуществления развития более крупного мелиоративного строительства, связанного с более крупными капитальными вложениями.

Рост мелиоративных работ в РСФСР, связанный с весьма значительным притоком средств со стороны населения, служит лучшим показателем отношения населения к настоящему вопросу. Наличие одних ссудных кредитов и доброй воли населения уже не могут в современных условиях считаться достаточными для осуществления об'ема необходимых мероприятий. Об'ем, срочность и технические условия выполнения мелиоративных мероприятий в РСФСР настоятельно требуют выявления в большей степени руководящей и направляющей роли государства в выполнении основных ведущих работ, обеспечивающих возможность дальнейшего развития работ широким слоям населения. В силу вышесказанного необходимо признать, что об'ем работ (в особенности культуртехнические) по РСФСР требует его дальнейшего увеличения вообще и увеличения государственных работ в частности.

Совершенно особняком стоит целый ряд районов, где начинающееся крупное государственное строительство (Волго-Дон, Днепрострой, Туркестано-Сибирская железная дорога и устройство ряда крупных силовых станций на торфу) создает особо благоприятные условия для широкого мелиоративного строительства. Мелиоративное строительство этих районов, являющееся элементом целого комплекса реконструирующих мероприятий должно осуществляться по особому плану с особо льготным кредитованием.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо признать, что мелиоративное строительство, бурно количественно и качественно развивающееся в течение последних лет во всех республиках Союза, несмотря на крайне трудные условия его финансирования, еще далеко не удовлетворяет потребностям реконструирующегося хозяйства Союза.

По мере того, как легко осуществимые организационные мероприятия найдут свое выполнение, нарастающая потребность в расширении площадей с.-х. использования и дальнейшего повыше-

ния производительных сил эксплоатируемых с.-х. и лесных угодий будет пред'являть все более и более настойчивые требования в отношении осуществления мелиоративных мероприятий и, наконец, изменяющиеся экономические условия и прогресс техники (создание мощных гидростанций и электростанций на торфу) будут расширять об'ем технически возможных и экономически целесообразных мероприятий,—роль мелиорации в деле реконструкции сельского хозяйства будет нарастать, приобретая ведущий характер, а вместе с этим должен будет меняться и об'ем необходимых мероприятий.

Одновременно с этим, учитывая затруднительность для народного хозяйства Союза в современных его условиях выделять большие средства из бюджета на мелиоративное строительство, необходимо признать, что задачей ближайшего времени должно явиться создание условий, при которых инициатива населения могла бы находить соответствующий выход.

При таких условиях, государство должно будет в полной мере взять на себя лишь осуществление весьма трудной и ответственной работы регулирования названного строительства в порядке выполнения основных ведущих работ.

Правильная постановка мелиоративного строительства в таких условиях даст возможность тем самым облегчить решение проблем: а) борьбы с безработицей в деревне и б) ускорения темпа коллективизации труда сельского населения на базе производственного кооперирования как в целях выполнения мелиоративных сооружений, так и в целях дальнейшей эксплоатации мелиорированных площадей.

Таким образом, проблема максимальной заинтересованности самых широких слоев населения в мелиоративном строительстве должна явиться проблемой, гарантирующей успешное развитие всего народного хозяйства Союза.

М. В. Иоффе

Закон тенденции нормы прибыли к понижению в условиях СССР [1]

III

В предыдущем очерке [2] мы вывели основную формулу динамики нормы прибыли на общественный капитал, очертили границы ее применения, вкратце проанализировали эту формулу в наиболее общем ее виде, установили самые общие законы динамики нормы прибыли на общественный капитал и сделали несколько важнейших указаний о методах использования выведенной формулы для конкретных числовых подстановок.

В настоящем очерке, пользуясь указанной формулой в качестве орудия исследования, мы, исходя из предпосылок капиталистических общественных отношений, анализируем динамику основных показателей, определяющих движение нормы прибыли на общественный капитал.

Почему мы исследуем динамику нормы прибыли также и при капиталистических условиях?

Причины этого следующие: во-первых, и это главное, потому, что на фоне капиталистических кривых динамика нормы прибыли в советских условиях может быть более сжато и более выпукло очерчена и глубже понята; во-вторых, потому, что капитализм еще не сгинул и анализ законов его развития пока все еще сохраняет для нас огромный теоретический и практический интерес, и, наконец, потому, что применимость нашей формулы к пестрым общественным отношениям советской действительности, в виду огромной сложности и новизны вопроса, может возбудить ряд сомнений, а эти сомнения легче всего рассеять путем применения той же формулы к изучению капиталистических отношений.

Органический состав капитала

Как было показано в предыдущем очерке, годовая норма прибыли на общественный капитал может быть выражена формулой $p^1 = (1 - z_1)\frac{v_1 h}{z_1}$, где 1 есть единица стоимости, т.-е. стоимость, которую создает единица простого общественно-необходимого труда, z_1 — средняя стоимость издержек по рабсиле на единицу обществен-

[1] В порядке обсуждения. Ред.

[2] См. „План. Хоз.", №№ 7 и 8, 1927 г.

ного труда, v_1—средняя стоимость общественного переменного капитала на каждые сто единиц стоимости всего общественного капитала в целом и h—число оборотов, которое делает общественный переменный капитал в течение года.

Эта формула показывает, что годовую норму прибыли на общественный капитал можно рассматривать как функцию трех переменных величин, а именно: v_1, h и s_1.

В свою очередь, как уже указывалось, каждую из этих величин надо рассматривать, как функцию того бесчисленного множества (зависимых и независимых между собою) природных, технических, организационных, социальных и личных факторов, которые в своей совокупности определяют производительную силу общественного труда, или, короче, v_1, h и s_1 следует рассматривать, как функции производительной силы общественного труда.

Как изменяются с ростом производительной силы общественного труда все эти величины в капиталистических условиях?

Свой анализ мы начинаем с труднейшего пункта—с величины v_1; постараемся доказать, что при капитализме с ростом производительной силы общественного труда v_1 (т.-е. процентное отношение общественного переменного капитала ко всему авансированному общественному капиталу) постепенно понижается, [1] что темп этого снижения имеет тенденцию обгонять темп роста производительной силы общественного труда и что таковая тенденция с известного момента становится безусловно преобладающей, а в последующем, по крайней мере до известного пункта, прогрессивно усиливаясь, обнаруживается все отчетливей.

За исходный пункт наших рассуждений мы примем центральное положение Маркса о том, что с развитием производительной силы общественного труда „... масса применяемого живого труда постоянно уменьшается по отношению к массе приводимого им в движение овеществленного труда производительно потребляемых средств производства...“ (Капитал, т. III, стр. 158, ГИЗ, 1927 г.).

Что означают эти слова Маркса? Они означают, что с развитием производительной силы общественного труда в среднем на каждую единицу той массы живого труда, которая была применена в течение года в общественном производстве, приходится все возрастающее по стоимости среднегодовое наличие авансированного действующего постоянного капитала.

Подчеркиваем, что у Маркса здесь идет речь только о постоянном капитале. Что же касается переменного капитала, то стоимость среднегодового наличия авансированного действующего переменного капитала, падающего в среднем на единицу годовой массы живого общественного труда, с ростом производительной силы общественного труда при капитализме постоянно понижается. Такое понижение стоимости переменного капитала на единицу живого труда об'ясняется тем, что при капитализме реальная заработная плата, как правило, увеличивается значительно медленней, чем растет производительная сила общественного труда, т.-е. значительно медленней, чем происходит процесс удешевления элементов переменного капитала. Благодаря этому, т.-е. благодаря тому, что материальная (вещная) масса переменного капитала, приходящаяся на единицу живого труда, увеличивается медленней, чем происходит удешевление предметов, образующих эту материальную массу,—капиталисты получают возможность авансировать все меньше переменного капитала на единицу живого труда, и, таким образом, количество мертвого труда, овеществленного в переменном капитале на единицу живого труда, при капитализме постепенно уменьшается.

Итак, при капитализме развитие производительной силы общественного труда создает две противоположные тенденции: увеличивается стоимость (c) постоянного капитала на единицу живого труда и в то же время уменьшается стоимость (v) переменного капитала на ту же единицу.

Какая из этих двух тенденций является преобладающей? Увеличивается ли или уменьшается общее количество $(c+v)$ авансированного постоянного и переменного капитала, падающее на единицу живого труда?

К этому вопросу мы вернемся ниже, здесь же, не предрешая его, рассмотрим, как должен изменяться органический состав общественного капитала во всех мыслимых случаях, т.-е. и в том случае, когда общее количество $(c+v)$ авансированного капитала на единицу живого труда уменьшается, и в том случае, когда оно остается неизменным, и в том случае когда оно увеличивается.

Первый случай. Если сумма капитала, приходящегося на единицу живого труда, уменьшается, то очевидно, что количество живого труда, падающее на единицу капитала, напротив, увеличивается. Увеличивается при этом, стало быть, и то количество ($ж_1$) живого труда, которое приходится на сто единиц капитала. Но если на каждую сотню общественного капитала приходится все больше живого труда, а на каждую единицу этого живого труда приходится все больше постоянного капитала, то количество c_1 постоянного капитала, падающего на среднюю сотню общественного капитала, возрастает, а следовательно, количество v_1 переменного капитала, падающего на ту же сотню, напротив, уменьшается, ибо $c_1+v_1=100$, и если c_1 увеличивается на некоторую величину и превращается в c_1+x, то v_1 необходимо уменьшается на ту же величину и превращается в v_1-x.

[1] Маркс указывал, что, во-первых, масса овеществленного труда растет относительно массы живого труда и, во-вторых, что органический состав общественного капитала повышается. Мы второе положение выводим из первого, так как для последующего анализа чрезвычайно важно выявить, что второе из этих положений является следствием первого.

Итак, при указанных условиях c_1 растет, а v_1 уменьшается. А это значит, что в рассмотренном нами первом случае высота органического состава общественного капитала, т.-е. величина отношения $c_1 : v_1$, возрастает.

Второй случай. Если стоимость авансированного капитала, приходящегося на единицу живого труда, не изменяется, то не изменяется также и количество живого труда, падающее на единицу капитала, а стало быть, не изменяется то количество $(ж_1)$ живого труда, которое в среднем приходится на сто единиц общественного капитала. Но если на каждую сотню капитала приходится прежнее количество живого труда, а количество постоянного капитала, приходящегося на каждую единицу этого живого труда, возрастает, то количество постоянного капитала c_1, приходящегося на сотню капитала, увеличивается, а, стало-быть, переменный капитал v_1 на ту же сотню соответственно уменьшается. Отсюда следует, что и в этом случае органический состав общественного капитала необходимо повышается.

Третий случай. Если капитал на единицу живого труда увеличивается, то очевидно, что количество живого труда на единицу капитала, напротив, уменьшается, следовательно, снижается и то количество живого труда $(ж_1)$, которое приходится на среднюю сотню общественного капитала.

Но если уменьшается количество живого труда на сто единиц капитала и при этом одновременно убывает количество переменного капитала на каждую единицу живого труда, то уменьшается (и при том еще более быстро) количество v_1 переменного капитала, приходящегося на среднюю сотню общественного капитала. Очевидно, что количество c_1 постоянного капитала, падающего на ту же сотню, при этом соответственно увеличивается. Таким образом, и в этом последнем случае c_1 растет, а v_1 уменьшается, и, стало быть, как и в двух первых случаях, органический состав общественного капитала при этом повышается. [1]

Итак, мы приходим к выводу, что при наших посылках (т.-е. при том условии, что c увеличивается, а v уменьшается на единицу живого труда) органический состав общественного капитала необходимо повышается притом повышается и тогда, когда количество $(ж_1)$ живого труда, приложенного в течение года к каждой сотне общественного капитала, возрастает, и тогда, когда оно $(ж_1)$ не изменяется, и тогда, когда оно $(ж_1)$ уменьшается. Иными словами, при наших посылках органический состав общественного капитала растет, независимо от того, в каком направлении изменяется количество $ж_1$ годового общественного живого труда на среднюю сотню общественного капитала.

[1] Мы показали, что если c увеличивается, а v уменьшается на единицу живого труда, то отношение $c_1 : v_1$ увеличивается, т.-е. состав капитала повышается. Необходимо отметить, что обратные положения в общем виде не верны, так что направление нашего анализа, повидимому, является единственно возможным, а не произвольно выбранным.

Теперь, когда необходимость роста органического состава общественного капитала, т.-е. неизбежность увеличения c_1 и уменьшения v_1 нами твердо установлена, можно, наконец, перейти к доказательству того, что v_1, по меньшей мере с известного момента, должно уменьшаться быстрее, чем растет производительная сила общественного труда, и что в дальнейшем отставание темпа роста производительной силы труда от темпа уменьшения v_1 прогрессивно возрастает.

Так ли это? Прежде всего отметим следующее.

Если c_1 возрастает на 10% при органическом составе общественного капитала $25\,c_1 : 75\,v_1$, то органический состав капитала повышается до $27{,}5\,c_1 : 72{,}5\,v_1$, т.-е. уменьшается не на 10%, как возросло c_1, а всего лишь на 3,3%; если же c_1 возрастет на 10% при строении капитала $50\,c_1 + 50\,v_1$, то получим $55\,c_1 + 45\,v_1$, т.-е. v_1 уменьшится в том же темпе, как возросло c_1, т.-е. на те же 10%, и, наконец, если c_1 увеличивается на 10% при составе капитала $75\,c_1 + 25\,v_1$, или при составе капитала $90\,c_1 + 10\,v_1$, то соответственно получим $82{,}5\,c_1 + 17{,}5\,v_1$ и $99\,c_1 + 1\,v_1$, т.-е. v_1 уменьшается уже не на 10%, как увеличивается c_1, а гораздо быстрее — на 30% и на 90%.

Таким образом, оказывается, что когда c_1 менее 50, процентный рост c_1 происходит быстрее, чем соответствующее процентное уменьшение v_1; при c_1, близком к 50, эти темпы выравниваются, а когда c_1 становится более 50, его рост начинает все более и более отставать по своему темпу от темпа снижения v_1.

Запомним это и пойдем далее. Мы знаем, что сумма $c_1 + v_1 = 100$, т.-е. что при всех изменениях c_1 это изменение сопровождается равным по абсолютной величине, но обратным по направлению изменением величины v_1, так что сумма их всегда равна 100. Мы знаем также, что $c_1 = 100 - v_1$, т.-е. что v_1 можно рассматривать, как функцию c_1 и что, в свою очередь, c_1 надо рассматривать, как величину, зависящую от производительной силы общественного труда: c_1, в общем и целом, растет с ростом производительной силы общественного труда.

И вот, перед нами возникает естественный вопрос: насколько тесна связь величины c_1 с уровнем производительной силы общественного труда. Можно ли выразить эту связь какой-либо определенной математической функцией? Является ли эта связь лишь конечным видимым результатом целого ряда противоположных колебаний, результатом, выявляющимся лишь в течение достаточно длительного периода наблюдения, или же, напротив, эта зависимость носит характер устойчивый и может быть констатирована на протяжении любого отрезка времени?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить, что связь c_1 с уровнем производительной силы общественного труда едва ли

может быть выражена какой-либо определенной математической функцией, что она весьма отдаленная, а не непосредственная связь, что она сказывается лишь при достаточно длительных периодах исследования и представляет собою лишь некоторую преобладающую тенденцию, проявление которой в известные моменты затушовывается и искажается наличием целого ряда других противоборствующих тенденций.

И, действительно, c_1 может расти, когда производительная сила общественного труда понижается (например, когда уменьшается нагрузка капитала, когда рост c_1 лишь частично компенсирует снижение производительной силы общественного труда вследствие ухудшения природных условий и т. п.). И, обратно, мы знаем случаи, когда с ростом производительной силы общественного труда c_1 снижается (например, когда растет нагрузка капитала, когда удешевляется оборудование, топливо, сырье или материалы и т. п.). Вообще, если c_1 растет или снижается, то это еще не значит, что соответственно растет или понижается и производительная сила общественного труда; а если растет или снижается производительная сила общественного труда, то отсюда еще не следует, что в каждом отдельном случае непременно соответственно растет или снижается и величина c_1.

Далее. Если бы между стоимостью постоянного капитала и производительной силой общественного труда существовала какая-либо прямая функциональная связь, то ее, естественно, легче всего было бы обнаружить, изучая движение величины c_1 на единицу живого труда, ибо между производительной силой и единицей труда прямая связь существует: производительная сила труда измеряется вещным количеством продукции на единицу труда. А между тем, что можно сказать о зависимости величины стоимости c_1 постоянного капитала на единицу живого труда от уровня производительной силы общественного труда?

Очень немногое. С ростом производительной силы труда отдельные элементы постоянного капитала обесцениваются. И если все же стоимость c_1 постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда, растет, то это значит, что в натуральном выражении масса постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда, увеличивается быстрее, чем растет производительная сила общественного труда по отношению к воспроизводству элементов постоянного капитала. Ну, а стоимость постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда? Растет ли она быстрее или медленнее, чем растет производительная сила труда по отношению к производству средств производства? Об этом, исходя из основного положения Маркса о соотношении масс живого и овеществленного труда, можно сказать лишь следующее. Если процентный прирост (x) натурального об'ема постоянного капитала на единицу живого труда меньше удвоенного процентного прироста ($2z$) указанной производительной силы труда, то процентный прирост (y) того же (y) капитала по стоимости происходит медленнее, чем растет производительная сила труда; если же это условие не соблюдено, то—быстрее.[1] И только. И, стало быть, стоимость c_1 постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда, может расти и быстрее и медленней, чем растет указанная производительная сила общественного труда.

Но если в исходном положении Маркса мы не обнаружили определенного соотношения между темпом роста стоимости постоянного капитала и темпом роста производительной силы труда, то тем менее можем мы рассчитывать на обнаружение какого-либо определенного соотношения между темпом роста процентного отношения c_1 постоянного капитала ко всему общественному капиталу, с одной стороны, и между темпом роста производительной силы общественного труда, с другой. И, действительно, c_1 связано с производительной силой общественного труда еще более неопределенно, чем стоимость c постоянного капитала, падающего на единицу живого труда.

Отсюда ясно, что рассматривая v_1, как функцию c_1, а c_1, как функцию производительной силы общественного труда, мы (по крайней мере на данной стадии исследования) должны принять, что v_1 в отдельных случаях может расти и быстрее и медленнее, чем растет производительная сила общественного труда.[2]

Предположим и то и другое равновероятным и попытаемся выяснить, как велика будет при этом допущении вероятность того, что v_1 растет быстрее, чем производительная сила общественного труда.

Пока c_1 меньше 50, а v_1 больше 50, как то уже указывалось, v_1 снижается медленней, чем растет c_1, т.-е. процентная убыль v_1 меньше, чем соответствующий процентный прирост c_1. Поэтому, если при таком органическом составе общественного капитала c_1 растет медленней, чем производительная сила общественного труда, то v_1 убывает также медленней, чем растет та же производительная сила. Если же при том же уровне органического состава капитала (c_1 меньше 50), c_1 растет быстрее производительной силы, то v_1 может, вообще говоря, убывать при этом и быстрее и медленней, чем растет производительная сила общественного труда. И если принять одинаково вероятным, как-то, что c_1 растет быстрее, так и то, что c_1 растет медленней, чем производительная сила труда, и принять во внимание, что одному и тому же абсолютному увеличению c_1 соответствует

---

[1] Если принять, что стоимость c_1 изменяется прямо-пропорционально натуральному об'ему c_1 и обратно-пропорционально производительной силе общественного труда, то $y < z$, если $x < 2z + \frac{z^2}{100}$, и $y > z$, если $x > 2z + \frac{z^2}{100}$. В тексте мы эту зависимость несколько упрощаем, отбрасывая $\frac{z^2}{100}$.

[2] Предположение, что c_1 и производительная сила общественного труда растут равной скоростью, очевидно, отпадает.

все уменьшающийся процентный его прирост и, напротив, прогрессивно возрастающая процентная убыль v_1, то нетрудно рассчитать, что вероятность того, что v_1 убывает быстрее, чем растет производительная сила общественного труда, должна быть определена цифрой, все более и более превышающей 25%.

Что это значит? То, что при низком органическом составе общественного капитала (c_1 меньше 50), когда v_1 убывает медленней, чем растет c_1,— производительная сила общественного труда, как правило, растет быстрее, чем снижается величина v_1.

А как при более высоком органическом составе общественного капитала, когда c_1 больше 50, v_1 убывает быстрее, чем растет c_1?

Тут картина получится совершенно иная. Если (при c_1 больше 50) c растет медленней, чем производительная сила, то v убывает или быстрей или медленней, чем растет эта последняя. Если же, напротив, c_1 растет быстрей, чем производительная сила, то v_1 убывает быстрей, чем растет производительная сила. И легко рассчитать, что (при прежних допущениях) вероятность того, что v_1 убывает быстрей, чем растет производительная сила общественного труда, превысит при этом 75% и что вероятный размер и частота отставания процентного прироста производительной силы общественного труда от процентной убыли v_1 при этом прогрессивно возрастает. А это значит, что при высоком органическом составе общественного капитала (c_1 больше 50), когда v_1 убывает быстрее, чем растет c_1,— производительная сила общественного труда растет, по крайней мере до известного предела, как правило, медленней, чем убывает величина v_1 и что такая относительная медленность прогрессивно усиливается.

Мы сказали: „по крайней мере до известного предела"—не случайно. Сумма c_1 и v_1 равна 100. Поэтому c_1 не может расти беспредельно: c_1 всегда должно быть меньше 100. Отсюда ясно, что с известного момента рост c_1 должен все более и более замедляться.

Легко понять, что такое замедление роста c_1 должно замедлять и процентную убыль v_1, должно замедлять, несмотря на то, что процентная убыль v_1 с ростом органического состава общественного капитала все более обгоняет соответствующий процентный прирост c_1. Но если одному и тому же процентному приросту производительной силы общественного труда начинает соответствовать все более снижающийся процентный прирост c_1 и все меньшая процентная убыль v_1, то неизбежно должен наступить такой момент, когда процентный прирост производительной силы общественного труда станет превышать процентную убыль v_1.

Итак v_1, которое сначала росло, как правило, медленнее, а затем, как правило, быстрее, чем производительная сила общественного труда,— с известного момента начинает снова (подтверждая законы диалектики) убывать медленнее, чем растет производительная

сила общественного труда.[1] Когда именно наступает такой момент? Этот вопрос мы оставим здесь в стороне, но подчеркнем следующее. Если с ростом производительной силы общественного труда c_1 начинает расти очень медленно, то количество ($ж_1$) живого труда на 100 единиц стоимости общественного капитала должно при этом понижаться. Почему? Только потому, что в противном случае, т-е. если бы $ж_1$ при почти стабильном c_1 не понижалось, а увеличивалось, стоимость постоянного капитала на единицу живого труда должна была бы уменьшаться. А это невозможно, так как противоречило бы основному, установленному Марксом положению, что с ростом производительной силы общественного труда стоимость постоянного капитала на единицу живого труда не уменьшается, а наоборот — постоянно увеличивается.

Мы особенно фиксируем внимание на этом обстоятельстве, ибо, как то будет ясно из последующего, анализ динамики v_1 будет использован нами ниже, чтобы показать, что $ж_1$ должно уменьшаться с ростом производительной силы общественного труда. Если же c_1 растет очень медленно, то, как видим, необходимость в таком доказательстве отпадает, ибо при этом и без того очевидно, что $ж_1$ должно уменьшаться.

Можем ли мы на этом закончить наш анализ динамики v_1? Нет, не можем. Не можем потому, что необходимо ответить еще на один вопрос, имеющий огромное значение.

Наша задача заключается пока в исследовании динамики v_1 лишь в капиталистических условиях. Именно при капитализме имеют место наши основные посылки: c увеличивается, а v уменьшается на единицу живого труда. Но не является ли также одной из предпосылок капитализма известный уровень органического состава общественного капитала? Разумеется — да. Капитализм возникает лишь тогда, когда производительные силы достигают определенного, достаточно высокого уровня. Дальнейшее развитие производительных сил сначала развивает и укрепляет капиталистические отношения, затем ведет к загниванию капитализма, а на известной ступени приводит к революционному взрыву, ниспровергающему капитализм. Отсюда ясно, что наш предыдущий анализ должен быть уточнен. Необходимо, во-первых, установить тот уровень органического состава общественного капитала, при котором капитализм зарождается, и, во-вторых, нащупать тот уровень, при котором капитализм умирает. Разумеется, тут может итти речь не о строго фиксированных цифрах, а лишь о некоторых пределах, лишь о порядке соответствующих величин c_1 и v_1. Каков же этот порядок?

Если судить по расчетам С. Г. Струмилина о строении капитала в почти натуральном довоенном крестьянском хозяйстве, надо думать,

[1] Ниже эти выводы будут сопоставлены с аналогичными положениями, развитыми тов. Крицманом в его работе „Капитализм и прогресс техники" (см. „Вест. Комм. Ак.", 1926 г., №№ 16, 17 и 18).

что капитализм возникает, когда c_1 уже превышает 50, а поскольку можно судить по тем же расчетам о средней высоте органического состава общественного капитала в СССР в период, предшествующий мировой войне и Октябрьской революции, — капитализм может быть опрокинут, когда c_1 достигает величины порядка $70-90$.[1] [2]

Но если порядок величины c_1, характерной для возникновения и гибели капитализма, колеблется примерно в этих пределах, то наш анализ динамики в огромной степени уточняется: из предыдущего легко усмотреть, что если при капитализме $50 < c_1 < 70-90$, то v_1, как правило, убывает быстрее, чем растет производительная сила общественного труда, и что (поскольку к концу капиталистического периода еще не получает преобладания замедление роста c_1) отставание процентного прироста производительной силы общественного труда от процентной убыли величины v_1 при капитализме прогрессивно возрастает. Ибо именно эти соотношения соответствуют тому отрезку прямой, характеризующей динамику c_1, которые можно отнести к капиталистическому периоду.

Перейдем теперь к анализу величин h и s_1.

Обороты переменного капитала

Увеличивается или уменьшается при капитализме с развитием производительной силы общественного труда число оборотов (h), которое делает в течение года общественный переменный капитал?

Число оборотов переменного капитала за год зависит от средней продолжительности каждого оборота переменного капитала. Но переменный капитал есть часть оборотного капитала.[3] Когда оборачивается весь оборотный капитал, оборачивается и та его часть, которая представляет переменный капитал. Поэтому период одного оборота переменного капитала и период одного оборота всего оборотного капитала совпадают. Чему равен этот период?

[1] Не претендуя на точность, С. Г. Струмилин исчисляет органический состав капитала в России в 1918 г. для земледелия в 210%, для промышленности в 393%, а в среднем 275% (С. Г. Струмилин, „Индустриализация СССР и эпигоны народничества", „План. Хоз.", № 8, 1927 г., стр. 25). Это соответствует органическому составу капитала в земледелии 68 : 32, в промышленности 80 : 20, а в среднем 77 : 23.

[2] Следует подчеркнуть, что, измеряя таким образом близость гибели капитализма в странах Европы, Азии и Америки, необходимо считать и метрополию и колонии (точнее, и обслуживаемую сельскохозяйственную периферию) до известной степени единым хозяйственным целым. А это значит, что победоносная социалистическая революция в колониальных и отсталых аграрных странах может осуществиться при $c_1 < 70$ и, напротив, в метрополиях революция может задерживаться и при $c_1 > 70-90$.

[3] „... Не средства существования рабочего и не его рабочая сила определяются как оборотный капитал в противоположность основному капиталу, а часть стоимости производительного капитала, затраченная на рабочую силу, благодаря форме своего оборота, приобретает характер оборотного капитала, общий для нее еще с некоторыми составными частями постоянного капитала и противоположный некоторым другим составным частям того же капитала" (Капитал, т. II, стр. 138, ГИЗ, 1923 г. Курсив наш. М. И.).

Время оборота данного капитала, говорит Маркс, „равно сумме времени его обращения и времени его производства. Это — промежуток времени от момента авансирования капитальной стоимости в определенной форме до момента возвращения движущейся капитальной стоимости в той же самой форме" (там же, стр. 125).

Время производства слагается из рабочего периода (длительность процесса труда) и перерывов в процессе труда, в течение которых „предмет труда подвергается более или менее продолжительным естественным процессам, должен проделать физические, химические, физиологические изменения, между тем как на это время процесс труда совершенно или отчасти приостанавливается" (Капитал, т. II, стр. 211, ГИЗ, 1923 г.) Время обращения состоит „... из времени продажи, из того периода времени, когда капитал находится в состоянии товарного капитала" (Капитал, т. II, стр. 221) и времени купли, „в течение которого капитал из денежной формы снова превращается в элементы производительного капитала" (Капитал, т. II, стр. 226).

Итак, удлиняется или сокращается время производства и время обращения с развитием капиталистического производства?

Большая или меньшая продолжительность рабочего периода определяется в каждой особой сфере производства „специфическими свойствами изготовляемого продукта или той полезной целью, которая преследуется при этом" (Капитал, т. II, стр. 204). С ростом производительных сил „условия, увеличивающие продукт (стр. 207) каждого отдельного рабочего дня, каковы кооперация, разделение труда, применение машин, — говорит Маркс, — в то же время сокращают рабочий период при связанных между собою актах производства". Но при этом сокращение рабочего периода и соответствующее ускорение оборотов связываются обыкновенно с увеличенной затратой нового основного капитала и, стало быть, сопровождаются повышением органического состава капитала. Что это означает? Это значит, что когда в связи с сокращением рабочего периода увеличивается число оборотов переменного капитала, последний понижается, и, таким образом, повышательное влияние увеличения числа оборотов переменного капитала на динамику нормы прибыли парализуется.[1]

Далее. В ряде отраслей (земледелие, скотоводство) сокращение рабочего периода возможно лишь в весьма ограниченных пределах. В других отраслях уменьшение рабочего периода наталкивается на противоположную тенденцию, возникающую из увеличения размера продукции (напр., построек и сооружений) и растущей сложности продукции (напр., сооружаемых машин и оборудования), а также из более повышенных требований к качеству продукции.

[1] „Но эти улучшения, сокращая рабочий период, а вместе с тем и время, на которое должен быть авансирован оборотный капитал, связываются обыкновенно с увеличенной затратой основного капитала" (Капитал, т. II, стр. 208).

Перейдем к периоду, когда капитал в форме еще неготового продукта предоставляется воздействию естественных процессов.

Конечно, развитие производительных сил приводит к сокращению частичных или полных перерывов в процессе труда (напр., искусственное беление и сушка, бессемеровский процесс и друг.). Но и здесь сокращение времени производства сопровождается ростом основного капитала, так что и здесь влияние роста числа оборотов уже с самого начала вызывается и с избытком компенсируется повышением органического состава капитала.

Кроме того, и здесь во многих отраслях (напр., сельское и лесное хозяйство) избыточное по сравнению с рабочим временем время производства часто не может быть сокращено (период созревания хлеба, вырастание дерева и т. п.). Поскольку же разрыв между периодом производства и рабочим временем зависит от близости рынков и других обстоятельств, относящихся к сфере обращения, как то будет сейчас показано, он едва ли обнаруживает тенденцию сокращаться с развитием капитализма.

Правда, скорость передвижения в огромной степени возрастает, масса средств сношений увеличивается, возможность отправки товаров через короткие промежутки времени также растет. Но, с другой стороны, с прогрессом капиталистическоро производства возникает необходимость работать на отдаленные рынки (мировой рынок). „Масса находящихся в пути товаров, отправленных в отдаленные пункты, необычайно возрастает, поэтому абсолютно и относительно возрастает и та часть общественного капитала, которая постоянно на более или менее продолжительные сроки остается в стадии товарного капитала, переживает время обращения“ (Капитал, т. II, стр. 224).

Период странствования отдельных товаров сокращается, но удельный вес товаров, предназначенных на отдаленные рынки, возрастает в огромной прогрессии, так что средний период нахождения в пути всей произведенной в стране товарной массы увеличивается. В то же время конкуренция на мировом рынке обостряется, периоды перепроизводства становятся все более частыми, длительными и даже хроническими. Сбыт затрудняется. Одновременно усложняется ассортимент товаров. Возрастает параллельно размерам и масштабу капиталистического производства величина сделок, поставок. Концентрация производства идет гигантскими шагами. Сырье и материалы приходится закупать и стягивать к промышленным центрам из самых отдаленных местностей, а выработанную продукцию в постоянно возрастающей доле распылять по необ'ятным площадям непрерывно повышающего свою товарность крестьянского хозяйства и по колоссальному пространству мирового рынка. Все это приводит к удлинению периода продажи и периода купли, к образованию огромных товарных запасов, т.-е. связывает общественный капитал в форме товарного капитала, и тем увеличивает

период обращения общественного оборотного капитала, а, стало быть, и период оборота общественного переменного капитала.

И все это сопровождается ростом органического состава общественного капитала, так как все увеличивается та часть общественного богатства, которая „затрачивается на средства транспорта и сношений и на основной и оборотный капитал, требующийся для их деятельности“ (Капитал, т. II, стр. 224).

Итак, мы приходим к выводу, что величина h, т.-е. число оборотов, которое делает общественный переменный капитал в течение года, либо не возрастает или даже уменьшается с развитием капитализма, либо хотя и увеличивается, но при таких условиях, что связанное с сокращением периода обращения увеличение нормы прибыли уже с самого начала с избытком компенсируется обратным влиянием роста органического состава общественного капитала, т.-е. снижением величины v_1.[1]

Этот вывод позволит нам ниже (при анализе основной формулы в целом) считать, что при исследовании достаточно длительных периодов капиталистического развития число оборотов переменного капитала можно рассматривать без ущерба для результатов анализа (в целях его упрощения) как постоянную или даже как снижающуюся величину, т.-е. как фактор, который в конечном итоге не только не противодействует проявлению тенденции нормы прибыли к понижению, но, быть может, даже усиливает эту тенденцию.

Согласуется ли этот вывод с общим строем изложения Маркса? Несомненно, согласуется.

Ведь если Маркс, исследуя динамику нормы прибыли на общественный капитал, не только оставляет в стороне вопрос о числе оборотов переменного капитала, но не упоминает о влиянии числа оборотов переменного капитала и в специальном разделе, посвященном исследованию причин, задерживающих понижение нормы прибыли, то, разумеется, это не могло быть случайностью или недосмотром. Не могло быть случайностью и то, что Энгельс, который, прорабатывая рукописи Маркса, уделял особое внимание влиянию числа оборотов капитала, не внес с этой стороны никаких поправок[2] в текст Маркса о тенденции нормы прибыли к понижению, несмотря на то, что содержание этой главы имеет решающее теоретическое и практическое значение.

[1] Тут имеется одно видимое отступление. „...В некоторых отраслях,—говорит Маркс,—рабочий период может быть сокращен посредством простого расширения кооперации; постройка железной дороги, например, если поставлены на ноги крупные армии рабочих, которые принимаются за дело сразу во многих пунктах. Время оборота сокращается здесь благодаря возрастанию авансированного капитала“. (Капитал, т. II, стр. 208). Однако, это имеет место почти исключительно при производстве сооружений, зданий и других элементов основного капитала, и чем быстрее заканчиваются эти работы, тем скорее вводятся в эксплоатацию огромные массы нового основного капитала.

[2] За исключением указания на различие между нормой прибыли на капитал и процентом прибыли к себестоимости продукта.

Стоимость издержек по рабсиле

Рассмотрим теперь, как изменяется стоимость $з_1$ издержек по рабсиле на единицу живого труда.

В капиталистических условиях, вследствие отставания роста реальной заработной платы от роста производительной силы общественного труда, стоимость $з_1$ издержек по рабсиле на единицу живого труда постепенно понижается. Темп этого снижения в период развивающегося капитализма сначала несколько более быстрый, чем рост производительной силы общественного труда (неорганизованность рабочих, огромный рост безработицы за счет разоряющегося ремесла и нищающего крестьянства, понижение жизненного уровня, понижение зарплаты ниже стоимости рабочей силы и т. п.). Затем он выравнивается с темпом роста производительной силы общественного труда. И, наконец, в периоды хозяйственного оживления, иногда, быть может, даже несколько отстает от темпа роста производительной силы общественного труда (рост организованности и самосознания рабочего класса, повышение его культурного уровня и квалификации, влияние сверхприбыли, полученной от эксплоатации колоний и отсталых народов и т. п.). Однако, в настоящее время — в период загнивающего капитализма — такое отставание темпа снижения $з_1$ от темпа роста производительной силы общественного труда сводится к нулю и сменяется обратным процессом: жизненный уровень рабочего класса под влиянием нарастающего нажима капитала, в условиях хронического перепроизводства, депрессии и растущей безработицы, начинает понижаться даже абсолютно, так что стоимость издержек по рабсиле снова (по всем правилам диалектики) обнаруживает тенденцию к снижению в более быстром темпе, чем растет производительная сила общественного труда по отношению к производству предметов существования рабочих.

На этом мы закончим наш краткий анализ движения отдельных элементов основной формулы динамики нормы прибыли на общественный капитал в капиталистических условиях.

Разумеется, что результат анализа отдельных элементов этой формулы во всем основном уже предрешает и результат последующего анализа всей формулы в целом, т.-е. предопределяет наши дальнейшие выводы о движении годовой нормы прибыли с развитием капиталистического производства, а также, хотя и в несколько меньшей степени, и в условиях СССР.

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

Л. А. Мендельсон

К вопросу о динамике мощности производственного аппарата германской промышленности в 1913—26 гг.[1]

Основная особенность военной экономики заключается в огромном росте непроизводительного потребления как живого, так и мертвого труда. Некоторое представление о влиянии последнего на процесс общественного воспроизводства мы можем получить уже путем рассмотрения марксовых схем простого воспроизводства, если взять в них раздельно производства средств потребления рабочего класса (B) и производства средств потребления капитализма (B_1).

	C	V	T	Всего
A	4000	1000	1000	6000
B	1000	250	250	1500
B_1	1000	250	250	1500

Совершенно очевидно, что B_1 занимает в процессе общественного воспроизводства совершенно иное положение, чем A и B. Особенность его заключается в том, что в то время как в последних сконцентрировано воспроизводство элементов производства, B_1 никакого участия в последнем не принимает, так как вся его продукция целиком попадает в сферу личного потребления капиталистов.

С точки зрения процесса воспроизводства труд, затраченный в B, представляет лишь прямой вычет из общей массы общественного труда, как и труд затрачиваемый на личное обслуживание капиталистов, хотя это не мешает ему в противоположность последнему создавать и стоимость и прибавочную стоимость. Весь продукт этого труда может быть оплачен обществом лишь за счет прибавочной стоимости. Чем больше его размеры, тем меньшая масса прибавочного продукта может быть обращена на расширение процесса общественного воспроизводства. Поэтому основной предпосылкой перехода от простого воспроизводства к расширенному является сокращение производства в B_1. Конечно, в условиях расширенного воспроизводства на ряду с ростом A и B может увеличиваться и обычно увеличивается и B_1. Но для всего общественного воспроизводства в целом это означает замедление темпа под'ема. Неизменный или понижающийся уровень B_1 является предпосылкой наиболее быстрого темпа общественного накопления.

Нетрудно заметить, что роль военной промышленности и всех трудовых затрат, поглощаемых войной в процессе общественного вос-

[1] Окончание. См. „План. Хоз.“, № 9 за 1927 г.

производства та же, что и роль B_1.[1] Ведь „пушка не трансформируется в элемент нового производственного цикла; порох расстреливается в воздух и не появляется в иной вещественной оболочке в следующем цикле“. Точно также и „средства потребления, которыми снабжается армия... служат не средством производства рабочей силы, а средством производства специфической солдатской силы, которая не играет никакой роли в процессе производства“.[2] Поэтому значительный рост промышленности, продукция которой поглощается армией, действует на процесс общественного воспроизводства не менее разрушительно, чем прямой отрыв миллионов от производства. В Германии в результате огромного роста непроизводительного потребления во время войны имел место переход от воспроизводства расширенного к нисходящему суженному. Теоретически этот переход нельзя, конечно, считать обязательным и для любой другой воюющей страны в любых условиях. Многое здесь зависит от тяжести войны, ее разрушительности, размеров обусловленного ею непроизводительного потребления, величин национального дохода и т. д. Но, как правило, он в условиях ведения современных войн для стран, серьезно в нее втянутых, в общем неизбежен.

Решающим обстоятельством является, конечно, система покрытия издержек непроизводительного потребления и характер тех источников, за счет которых это покрытие происходит. Теоретически, если отвлечься от военных займов, мыслимы лишь пять таких источников: 1) сокращение потребления капиталистов, 2) сокращение потребления рабочего класса, 3) повышение производительности труда, 4) проедание фонда расширенного воспроизводства и, наконец, 5) проедание наличных средств труда.

Расширенное воспроизводство в прежнем масштабе мы имели бы лишь в том случае, если бы все трудовые издержки войны компенсировались исключительно источниками первым и третьим. Использование четвертого источника означает или снижение темпа расширенного воспроизводства или переход к простому воспроизводству. Наконец, использование второго и пятого источников означает переход к „отрицательному расширенному“ воспроизводству, ибо недопотребление рабочего класса вызывает нарушение процесса воспроизводства людской части производственного аппарата, проедание же основного капитала — сужение вещественной базы последнего.

Но первый случай явно не реален. Ни о каком серьезном повышении производительности труда в условиях войны во всем общественном производстве в целом не может быть и речи, ибо последнее предполагает или значительную интенсификацию труда, или техническое переоборудование производственного аппарата. Но первому мешает ухудшение жизненного уровня рабочего класса и качества рабочей силы, неизбежных во время войны, а второе предполагает предварительное сокращение непроизводительного потребления и не может служить источником расширения последнего. Понятно это не исключает возможности повышения производительности труда в отдельных отраслях промышленности. О возможности ведения войны за счет сокращения потребления капиталистов говорить не приходится. Вполне реальным источником покрытия трудовых издержек войны является фонд расширенного воспроизводства. Однако, в условиях современных войн он явно недостаточен. Основная тяжесть покрытия издержек непроизводительного военного потребления падает поэтому неизбежно на источники второй и пятый.

Сокращение потребления рабочего класса, вырождение той его части, которая остается в тылу, в то время как другая его часть физически уничтожается на фронте, приостановка процесса возмещения изношенных частей оборудования, подтачивание производственной базы страны и связанный с ним переход к системе суженного воспроизводства,—являются обычными спутниками современных империалистических войн. Пример С.-А. С. Ш. как-будто бы противоречит этому нашему выводу. Но здесь противоречие чисто кажущееся. Дело в том, что Америка не столько воевала, сколько играла роль интенданта, снабжавшего союзников вооружением и получавшего взамен, правда, далеко не в полном об'еме, золотое возмещение, которое она могла свободно обменивать на сырье и рабочую силу. Кроме того, довоенный уровень национального дохода Америки и ее национального богатства был настолько велик, что рост непроизводительного потребления, обусловленный войной, не мог задержать ее поступательного движения, тем более, что до своего вступления в войну она многое сделала в области повышения производительности труда. Но и благотворные влияния войны на производство С.-А. С. Ш. нельзя переоценивать. Ведь если бы вся масса труда, которая была вложена в военную промышленность, была использована в производстве средств производства и средств потребления рабочего класса, то несомненно под'ем производительных сил был бы неизмеримо выше. Но в условиях капиталистического хозяйства размеры расширенного воспроизводства определяются не только материально-техническими условиями, но и условиями конкурентной борьбы. Война, несомненно, улучшила рыночные предпосылки расширенного воспроизводства для С.-А. С. Ш., создав огромный добавочный спрос и устранив их конкурентов. Стихийно-капиталистическая форма хозяйства здесь приводит к тому, что фактическое сокращение возможностей роста производительных сил выступает внешне в форме увеличения этих возможностей. Но это не должно мешать видеть истинное положение вещей, так как иначе можно докатиться до прямой апологетики войны, как фактора движения производительных сил. Наконец, не следует забывать, что рост Америки прежде всего происходил на фоне и за счет упадка Европы.

Переход к системе суженного воспроизводства означает неизбежное снижение мощности действующего производственного аппарата. В Германии мы имеем как раз то и другое. Но из этого отнюдь еще не вытекает, что и мощность всего производственного аппарата к концу войны могла оказаться выше довоенного. Допустим, например, что всего войной приведено в бездействие $^1/_4$ довоенного производственного аппарата и что последняя в результате консервации потеряла 40% своей мощности. Но если под влиянием огромных потребностей войны и вызванного этим роста отдельных отраслей военной промышленности действующая часть производственного аппарата повысит свою мощность на 20%, то хотя

[1] Рассматривая вопрос в общественном масштабе, мы здесь отвлекаемся от внешней торговли. Но совершенно очевидно, что для отдельной страны, имеющей возможность вывоза продуктов B_1 и военной промышленности и обмена их на продукты A и B рост B_1, или рост военной промышленности, экономически ничем не будет отличаться от роста A и B. Но совершенно очевидно, что возможности расширенного воспроизводства в одной стране здесь создаются за счет их уменьшения в других странах. Последнее обстоятельство особо важно помнить при анализе причин военного роста С.-А. С. Ш.

[2] Н. Бухарин, „Экономика переходного периода“, стр. 38—39.

последняя и останется ниже довоенного уровня, мощность всего производственного аппарата к концу войны окажется несколько выше довоенного. Теоретически такой случай мыслим даже в условиях перехода к системе суженного воспроизводства, ибо огромный рост военной промышленности, являющейся внутренней пружиной сужения воспроизводства, в то же время может выступить и фактором, противодействующим снижению мощности всего наличного производственного аппарата. Это как-будто противоречит одно другому. Однако, здесь необходимо учесть следующее важное обстоятельство.

Выше мы исходили в своем анализе из марксовых схем воспроизводства. Но Маркс в этих схемах ради упрощения отвлекается от той части постоянного капитала, которая не изнашивается в ценностном смысле в данном производственном цикле, т.-е. он отвлекается от всего основного капитала, за исключением той его части, которая амортизируется. По существу здесь остается в стороне почти вся вещественная часть производственного аппарата. Но совершенно очевидно, что такое отвлечение, допустимое при анализе системы воспроизводства, совершенно недопустимо при рассмотрении вопроса о динамике мощности производственного аппарата. Кроме того, труд, овеществленный в основном капитале военной промышленности, может безусловно иметь совершенно иное значение в процессе общественного воспроизводства, чем труд, овеществленный в продуктах военной промышленности. Конкретным примером может служить рост химической промышленности в Германии во время войны. Понятно, что все трудовые затраты в этой промышленности, нашедшие свое материальное выражение в удушливых газах, взрывчатых веществах и т. п., являются чистой потерей для общества, влияющей снижающим образом на размеры общественного воспроизводства. Но вновь установленное во время войны оборудование этой промышленности в той мере, в какой оно к концу войны технически сохранилось, является, без сомнения, фактом роста мощности производственного аппарата на данном промышленном участке, хотя он может быть и куплен ценой его снижения на других участках. Поэтому рост военной промышленности, создавая, с одной стороны, предпосылки к сужению масштаба воспроизводства, в то же время является источником известного роста мощности производственного аппарата промышленности.

Наконец, нужно отметить, что к оценке мощности производственного аппарата следует подходить не только с точки зрения процесса материального воспроизводства, но и под углом зрения процесса реализации, соответствия мощности производственного аппарата, емкости рынков и т. д. Поскольку же и продукция военной промышленности является товаром как на внутреннем, так и на внешнем рынках, постольку мощность ее производственного аппарата не может быть игнорирована. В Германии, как мы уже отмечали выше, рост производственных возможностей в порядке военного грюндерства имел место в машиностроительной, металлообрабатывающей, химической и отчасти металлургической промышленности. Этот рост не может быть не учтен как фактор, противодействующий отрицательным влияниям войны на производственный аппарат. Но был ли он достаточно значительным, чтобы не только нейтрализовать последние, но и обусловить общее возрастание мощности производственного аппарата. Теоретических оснований для априорного

ответа, положительного или отрицательного, не существует. Все зависит от конкретных размеров военного грюндерства, с одной стороны, и разрушений, принесенных войной производственному аппарату — с другой. Но как раз это-то конкретное соотношение в Германии отнюдь не говорит в пользу положительного ответа. Чтобы убедиться в этом, достаточно просто подвести итоги всем, имевшим место в Германии, отрицательным влияниям войны на ее производственный аппарат.

Из двух основных элементов производственного аппарата—его вещественной и людской части — война сильнее всего ударила по последней, подтачивая ее с двух сторон: мобилизацией в армию и нарушением условий ее нормального воспроизводства путем резкого снижения ее жизненного уровня. Отсюда острый недостаток рабочей силы во время войны, лишь отчасти возмещенный вовлечением в производство новых кадров, преимущественно женщин и детей, и значительное снижение производительности труда.

Эти потери живой рабочей силы, столь остро ощущавшиеся в германской промышленности в годы войны, однако, оказались почти совершенно нечувствительными уже на другой день после войны, когда армия была демобилизована. Больше того, все послевоенные годы Германия не выходит из кризиса безработицы. Это дает повод кое-кому игнорировать понижение мощности производственного аппарата, принесенное войной разрушением его людской части. Методологически это означает стать на точку зрения капиталиста, для которого потерей является лишь разрушение вещественных элементов производства, фактически же это приводит к стушевыванию разрушительных влияний войны. Конечно, при оценке послевоенного состояния промышленности невозможно игнорировать факт сравнительно легкого возмещения военных потерь рабочей силы. Сама возможность этого легкого возмещения дана наличием в любой капиталистической стране значительно скрытой и явной резервной армии труда, которую война вовлекает в производство с тем, чтобы на другой день после войны вновь обречь на перманентную безработицу. Однако, разрушение не перестает быть таковым от того, что оно сглаживается и стушевывается противоречиями экономической системы капитализма.

Что же касается вещественной части производственного аппарата, то в основном отрицательные влияния войны здесь свелись в Германии к следующему:

1) Непосредственное разрушение средств труда военными действиями; размеры этих разрушений зависят от величины промышленных районов, вошедших в театр военных действий, и от интенсивности последних. В Германии эти разрушения были не особенно велики.

2) Ослабление мощности производственного аппарата, обусловленное процессами мобилизации промышленности. Во время войны огромное количество предприятий, занимавшихся изготовлением средств производства и средств потребления, перешло к производству снаряжения. При этом значительная масса средств производства использовалась не по их прямому назначению, что означало их особо быстрое изнашивание. При демобилизации промышленности приходилось поэтому вкладывать значительные капиталы для восстановления довоенной мощности предприятий.

3) Более быстрое изнашивание средств производства, обусловленное ухудшением качества сырья, топлива, рабочей силы. Война отрезала Гер-

манию от рынков сырья, вынудив ее пользоваться суррогатами, к обработке которых наличные машины достаточно приспособлены не были. Отсюда их более быстрое снашивание. К этому же привело и вовлечение в производство значительных новых кадров рабочей силы.

4) Разрушения, связанные с консервацией значительной доли предприятий.

5) Наконец, самым важным фактором снижения мощности вещественной части производственного аппарата явилось нарушение войной нормального процесса общественного воспроизводства, обусловившего неизбежность так называемого „амортизационного провала". Правда, с точки зрения ценностной этого провала не получается. Амортизационные отчисления во время войны были в большинстве отраслей значительно выше довоенных, но реализация этих денежных накоплений была крайне затруднена переходом большинства предприятий к производству для нужд армии. Недостаток рабочих рук, топлива, сырья заставили замену изношенных машин новыми откладывать до лучших времен, нагружать их до отказа при всей их изношенности. Не только новому строительству, но и капитальному ремонту,—этой основной форме материального восстановления изношенных средств производства,—война нанесла жестокий удар. Все это, в конечном счете, означает снижение производственных возможностей промышленности. В Германии влияние всех этих факторов было особенно велико, поскольку на нее пала основная тяжесть борьбы с далеко превосходящими ее силами „союзников".

Единственным и основным моментом, противостоявшим всем этим разрушительным влияниям войны, явился, как мы указывали выше, рост производственного аппарата трех — четырех отраслей промышленности. Однако, и здесь необходимо отметить следующее. Мы видели выше, что во время войны особенно значительно разбухла немецкая машиностроительная промышленность, но характерно — на другой день после войны она уже дает осечку. В своей монографии о положении германского машиностроения Круспи подчеркивает, что огромная нагрузка, доходившая до пределов технических возможностей, сильно расшатывала во время войны оборудование последнего. Это обстоятельство, а также перевод всего машиностроения на военные рельсы, стало особенно чувствительно для хозяйства страны, „когда после краха обедневшая Германия хотела и должна была вновь пустить в полном об'еме мирное производство, а замещение и пополнение (средств производства) оказалось трудным и невозможным". [1] Не случайно, что в машиностроительной промышленности демобилизация потребовала вложения крупных средств. „Wirtschaftsdienst" вполне правильно ищет причины этого в том, что „металлообрабатывающая, машиностроительная, а также химическая промышленность были вынуждены установить специальные машины для производства аммуниции, которые по окончании войны не могли быть дольше потребляемы". [2] Далеко не вся масса военных капитальных вложений, таким образом, могла быть использована в условиях мирного времени. В особенности, это относится к предприятиям, построенным для выработки и обработки суррогатного сырья, которые были после войны ликвидированы почти на

[1] Kruspi, „Gegenwart u s. w.", стр. 23.
[2] „Wirtschaftsdienst," № 7 за 1921 г.

100%. Это дало повод видному немецкому промышленнику Русгерт Касселю заметить, что „конечные результаты войны в области промышленности проявились в наличии большого числа новых и расширившихся предприятий, которые хотя и оправдывали себя в период войны, всякогда Германия могла рассчитывать лишь на синтетическое сырье и всякого рода суррогаты, но потеряли большей частью это оправдание, как только вновь наступила возможность получать фабрикаты более дешево за границей". [1] Конечный вывод, к которому мы приходим, заключается в том, что рост военной промышленности в годы войны, по существу, не смог даже сбалансировать все разрушения, принесенные войной производственному аппарату, не говоря уже о том, что он не мог обеспечить возрастания производственных возможностей всей промышленности в целом. Нам кажется, что без большого риска ошибиться можно утверждать, что не только действующий, но и весь наличный производственный аппарат Германии по своей мощности оказался к концу войны ниже довоенного. [2] Поэтому и оптимистические оценки влияния войны на производственный аппарат Брандта, Боома и др. лишены всяких оснований. В частности, тов. Айзенштадт делает в этом вопросе недопустимую методологическую ошибку, беря за одну скобку и центральную Европу, и Америку, и др. страны. Этим стушевывается тот факт, что рост американской промышленности происходил, главным образом, за счет разрушения европейской промышленности, которое явилось прекрасным удобрением для американского капитализма.

Разумеется, наш вывод о том, что война не принесла Германии роста ее производственного аппарата, еще не означает, что мировой производственный аппарат в целом за эти годы не мог несколько вырасти за счет успехов Америки, Японии и колоний. Однако, если такой рост имел место, то темп его несомненно был ниже довоенного, так как мировая война не могла не отразиться отрицательно на общем темпе движения производительных сил. Уж это одно противоречит всякого рода заявлениям о благоприятном влиянии войны на производственный аппарат. Особо фальшиво звучат эти заявления, когда они делаются по отношению к такой стране, как Германия.

4. Производственный аппарат промышленности в годы инфляции

Сдвигам в производственном аппарате промышленности, принесенным войной, не уступают по своей глубине и сдвиги, обусловленные инфляцией, хотя по своему существу они носили совершенно иной ха-

[1] См. „Industrie und Handelszeitung", 1/I 1927 г.
[2] Одним из показателей накопления промышленности являются данные о росте акционерных обществ (см. табл.).

Вновь инвестированные капиталы в акционерных обществах в %% к 1910 г.

1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918
100	104	114	90	88	40	49	106	116

Только 1917 и 1918 годы под влиянием программы Гинденбурга дают превышение довоенного уровня. В среднем за годы войны инвестиции остались на уровне 85% довоенного. Нужно помнить при этом, что рост акционерных капиталов был в значительной мере обусловлен стремлением скрыть реальные размеры прибылей путем искусственного разводнения последних и ничего общего с материальным накоплением не имел. Наоборот, денежное накопление подчас шло за счет усиленного материального разрушения производственного аппарата.

рактер. Годы инфляции в Германии были периодом бешеного спекулятивного грюндерства, приведшего к значительному увеличению мощности ее производственного аппарата. Размеры этого учредительства наглядно иллюстрируются данными следующей таблицы:

Число действующих [1] акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью в Германии [2]

Даты (конец года)	Акционерные общества				Общества с огран. ответств.			
	Всего		В том числе торговых		Всего		В том числе торговых	
	Абсолютных	В %% 1919 г.	Абсолютных	В %% 1919 г.	Абсолютных	В %% 1919 г.	Абсолютных	В %% 1919 г.
1913	5.436	—	835	—	25.761	—	—	—
1919	5.345	—	872	—	32.670	—	11 420	—
1920	5.657	105	972	111	39.152	119	14.549	127
1921	6.636	124	1.227	140	47.911	146	18.333	160
1922	9.558	178	2.107	241	58.934	180	23.850	208
1923	16.362	306	4.589	526	71.343	218	30.419	266

За 4 года инфляции число акционерных обществ увеличилось в 3 раза, а число обществ с ограниченной ответственностью больше, чем в 2 раза, — рост, невиданный в истории экономического развития Германии. Правда, известная часть этого роста была обусловлена процессом реорганизации в общества индивидуальных предприятий, которому инфляция, без сомнения, благоприятствовала. Но даже с учетом этой поправки нельзя не признать, что волна спекулятивного инфляционного учредительства достигла в 1919—23 гг. в Германии небывалой высоты. Особенно была она сильна в области торговли, ибо в периоды инфляции сфера обращения представляет гораздо большие возможности спекулятивной наживы, чем сфера производства, но и в промышленности инфляционное разбухание достигло серьезных размеров, значительно повысив (см. табл. на след. стр.) и общее число промышленных предприятий и число занятых в них.

Число промышленных предприятий, учитываемых фабричной инспекцией, с 286 тыс. в 1919 г. повысилось до 339 тыс. в 1922 г., а число занятых в них за это время поднялось с 6,3 млн. до 8,2 млн. Этот рост частично носил восстановительный характер после глубокого упадка во время войны, но за исключением трех-четырех отраслей этот процесс далеко вышел за рамки восстановительного. О размерах скачка можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что в 1922 г. Германия в своих послевоенных границах имела большее число промышленных предприятий, с большим числом лиц, занятых в них, чем в 1913 г., когда в ее состав входили еще и Эльзас-Лотарингия и прочие, оторванные от нее Версальским договором, территории. 339 тыс. предприятий с 8,2 млн. рабочих в 1922 г. соответствует лишь 324 тыс. предприятий с 7,3 млн. рабочих в 1913 г. Судя по этим данным, Германия уже к 1923 г. в значительной мере возместила свои потери в области промышленности, обусловленные Версальским договором. Нужно, конечно, иметь в виду, что эти данные не совсем точны, так как они охватывают лишь предприятия с определенным цензом. Кроме того, необходимо отметить, что разбухание людского аппарата промышленности в годы инфляции следует отнести в значительной мере не за счет роста мощности производственного аппарата, а за счет падения производительности труда, обусловленного ухудшением жизненного уровня масс и политической обстановкой. В Руре, например, производительность одного рабочего угольных копей в час в 1922 г. была равна лишь 85% довоенного, а в Верхней Силезии она упала даже до 65%. Но все таки факт серьезного количественного роста производственного аппарата германской промышленности в годы инфляции неоспорим.

[1] Без обществ, об'явленных под конкурсом и находящихся в стадии ликвидации.

[2] Таблица заимствована из „Mitteilungen des Statistischen Amtes der Stadt Nürnberg. Heft 8, 1926 г.

Число промышленных предприятий Германии и занятых в них рабочих по данным фабричной инспекции [1]

Название отраслей	Число предприятий			Число рабочих (в тыс.)		
	1913 [2]	1919	1922	1913	1919	1922
Горная и металлургич.	4.275	3.936	4.660	1.196	1.183	1.246
Металлообрабатывающая.	25.334	26.135	33.017	680	660	827
Машиностроительная . .	23.291	24.939	33.174	1.173	1.313	1.654
Обработка камня и глины.	21.708	15.502	16.661	647	369	562
Химическая, жировая, пр.	6.687	6.752	7.304	262	327	390
Текстильная	17.400	10.540	14.615	956	493	930
Бумажная и полиграф. .	13.303	12.245	13.070	399	338	427
Кожевенная и резин. . .	3 163	3.268	4.055	120	95	153
Деревообделочная. . . .	38.723	35.429	43.997	453	414	534
Пищевая и вкусовая .	97.985	87.782	101.000	713	525	691
Швейная, хим. чистка, пр.	56.216	47.886	52.480	486	380	496
Строительная	14.221	—	13.214	276	—	235
Вся промышленность .	324.524	286.946	339.041	7.386	6.301	8.215

Основные причины этого роста большинство экономистов видят в самой инфляции. „Годы постепенного обесценения денег были благоприятными для промышленного грюндерства“,—пишет „Wirtschaft und Statistik“. „Неудержимое падение марки позволило в годы инфляции вырастать предприятиям как грибам из под земли“,—читаем мы в другом официальном статистическом издании.

Каков, однако, конкретный инфляционный механизм, вызвавший к жизни многие тысячи новых предприятий? Каким образом смогла инфляция, дезорганизуя всю экономику страны, в то же время стать фактором роста мощности производственного аппарата? Наконец, можно ли этот рост об'яснять исключительно общими закономерностями обесценения валюты или здесь еще сыграл свою роль ряд специфических условий послевоенного германского хозяйства?

Стабильность валюты является одной из предпосылок нормального хода процесса воспроизводства в капиталистическом обществе, ибо механизм денежного обращения служит посредствующим звеном в системе стихийного рыночного регулирования производства, обеспечивающим по-

[1] По данным „Wirtschaft und Statistik“, № 6 за 1926 г.

[2] В довоенных границах.

следнему относительное равновесие производственной системы. Инфляция же означает полную дезорганизацию денежного обращения, влекущую за собой расстройство всей системы кредитных связей, вырождение торговли в спекуляцию и, наконец, нарушение самого процесса производства. Однако, в то же время инфляция создает в известные моменты и определенные стимулы к расширению производственного аппарата. Одним из последних является так называемая „погоня" за материальными ценностями.

„Обесценение денег,—пишет Грейлинг,—толкало немецкую промышленность к тому, чтобы все средства, какие только она могла получить в свое распоряжение, вкладывать в строительство новых или расширение старых предприятий, так как превращение в реальные ценности было единственным средством сохранения капиталов".[1] Под капиталами здесь, очевидно, понимаются прежде всего резервные и оборотные средства, которые в условиях инфляции неизбежно обесцениваются. Это замечание Грейлинга целиком подтверждается данными о динамике балансов акционерных обществ в годы инфляции, показывающими значительный рост основных капиталов за счет оборотных и резервных.

Но спасать от обесценения приходилось не только резервные, но и оборотные средства. Мы уже указывали выше на огромную прибыльность промышленных предприятий в годы войны. Значительно укрепили свое финансовое положение и вышли с большими денежными резервами из войны не только предприятия, работающие с полной нагрузкой, но и многие, этой нагрузки не имевшие. Война не давала возможности реализовать эти денежные накопления в материальных ценностях. Лишь после войны, когда начались демобилизации промышленности, была пущена в ход основная масса денежных капиталов, накопленных во время войны. Инфляция послужила сильнейшим толчком использования их для целей промышленного грюндерства.

Процесс инфляционного учредительства, однако, в основном все же не являлся лишь формой самозащиты промышленной буржуазии, спасавшей свои денежные капиталы. Инфляция послужила для представителей крупной промышленности прежде всего рычагом сильнейшего увеличения своей мощи за счет неслыханного снижения жизненного уровня масс, с одной стороны, и экспроприации широких слоев мелкой, а отчасти и средней буржуазии, с другой. Эти положительные выгоды инфляции были более решающим фактором инфляционного учредительства, чем негативная задача спасания от обесценения собственных денежных капиталов.

Две закономерности характерны для периода инфляции: падение реальной заработной платы и отставание уровня внутренних цен от курсов иностранных валют, и обе они способствуют созданию так называемой инфляционной конъюнктуры. Их прямым следствием выступает уже так называемый валютный дэмпинг. За счет снижения заработной платы и возможностей получения дифференциальных барышей на валютных спекуляциях усиливается в огромной степени рентабельность экспорта, повышается способность конкурентной борьбы со странами твердой валюты. Фактором, противодействующим повышению нормы эксплоатации в Германии, явилось снижение производительности труда. Но последнее

[1] Walter Greiling, „Die deutsche Montan-Industrie, Leipzig, 1926., стр. 16.

с лихвой окупалось выгодами спекуляции на валюте, вырученной за экспортированные товары. Последняя позволяла с выгодой вывозить даже по ценам, стоящим, если отвлечься от курсовых разниц, ниже себестоимости. С точки зрения хозяйства страны это была растрата национального богатства, но это не мешало экспортерам бешено наживаться.

Валютный дэмпинг и другие моменты, обусловленные общими закономерностями инфляции, не могли бы все же вызвать столь усиленное грюндерство, какое имело место в Германии в 1920—23 гг., если бы инфляция не была в ней сопряжена с рядом специфических моментов.

В основном инфляция в Германии была вызвана огромными натуральными поставками и денежными платежами Антанты и всей дезорганизации хозяйства, обусловленной войной и Версальским договором. Но в известной степени сама инфляция была продуктом сознательной политики немецкой буржуазии.

Мы уже указывали выше, что годы инфляции совпали с периодом демобилизации промышленности. Но последняя в Германии носила своеобразные черты. Версальский договор оторвал от Германии ряд промышленных районов. Многие крупные промышленные комбинаты были этим договором раздроблены, лишены своих важнейших частей. Отсюда естественно стремление буржуазии восстановить прежнюю мощность своих предприятий. Способствовали этому: 1) валютный дэмпинг, 2) натуральные поставки правительства и 3) кредитная политика немецких банков. Валютный дэмпинг открывал широкие перспективы экспорта. Натуральные поставки хорошо оплачивались и создавали внутри страны неудовлетворенный спрос, служивший рычагом взвинчивания цен. Чрезвычайно характерно, что топливный кризис в годы инфляции в ряде моментов был значительнее, чем в годы войны. Эти поставки натурой, будучи для всей страны в целом чистой потерей, в то же время давали определенным отраслям промышленности обеспеченный спрос, высокую прибыль и возможности расширения их предприятий. Интересен в этом отношении пример с поставками железнодорожного оборудования. По Версальскому договору Германия должна была выдать союзникам 5 тыс. локомотивов и 150 тыс. вагонов, не считая подвижного состава всех провинций, от нее отошедших. Но уже к 1923 г. германские железные дороги сумели не только выполнить эти обязательства, но и обновить большую часть своего подвижного состава, как это констатировала экспертная комиссия Антанты. Поставки подвижного состава союзникам послужили поводом для огромных заказов, которые превышали значительно потребности последних. Единственным источником оплаты здесь был печатный станок, т-е. снижение жизненного уровня и обнищание миллионов. За счет печатного станка частично были оплачены и потери собственности в аннексированных районах. Наконец, под предлогом выполнения натуральных поставок восстановления военных разрушений и пассивного сопротивления оккупации Рура буржуазия добилась огромного увеличения частных кредитов за счет того же печатного станка. Под внешней оболочкой кредита происходил величайший процесс экспроприации мелкой собственности и нажима на рабочий класс, за счет которого росло могущество крупной буржуазии. Инфляция принесла промышленности большое освобождение от ее долгов, обесценив последние, поэтому она так охотно гонялась за новыми и новыми займами, которые ожидала та же участь.

„Использование частными предпринимателями кредита усилилось уже в 1922 г., но приняло грандиозные размеры в 1923 г. в связи с рурскими событиями и финансированием Рурской войны. Имперский банк имел у себя частных векселей в 1921 г. в среднем на 1,7 млрд. бумажных марок, в 1922 г. в среднем на 72,2 млрд. бумажных марок, к концу 1922 г. уже 422,2 млрд., к концу января 1923 г. — 697,2 млрд., к концу сентября 3.660.094 млрд., а к концу ноября 347.301.307.776 млрд. бумажных марок. Таким образом, использование со стороны частных кредиторов государственного банка в ноябре далеко обогнало кредит, оказываемый банком правительству, который в это время составлял — 96.874.330.250 млрд. бумажных марок".[1]

Все эти огромные средства в основном были брошены на расширение существующих предприятий и строительство новых, так как это был единственный путь реализации продуктов инфляционного грабежа масс в материальных ценностях. Учредительство шло совершенно независимо и от перспектив сбыта и от возможностей нагрузки производственного аппарата. Характерно в этом отношении влияние оккупации Рура: последняя приостановила работу значительной части немецкой горной металлургической промышленности, но благодаря огромным правительственным субсидиям и банковским кредитам крупная промышленность сумела и Рурскую войну использовать для целей грюндерства. „Когда оккупация Рура приостановила сбыт предприятий, рабочие, несмотря на это, должны были быть использованы. Это было достигнуто переоборудованием и модернизацией этих предприятий... Результаты расширения были таковы, что германская железная промышленность смогла в первые месяцы 1925 г. достигнуть, отчасти даже превзойти, выплавку стали старой Германии вместе с Люксембургом в 1910 г." [2]

Таким образом, рычагом инфляционного учредительства послужили и демобилизация промышленности, и репарационные поставки, и политика пассивного сопротивления, и валютный демпинг, и многое другое. Но источник этого грюндерства был один — невиданное снижение жизненного уровня рабочего класса и экспроприация миллионов мелкой буржуазии. Священный принцип собственности, это святая святых капитализма, была попрана самим крупным капиталом, когда инфляция была использована им для избавления от своих долгов, экспроприации сбережений мелкой буржуазии. Недаром один из видных немецких экономистов Бонн потом писал, что „в инфляции капитализм сам себя сожрал", отняв собственность многих и нарушив тем самым свои собственные принципы. Это дало ему повод едко сострить по адресу социал-демократов, заметив, что инфляция, посягнув на право частной собственности, сделала то, чего не осмелилась сделать социал-демократия в первые годы революции.

В этом своеобразии источников инфляционного грюндерства и заключается основная особенность того роста производственного аппарата, который имел место в Германии в 1919—22 гг. В этом отношении инфляционное учредительство по своему существу в основном схоже с учредительством военным. В обоих случаях рост производственного аппарата происходит не в условиях нормального процесса расширенного воспроизводства, не на фоне растущего спроса, а в условиях величайшей дезорганизации народного хозяйства, крупнейших нарушений процессов общественного воспроизводства за счет роста нищеты и разорения масс. Но именно этим были определены и все специфические особенности того кризиса, который пришел на смену инфляционному „расцвету". Нужно полное игнорирование экономической действительности, чтобы все же этот кризис считать „нормальным", „обычным" кризисом капиталистического воспроизводства, как это делают буржуазные экономисты, а вслед за ними социал-демократы и некоторые „ортодоксальные марксисты" у нас.

[1] Нахимсон (Спектатор), „Стабилизация валюты на Западе", стр. 87.
[2] Walter Greiling, там же, стр. 16.

Одним из последствий инфляционного грюндерства была потеря значительной части оборотных капиталов и резервных фондов промышленности. С переходом к стабильной валюте и прекращением кредитной инфляции это обусловило острую нужду в иностранных дорого оплачиваемых кредитах, тяжело обременяющих баланс промышленности. Но особо серьезно пришлось расплачиваться германской промышленности за низкий организационно-технический уровень инфляционного строительства. Последнее, понятно, не могло не сопровождаться введением технических усовершенствований на отдельных участках промышленности. Однако, в общем и целом инфляция отнюдь не способствовала техническому под'ему. В условиях беспрерывного падения валюты, когда каждый день был дорог, темп строительства доминировал над качеством. Кроме того, решающим в конкурентной борьбе на мировом рынке в годы валютного демпинга был не технический уровень производства, а уровень реальной заработной платы и высота валютных курсов. Ни серьезных стимулов, ни соответствующей обстановки для технического прогресса не было. Интересно в этом отношении замечание Пиннера, с которым вполне солидаризируется Раукер. „В это время, — пишет он, — в Германии, конечно, не только комбинировались старые средства производства, но были созданы и новые, но эти новые средства производства создавались по техническому образцу старых". [1]

В условиях войны германская промышленность была отрезана от мирового рынка военной блокадой, в годы же инфляции ее оружием были не организационно технические преимущества, а падающая марка. Повторяем, что это отнюдь не исключало возможности технического прогресса на отдельных участках промышленности. Но нет никакого сомнения в том, что в общем и целом и военное инфляционное грюндерство по своему техническому уровню стояло ниже довоенного. Отчасти это сказывается и в различной структуре балансов предприятий, возникших в годы войны и после войны, по сравнению с балансами предприятий, организованных до войны (см. данные, опубликованные в немецком социалистическом ежегоднике за 1926 г.). Первые показывают и более низкий уровень акционерных капиталов и более высокую задолженность и меньшие размеры резервов. Все это, в конечном счете, привело к тому, что когда в 1925 г. разразилась волна банкротств, она в первые годы захлестнула предприятия, организованные после 1913 г., на долю которых пало до $^4/_5$ всех банкротств.

[1] См. Berliner Tageblatt, 18/XI 1925 г., ст. Pinner и работу Bruno Raucker. „Rationalisierung und Sozialpolitik", Berlin, 1926.

А. В. Маракуев

Внешняя торговля в Китае и место ее в мировом товарообмене[1]

Экономика Китая в целом, его удельный вес в мировой экономике до сего времени еще не нашли в нашей литературе своего полного отражения. Такой же неполнотой страдает и западно-европейская экономическая литература по вопросам экономики Китая. Об'ясняется это, главным образом, той сложной внутриполитической ситуацией, которая создалась в последние годы в Китае. Но если это—главная причина, то на ряду с этим трудности изучения экономики Китая об'ясняются еще и самой ее экономической системой; она в значительной части организационно еще формируется, почему и приходится сталкиваться с фактом слабости, а местами и отсутствия отчетности, статистических материалов, отсутствия четких форм учета, оценки и т. д. Эти-то моменты и порождают приблизительность всякого рода подсчетов и итогов при оценке того или иного элемента экономики Китая,— в данном случае оценки внешней торговли Китая и места ее в мировом товарообмене.

Прежде чем начать наш очерк о внешней торговле Китая, остановимся несколько на характеристике тех источников, из которых обычно черпаются сведения о размерах китайской торговли — отчетов морских таможен Китая.

Дело в том, что эти отчеты отражают только часть китайской внешней торговли, но это далеко не всем известно, либо игнорируется, и, таким образом, цифры отчетов нередко принимаются за цифры всей внешней торговли Китая. Правда, ошибка, которая при этом делается не велика, так как торговля вдоль сухопутной границы Китая (кроме Маньчжурии) ведется самыми отсталыми с экономической точки зрения областями Китая — Внутренней Монголией, Ганьсу, Синьцзяном, Сычуанем — и с наименее населенными областями соседних стран.

В нашем распоряжении имеются только очень приблизительные данные по торговле этих стран с Китаем, но нужно полагать, что их полезно будет здесь привести за неимением в литературе более точных сведений:

Торговля по сухопутной границе, не входящая в отчеты по внешней торговле морских таможен

Наименование стран	Годы	Импорт	Экспорт	Общий оборот
		В тыс. валюты пограничных стран		
Аннам	1925	—	—	500
Бирма		—	—	

[1] Печатая интересный очерк А. В. Маракуева, редакция обращает внимание на некоторую условность приводимых в статье расчетов.

Наименование стран	Годы	Импорт	Экспорт	Общий оборот
		В тыс. валюты пограничных стран		
Тибет (по границам с Сычуанем и с Цинхаем) там. лан.	1924	800	2.000	2.800
Индия (через Лавакс. и Читральск. проходы) рупий	1915	1.263	457	900
Афганистан (по границе с Кашгарией) рупий	1922	1.013	484	700
СССР (по границе с Синьцзяном) зол. руб.	1925	4.500	12.000	11.000
Монголия[1] (по всей границе с Китаем) сер. долл.	1924	15.115	19.744	23.500
Итого	—	—	—	39.400

Вся внешняя торговля Китая, проходящая мимо морских тамож. отчетов, в общей сложности равняется, примерно, 40 млн. тамож. лан, что от 1790 млн. тамож. лан общего оборота его внешней торговли в 1925 г. составляет лишь около $2^1/_4$%. Таким образом, принимая цифры отчетов китайских морских таможен за цифры всей внешней торговли Китая, мы делаем ошибку меньше $2^1/_2$%, а такая ошибка не выходит из пределов нормальной погрешности статистических наблюдений рассматриваемого нами порядка.

Отчеты китайских морских таможен дают следующую картину постепенного роста китайской внешней торговли за последние 50 лет:

Обороты внешней торговли Китая (в тыс. там. лан и в тыс. амер. долл.)[2]

Годы	Импорт нетто[3]	Экспорт	Общий оборот
		Тыс. амер. долл.	
1870	69 291	61.682	130.972
1880	79.293	77.884	157.177
1890	127.093	87.144	214.238
1900	211.070	158.997	370 067
1905	447 101	227 887	674.989
1910	462.965	380.833	843.798
1913	570.163	403.305	973.468
1915	454.476	418.861	873.337
1920	762.250	541.642	1.303.882
1925	947.865	776.353	1.724.218

[1] Внешняя торговля Монголии (см. „Хозяйство Монголии", экономический журнал, издаваемый Монголо-советским деловым клубом в Урге, № 6, стр. 34, Урга, 1926 г.) за последние годы выражалась такими цифрами:

Годы	Импорт		Экспорт		Общий оборот	
	Сер. долл.	%	Сер. долл.	%	С р. долл.	%
1923	14.193.177	42,1	19.523.743	57,9	33.716.920	100,0
1924	21.946.161	51,9	20.320.872	48,1	42.267.033	100,0
1925	24.717.320	50,9	23.866.050	49,1	48.583.370	100,0

По моим подсчетам на долю Китая приходится 80% импорта и 65% экспорта Монголии, откуда и вычислены данные мною цифры. А. М.

[2] Перевод тамож. лан на амер. долл. сделан по среднему годовому курсу лана на амер. долл. Управления морских таможен Китая.

[3] Под „импортом нетто" подразумевается импорт за вычетом из него стоимости иностранных товаров, реэкспортированных в течение года за границу.

При беглом просмотре этой таблицы, тенденция к росту очевидна. Следует отметить, что до начала мировой войны, т.-е. до 1914 г., китайская внешняя торговля росла гораздо скорее, чем сейчас, а также скорее, чем торговля любой из прежних мировых стран, так как обороты ее удваивались каждые 11 лет. Весьма поучителен рост внешней торговли, в последние годы гражданской войны мало отразившейся на экономике страны.

Несмотря на непрерывный рост размеры китайской внешней торговли чрезвычайно малы в отношении к численности населения Китая (450.000.000 человек, по данным Управления морских таможен Китая на 1925 г.).

„Специальная" внешняя торговля Китая на душу населения составила в 1901 г. 1,09 тамож. лан (0,69 зол. долл.), 2,12 тамож. лан (1,32 зол. долл.)—в 1911 г., 3,77 тамож. лан (2,87 зол. долл.) — в 1921 г. и 3,83 тамож. лан (3,22 зол. долл.) — в 1925 г. Однако, хотя внешняя торговля за 25 лет учетверилась, она далеко отстает не только от передовых торговых стран мира, но и от своих дальневосточных соседей. Внешняя торговля Индии на душу населения составляла в 1925 г. 7,30 зол. долл., т.-е. была вдвое больше; что касается внешней торговли Японии, то она в 1925 г. была равна 32,62 зол. долл., т.-е. в 10 раз больше нежели душевая доля внешней торговли Китая.

Каковы же причины столь ничтожных размеров китайской торговли?

В недавно вышедшей прекрасной книге К. Ф. Ремера[1] перечислены причины, задерживающие рост китайской внешней торговли и не дающие ей достичь нормального размера.

В первую очередь Ремер ставит неразвитость путей сообщения. В Китае имеется небольшая сеть железных дорог[2] и кое-где, в частности вокруг Кантона и около Шанхая, есть сеть судоходных каналов; есть еще несколько больших судоходных рек (Янцзы, Западная и т. д.). В стороне от перечисленных путей единственным средством сообщения являются арбы, вьючные животные и носильщики. Понятно, что стоимость перевозки товаров при таких условиях должна быть необычайно высока[3] Другой помехой является существующая система денежного обращения, отличающаяся своей беспорядочностью Затем, серьезным препятствием развития внешней торговли служат принятые в Китае меры и вес, которые находятся в состоянии весьма запутанном.[4] Отсутствие определенности и единообразия в налоговом обложении составляет также

[1] C. F. Remer, „Foreign Trade of China".

[2] В 1923 г. сеть находившихся в эксплоатации железных дорог в Китае составляла всего 6.764 км против 18.781 миль ширококолейной ж.-д. сети и 19.488 миль узкоколейных дорог Индии.

[3] „По дороге из долины реки Вэй (в Шэньси) к равнине Чень-ду (в Сычуане) можно видеть кули, несущих на спине пятипудовые тюки хлопка. Они проходят со своей ношей, делая 15 миль в день, расстояние в 750 миль и получают по 0,17 мекс. долл. в день, что эквивалентно 0,14 сер. долл. за тонно-милю".

„Перевозка пшеницы из Сеаттля в Ханькоу, на расстояние в 7.000 миль, не стоит и половины того, во что обошлась бы перевозка пшеницы из долины реки Вэй (в Шэньси) в Ханькоу, на расстояние около 600 миль". Из статьи Д. М. Арнольда об экономике Китая, Ж. П. С., 1926.

[4] См. об этом статью А. В. Маракуева, „Очерк метрологии Китая". „Вестник Маньчжурии", № 1, Харбин, 1927 г.

немалое препятствие к экономическому развитию страны. Наконец, одной из важных причин является замкнутость китайского народного хозяйства, с его высокоразвитым крестьянским хозяйством и туземной кустарной промышленностью, позволяющими китайскому населению внутренних провинций свободно обходиться без импортных товаров. Если к перечисленным неблагоприятным факторам добавить гражданскую войну последних лет, то следует скорее удивляться достигнутым Китаем результатам по линии развития внешней торговли.

Несомненно, что возрастание внешней торговли Китая обеспечено, и достижение ею размеров в 10 зол. долл. на душу населения является делом весьма близкого будущего.

В данном случае у нас имеется пример Маньчжурии, торговля которой выросла до громадных размеров за какие-нибудь два десятка лет более или менее спокойной работы населения, при наличии развитой более или менее сети железных дорог, созданной в ней конкурирующими державами. Маньчжурия дает нам представление о возможностях всего остального земледельческого Китая. Не надо забывать также, что естественные богатства последнего еще почти не тронуты и что развертывание индустриализации страны, несомненно, послужит новым стимулом к росту ее внешней торговли.

До сих пор мы говорили о ценностном росте китайской торговли. Но увеличение ценности оборотов внешней торговли каждой страны обусловливается двумя причинами: увеличением количества импортируемых и экспортируемых товаров и ростом цен на них. Чтобы определить изменение первого фактора—количества — нам надо выключить из годовых оборотов увеличение ценности товаров вследствие их вздорожания, приводя цены путем применения соответствующих индексов цен к довоенному уровню их.

Для последних годов индексы импорта и экспорта Китая определены в „Меморандуме" Лиги Наций (том I, стр. 144—146).

Годы	Индекс цен	
	Импорт	Экспорт
1913	100	100
1919	150	115
1920	170	118
1921	165	126
1922	147	134
1923	151	140

Для того, чтобы иллюстрировать (с ранее сделанной оговоркой о точности этого метода) изменение торговли Китая в количестве, мы должны разделить годовые обороты его торговли на соответствующие индексы цен и выразить результат в процентах к довоенной торговле, что даст нам полную картину изменения квантума китайской торговли.

Количественное изменение внешней торговли Китая в %% от оборота 1913 г.

Годы	Импорт	Экспорт
1913	100	100
1919	78	138
1920	81	117
1921	96	119
1922	113	122
1923	108	133

Эти цифры подтверждают наше предыдущее заключение о росте китайской торговли и одновременно показывают, что рост экспорта совершается более быстрым темпом, нежели рост импорта.

За последние 50 лет экспорт товаров из Китая оказывался, по таможенным отчетам, неизменно меньше импорта иностранных товаров. В процентах от импорта в послевоенный период он выражался такими цифрами:

Экспорт Китая в %% к его импорту

1913	68,0
1919	85,0
1920	85,5
1921	68,7
1922	67,6
1923	77.4
1924	75,4
1925	77,2

т.-е. мы видим, что Китай имеет пассивный торговый баланс. При наличии этого товарного дефицита, в Китай ввозится ежегодно значительное количество серебра, не учтенного приведенными выше цифрами. Следующая таблица дает нам представление о ввозе и вывозе серебра за 1923—1925 гг.

Ввоз и вывоз серебра в Китай в 1923—1925 гг.

	1923	1924	1925
Ввоз серебра	93.940 804	49.529.608	73.926.595
Вывоз серебра	26.744.577	23.526.560	11.402.969
Чистый ввоз . . .	67.196 227	26.003.048	62.523.596

Это парадоксальное явление уже обратило внимание многих экономистов.[1] Однако, никто из них до сих пор не подвергал критике точность устанавливаемого таможенными годовыми отчетами пассивного сальдо торгового баланса Китая.

Между тем, не без основания можно полагать, что пассивное сальдо торгового баланса этой страны не так велико, как это вытекает из цифр таможенных отчетов, ибо экспорт расценен в них слишком дешево против нормальной расценки экспортных товаров ценой фоб — граница, а импорт, наоборот, расценен дороже, нежели должно вытекать из таможенной формулы: рыночная цена, минус пошлина, минус 7% накладных расходов.

Если принять во внимание эти два момента, тогда таможенную оценку экспортных товаров следует повысить на 10%, а оценку импортных товаров следовало бы уменьшить на 5%. Корректированные таким образом цифры импорта и экспорта для 1925 года будут 900 и 854 млн. тамож. лан, что сводит дефицит торгового баланса на этот год всего лишь к 46 млн. тамож. лан вместо 178 млн. тамож. лан, показанных в таможенном отчете за 1925 год.

Но кроме дефицита по товарной торговле и указанного нами постоянного ввоза серебра, у Китая есть целый ряд других платежей по

[1] К Ремер посвящает расчетному балансу Китая целую главу своей книги („Foreign Trade of China", глава VI).

международным расчетам, составляющим „скрытый" импорт Китая, при чем некоторые их них достигают крупных размеров. Из них следует отметить:

1) Платежи капитала, %% по иностранным государственным займам и уплата боксерской контрибуции, обеспечиваемых доходами Морских таможен Китая, контролируемыми на сей предмет английскими чиновниками. В 1925 г. по этим статьям было выплачено из таможенных доходов 54,8 млн. тамож. лан.

2) Фрахты и страховые премии, составляющие, примерно, 10,0 млн. тамож. лан в год.

3) Чистые прибыли иностранных торговых и промышленных предприятий и частных лиц, переводимые ими за границу. Сумма этих прибылей может быть учтена сравнительно точно, но так как такие вычисления еще никем не проделаны, то условно можно принять оценку этих прибылей для 1925 года в 10,0 млн. тамож. лан.

4) Переводы денег на содержание китайских посольств, консульств и иных учреждений за границей. Платежи по этим статьям слагаются из средств, переводимых китайским посольствам и консульствам, платежей в Лигу Наций, содержание представителей в Международной почтовой организации и т. д. Расходы эти составляют около 2,5 млн. тамож. лан в год.

5) Переводы денег на содержание китайских студентов в заграничных университетах. Сумма эта сравнительно невелика, и мы упомянем о ней только для полноты картины. Для 1925 г. можно ее принять в 1,7 млн. тамож. лан.

Что касается ресурсов из которых Китай покрывает свои международные платежи, то основными источниками доходов являются:

1) Переводы китайских эмигрантов. Эта статья играет громадную роль в расчетном балансе Китая. Китайцы резко отличаются почти от всех других наций тем, что они, покинув свою родину, совершенно не ассимилируются с новой окружающей средой и из поколения в поколение продолжают чувствовать себя связанными прочными узами с родным городом или деревней.

„Китаец, живущий в Америке, — пишет К. Ремер в цитированной выше книге,—в ответ на наш вопрос скажет, что он родом из Кантона, хотя бы он сам и его отец родились в Калифорнии. Китаец, живущий на Филиппинах, будет считать себя уроженцем Амоя, хотя бы он и в глаза не видел Китая. Все китайцы, живущие за границей, сохраняют живой интерес к той части Китая, в которой они продолжают видеть домашний очаг. Дети богатых китайцев с Явы, из Сингапура, с Кубы часто едут в Китай заканчивать свое образование. Китайские эмигранты жертвуют значительные денежные суммы на нужды народного образования в Китае. Даже китайское законодательство считается с этим тяготением заграничных китайцев к родине и предоставило им право посылки шести представителей в сенат, выбирая их через заграничные торговые палаты".

Число китайцев, живущих за границей, сейчас превышает 9.000.000 человек. Китайцы-эмигранты, живущие на Дальнем Востоке, на Малакке, на Зондских островах, в Сеаттле, на Филиппинах, в Сибири,

в Канаде, в С.-А. С. Ш., играют крупную роль в торговле, промышленности и финансовых сферах тех стран, в которых они поселились. Они располагают значительными средствами и понятно, что переводы, личные и общественные, делаемые ими внутрь страны, а также китайские займы, ими покрываемые, должны достигать крупных размеров. К. Ремер в своей книге считает, что сумма, поступающая от китайских эмигрантов, равняется, в среднем, 10 ланам на голову в год, что составляет 90.000.000 тамож. лан в год. Другой финансовый эксперт в китайских делах — Э. Кан полагает, что эту цифру надо увеличить до 200.000.000 тамож. лан в год.

Если взять среднее двух приведенных цифр, то ежегодные поступления от китайских эмигрантов должны быть определены в 130,0 млн. тамож. лан.

2) Вывоз золота из Китая. Китай вывозит значительное количество золота ежегодно. В 1925 г. вывоз золота из Китая составил 1 млн. тамож. лан.

3) Банковская эмиссия. Хотя эта статья и не поддается цифровому учету, но несомненно, что часть серебра ввозится в Китай не против валюты или товаров, а против обеспечения банкнотами эмиссионных банков. Условно мы оцениваем ее для 1925 г. в 10,0 млн. тамож. лан.

4) Поступления по иностранным займам. Этот источник раньше давал крупные суммы: для периода 1899—1921 гг., например, Ремер определяет их в 550.000.000 тамож. лан. Поступления по иностранным займам за последние годы сокращаются, так как одни японцы продолжают размещать у себя займы различных местных правительств Китая. Для 1925 г. мы их оцениваем в 5,0 млн. тамож. лан.

5) Расходы иностранных посольств, консульств, гарнизонов и военных судов в Китае. Последние пока еще точно не подсчитаны, но, судя по имеющимся данным, они могут быть определены для 1925 г. в 20,0 тамож. лан.

6) Расходы иностранных туристов и духовных миссий в Китае. Расходы эти выражаются крупной цифрой, если принять во внимание содержание на счет последних в Китае многочисленных госпиталей, школ и университетов. Для 1925 г. мы их оцениваем в 10,0 млн. тамож. лан.

7) Расходы иностранных торговых судов в Китае. Для 1925 г. эти расходы могут быть приняты в 4,0 млн. тамож. лан.

8) Иностранные капиталы, вкладываемые в торговые и промышленные предприятия в Китае. Эти капиталы когда-то составляли крупные суммы. По вычислениям К. Ремера за время с 1899 по 1921 гг. в Китай было вложено иностранцами 600 млн. тамож. лан, из которых 300 млн. тамож. лан — на постройку иностранных железных дорог (Китайско-Восточной жел. дор., Южно-Маньчжурской и Юннаньской жел. дороги) и 300 млн. тамож. лан на другие промышленные и торговые предприятия. Однако, следует полагать, что цифры Ремера для указанного им периода надо увеличить процентов на 50. „Китайско-японская ассоциация деловых людей“ опубликовала недавно данные о японских капиталах, вложенных в Китае, которые будет интересно здесь привести.

В городах Шанхай, Тяньцзин, Ханькоу и Циндао вложено (в иенах):

Ткацкая промышл.	230.000.000
Пароходное дело	57.000.000
Промышл.	110 000.000
Промышл.	100.000.000
Продукт. промышл.	25.000.000
В др. отраслях	
Всего	520.000.000

В Маньчжурии:

Транспорт	330.000.000
Коммерция	115 00 .000
Промышленность	74 000 000
Сельское хозяйство	19 000.000
Горное дело	8.000.000
Рыболовство	15.000.000
Банк. ссуды	626.000.000
Продукт. промышл.	150.000.0 0
Всего	1.337.000.000

А общая сумма вложенного капитала определяется в 1.857 млн. иен. Что же касается последних лет (1922—1926), то длительное состояние гражданской войны в Китае уменьшило возможности этих поступлений, и для 1925 г. их нельзя оценивать более чем в 10,0 млн. тамож. лан.

Сколько-нибудь точного определения перечисленных выше отдельных статей прихода и расхода еще никем не сделано, и все авторы, составляющие расчетные балансы Китая, грешат необоснованностью приводимых цифр. Единственное утверждение, которое можно сделать с уверенностью, заключается в том, что „скрытый“ экспорт Китая, несомненно, превышает его „скрытый“ импорт.

Для 1925 года можно было бы составить такую грубую схему расчетного баланса Китая.

Примерный расчет баланса Китая в 1925 г. (в млн. тамож. лан)

Статьи актива и пассива	Пассив (−)	Актив (+)
Пассивное сальдо торгового баланса (корректир.)	46,5	—
Ввоз серебра (нетто)	62,5	—
Ввоз золота (нетто)	—	1,0
Часть эмиссии, покрывающая ввоз серебра	—	10,0
Займы 1925 года (японские)	—	5,0
Платежи по иностранным займам и уплата боксерской контрибуции	54,8	—
Иностр. капиталы, вкладыв. в торг. и пром. предприятия Китая	—	10,0
Чистые прибыли иностранных предприятий и частных лиц в Китае	10,0	—
Фрахты и страховые премии	10,0	—
Поступления от китайских эмигрантов	—	130,0
Содержание кит. посольств и консульств за границей	2,5	—
Содержание кит. студентов за границей	1,7	—
Расходы иностр. пос., консульств, гарнизонов и эскадр в Китае	—	20,0
Расходы иностр. туристов и духовных миссий в Китае	—	10,0
Расходы иностр. торговых судов в Китае	—	4,0
Баланс	190,0	190,0

Как видно из этой схемы, главную роль в покрытии международный платежей Китая играют переводы его эмигрантов. Этому источнику доходов еще долго суждено занимать первое место в активе внешней торговли Китая.

Посмотрим теперь ближе, из каких статей слагается внешняя торговля Китая. Начнем с импорта.

С точки зрения статистики мировой торговли интересным является определение списка предметов китайской внешней торговли, имеющих значение в мировом масштабе. Роберт Харт, основатель китайских таможен в 1876 году, считал такими товарами по импорту: бумажную мануфактуру, шерстяную мануфактуру, металлы и опий, предлагая все остальные импортные товары соединять в рубрику „прочие". За 50 лет многое изменилось: в конце XIX и в начале XX столетий Китай начал принимать более разностороннее участие в мировом хозяйстве, чем это было во времена Р. Харта. Вместе с ростом его импорта, в абсолютных размерах, в нем начинают появляться сначала пищепродукты, затем керосин и табак,— свидетели роста благосостояния широких масс китайского населения,— и, наконец, машины и хлопок, отмечающие начало индустриализации Китая.

До 1870 г. опий играл роль главного импортного предмета; еще в 1870 г. он составлял 42% импорта. Второе место занимали бумажные ткани и пряжа, составлявшие в 1870 г. вместе 31% импорта.

В 1871 г. опий и бумажная мануфактура составили уже 76%, в 1877 г.—87% всего импорта; с 1881 г. начинается сокращение. и в 1884 г. ввоз опия и бумажной мануфактуры составляет только 66% всего импорта Китая. В 1885—1898 гг. торговля ими упала до 50% и, затем, ввоз опия начинает падать, в связи с развитием макосеяния в самом Китае, пока не наступает полное запрещение ввоза иностранного опия импортным тарифом 1918 г.

Изменение китайского экспорта со времени мировой войны видно из следующей таблички, в которой товары разбиты по международной номенклатуре на пять групп.

Изменение китайского импорта за время с 1913 года по группам

	1913	1924
Группа I. Животные	0,1	0,0
„ II. Пищепродукты	16,8	23,3
„ III. Сырье и полуфабрикаты	11,5	23 3
„ IV. Фабрикаты	62,5	48,7
„ V. Золото и серебро	9,1	4,7

Для теперешнего периода наиболее характерными предметами китайского импорта являются следующие товары, в порядке их значения в импорте последних лет (в процентном отношении ко всему импорту):

Основные импортные товары в 1925 г.

Наименование предметов	Импорт нетто
Бумажные ткани	16,04
Хлопок и бумажная пряжа	11,52
Сахар	9,48
Керосин	6,98
Рис	6,44
Железо и сталь	2,55
Табак	2,10
Искусств. индиго	1,58
Лесоматериалы	1,29
Текст. машины	0,84

Выбранные нами товары обнимают больше половины (58,82% в 1925 г.) китайского импорта и настолько хорошо охватывают собой все потребности китайского народного хозяйства в привозных продуктах, что мы вкратце остановимся на каждом из них.

Рис. Несмотря на то, что Китай сам является крупным производителем риса (в 1914 г.—60% мирового производства), периодические разливы рек и неурожаи с давних пор заставляли страну ввозить этот продукт (главным образом, в южные провинции) и в особенно больших количествах в годы сильных неурожаев. Так, в 1923 г. было ввезено 22.439 тыс. пикулей риса, в 1924 г.—13.199, в 1925 г.—12.635 тыс. пикулей. Следует, однако, отметить, что в последнее время ввоз риса испытывает сокращение, главным образом, за счет распространения среди китайцев употребления пшеничной муки, являющейся сейчас в свою очередь предметом крупного импорта.

Сахар. Ввоз сахара в Китай начал развиваться с 90-х годов прошлого столетия и в настоящее время показывает из года в год неизменное увеличение. Сначала ввоз сахара был чуть ли не монополией Гонконга; затем руководящая роль в этой торговле начала переходить к Японии; бойкот английских и японских товаров в 1925 г. открыл в наше время широкую дорогу в Китай яванскому сахару.

За последние годы в Китай было ввезено (в тыс. пикулей): в 1923 г.—6.329, в 1924 г.—9.523 и в 1925 г.—12.057.

Табак. Ввоз табака производится почти исключительно для нужд растущей китайской сигаретной промышленности и чутко отражает на себе все колебания ее продукции. В 1925 г. в Китай было ввезено 557 тыс. пикулей разных табаков против 309 тыс. пикулей в 1923 г. При этом следует отметить, что большая часть ввозимых в Китай табаков (470 тыс. пикулей в 1925 г.) идет из С.-А. С. Ш.

Лесоматериалы. Хищническое истребление лесов в Китае привело в наше время к тому, что большие леса остались в стране лишь в районах, удаленных от железных и водных дорог (Внутренняя Монголия, Ганьсу, Синьцзянь, отдаленные от железнодорожных путей районы Маньчжурии), откуда вывоз леса коммерчески невыгоден.

Ввоз лесных материалов поэтому может только расти; за последние годы он выражался такими цифрами (в тыс. куб. футов и тамож. лан):

	1923		1924		1925	
	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
Лес твердой породы	4.427	2 921	5 291	3.127	4.312	2.669
Лес мягкой породы	10.098	5.169	22 708	11.041	17.408	6.890
Шпал тыс. шт.	916	1.521	1.609	2.583	1.226	1.524
Текавое дерево	673	1.200	636	1.097	475	729
Лес разный	—	631	—	1.118	—	959
Итого		11.442		18.966		12.192

Основной лесной породой, ввозимой в Китай, является орегонская сосна, которой в один только Шанхай в 1915 г. было ввезено 7450 тыс. куб. фут.; второе место занимает ввоз сибирского кедра. Леса мягких пород было ввезено в Китай в 1925 г. 17.408 тыс. куб. фут., из коих 9226 тыс.— из С.-А. С. Ш. и 4.062 тыс. куб. фут.— из Японии. Леса

твердых пород было ввезено 4.311 тыс. куб. футов, в том числе: из Японии —1.738 тыс. куб.фут., из СССР—629 тыс. куб. фут., из Сингапура—552 тыс. куб. фут и из Нидерландской Индии—504 тыс. куб. футов.

Керосин. Ввоз керосина в Китай до 1878 г. не играл заметной роли в его импортной торговле. С 1878 г. по 1884 г. в Китай, в среднем, ввозилось в год 5 млн. амер. галл. керосина в год. С 1885 г. торговля керосином начинает расти, быстро вытесняя бобовое и чайное масло, до того служившие для целей освещения. В 1886—1889 гг. средний ввоз керосина уже составлял 18 млн. амер. галл. в год, ценностью в 2 млн. тамож. лан. В процентном отношении керосин составлял 2% импорта в 1886—1889, 3%—в 1890 и 6% в 1897—1898 гг. До 1889 г. ввозился исключительно американский керосин, с 1889 г. начал поступать на китайский рынок русский, с 1895—суматрский, с начала XX столетия — борнеоский и с недавнего времени — персидский. К концу XIX века керосин стал предметом первой необходимости по всему Китаю. Широкое распространение керосина было вызвано удобством перевозки и употребления, дешевизной по сравнению с ранее употреблявшимися маслами выходом за границу чайного и бобового масла и, наконец, мировым снижением цен на керосин.

Ввоз керосина за последние годы выражался такими цифрами (в тыс. амер. галл. и тамож. лан):

1923		1924		1925	
Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
214.836	58.292	223.207	57.811	258.971	66.117

По странам происхождения керосин, ввозимый в Китай за последние годы, распределяется следующим образом (в тыс. амер. галл.):

	1924	1925
Американский	117.343	220.344
Борнеоский	7.014	4.857
Персидский	6.060	13.604
Суматрский	1.269	15.873
Прочий	1.521	3.893

Ввоз иностранного керосина в Китай может только расти, так как собственные месторождения нефти в Китае не только сильно удалены от железных дорог (шэньсийские, синьцзянские, ганьсуйские нефтяные поля), но и бедны нефтью. Показательно для последнего, что „Стандарт Ойл Компания", истратив в 1914 г. 2 млн. амер. долл. на буровые работы в Шэньси, бросила их совершенно, не найдя коммерчески выгодных для разработки запасов нефти в этом районе.

Хлопок и бумажная пряжа. Импорт хлопка производился в Китае с начала XIX столетия. Однако, размеры его до развития в стране собственной хлопчатобумажной промышленности были незначительны. С 1878 г. начинается, в дополнение к хлопку, ввоз бумажной пряжи; в этом году в Китай было ввезено около 100 тыс. пикулей пряжи, а в 1898 году — уже 2 млн. пикулей, ценностью в 39 млн. тамож. лан, при чем роль главного поставщика пряжи для Китая постепенно перешла от Индии к Японии.

С развитием прядильных фабрик в Шанхае, ввоз пряжи начал сокращаться, но за последние годы ввоз пряжи и хлопка испытал новое увеличение, под влиянием высоких цен на китайский хлопок, трудностей его доставки из внутренних районов Китая и перерывов в работе прядильных китайских фабрик, как это видно из следующих цифр (в тыс. пикулей и тамож. лан):

Наименование	1923		1924		1925	
	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
Хлопок	1.606	33.771	1.219	48.847	1.808	69.965
Пряжа суровая	752	39.618	554	31.830	618	36.515
Пряжа отбельная, крашен. и мерсеризованн.	232	2.012	22	1.316	29	2.684
Итого	2.381	95.404	1.795	82.963	2.455	109.164

Распределение ввезенного хлопка по происхождению было в 1925 г. таково: американского—235, индийского—1464, японского—82 и прочего—26 тыс. пикулей.

Искусственное индиго. Ввоз его имеет громадное значение для страны, в которой почти все население одето в синюю ткань; в больших размерах ввоз этого продукта начался сравнительно недавно, лет 20 тому назад, вместе с ростом фабричной ткацкой промышленности Торговля искусственным индиго находилась до войны в руках немцев и теперь постепенно вновь переходит к ним. В 1923 г. искусственного индиго было ввезено в Китай 256 тыс. пикулей на 11.820 тыс. тамож. лан; в 1924 г. соответственно—421 и 21.585, а в 1925 г.—414 и 14.950 Из ввезенного в 1925 г. количества половина приходится на германское индиго, остальное было ввезено из Англии, С.-А.С.Ш., Франции и Швейцарии.

Бумажная мануфактура. Было время, когда Китай сам экспортировал кустарные бумажные ткани. Затем начался быстро возросший ввоз бумажных английских тканей, достигший к 1870 г. 31% всего импорта, а с 1885 г., в связи с сокращением опийной торговли, бумажные ткани заняли первое место (до этого первое место занимал опий) в экспорте и удерживают его до сих пор.

В XX столетии импортные бумажные ткани постепенно начинают занимать сравнительно все более и более скромное место в отчетах Китая: с 39% всего китайского импорта в 1899 г. они сошли на 16% в 1925 г. (в этом году в Китай было ввезено на 152.016 тыс. тамож. лан). Несомненно, что импорт бумажных тканей был бы еще меньше, если бы не события последних лет, тормозившие нормальное развитие ткацкой промышленности внутри страны.

За последние 20 лет изменилось не только количество мануфактуры, ввозимой в Китай, но и ее происхождение. В наши дни Манчестер и Ланкашир не являются более монополистами в деле одевания китайцев в бумажные ткани; значительное количество мануфактуры поступает в Китай из С.-А. С. Ш. и из Японии, особенно из последней. Хорошей иллюстрацией происходящей перемены является суровая бязь, один из наиболее ходовых в Китае предметов, ввоз которой в Китай за последние годы представлял такую картину (в тыс. кусков и тамож. лан):

Происхождение	1923		1924		1925	
	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
Из Англии	1.020	6.123	756	4.954	382	2.457
Из Японии	2.816	17.463	2.856	18.287	2.931	17.245
Из С. А. С. Ш. . . .	1	5	4	32	137	825
Общий ввоз в Китай .	4.251	25.991	4.003	25.566	3.805	22.773

Как видно из приведенных цифр, Англия быстро уступает свое прежнее положение в торговле бумажными тканями в пользу Японии и С.-А.С.Ш. Целый ряд причин обусловливает это явление: бойкот английских товаров в Китае, неуменье англичан приспособиться к тем новым формам торговли, которые выдвигаются сейчас жизнью, невозможность для английских текстильщиков конкурировать с дешевым трудом японских рабочих, разница в фрахте от портов Англии и от портов Америки и Японии и т. д.

Несомненно, что этой отрасли импортной торговли суждено значительно уменьшится и, возможно, полностью исчезнуть в течение сравнительно короткого периода.

Железо и сталь. Импорт металлов в Китай имел место в самые ранние периоды его экономической истории; свинец и олово были основными товарами этой группы в 1870 г. Ввоз железа и стали начался в 1885 г., сначала в виде железного лома, поступавшего в китайские кузницы. Постепенно развивалась потребность в сортовом железе и стали, и в 1913 году торговля ими составила 10,6 млн. тамож. лан. С 1913 г. начинается развитие металлургической промышленности внутри Китая; однако, ввоз сортового железа и стали не уменьшается, а увеличивается. За последние годы он характеризовался такими цифрами (в тыс. пикулей и тамож. лан):

	1923		1924		1925	
	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
Железо и сталь . .	67	227	105	275	244	441
Железо и сталь сортов.	3.142	11.893	4.861	16.437	2.885	14.659
Железн. и стальн. изделия	—	22.380	—	32.754	—	17.799
		34.500	—	49.466	—	32.899

Уменьшение цифр последнего года, очевидно, вызвано гражданской войной последних лет, несколько сократившей рост промышленности в стране.

Текстильные машины. Ввоз машин и оборудования для текстильных фабрик начался одновременно с ростом ткацкой промышленности в Китае, и ее движение является прекрасным показателем экономического состояния Китая и хода его индустриализации.

Ввоз этих машин характеризовался такими цифрами (в тыс. тамож. лан):

Годы		Годы	
1912	545	1921	26.723
1913	837	1922	30.480
1914	2.089	1923	12.534
1916	2.020	1924	5.789
1918	1.809	1925	3.621
1920	6.904		

Таким образом, мы видим, что импорт этих машин, достигший в 1922 г. кульминационной точки, быстро затем падает под влиянием неблагоприятной обстановки, начавшей развиваться в стране.

Первое место в ввозе текстильных машин занимает Англия; второе — Япония.

Из приведенного краткого обзора видно, что выбранные нами товары обнаруживают несомненную тенденцию прочно занимать свои места в китайском импорте для настоящего периода.

Теперь перейдем к характеристике экспорта Китая.

Пятьдесят лет тому назад Роберт Харт предлагал ограничить рубрики таможенных отчетов по экспорту Китая статьями: 1) чай, 2) шелк, 3) хлопок, 4) сахар, 5) прочие товары. Для своего времени он был прав, ибо в 1871 году шелк и чай составляли 92% экспорта Китая. Однако, с тех пор экспортная торговля Китая претерпела такие же изменения, что и импорт.

На смену предметам роскоши—шелку и чаю—пришли продукты китайского земледелия: шерсть, хлопок, бобы, земляные орехи. Развивающаяся промышленность поместила среди предметов китайского экспорта бумажные ткани, сигареты и спички, успешно конкурирующие на мировом рынке с фабрикатами тех стран, которые еще недавно сами ввозили эти предметы в Китай.

Изменения китайского импорта со времени мировой войны видны из следующей таблички, в которой товары разбиты на пять групп в соответствии с международной номенклатурой:

		1913	1924
Группа	I. Животные	1,6	0,7
„	II. Пищепродукты	25,5	31,1
„	III. Сырье и полуфабрикаты	52,3	46,4
„	IV. Фабрикаты	14,9	17,5
„	V. Золото и серебро	5,7	4,3

Наиболее показательными для теперешнего периода торговли Китая и имеющими значение в мировом масштабе можно считать следующие товары, расположенные нами в порядке их важности в экспорте 1925 г.

Наименование	% доля в экспорте
Шелк—сырец	19,71
Бобы и продукты их переработки	18,27
Яйца и яичн. продукты	4,25
Хлопок	3,84
Землян. орехи—продукты их переработки .	3,25
Чай	2,85
Деревянное масло	2,25
Сигареты	1,55
Бумажн. мануфактура	2,52
Шерсть	1,81

Выбранные нами товары обнимают около 60% (59,30% в 1925 г.) экспорта Китая и хорошо представляют все стороны его земледелия и промышленности. А поэтому мы вкратце остановимся на каждом из них.

Яйца и яичные продукты. В Китае нет промышленного птицеводства, но выход яиц из китайских деревень огромен. В цифрах вывоз яиц за последние годы таков (в тысячах тамож. лан):

	1923		1924		1925	
	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
Яйца свеж. и конс. (тыс. шт.) . . .	1.101	11.491	944	9.893	785	7.681
Яйца морожен. (тыс. пикул.)	375	5.764	251	4.972	431	7.336
Белок и желток (тыс. пикул.)	378	12.367	458	16.658	571	17.996
	—	29.622	—	31.523	—	33.013

Вывоз яиц и яичных продуктов направлен в Великобританию, С.-А С. Ш. и Японию. Наибольшего размера экспорт яичных продуктов достигал в эпоху мировой войны, когда они вывозились для снабжения армий на французском фронте. Ряд запретительных мер со стороны некоторых крупных импортеров (высокая ввозная пошлина 1922 г. в С.-А. С. Ш. и т. д.) сократил торговлю ими в послевоенное время.

Бобы и продукты их переработки. Торговля ими стала принимать значительные размеры с 1892 г. Первоначально вывоз их ограничивался одной только Японией, в которую шли жмыхи. С 1908 г. начался вывоз бобов в Лондон, скоро достигший большого размера. 90% экспортируемых Китаем бобов и продуктов их переработки идет из Манчьжурии, в экономике которой они играют первостепенную роль,

За последние годы экспорт бобов и продуктов их переработки выражался в следующих цифрах (в тыс. пикулей и тамож. лан):

	1923		1924		1925	
	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
Бобы	18.383	52.783	24 741	76.549	20.848	71.946
Масло бобовое . .	2.127	17.689	2.121	20.484	1.989	20.387
Жмыхи бобов . .	24.786	56.866	22 578	50.897	20.662	49 470
Итого . . .	45.296	127.338	49.440	147.920	43.499	141.803

Что касается стран потребления, то бобы идут в Данию, Англию, Голландию и Японию; жмыхи же, главным образом, в Японию, а бобовое масло — в Германию.

Земляные орехи и продукты их переработки. Это один из самых молодых продуктов китайского земледелия: 35 лет тому назад один американский миссионер привез первые семена земляных орехов в Китай. Сейчас они играют в Северном и Центральном Китае роль, аналогичную роли бобов в Манчьжурии. Центральным районом их возделывания является Шаньдунская провинция, а главным экспортным портом — Циндао.

Вывоз земляных орехов и продуктов их переработки за последние годы характеризовался следующими цифрами (в тыс. пикулей и тамож. лан):

	1923		1924		1925	
	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
Землян. орехи в шелухе	872	3.999	964	4.450	895	4.336
Землян. орехи шелушеные . . .	1.374	8.047	2.664	16.958	2.054	12.937
Масло земляных орехов	467	6.175	672	8.452	588	7.636
Жмыхи земляных орехов	157	396	163	384	146	352
	2.860	18.617	4.463	30.244	3.683	25.261

Главным потребителем земляных орехов являются С.-А. С. Ш. масло ввозится в качестве салатного в целый ряд стран Европы и С.-А. С. Ш. а жмыхи идут исключительно в Японию.

Чай. Первые закупки иностранцами китайского чая, положившие начало торговле Китая с окружающим миром, относятся к очень раннему периоду его экономической истории. Было время, когда Китай был монополистом в этой торговле, давая 90% потреблявшегося в мире чая.

Сухопутная торговля чаем с Россией велась уже в XV веке. Торговля с Европой морем началась в XVII веке. В Великобританию первая большая партия чая попала в 1678 г., когда Ост-Индская компания ввезла в Англию около 5.000 англ. фунт. чаю,— количество, которое, по мнению современников, „должно было забить рынок на многие годы". Однако, громадный рост спроса на чай в Англии скоро опроверг это предсказание. В последней четверти XIX века появилась конкуренция со стороны других стран: Англия начала ввозить чай из Индии, а С.-А. С. Ш. из Японии и хотя на место английского массового потребителя стал русский, начало XX века застает чайную торговлю Китая в упадке и в абсолютных цифрах и в процентном ее отношении ко всему китайскому экспорту.

Экспорт чая в 1925 г. из главных производящих стран выразился в следующих размерах (в англ. фунт.):

Северная Индия	304.544.265
Южная Индия	43.948.848
Цейлон	205.493.536
Ява	94 037.988
Суматра	16.654.053
Ньясса	1.114.633
Китай	111.075.732
Япония	27.759.600
Формоза	20.842.800
	825.471.455

Как видно из приведенной таблицы, с 90% мировой чайной торговли чайная торговля Китая снизилась до 13%, и можно предположить, что она упадет еще больше, так как утрачиваемый Китаем рынок прочно закрепляют за собой его конкуренты.

За последние три года торговля Китая чаем выражалась в следующих цифрах (в тыс. пикулей и тамож. лан):

	1923		1924		1925	
Сорта	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
Байхов. черн. . .	451	13.992	403	12.026	336	9.700
„ зелен. . .	284	8.360	282	7.363	824	9.593
Кирпичн. черн. . .	8	149	15	219	104	2.022
„ зелен. . .	1	10	4	57	38	496
Прочий	57	394	62	452	31	335
	801	22.905	766	21.127	833	22.146

Основными потребителями китайского чая в 1925 г. были (в пикулях):

	Черн. байхов.	Зеленый байхов.
Турция, Персия и Египет	6.167	121.719
СССР	115.538	18.371
С.-А. С. Ш.	59.453	45.665

	Черн. байхов.	Зеленый байхов.
Великобритания	38 093	4.736
Франция	7.289	31.874
Британская Индия	4.094	29.568
Голландия	16.802	120
Германия	6.673	2

Кирпичный чай целиком пошел в СССР, откуда часть его была переотправлена в Монголию.

Древесное масло. Древесное масло (выжимаемое из семян дерева Aleurites Ferdti) является одним из древнейших предметов торговли внутри Китая; о древесном масле стало известно за его же пределами только в 60-х годах XVIII века. В конце XIX века оно стало предметом широкого экспорта в Англию, Америку и Германию, где идет на производство лаков, олиф и грунтовальных масел.

Центром вывоза древесного масла является Ханькоу. За последние годы вывоз его был таков (в тыс. пикулей и тамож. лан):

	1923		1924		1925	
	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
Древесн. масло	837	17.477	896	17.715	894	17.450

Большая часть древесного масла в 1925 году пошла в С.-А. С. Ш. (706 тыс. пикулей), остаток — в Германию, Англию и Францию.

Хлопок. Вывоз хлопка из Китая производился в малых количествах чуть не с начала XIX века, но только с 1888 г. он стал превышать импорт в Китай того же продукта. Экспорт направлялся все время, главным образом, в Японию, в которую в 1910 г. было отправлено 90% и в 1913 г. — 72% китайского экспортного хлопка. Колебания в вывозе хлопка зависели от роста и сокращения бумагопрядильной промышленности Японии. Одним из побочных явлений, связанных с экспортом хлопка, был удар по кустарной бумаготкацкой промышленности Китая, лишившейся дешевого туземного хлопка.

В настоящее время Китай, как производитель хлопка, играет значительную роль в мировой продукции.

Что касается экспорта хлопка, то он не так велик, как мог бы быть. Причина этого заключается в отсутствии правильной селекции семян, что понижает качество китайского хлопка (короткое волокно), затем отдаленность хлопковых полей от ж.-д. линии и отсутствие кредитов на хлопководство.

За последние годы вывоз хлопка из Китая выражался в следующих цифрах (в тыс. пикулей и тамож. лан):

	1923		1924		1925	
	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
Хлопок—сырец	1.241	33.927	1.296	42.784	983	31.809

Из 983 тыс. пикулей 1925 года в Японию было вывезено 611 тыс. пикулей.

Шерсть. Вывоз шерсти из Китая играет заметную роль в мировой торговле шерстью и представляет довольно постоянную величину. Вывозится из Китая не только овечья шерсть, но верблюжья и козий пух. В общем, вывозится довольно большой процент китайской продукции, так как внутри Китая шерсть используется сравнительно слабо (население ходит в бумажных тканях); за последние три года из Китая было вывезено (в тыс. пикулей и тамож. лан):

	1923		1924		1925	
	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму	Колич.	На сумму
Овечья шерсть	352	10.079	485	14.041	426	14.077
Верблюжья шерсть	56	2.260	38	1.990	41	2.578
Козий пух	16	541	33	1.440	38	2.164
Итого	424	12.880	556	17.471	505	18.819

Снабжающими районами овцеводства в Китае является Ганьсу, Цинхай, Внутренняя Монголия и Шэньси. Основным портом вывоза служит Тяньцзин, через который проходит за границу 92% экспортной шерсти. Что касается направления, то овечья шерсть идет преимущественно в С.-А. С. Ш., а верблюжья и козий пух — в Англию.

Шелк. Вывоз его из Китая ни в абсолютных цифрах, ни в процентах за последнее время почти не меняется. Что касается доли Китая в мировом производстве шелка, то страна, когда-то дававшая более половины всего шелка, занимает теперь сравнительно скромное место в мировой торговле, значительно уступая Японии в экспорте шелка — сырца. Последнее подтверждается следующими данными производства шелка в 1924 г. в отдельных странах (в тыс. кг.).

Япония	24 525
Китай	7.715
Италия	5 255
Левант	1.095
Франция	335
Испания	95
Индия	80
	39.100

За последние 3 года из Китая было вывезено шелка—сырца: в 1923 г.—344 тыс. пикулей, в 1924 г.—382 тыс. пикулей, а в 1925 г.—402 тыс. пикулей, при чем вывоз был направлен, главным образом, в С.-А.С.Ш. и во Францию.

Сигареты. Сигареты являются продукцией самой молодой, но быстро развивающейся промышленности Китая: в 1912 г. экспорт сигарет составлял около 1/4 млн. лан, а через 8 лет, в 1920 г., превышал уже 8 млн. лан. Табачные фабрики раскиданы по всему Китаю, но центром промышленности является Шанхай.

Вывоз сигарет за последнее время (1923—1925 гг.) держится на уровне 90—95 млн. шт. и направлен в Стрэйтс Сеттльмен, Голландскую Индию и другие страны Тихоокеанского бассейна.

Бумажные ткани. Сокращение ввоза иностранной мануфактуры в Китай, при несомненном росте спроса на нее, является лучшим доказательством нарождения собственной китайской промышленности. Эта промышленность, едва насчитывающая четверть века существования, успела, тем не менее, занять заметное место в мировой хлопчатобумажной промышленности (из 16.136.300 веретен, работавших в мире в 1925 г., на долю Китая приходилось 3.350.000 веретен).

Начало ткацкой промышленности в Китае было положено несколькими фабриками, построенными англичанами и японцами в Шанхае на

исходе IX столетия. Последовательными стимулами к развитию этой промышленности и к вовлечению в нее китайского капитала послужили—сокращение импорта иностранной мануфактуры во время мировой войны, бойкот японских товаров в 1916 г. и бойкот английских товаров в 1925 г. Годы с 1918 по 1922 являются, поистине, годами расцвета китайской ткацкой промышленности и отмечены в экономической истории Китая усиленным строительством текстильных фабрик, а также ввозом из-за границы машин и оборудования для них.

На 1 января 1926 г. в Китае насчитывалось 122 европейски оборудованных бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик, не считая громадной кустарной и полукустарной туземной ткацкой промышленности.

Благоприятным фактором к дальнейшему развитию китайской хлопчатобумажной промышленности служит то обстоятельство, что сам Китай является крупным производителем хлопка и, следовательно, при достаточном развитии хлопководства может обходиться совершенно без ввоза иностранного хлопка, к которому еще сейчас приходится прибегать из-за трудностей доставки туземного хлопка из внутренних провинций, в обстановке гражданской войны. В течение 1925 г. на китайских фабриках было переработано 6.777 тыс. пикулей хлопка; большая часть этого хлопка была доставлена самим Китаем, в котором урожай хлопка в этом году определился в 7.578 тыс. пикулей; ввоз заграничного хлопка составил 1.807 тыс. пикулей против 1.219 тыс. пикулей, ввезенных в 1924 г., при чем это количество между отдельными странами распределялось следующим образом: американского хлопка ввезено 235 тыс. пикулей, индийского — 1.464 тыс. пикулей и прочего — 109 тыс. пикулей. Кроме хлопка, в Китай было ввезено, как мы уже отметили, 618 тыс. пикулей пряжи.

Вывоз мануфактуры из Китая идет параллельно с ввозом иностранной мануфактуры и развивается по мере сокращения последней.

Общий вывоз бумажной мануфактуры из Китая (в тыс. тамож. лан)

1914	1.975
1916	3.658
1918	4.385
1920	4.950
1923	9.657
1924	12.631
1925	11.536

Незначительное уменьшение вывоза тканей из Китая в 1925 г. легко об'яснимо шанхайскими событиями, разыгравшимися как раз в районе, работавшем на экспорт.

Цифры приведенной таблицы следует увеличить процентов на 20—25 за счет ввоза китайской мануфактуры в Монголию, Тибет и Афганистан, который не учитывается таможенной статистикой, но составляет крупную сумму.

По главнейшим странам назначения вывоз китайской мануфактуры распределяется так (в тыс. тамож. лан):

	1923	1924	1925
Сингапур, Стрэйтс Сеттльмен и т. д.	1.762	1.637	1.681
Британская Индия	1.023	929	851
Турция, Персия, Египет, Аден и т. д.	888	3.278	4.010
Филиппины	1.121	1.373	898

Рост экспорта китайской мануфактуры на Ближний Восток, достигший в 1925 г. крупной цифры в 4.010.469 тамож. лан (свыше 6.000.000 зол. руб.), показывает, что китайская хлопчатобумажная промышленность, со своими собственными ресурсами хлопка и низким прожиточным минимумом ее рабочих, представляет серьезного конкурента для европейской и японской промышленности не только на своем внутреннем рынке, но и рынках, отделенных от Китая „семью морями".

Из приведенного краткого обзора видно прочное положение рассмотренных нами товаров в экспорте Китая для данного периода.

Китайская внешняя торговля в раннем периоде экономической истории мало изучена и ждет своего исследователя. С достоверностью можно только сказать, что своим об'ектом она имела, главным образом, предметы роскоши (шелк, чай, фарфор и безделушки), в отличие от современной торговли Китая, ведущейся предметами первой необходимости. В средние века она велась с Индией морем и с Ближним Востоком — по Великой Императорской дороге (соединявшей Пекин с оазисами Центральной Азии и не утратившей до сих пор своего торгового значения). Из этих двух стран шелк, чай и фарфор попадали в Европу и в Россию.

Почин в деле непосредственной торговли между Европой и Китаем принадлежит португальцам, отправившим в 1517 году первую торговую экспедицию к берегам Китая, а в 1537 г. получившим первую иностранную концессию в Китае—Макао. Сейчас от былого значения португальской торговли ничего не осталось, кроме Макао, влачащего жалкое существование и живущего на доходы от опийной монополии и содержания игорных домов.

За португальцами последовали другие нации: испанцы (центром торговых факторий которых были Филиппины), голландцы пытавшиеся отбить в 1622 г. Макао у португальцев и занявшие в 1624 г. Формозу, французы и, наконец, англичане.

В 1635 г. в первый раз появляется у берегов Китая английское торговое судно, просившее разрешения на торговлю с Китаем у всесильного тогда португальского губернатора Макао. Английская торговля в первое время не имела больших размеров и только с начала XVIII века, когда Ост-Индская компания получила монополию на торговлю с Китаем, она стала развиваться, а к началу XIX столетия значительная часть китайской торговли оказалась в руках у англичан.

В середине XIX столетия торговля Китая велась или непосредственно с Англией или производилась через два главных распределительных пункта—Лондон и Гонконг.

Причин торгового успеха Англии в Китае много, к числу главных относятся: 1) существование на Дальнем Востоке в XVII веке мощного и хорошо организованного аппарата—Ост-Индской компании, появившейся в Китае в 1735 году и прекратившей работу только в 1834 году, с аннулированием ее чартера; 2) первенство англичан в морской торговле XVIII—XIX вв.; 3) необычайный рост потребления чая в Англии, достигший в начале XIX века 2 англ. фунт. на душу населения в год и 4) находившийся в руках англичан вывоз в Китай опия из Индии.

В 1871 г., с открытием Суэцкого канала, в торговле Китая появляются другие нации и с этого года начинается закат Англии.

В конце XIX века влияние на торговом рынке Китая Западной Европы и России становится уже ощутительным; доля первой составляет 6,3% в 1885 году и 9,3% — в 1898 году, доля России — 2,8% в 1885 году и 4,8% — в 1898 году.

В конце XIX века начинается рост и японской торговли с Китаем. В 1885 году она составляла 4,4%, в 1891 — 4,9% и в 1898, через три года после окончания китайско-японской войны, — 11,5% общего оборота внешней торговли Китая.

В конце XIX века выступают на китайском рынке С.-А. С. Ш., доля которых в 1898 году была равна 6,2% общего оборота внешней торговли Китая.

Начало XX века отмечает быстрый рост торгового влияния в Китае, Японии, Германии и России. В 1913 году доля Японии равна уже 19,7%, России — 6,7% и Германии — 4% общего оборота внешней торговли Китая.

Место отдельных стран в китайской торговле до, во время и после мировой войны (в процентах) видно из следующей таблицы:

Направление китайской внешней торговли

	1913		1916		1925	
Наименование стран	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
Япония	20,4	15,9	29,98	23,44	31,06	28,48
Гонконг	29,3	29,9	28,65	24,80	18,27	14,78
Великобритания	16,5	4,0	13,14	7,24	9,65	6,14
Британская Индия	8,3	1,5	6,12	1,36	5,06	1,65
Соед. Штаты	6,0	9,0	10,06	14,96	14,77	18,45
СССР	3,8	11,4	4,80	13,60	1,39	6,18
Нидерл. Индия	—	—	1,03	0,48	3,87	1,30
Германия	4,8	4,1	—	—	3,37	2,12
Франция	0,9	2,7	0,55	5,66	1,30	8.51
Прочие	15,0	11.0	5,67	8,46	11,26	12,39
	100,0	100,0	100,00	100,00	100,00	100,00

В приведенной таблице бросается в глаза резкое падение торговли Англии, и прямой и через Гонконг, и увеличение торговли Японии и С.-А. С. Ш., а также возвращение к китайскому рынку СССР, Франции, Германии и т. д.

Вытеснение Англии с китайского рынка идет, несомненно, быстрее, чем это видно из предыдущей таблицы и чем это успевает отражать таможенный отчет, ибо консервативность заокеанской торговли не позволяет сразу нарушить все контракты, договоры и сложившиеся веками торговые связи. Этим об'ясняется, например, то, что отчет за 1925 год не отразил резких последствий бойкота английских товаров, происходившего в том же году. Однако, мы не сомневаемся, что ближайшие годы будут отмечаться неизменным уменьшением английской доли во внешней торговле Китая. Вместе с английскими купцами из Китая уходит в прошлое целая эпоха, начало которой было возвещено пушечными выстрелами Опийной войны, а конец—недавним бегством англичан с концессии в Ханькоу и Нанкине. Уходит в прошлое и система „дессантной" торговли, просуществовавшая целый век и оставившая горькую память о себе в душе каждого китайца.

Английские фирмы с их консервативным методом торговли, с громадным штатом дорогих служащих и тяжелыми расходами, в условиях

экстерриториальной неприкосновенности их „манаджеров" и сейфов, со всеми атрибутами английской колониальной жизни XIX века,—уступают место мелким индивидуальным торговым предприятиям наций, желающих строить торговлю в Китае на началах дружественного сотрудничества с китайским народом и подчинения его законам и обычаям.

Торговля Китая с Россией в прошлом никогда не достигала того размера, который можно было бы ожидать при громадной общей границе и раннем знакомстве китайцев с русскими. В ранний период торговых сношений Китая с Россией торговля ограничивалась и с той и с другой стороны предметами роскоши. Толчком к ее усилению послужило сначала широкое распространение потребления чая в России, затем—развитие русской промышленности, проложившей себе, в поисках рынков, дорогу в Китай, и, наконец, постройка Сибирского пути и колонизация Приморья.

Торговля СССР с Китаем, носившая случайный характер за время от момента революции 1917 г. до признания первого Китаем (30 мая 1924 г.), с этого времени начинает обнаруживать тенденцию к росту, как видно из нижеследующей таблицы, составленной по отчетам китайских морских таможен за шестилетие 1920—1925 гг. Таблица составлена не в оригинальной валюте отчета, т.-е. в таможенных ланах, а в американских долларах (по среднему годовому курсу таможенного лана на американский доллар Управления морских таможен Китая), так как резкое колебание серебра за указанный период делает оценку в серебряной валюте не наглядной.

Торговля СССР с Китаем за время с 1920 по 1925 гг. [1]

	Экспорт СССР в Китай		Импорт СССР из Китая		Общий оборот торговли СССР с Китаем	
Годы	в тыс. амер. долл.	в % %	в тыс. амер. долл.	в % %	в тыс. амер. долл.	в % %
1913	14.843	3,78	30.097	11,14	44 940	6,89
1920	11.935	1,20	17.956	2,67	49.890	1.80
1921	6.658	0,94	17.377	3,77	24.035	2,06
1822	11 849	1,46	32.573	5.99	44 422	3.28
1923	8 162	1,08	27.274	4.53	35 436	2,60
1924	8.179	0,98	37.551	6,01	45.730	3,13
1925	11 311	1,39	40.288	6,18	51 599	3,57

Цифры этой таблицы представляют собой „общую" торговлю СССР с Китаем, т.-е. общий товарооборот между этими двумя странами, со включением в него транзита и реэкспорта ввезенных в Китай советских товаров.

По основным своим элементам торговля эта в 1925 г. характеризовалась такими ориентировочными цифрами:

Общий характер торговли СССР с Китаем в 1925 г.

Основн. статьи товарооборота	В тыс. амер. долл. по тамож. оценке	В % %
„Специальная" торговля	11.986	23,23
Сов. транзит и реэкспорт.	3.803	7,37
Монгольский транзит	680	1,32
Эгершельдский транзит	35 130	68,08
Итого	51.599	100,0

[1] Цифры второго и третьего столбца представляют экспорт брутто в тыс. долл. и в % % к импорту брутто Китая (т.-е. к общему импорту, без выключения из него реэкспорта).

Как видно из таблицы, преобладающее значение в этой торговле имеет транзит товаров маньчжурского и монгольского товарооборота по артериям ДВ края—Уссур. и Амурск. ж. д.—и по КВ ж. д. „Специальная“ торговля—ввоз советских товаров в Китай и ввоз китайских товаров на внутренний рынок СССР—не достигала в 1925 г. и $^1/_4$ общего оборота.

Предполагая, что за 8 лет (1917—1925 гг.) товарный контингент советско-китайской торговли более или менее установился, мы для иллюстрации его приводим таблицу основных товаров товарооборота в 1925 г., составленную по китайскому таможенному отчету за этот год. Стоимость товаров в них показана франко—граница Китая. Поэтому она может и не соответствовать оценке торговли за тот же год по советским источникам, сохраняя, однако, пропорцию между отдельными товарами.

Основные товары советско-китайской торговли в 1925 г.

Экспорт СССР в Китай

Наименован. товаров	В тыс. амер. долл.	В %%
Трепанг. сущ.	62	0,55
Рыба и морск. прод.	417	3,67
Апельсины и яблоки	146	1,29
Чай	89	0,80
Сахар	436	3,84
Морск. капуста сущ.	55	0,49
Пищепродукт. проч.	214	1,88
Волос	18	0 16
Лес необработ.	1250	11,53
Керосин	612	5,36
Нефтепрод. проч.	152	1,34
Уголь каменн.	1192	10,47
Шерсть овечья	197	1,72
Рога моралов	199	1,75
Жень-шень	49	0,43
Лексырье и лекарство	55	0,49
Папиросы	1	0,01
Пушнина	2646	23,24
Кожа выдел. и кож. изд.	26	0,23
Мануф. бум. шерст. и льн.	761	6,78
Мешки джутовые	298	11,40
Галоши и проч. рез. изд.	32	0,28
Рельсы	33	0,29
Жесть и пр. металл. изд.	64	0,57
Ж.-д. матер.	538	4,70
Дом. вещи, прип. и проч. посылки	207	1,80
Прочие товары	562	4,93
Итого	11311	100,0

Импорт СССР из Китая

Наименов. товаров	В тыс. амер. долл.	В %%
Скот живой	34	0,08
Мясо и сало	437	1,09
Пшеница	663	1,66
Гаолян и просо	727	1,81
Бобы	21546	53,17
Пр. хлебопр. и мука	190	0,48
Чай байхов.	3166	7,91
„ кирпичн.	2096	5,24
Сахар	27	0,07
Масло бобовое	4683	11,71
Соль	105	0,26
Проч. пищепр	21	0,05
Кожи невыделан.	274	0,68
Отруби	62	0,15
Жмыхи бобов	5226	13.05
Семя разное	355	0,89
Табак листовой	15	0,04
Лес необработ.	13	0,28
Шерсть овечья и верб.	108	0,27
Сало технич.	123	0,31
Проч. сырье	22	0,06
Мешки джутов	49	0,12
Одежда и обувь (гл. об. кит.).	50	0,12
Прочие товары	196	0,49
Итого	40288	100,0

Приблизительное распределение этих товаров по основным группам товарооборота было в 1925 г. таково:

Группа I. „Специальная“ торговля СССР с Китаем. Экспорт СССР. Главным образом, продукция ДВО: рыба и др. морские продукты, лес, каменный уголь. Второе место занимает продукция Евр. части СССР: нефтепродукты, мануфактура, рельсы. Сибирь участвует только одним предметом: мораловыми рогами. Целый ряд мелочей (галоши, папиросы) ввозится исключительно для нужд русского населения Сев. Манчьжурии, но не имеет серьезного экспортного значения.

Импорт СССР. Основным товаром его является чай. Почти все остальные товары—мясо, сало, кожи и пр.—ввозятся в ДВО.

Группа II. Советский транзит и реимпорт экспорти рованных в Китай советских товаров. Основным товаром является дальневосточная и сибирская пушнина, проходящая через Китай транзитом на С.-А. С. Ш.

Группа III. Монгольский транзит. Экспорт. Излишки монгольского сырья (шерсти, волоса, пушнины, кишек), идущие по Амур. ж. д. в Китай для чистки, сортивовки, гидравлической прессовки и дальнейшего вывоза за границу. Импорт. Ввоз в Монголию, главным образом через Эгершельд, кирпичного чая, туземной мануфактуры и прочих китайских товаров монгольского потребления.

Группа IV. Эгершельдский транзит. Экспорт. Явский и кубанский сахар, калькутские мешки, японская бумага и целый ряд мелочей, ввозимых в Сев. Маньчжурию через Эгершельд. Импорт. Маньчжурские бобы и продукты их переработки, маньчжурский лес, гаолян, кукуруза и проч. продукты маньчжурского сельского хозяйства и промышленности.

Под всеми товарами перечисленных групп имеется прочный экономический фундамент, позволяющий надеяться, что ожидать сокращения товарооборота той или иной группы не следует.

Что касается территориального распределения торговли СССР с Китаем, то из нашего перечисления составляющих ее товаров видно, что 80% товарообмена приходится на долю ДВО и Сев. Маньчжурии (Эгершельд и монгольский транзит и почти половина специальной торговли), а доля участия всех остальных областей СССР и Китая в этой торговле едва составляет 20% ее.

Дальнейшего увеличения торговли СССР с Китаем можно ждать в двух направлениях: в направлении более детального вовлечения в ее оборот тех областей СССР и Китая, которые проявляют пока мало активности, и в направлении увеличения абсолютных размеров торговли отдельными товарами.

На последнее можно надеяться, ибо хотя в номинальных золотых долларах торговля СССР с Китаем и перевалила за довоенные цифры, тем не менее, по своему действительному об'ему она все еще не сравнялась с цифрами довоенной торговли СССР с Китаем, оборот которой в 1913 году составил 44.940. амер. долл. Приняв во внимание понижение покупной стоимости амер. долл. за это время, мы получим такую картину:

Торговля СССР с Китаем в %% к торговле 1913 г.

Годы	Оборот	Индекс мировой торговли	Оборот в тыс. амер. долл. довоенн. врем.
1913	44.940	100	44.940
1925	51.599	152	33.947

Таким образом, количественный об'ем торговли 1925 г. составляет только 76% довоенного об'ема.

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

Н. П. Садиков

Электрификация магистрали Москва — Курск — Донбасс[1]

Вопрос об электрификации магистрали Донбасс — Москва — Ленинград — и в первую очередь участка Донбасс — Курск — Москва был поднят при составлении первого плана электрификации.[2] Уже в то время родились опасения, что в существующем состоянии транспорт не сможет обслужить правильную и бесперебойную связь Донецкого бассейна с Центральным и Северо-Западным районом. Рост народного хозяйства за последующее время вполне оправдал эти опасения, и в 1925/26 г. перевозки с юга в центр и на север, по некоторым линиям, дойдя до размеров 1913 г., а частично и превысив их, почти полностью использовали провозоспособность существующих северо-южных направлений.

В настоящее время страна стоит перед срочной необходимостью увеличить провозную способность направлений из Донецкого бассейна на север, ибо отсутствие должной связи между южным топливодобывающим районом и потребителями центра и севера может послужить тормозом в разрешении проблемы индустриализации хозяйства Союза.

И действительно, при наметившемся уже темпе роста промышленной жизни страны перевозки угля из Донбасса на север должны будут к 1931 г. достигнуть цифры, более чем в 600 млн. пуд. в год, а еще через 10 лет—к 1940 г. превысить 1 миллиард пудов. Если учесть к тому же времени и соответственное увеличение потока других грузов, перевозимых с юга на север, станет совершенно ясным, что только крупными капитальными вложениями в транспортное хозяйство можно будет обеспечить переброску всей этой массы грузов из одного конца страны в другой.

Необходимость и срочность именно крупных капитальных затрат в этой области диктуется еще и теми соображениями, что паллиативные меры по частичному усилению одного или нескольких параллельных направлений, проводимые постепенно из года в год, если и смогут на некоторое, очень небольшое время оттянуть требующееся коренное переустройство, то при современной стоимости эксплоатации дорог они не смогут настолько понизить себестоимость перевозок, чтобы доставка угля из Донецкого бассейна в отдаленные потребляющие районы была бы рентабельна для промышленности.

А между тем снижение тарифов на перевозку угля — главного массового груза, перебрасываемого с юга на север и притом груза малоценного,—является основной предпосылкой для развития донецкой каменно-

---

[1] В порядке постановки вопроса. Ред.

[2] План ГОЭЛРО.

угольной промышленности, которая должна взять на себя топливоснабжение почти всей Европейской части СССР.

До войны, именно благодаря дороговизне перевозок угля на далекие расстояния, вся северная и северо-западная часть России питалась привозным заграничным углем, обходившимся значительно дешевле донецкого, и если теперь внешнеторговая политика Союза ставит во главу угла максимальное освобождение нашей промышленности от заграничного рынка, то совершенно ясно, что только низкие тарифы на уголь смогут сделать рентабельным потребление угля в отдаленных от Донбасса районах и тем самым дадут возможность этим районам с прибылью для государства отказаться от импортного топлива.

Все эти общие соображения настолько ясны и бесспорны, что идею распыления угольных грузов по ряду параллельных направлений, существующих сейчас для связи Донецкого бассейна с центром и севером, в настоящее время можно считать совершенно оставленной, в то время как идея сосредоточения всей массы грузов на одной специально приспособленной для этого линии получила полное право гражданства, как единственно могущая правильно разрешить поставленную перед государством задачу усиления транспортных средств.

В такой же мере бесспорной надо считать и необходимость выполнения этой задачи в возможно короткий срок, так как всякие задержки в этой работе могут принести большой вред всему хозяйству Союза.

В настоящее время решение основной задачи мыслится в двух направлениях, т.-е. или усиление направления Донбасс — Москва через Курск, путем его электрификации, или постройка новой дороги, сверхмагистрального типа с руководящим уклоном в 4‰ по новой трассе, параллельно существующему Воронежскому направлению.

Многие работники транспорта сейчас, повидимому, склоняются к тому, что второй вариант, т.-е. постройка новой углевозной дороги представляет собою более правильное и выгодное решение вопроса, чем электрификация Курского направления. Такое мнение господствует не только в технической прессе настоящего времени, но и в правительственных кругах, чем и об'ясняется отпуск значительных средств на экономическо-технические изыскания этой новой дороги.

Однако, нет никаких данных, которые позволяли бы с уверенностью отвергать выгодность и целесообразность усиления Курского направления путем его электрификации, поскольку до настоящего времени, несмотря на то, что вопрос этот поднят сравнительно очень давно, не имеется никаких хотя бы приблизительных цифр для сравнения обоих вариантов. Только первая наметка варианта электрификации Курского направления показала, что вариант этот с полным успехом может конкурировать с новой дорогой и почти во всех отношениях является более выгодным и экономичным, чем этот последний.

При решении такого вопроса как постройка или электрификация дороги протяжением до 1000 километров должны, конечно, быть подсчитаны и сравнены все возможные варианты и из них должен быть выбран тот, который при минимальных затратах даст максимальную выгоду в эксплоатации. Но для этого необходимо иметь подробно разработанные как первый, так и второй варианты для того, чтобы от общих соображений перейти к конкретным цифрам.

В виду этого следует признать, что теперь более чем своевременно вновь вернуться к вопросу об электрификации Курского направления, выдвигавшемуся в первом плане электрификации СССР и отодвинутому сейчас идеей постройки новой дороги.

В настоящей статье мы постараемся изложить первоначальные приблизительные цифры, характеризующие этот вариант, которые требуют, конечно, детальной проработки и уточнения, но которые в то же время дают уже достаточно данных для суждения о размерах как единовременных затрат, так и о выгодности и целесообразности этого проекта по сравнению с проектом новой сверхмагистрали.

Прежде чем перейти к подробному изложению, необходимо предварительно сказать несколько слов о том, почему можно говорить об усилении именно Курского направления и почему приходится говорить об его электрификации, а не об усилении при паровой тяге.

Выбор Курского направления из ряда дорог, связывающих Донецкий бассейн с центром, об'ясняется тем положением, которое оно занимает среди них. В настоящее время Южный Металлопромышленный и Горнопромышленный районы связаны с центром четырьмя параллельными направлениями: Льговским, Курским, Елецким и Воронежским. Если за выходные пункты считать станции Лиман, Попасная и Родаково, то протяжение всех направлений будет:

Льговское	979	верст
Курское	920	„
Елецкое	926	„
Воронежское	1086	„

Как можно видеть, из всех этих направлений самым коротким является Курское. По техническим условиям все эти направления приблизительно находятся в одинаковых условиях, имея уклон около 8—9‰, сравнительно малый радиус и плохой виртуал. Два из этих направлений — Льговское и Елецкое — кроме того однопутны. Таким образом, совершенно должна отпасть мысль об усилении этих двух направлений, так как для этого кроме всех прочих работ пришлось бы прибегнуть к чрезвычайно дорогой укладке второго пути.

Сравнивая же между собой направления Курское и Воронежское (оба двухпутные) приходится остановиться на первом потому, что оно значительно короче второго. Из приведенных нами выше расстояний видно, что направление на Воронеж на 17% длиннее Курского. При переходе на первое направление грузов западного Донбасса, дающего в настоящее время и по всем данным еще в ближайшем будущем главную массу угля для вывоза, разница должна еще больше увеличиться. Благодаря такой большой величине излишнего пробега, направление на Воронеж не может претендовать на замену Курского направления для массовой перевозки угольных грузов.

При таком положении единственным направлением, усиление которого может быть выгодно и рационально, является направление Курское, благодаря чему только о нем, можно говорить при сравнении с постройкой новой дороги.

Почему же усиление Курского направления мыслится только путем электрификации и не имеет смысла говорить об его усилении при паро-

вой тяге? Ответом на этот вопрос служат те преимущества, которые электрическая тяга имеет перед паровой в условиях рассматриваемой линии. Усиление Курской линии при паровой тяге возможно было бы сделать или путем смягчения профиля в наиболее тяжелых местах (за исключением двух и трех мест, где это смягчение невозможно по естественным условиям) или, не изменяя профиля, ввести мощные паровозы, позволяющие увеличить вес состава и при существующем руководящем уклоне. Смягчение профиля на Курском направлении, проходящем по сильно пересеченной местности, представляет собою работу очень трудную и очень дорогую, и эту работу нельзя считать целесообразной, так как смягчение если и позволит довести уклон до 6‰, то и этот уклон при легких паровозах при грузообороте, намечающемся на линии, не сможет увеличить провозную способность на долгий срок, и в очень непродолжительном времени придется так или иначе пойти на введение мощных паровозов, с нагрузкой на ось не менее 30 тонн.

Что же касается возможности введения мощных паровозов как с предварительным смягчением профиля, так и без него, то эта мера благодаря увеличенной нагрузке на ось заставит сменить не только искусственные сооружения, но и все верхнее строение, так как рельсы типа IIа не смогут выдержать 30-тонной нагрузки. В то же время электрическая тяга, допуская применение составных электровозов с большим числом осей, позволяет при очень тяжелых поездах не превышать нагрузки, допускаемой для рельсов IIа.

Во-вторых, меньшие коммерческие скорости, получающиеся при паровой тяге, ухудшают оборот состава, благодаря чему при электрической тяге получается большая выгода в расходах на подвижной состав. По произведенному приблизительному подсчету оказалось, что единовременные затраты при паровой тяге оказываются на 35% выше, чем при электрической.

И, наконец, в-третьих, электрическая тяга дает гораздо большую провозную способность линии, чем паровая, т.-е. на больший срок обеспечивает удовлетворение требований на перевозки.

Кроме всего этого, в условиях Курской линии при электрической тяге значительно понижаются и эксплоатационные расходы (расходы на топливо, содержание подвижного состава и его обслуживание и т. д.), при чем это понижение также определяется цифрой около 35%.

Все эти данные с совершенной очевидностью показывают, что действительно рациональный способ усиления Курского направления есть его электрификация и что паровая тяга не сможет дать того эффекта, который необходим для такой работы.

Итак, перейдем к тем цифрам, которые дает электрическая тяга.[1]

Рассмотрим прежде всего, из каких величин будет складываться грузооборот усиленного Курского направления в том случае, если оно превратится в основную магистраль, связывающую Донецкий бассейн с центром. Не надо забывать, что Курская линия кроме своего углевозного значения имела до войны и имеет теперь очень большое значение

[1] Цифровой материал в большей степени заимствован из предварительного проекта электрификации магистрали Москва—Курск—Донбасс, разработанного Московско-Курской ж. д. и доложенного ею 7/VI с. г. на заседании комиссии по пересмотру плана электрификации при Президиуме Госплана СССР.

как грузовозная артерия для грузов юга и юго-запада СССР. Благодаря этому, кроме массы угольных грузов, провозимых по этой линии, по ней, в направлении с юга на север, провозилось очень большое количество прочих грузов, достигавших в середине линии (на параллели Курска) 50% всего грузового потока как в 1913 г., так и в 1925/26 г. Из этих грузов надо особо выделить хлебные и металлические грузы (около 29%), соляные и сахарные (около 4%), тогда на долю так называемых прочих грузов оставалось всего около 17%.

Вместе с тем, на Курском направлении, связывающем центр СССР с курортами Крыма и Кавказа, а также с целым рядом крупных административных центров, имеется значительное пассажирское движение, достигшее к настоящему времени 12 пар поездов, не считая пригородных.

Как же может измениться соотношение между отдельными грузами, а также между товарным и пассажирским движением, при переходе на Курское направление всей массы транзитного угля, идущего с юга на север? Нет никакого сомнения, что при таком положении удельный вес прочих неугольных грузов значительно снизится, но было бы большой ошибкой полагать, что это снижение их удельного значения может в какой-либо мере повлиять на рост абсолютной величины этих перевозок, соответствующий развитию тех отраслей хозяйства и промышленности, продукцию которых они составляют. Усиление Курского направления в значительной мере потеряло бы свой смысл, если для улучшения условий перевозок одного груза, хотя бы и такого важного, как уголь, пришлось бы в какой-либо мере ограничить перевозки других грузов или заставить их пойти по менее выгодному для них пути. Также необходимо предвидеть вполне нормальное развитие пассажирского движения, которое в каждый данный момент на такой важной в пассажирском отношении линии, как Курская, должен удовлетворять потребности населения.

Исходя из такого предположения о развитии грузооборота необходимо строить в зависимости от тех предпосылок, которые имеет каждый из грузов и каждый из видов движения. Общий грузооборот линии для каждого момента можно получить суммированием всех этих величин.

Каменноугольные грузы. О развитии каменноугольной промышленности в СССР вообще и в Донецком бассейне в частности, на ближайшие 10—15 лет, к настоящему моменту имеется довольно обширный материал, который позволяет без особого труда и с достаточно большой точностью оценить размер того потока грузов, который эта промышленность может дать на рельсы выходного северо-южного направления.

Развитие каменноугольной промышленности при системе планирования хозяйственной жизни страны стоит в тесной связи с рациональным построением общего плана топливоснабжения СССР. В ближайшие годы перед государством стоит задача таким образом перестроить свой топливный баланс, расстроенный войной и послевоенной разрухой, чтобы этот баланс находился в соответствии с наличными топливными ресурсами и сберегал бы те из них, которые имеют и нетопливное значение. Эта реформа в топливоснабжении может быть выполнена так называемой минерализацией баланса, т.-е. повышением доли твердого минерального топлива — угля за счет снижения доли нефти и дров.

Подсчитанная в этих предположениях общая товарная угольная масса, потребная стране в ближайшее время, ориентировочно определяется цифрами (в млн. пуд.):

к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
2979	4000	5330

Из этого количества на долю Донецкого бассейна, основной угледобывающей базы СССР, при учете интенсификации разработки угля в бассейнах местного значения, а также почти полного прекращения импорта угля, будет приходиться (приблизительно):

к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
2250	2850	3700

Интересующая нас часть донецкого угля, которая будет вывозиться из Донецкого бассейна на север, подсчитанная, исходя из предстоящих расходов топлива потребителей центра, севера и северо-запада СССР, приблизительно определяется (в млн. пуд.):

к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
от 600 до 650	от 800 до 870	от 1000 до 1100

Каким же образом, эта масса должна будет распределиться по отдельным направлениям, идущим от Донбасса на север?

Делая основную предпосылку, что на усиленное Курское направление пойдет весь уголь, идущий на север до Москвы и за Москву, а также в район тяготения этого направления на протяжении от Лимана до Москвы, надо предположить, что этот поток будет составляться за очень небольшим исключением из потребления Центрально-Промышленного, Северного и Северо-Западного районов.

На остальных направлениях останется лишь та часть вывоза на север, которая идет к потребителям, непосредственно по территории связанным с этими направлениями. По приблизительному подсчету это распределение составит:

	к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
За Курск	400	540	680
„ Льгов	80	100	130
„ Воронеж	50	70	90
„ Касторную	25	35	40
До выходных пунктов (кроме Харькова)	45	55	60
	600	800	1.000

Таким образом против 1925/26 г., когда угольный поток по Курской магистрали достиг довоенной нормы и составил приблизительно 100 млн. пуд., намечается увеличение:

к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
в 4 раза	в 5,4 раза	в 6,8 раза

Хлебные грузы. Хлебные грузы на Курском направлении являются результатом вывоза на север в центральные потребляющие области Союза хлебных излишков Украины и производящих губерний Центр.-Земледельческого района.

Как до войны, так и в настоящее время, хлеб являлся и является главным экспортным грузом, при чем для южного района выходными пунктами хлебного экспорта служат порты Черного и Азовского морей. Для предстоящего периода хлебо-экспортный план Союза предусматривает максимальное увеличение вывоза нашего хлеба за границу, благодаря чему Украина, как район, близкорасположенный к выходным портам, не сможет сколько-нибудь значительно увеличить свой хлебный вывоз на север. В частности, к концу первого пятилетия плановые предположения Комитета по перевозкам Южного района предусматривают вывоз хлеба в направлении за Курск в размере 30 млн. пуд.

Учитывая, что в условиях украинского сельского хозяйства нельзя рассчитывать на увеличение посевных площадей и что дальнейшее увеличение вывоза хлеба на север должно пойти за счет рационализации сельского хозяйства и увеличения товарности крестьянского хлеба, можно предполагать, что рост хлебных перевозок будет определяться приблизительно 1,5% ежегодно, т.-е. на параллели Курска на линии будут хлебные грузы (млн. пуд.):

к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
30	34	40

Металлические грузы. Увеличение перевозок металлических грузов по Курскому направлению на север определяется, с одной стороны, развитием металлопромышленности Южного района, а с другой стороны, (так как южный район дает на север как готовые металлоизделия, так и металлическое сырье и полуфабрикаты) ростом металлопромышленности в СССР вообще.

Сопоставляя показатели роста как южной, так и общесоюзной металлопромышленности, запроектированные пятилетними гипотезами ОСВОКа, СССР и УССР, можно получить средний коэфициент роста за первое пятилетие до 1931 г. равным 2. Не имея разработанной программы по металлопромышленности для последующих лет после 1931 г., рост этих перевозок можно считать по среднему росту перевозок довоенного времени, определявшемуся приблизительно в 6% в год. Тогда поток металлических грузов на Курском направлении выразится в размере (в млн. пуд.):

к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
42	60,5	79

Прочие грузы. Для прочих грузов (в том числе соляных и сахарных) как для грузового, так и для негрузового направления коэфициент роста также устанавливается в зависимости от роста той или другой отрасли промышленности, запроектированного на период до 1931 г. Особым совещанием по восстановлению основного капитала страны. Что же касается периода после 1931 г., то здесь, за неимением данных,

также приходится предположить равномерный рост в 6% ежегодно. При таком подсчете грузовой поток этих грузов выразится (в млн. пуд.):

Грузовое направление	к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
Соляные грузы	10	13,5	17,6
Сахарные грузы	6	8	10,3
Прочие	66	95	125
Поток в негрузовом направлении	89	125	158

Суммарный поток в грузовом направлении на параллели Курска в таком случае составит (в млн. пуд.):

к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
552	751	952

Пассажирское движение. Если для пассажирского движения применить процент роста, принятый для сети дорог СССР до 1931 г., а затем взять средний процент роста около 7% ежегодно, то пассажирский поток, с учетом перехода на мощные паровозы серии „М", выразится (в парах, дальнее и местное движение):

к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
16	20	24

В заключение обзора предстоящего грузооборота усиленного Курского направления необходимо сказать несколько слов об участке магистрали от Харькова до Лимана, где грузооборот имеет несколько иную структуру, чем на всей остальной линии. Дело в том, что этот участок является основным выходным путем для угля из Донбасса не только на Курское направление, но также и в направлении на Льгов и Н.-Баварию. (Люботин, Полтава).

Благодаря этому поток угольных грузов здесь значительно выше, чем на основной линии, и по приблизительным подсчетам должен будет достигнуть (в млн. пуд.):

к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
620	815	1.010

Прочие грузы, подсчитанные для этого участка по тем же данным, что и для остальной линии, составляют:

к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
55	73	90

Пассажирское движение здесь остается только то, что имеет назначение на юго-восток (Кавказ).

Для первых приближенных подсчетов его можно считать равным половине пассажирского потока на основной линии, т.-е.:

к 1931 г.	к 1935 г.	к 1940 г.
8	10	12

Установив основные требования на перевозки, которые в разное время могут быть пред'явлены к усиленному Курскому направлению, перейдем теперь к рассмотрению как единовременных затрат, потребных для этого усиления, так и возможных результатов эксплоатации линии при электрической тяге.

При выяснении этого вопроса следует наметить в принципе те главные моменты, какие должны быть положены в основу будущей электрической магистрали. Вопросы эти следующие: 1) установление системы тока и напряжения; 2) установление веса состава товарного и пассажирского поезда; 3) определение экономических скоростей движения этих поездов; 4) определение наивыгоднейшего расстояния между подстанциями с одновременным установлением экономического сечения рабочих проводов.

В отношении первого из перечисленных пунктов современная практика электрических дорог за границей дает несколько решений. Налицо имеется три основных системы, каждая из которых имеет свои основания для выбора. Эти системы: постоянный ток напряжения 1500 — 3000 — 4800 вольт, однофазный ток 16000 вольт $16^2/_3 \sim$/ сек. и расщепленная фаза при индустриальной частоте 50 $\sim$/ секунд.

Не вдаваясь в детальный разбор предлагаемых систем, следует лишь указать, что в наших русских условиях, при стандартных трехфазных центральных станциях, серьезно конкурировать могут лишь две системы: постоянный ток и расщепленная фаза. Однофазный ток, как требующий или специальных электрических централей или подстанций с вращающимися преобразователями, конечно, менее применим в наших условиях, тем более, что и экономические подсчеты указывают на безусловное преимущество постоянного тока перед однофазным, так как только одна сумма расходов, связанных с движением, дает при постоянном токе до 7.000.000 рублей в год экономии, не считая тех дополнительных затрат в случае применения однофазной системы, какие будут вызваны необходимостью устранения влияния высокого напряжения переменного тока на слаботочные провода.

Что же касается третьего варианта — варианта расщепленной фазы, то, не вдаваясь в критику его, можно лишь указать, что это еще слишком молодая система, применение которой к такой ответственной магистрали, как Моск.-Курская ж. д., пожалуй, было бы рискованно. Все эти положения дают возможность утверждать, что наиболее целесообразным для рассматриваемой линии явится вариант постоянного тока, — наиболее дешевый и достаточно испытанный заграничной практикой электрических железных дорог.

Переходя к разрешению вопроса выбора величины напряжения постоянного тока, следует отметить несомненную выгодность возможного повышения напряжения.

Учитывая, однако, что выгода, какую дает напряжение в 4800 вольт, не столь значительна и может составить лишь несколько процентов от обще-эксплоатационной сметы дороги, целесообразно и здесь принять наиболее испытанный практикой вариант напряжения в 3000 вольт на пантографе электровоза.

Переходя далее к организации предполагаемого движения, необходимо прежде всего решить вопрос о весах товарного и пассажирского поезда.

Схематические расчеты показывают, что с увеличением веса поезда кривая расходов, зависящих от движения, заметно падает, в то время как провозная способность дороги значительно повышается.

Это обстоятельство диктует необходимость применения возможно высокого веса товарных маршрутов, при чем максимальным составом, при наличии 50-тонной стяжки, переход на которую предполагается НКПСом, будет состав, весом около 3800 тонн. Последняя цифра получается при скорости 25 *км*/час. на расчетном под'еме в 10,17‰, как:

$$P = \frac{50.000}{10{,}17 + (1{,}5 + \frac{25}{20})} \simeq 3800 \text{ тонн.}$$

Вес пассажирского поезда определится в первом приближении тем составом, какой может вытянуть паровоз серии „М", намечаемый НКПСом для дальних поездов Состав этот намечается в 17 четырехосных вагонов, весом ∞ 850 тонн с электровозом, считая последний в 120 тонн. Такой вес поезда имеет свое обоснование в нежелательности переформирования пассажирского состава за пределами электрифицируемой дороги.

В соответствии с принятыми весами поездов необходимый вес электровозов может быть определен из условия движения поезда на предельном под'еме, если считать коэфициент сцепления колес с рельсом в этом случае 190 *кг*/тонн и максимальное усилие в 50 тонн, откуда

$$P = \frac{50}{0{,}19} \simeq 260 \text{ тонн.}$$

Предполагая далее, что товарный электровоз не будет иметь бегунковых осей, т.-е., что все оси будут ведущими, можно принять предварительно электровоз типа 3А — 3А + 3А — 3А, сдвоенный, 12-осный.

Как показывают подсчеты, необходимый сцепной вес пассажирского электровоза ограничивается 75—80 тоннами, в силу чего для этой цели может быть намечен электровоз типа 2 — 4А — 2, примерно в 120 тонн весом. Оба выбранные типа дают возможность избежать при электрификации линии полной смены рельс на главных путях, так как существующий на дороге тип рельс IIа удовлетворит давлению на ось электровозов.

Таким образом, окончательно могут быть зафиксированы полные веса поездов

товарный	3800 + 260 = 4060	тонн
пассажирский . . .	850	„

Обращаясь далее к выбору экономических скоростей, следует установить последние по минимуму расходов, зависящих от движения, в соответствии с чем для линии Москва—Донбасс наивыгоднейшие коммерческие скорости выразятся ∞ 25 *км*/час. для товарного поезда и ∞ 60 *км* час. для пассажирских поездов. Такие скорости вполне удовлетворят запросам будущего движения и не создадут никаких особых затруднений для переустройства станций, так как обгон товарных поездов пассажирскими получится в этом случае в Харькове или южнее его, где все необходимые переустройства в связи с меньшим потоком пассажирских поездов могут быть произведены гораздо легче, нежели к северу от Харьковского узла.

Специальное исследование мощности тяговых единиц в функции от скорости, произведенное для Курской магистрали, дает одновременно возможность установить мощность электровозов при выборных скоростях движения. Эти расчеты указывают, что для товарного электровоза вполне достаточная мощность, обеспечивающая нормальную работу электродвигателей без их перегрева на любом из участков существующего профиля линии Москва — Донбасс, исчисляется 1 лош. сил. на тонну веса поезда и для пассажирского — 2,9 лош. сил на тонну, сообразно с чем мощность товарного электровоза определяется ∞ 4060 лош. сил и пассажирского ∞ 2500 лош. сил.

Расстояние между тяговыми подстанциями определяется примерно в 30 *км*, при чем этот результат является наивыгоднейшим из ряда вариантов, подсчитанных по сумме всех расходов, зависящих от движения.

Подстанции предполагаются оборудованными ртутными выпрямителями, мощностью до 2000 квт.

Отмеченный тип преобразователей уже долгое время работает на ряде заграничных электрических ж. д., в частности на южно-французских дорогах, и зарекомендовал себя с исключительно хорошей стороны в смысле экономичности, простоты обслуживания и надежности в работе.

Поэтому вряд ли могут встретиться серьезные возражения против их применения на будущей электрической магистрали.

Питание будущей магистрали электроэнергией также не должно встретить затруднений, ибо линия Москва—Донбасс находится для этого в довольно благоприятных условиях. В самом деле, мощные об'единения электрических централей по концам линии—Донбассовское на юге и Московское на севере—обеспечивают надежное питание крайних участков линии. В связи с постройкой Тульской централи зона питания магистрали с севера обеспечивается примерно до Орла. Несколько в худших условиях находится центральный участок Орел—Харьков, где придется предусмотреть создание специальной электростанции (Курск), мощностью приблизительно около 75000 квт.

Намечаемая станция в Курске не сможет быть удовлетворена местным топливом и должна питаться привозным, низкосортным донецким углем (штыбом), при чем стоимость последнего франко—бункер электростанции может быть примерно определена в 10,6 коп./пуд из следующих соображений: современная цена штыба франко—вагон станция отправления исчисляется в 2—3 коп. за пуд. Если считать, что в дальнейшем, в связи с повышением спроса на последний, цена его поднимается до 5 коп./пуд, что стоимость перевозки по Донецким дорогам, примерно на 100 *км* (до Кр. Лимана) составит 1,5 коп./пуд. ($^1/_{67}$ коп. пудоверст) и по электрифицированной магистрали от Кр. Лимана до Курска (430 *км*) 2,1 коп./пуд, считая по $^1/_{200}$ коп. с пудоверсты) и что выгрузка, размол топлива в пылевидное состояние с подачей его в бункера составит около 2 коп. на пуд,—то не трудно убедиться в правильности выше написанной его стоимости.

Так как расход горючего на выработку 1 квтч. составляет на современных мощных станциях не более 4500 калорий, то при теплотворной способности штыба около 5000 кал./*кг* расход последнего составит 0,9 *кг*/квтч., иначе говоря, топливная слагающая должна составлять не более 0,6 коп./квтч.

Все это дает возможность думать, что стоимость энергии в среднем вдоль линии будет не выше 2,5 коп./квтч., относя цифру эту к высоковольтным шинам тяговых ж.-д. подстанций.

Экономическое сечение рабочего провода при выше принятом расстоянии между подстанциями и расценке квтч. энергии определится теперь приближенно цифрой 350 *кв. мм*^{2}.

При этом необходимо заметить, что такое сечение вполне удовлетворяет и максимальному допускаемому падению напряжения, так как проверка, произведенная на максимально-возможную нагрузку, дала падение напряжения (мгновенное) не выше 30%.

После того как основные элементы будущей электрической дороги определились, не трудно скомбинировать и примерный график движения. Основное положение, какое было учтено при его построении, заключается в трудности одновременного перехода на 50-тонную сцепку всех дорог, связанных грузооборотом с Московско-Курской ж. д. Поэтому при разработке вопросов организации движения целесообразно допустить на первое время наличие на линии двух видов поездов: тяжелых, маршрутных, по преимуществу угольных, имеющих станции назначения на участке между Москвой и Харьковом и за Москву (Октябрьская, Северная и М.-Нижегородская жел. дор.) и легких, весом до 1520 тонн, перевозящих уголь и все прочие грузы между Кр. Лиманом и Харьковом, для передачи первого от Харькова на другие дороги, и прочих грузов по направлению к Москве.

Такой порядок формирования составов удобен с двух точек зрения. Во-первых, уменьшаются общие расходы на электрификацию и облегчаются взаимоотношения с другими дорогами в переходный период, а во-вторых, не создается какого-либо типа (особого) электровоза, так как мощный, сдвоенный товарный электровоз, будучи расцеплен, удовлетворит каждой своей половиной тому тяговому усилию, какое необходимо для движения легкого поезда. Кажущееся несоответствие в весах поездов (2030 тонн тяжелого поезда и 1650 с электровозом легкого), какие тянет одна половина электровоза в маршрутном составе и легком, устраняется большим сопротивлением двухосных вагонов легких составов, благодаря чему как в первом, так и во втором случае сохраняется почти одинаковое использование электродвигателей. В дальнейшем, при переходе на тяжелую сцепку всех поездов эти половинки будут сцепляться в пары, не создавая абсолютно никаких затруднений реорганизации движения.

При таком порядке организации поездного потока общее число поездов на линии применительно к грузообороту 1940 года может быть определено за сутки наиболее интенсивного месяца для отдельных участков в следующем виде (см. табл. на стр. 225).

Составы отдельных поездов ориентировочно намечаются такие: угольные тяжелые поезда имеют 53 четырехосных американских полувагона, грузопод'емностью 50 тонн при весе тары 21,5 тонн; прочие тяжелые поезда имеют 51 четырехосный американский крытый вагон той же грузопод'емности при весе тары 22 тонны; легкие угольные поезда имеют в своем составе 22 американских полувагона, грузопод'емностью 49 тонн при таре 19,7 тонн, прочие поезда—81 вагон нормального типа и пассажирские — 17 четырехосных вагонов.

Таблица 1

Участки линии	Поезда			
	Тяжелые	Легкие	Пассаж.	Всего
Лиман—Харьков	12,2	30,8	14	57
Харьков—Белгород	19,2	10.2	24	53 4
Белгород—Курск	20,65	9,2	22	51,85
Курск—Орел	18,95	13,4	22	54,35
Орел—Скуратово	18,95	14,6	22	55,55
Скуратово—Тула	18,95	15,6	22	56,55
Тула—Серпухов	18,95	18,4	24	61,35
Серпухов—Москва	18,95	18,4	24	61,35

На участке Кр. Лиман—Харьков составы эти могут быть еще увеличены за счет более легкого профиля линии, а именно — все маршрутные поезда могут быть доведены в смысле состава до 71 вагона.

В негрузовом направлении предлагается движение поездов теми же составами, что и в грузовом.

Минимальное время между отправлением отдельных маршрутов может быть допущено для товарных поездов в 14 минут и пассажирских 9, при наличии на линии полуавтоматической блокировки.

Принимая, однако, во внимание нежелательность особого напряжения работы линий, тем более, что такая сжатость графика отнюдь еще не вызывается грузооборотом 1940 года, можно установить время между отправлением товарных поездов 17 минут и пассажирских —12. Остановочные пункты должны быть намечены для маршрутных поездов таким образом, чтобы периодически, примерно через 80—100 *км*, производился большой осмотр подвижного состава, график — пакетного типа, наиболее целесообразного при ранее отмеченной величине поездного потока.

В результате анализа графика выяснилось, что электрическая тяга, при комбинированной системе движения (тяжелые и легкие товарные поезда), легко удовлетворяет всем потребностям не только грузооборота 1.000.000.000 пудов в год, но и превышающего последний до 70%.

В дальнейшем, очевидно, необходим переход на тяжелую стяжку (50 тонн) всех поездов электрической дороги, позволяющую обеспечить нормальную работу линии до грузооборота 2.000.000.000 пудов, т.-е. примерно до 1935 года, учитывая одновременно и рост пассажирских перевозок.

Здесь нелишне отметить, что даже и легкая, 20-тонная сцепка, при электрической тяге может обеспечить выполнение грузооборота до 1.000.000.000 пудов в год, т.-е. до 1941 года.

Путевые переустройства должны быть запроектированы, исходя из условий беспрепятственного пропуска маршрутных и транзитных товарных поездов, т.-е. по принципу возможного изолирования их от работы узлов. Длина путей в запасных парках на 1940 г. предположена на максимальный состав 840 *м*. На 1931 г., в виду применения поездов с легкой стяжкой, удлинения путей не потребуется. К этому времени нужно будет выполнить лишь ту часть из станционных переустройств, которая позволила бы повысить их пропускную способность до необходимых размеров.

Все вышеизложенное с достаточной яркостью характеризует нам технические перспективы введения электрической тяги на Курской магистрали.

Какие же экономические выгоды может дать электрификация?

Чтобы выяснить этот вопрос, обратимся к примерному подсчету стоимости строительных расходов, связанных с переходом на новую систему тяги, и эксплоатационных, зависящих от характера работы линии. В целях установления экономических перспектив введения электрической тяги ниже приводятся строительная и эксплоатационная сметы на 1931 и 1940 гг., при чем данные на 1931 год приведены лишь с целью показать, что и при сравнительно невысоком грузообороте электрическая тяга является весьма рентабельной.

Таолица 2

№№	Статьи расхода	Измерител.	Стоимость его в раб.	1931 г.		1940 г.	
				Колич.	Сумма в руб.	Колич.	Сумма в руб.
1	Отчуждение земель и снос строений	—	—	—	1.220.000	—	3.105.300
2	Путевые переустройства (земляные, полотно, искусственные сооружения, верхнее строение) .	—	—	—	10.923.000	—	33.674.050
3	Путевые постройки, переезды, путепроводы . . .	—	—	—	3.315.000	—	3.452.000
4	Станционные постройки и депо	—	—	—	8.955.000	—	16.971.000
5	Принадлежности и оборудование станций . . .	—	—	—	7.363.000	—	11.623.000
6	Контактная линия:						
	а) главные пути	*км*	18.600	966	17.965.000	966	17.965.000
	б) станц. пути	„	6.932	1.000	6.932.000	1.100	7.617.000
7	Подстанция и линия передачи	кв.	—	262.000	27.010.000	328.000	30.510.000
8	Блокировка и защита слаботочных линий	*км*	4.250	966	4.100.000	966	4.100.000
9	Приобретение подвижного состава:						
	а) электровозы товарн.	шт.	418.000	105	44.000.000	193	8.070.000
	б) электровозы пассажирск.	„	231.000	60	13.850.000	90	20.800.000
	в) электр. маневров. 130 тонн	„	128.200	43	5.512.000	52	6.666.400
	г) электр. маневров. 50 тонн	„	49.000	23	1.127.000	23	1.127.000
10	Товарные вагоны:						
	а) угольные тяжелые вагоны	„	8.500	—	—	3.920	33.300.000
	б) тяжелые крыт. . . .	„	9.300	—	—	1.170	10.900.000
11	Прочие расходы	—	—	—	5.728.000	—	7.051.950
		—	—	—	158.000.000	—	288.700.000

Здесь все расходы по путевым переустройствам взяты по существующим в настоящее время расценкам, а электрическое оборудование, согласно предложениям фирм Броун Бовери К⁰ 1927 г., AEG и Сименс и

Шуккерт, с увеличением данных ими расценок примерно на 33%, для учета пошлины и перевозки.

Что касается расходно-эксплоатационной сметы при электрифицированном движении, то последняя примерно рисуется, согласно табл. 3, где даны все расходы как от него зависящие, так и независящие.

Таблица 3

№№	Статьи расхода	1931 г.	1940 г.
		Рубли	ли
	I. Расходы, зависящие от движения		
1	Содержание штата служащих, зависящего от размеров движения	1.184.000	1.982.000
2	Содержание поездных и электровозных бригад и их инвентаря	7.310 000	9.090.000
3	Смазка, чистка и исправление электровозов . . .	2.885.000	4.375.000
4	Содержание вагонов — смазка, чистка, возобновление осей, колес и бандажей	11.547.000	19.095 000
5	Отопление и освещение вагонов	810.000	1.300.000
6	Электроэнергия	12.200.000	21.600.000
7	Содержание станционных служащих и расходы по нагрузке и выгрузке багажа и проч. . . .	4.430.000	7.880.000
	II. Расходы, мало зависящие от движения		
8	Содержание правления, суточные, раз'ездные, судебные расходы. Канцелярские расходы. Расходы по помещению и инвент.	9.805.000	11.250.000
9	Содержание путевого оборудования, очистка от снега. Мастерские	4.080.000	4.292.000
10	Непредвиденные, чрезвычайные и прочие расходы	1.500.000	4.800.000
	Итого . . .	55.751.000	82.811.000
11	Амортизация	5.000.000	9.090.000
12	Проценты на капитал	9.480.000	17.322.000
	Всего . . .	70.231.000	109.223.000

В виде пояснения к последней смете надлежит отметить следующее. Расход энергии, включенный в гр. 6, охватывает затраты, связанные как с движением, так и освещением пассажирских поездов и всех электровозов. Удельный расход энергии, послуживший исходной базой для подсчета этой сметы расходов, был определен специальным исследованием и выражается ∽ в 14,5 втч./тонно-*км* для товарного поезда и ∽ 18 втч./тонно-*км* для пассажирского, если считать тот и другой на дуге токоприемника.

Амортизация бралась по отдельным статьям, исходя из учета сложных процентов, при чем расходы на капитал предполагались в 6% годовых.

Для установления доходности усиленного Курского направления ниже приводится ориентировочная доходная смета, подсчитанная на грузооборот 1931 и 1940 гг.

Таблица 4

№№	Статьи дохода	Измеритель	Доход в коп.	1931 г. Колич.	1931 г. Сумма в руб.	1940 г. Колич.	1940 г. Сумма в руб.
1	Доход от пассажиров . . .	Тыс. тонно-*км*	1,30	3240000	4220000	5200000	67500000
2	Доход от перевозки багажа	„ „	17,0	62000	10500000	100000	17000000
3	Доход от перевозки пассаж. и спец. скорости . .	„ „	9,10	38000	3500000	73000	6500000
4	Доход от перевозки грузов мал. скор., кроме угольных	„ „	1 65	3500000	38000000	6500000	107500000
5	Доход от перевозки угольного груза	„ „	0,2	5900000	11800000	10500000	21000000
6	Доход от дополнит. сборов (11% от перевозки грузов малой и большой скоростей).	—	—	—	7600000	—	15000000
7	Разный доход 2%	—	—	—	2600000	—	5000000
	Итого . . .	—	—	—	136200000	—	239500000
	Коэфициэнт эксплоат. . . .	—	—	—	51,4%	—	45,6%

1) Доходная ставка для пассажиров и багажа подсчитана по существующему тарифу с уменьшением его за счет увеличения дальности поездки пассажиров (главным образом, транзитных). Количество пасс./*км* и тонно-*км* багажа выведены, исходя из нормы нагрузки на ось — 6 пасс. и 0,0052 тонны багажа на 1 пасс.

2) Доходная ставка на грузы большой и малой скорости подсчитана по существующей норме. Величина перевозок большой скорости взята как 0,4% от грузов малой скорости.

3) Доходная ставка на угольные грузы взята из расчета $^1/_{300}$ коп. на пудо/километр.

4) Доход от дополнительных сборов и разный доход подсчитаны по современным нормам.

При рассмотрении приведенных выше смет, ясно видно, что введение электрической тяги дает возможность в кратчайший срок окупить все затраты, связанные с переоборудованием линии.

Результат получается еще значительнее, если учесть тот освобождающийся инвентарь парового хозяйства дороги, какой может быть передан для использования на другие линии, в связи с чем уменьшатся расходы на общее усиление жел.-дор. сети СССР. Для грузооборота 1931 года получаются следующие цифры стоимости освобождающегося имущества (см. табл. 5).

Таблица 5

Наименование имущества	Количество	Цена	Сумма (в рублях)
Паровозы серии „С“	190	48000	9.100.000
„ „ „Э“	510	80000	44.800.000
Маневровые паровозы „Ь“	40	24000	960.000
Прочие паровозы „О“, „Ъ“ и др.	140	32000	4.480.000
Прочее имущество	—	—	537.000
Итого . . .	—		59.877.000

Если эту цифру скинуть со счета строительной стоимости дороги, то полная сумма расходов по электрификации упадет до 98.500.000 руб. В связи с этим должны уменьшиться, конечно, и расходы по оплате процентов на капитал, т.-е. до цифры 5.870.000 руб. в год, против 9.480.000, указанных в смете, откуда общая цифра стоимости эксплоатации на 1931 г. снизится до 67.000.000 руб.

Из рассмотрения приведенных выше как основных положений запроектированной электрической дороги, так и сметных исчислений стоимости перевозок, приходится сделать нижеследующие выводы.

1) Применение электрической тяги на линии Москва—Курск—Харьков—Донбасс вполне и на долгий период разрешает проблему вывоза угля на север.

2) Одновременно с этим электрификация линии вообще в значительной мере улучшает как товарные, так и пассажирские перевозки главнейшей магистрали СССР благодаря увеличению скорости этих перевозок с одновременным уменьшением их себестоимости.

3) Разрешение как первого, так и второго вопросов достигается при сравнительно незначительной затрате государственных средств.

4) При электрификации линии перевозка угля может производиться по самому минимальному тарифу, определенному выше в 0,2 коп. за тонно-километр.

Таким образом, электрификация Курского направления более чем удовлетворительно разрешает поставленный перед страной вопрос о дешевом вывозе угля из Донбасса на север.

Однако, несмотря на такие блестящие результаты, которые получились после анализа основных данных проекта электрификации Курской магистрали, в печати был отмечен ряд дефектов того варианта, который признается нами как единственно правильно разрешающий поставленную задачу. Все эти дефекты можно разбить на две группы: к первой будут относиться отрицательные стороны Курского направления как такового, ко второй группе — отрицательные стороны электрификации. Курское направление признается неподходящим для сверхмагистрализации в силу следующих причин: во-первых, наличие тяжелого профиля данного направления и его значительная длина по сравнению с линией сверхмагистрали Москва—Донбасс; во-вторых, большое число узлов и интенсивное пассажирское и местное товарное движение и, наконец, в-третьих, неудобство подхода линии с западной стороны Донбасса, благодаря чему при вывозе антрацита из восточных районов получается дополнительный пробег.

Не отрицая как изломанность профиля Курского направления, так и его значительную длину по сравнению с линией сверхмагистрали (на 40 *км*), следует иметь в виду, что несмотря на этот недостаток рассматриваемого направления, а также несмотря на наличие интенсивного пассажирского и местного товарного движения,—электрификация тяги, как видно из приведенных выше результатов (при весьма хорошем коэфициенте эксплоатации), вполне справилась с поставленной для нее задачей перевозки груза и при этом не только при грузообороте 1940 года, но даже при увеличении этого грузооборота в два раза. Следовательно, в данном случае недостатки упомянутого направления не могут служить решающим фактором для признания намеченного нами варианта неприемлемым.

Что касается наличия на данном направлении интенсивного пассажирского и местного товарного движения, то следует сказать, что это движение имеет свои как отрицательные, так и положительные стороны. С одной стороны, оно значительно уплотнило график движения 1940 г., но зато, с другой—повысило использование путевых и станционных обустройств, благодаря чему улучшился коэфициент эксплоатации запроектированной дороги.

Второе возражение против усиления рассматриваемой линии—это наличие большего количества узлов на Курском направлении.

Данное обстоятельство послужило причиной внесения в строительную смету значительного расхода на путевые и станционные переустройства этих узлов, что, конечно, удорожило расходы по электрификации Курского направления, но при этом следует иметь в виду, что работа по переустройству узлов все равно неизбежна вне зависимости от того, будет или не будет данное направление приспособлено для массовой перевозки угля.

В самом деле, допустим, что для вывоза угля на север будет построена сверхмагистраль. Постройка этой линии продолжится не менее 5—6 лет. Тогда возникает вопрос, по каким направлениям будет происходить перевозка угля за этот период? К моменту окончания постройки, т.-е. 1932/33 году, грузовой поток угля на север будет приблизительно равен 700.000.000 пуд.; значительная часть, около 50%, этого потока должна будет пойти по Курскому направлению, как наиболее оборудованному, и потому общий грузовой поток к 1932 г. Курского направления должен быть как минимум 500 миллионов пудов.

К этому же году по линии Кр. Лиман—Основа грузовой поток должен будет определиться цифрой 650.000.000, как заключающий в себе уголь, идущий в направлении на Льгов и на Н. Баварию.

Естественно, что для перевозки такого грузового потока потребуются капитальные переустройства станций и узлов и производство работ по увеличению пропускной способности линии.[1]

Такое капитальное переустройство вызовет и значительные затраты, каковые будут являться преждевременными, так как с постройкой сверхмагистрали грузовой поток, в связи с переходом большей части угля на сверхмагистраль, должен уменьшиться, а потому часть капитальных вложений не будет использована в надлежащей мере.

Сделаем теперь второе допущение, т.-е. предположим, что для вывоза угля на север будет электрифицировано Курское направление. Тогда для перевозки угля в переходное время до 1932/33 года возможно будет взять весь угольный поток на данное направление, ибо представится возможным приспособить как линию, так и станции к пропуску большого грузового потока, учитывая, что затраты на эти переустройства не пропадут даром и будут использованы при электрификации линии; в случае если бы паровая тяга не могла перевезти всего груза, тогда тяжелые участки линии как Кр. Лиман—Основа и Тула—Люблино

[1] О переустройствах на остальных направлениях для перевозки угля (Елецком, Воронежском и Льговском) к 1932/33 году здесь умалчивается в предположении, что эти направления, как наиболее невыгодные, будут воспринимать сравнительно небольшую часть всего грузового потока, а потому и переустройства этих направлений, как незначительные, не учитываются.

могли бы быть электрифицированы в первую очередь, благодаря чему была бы вполне обеспечена перевозка указанного выше грузового потока, без затраты при этом средств на работы по увеличению провозной способности прочих направлений.

Из изложенного следует: 1) что в связи с постройкой сверхмагистрали будут неизбежны преждевременные расходы по усилению провозной способности как Курского направления, так и других направлений на север, а следовательно, проценты на эти преждевременные затраты должны быть учтены как дополнительные расходы по сверхмагистрали и 2) что переустройство станций и увеличение пропускной способности Курского направления для грузового потока 1932/33 года является неизбежным вне зависимости от электрификации линии, поэтому стоимость путевых переустройств на 1931 год, определенная в сумме 33 миллиона рублей, должна быть скинута с общей строительной стоимости электрификации для возможности сравнения величины единовременных затрат при постройке специальной сверхмагистрали и электрификации линии.

Третий недостаток Курского направления—это опасение иметь лишний пробег для антрацита, вывозимого на север и добываемого, главным образом, в восточной части Донбасса. Для выяснения этого вопроса надлежит иметь в виду следующие обстоятельства: 1) вывоз антрацита на север на 1940 год предполагается не свыше 40—45% общего количества угля, при этом до 80% указанного количества антрацита предполагается добывать в районе Чистяковском, Боково — Хрустальном, Боковском и Ровенецком, т.-е. в центральной части Донбасса, и только около 20% антрацита будет добываться в восточной части Донбасса, так что опасения в излишнем пробеге антрацита, во всяком случае до 1940 г., отпадают и даже наоборот—до этого времени излишние пробеги угля в районе Донбасса можно будет ожидать, если вывоз этого угля на север будет производиться по специальной паровой сверхмагистрали; 2) в будущем подвоз в Донбассе угля к магистрали должен быть организован надлежащим образом, дабы стоимость перевозки угля в самом Донбассе не легла большими накладными расходами и тем самым в значительной мере не уменьшила бы эффекта, получаемого от дешевой перевозки угля по магистрали.

Уже в настоящее время поднят вопрос о правильной организации перевозки угля в Донбассе, для чего ведутся специальные изыскания, а в таком случае замечание об излишнем пробеге в Донбассе не будет иметь существенного значения, коль скоро эти пробеги не будут служить причиной больших накладных расходов на стоимость угля.

Ко второй группе, как упомянуто выше, относятся вопросы, указывающие отрицательные стороны электрификации, а именно:

1) отсутствие персонала, могущего обслуживать электрифицированную линию как при постройке, так и при эксплоатации;

2) необходимость отдавать за границу большое количество средств для оборудования линии и для приобретения электровозов;

3) неопределенность, каковая в настоящее время имеется за границей в вопросе выбора системы тяги, и, наконец,

4) необходимость для страны на случай порчи основной магистрали, соединяющей Москву с Донбассом, иметь две линии, взаимно друг друга заменяющие, что мы имеем только при постройке специальной сверхмагистрали.

Как видно, два первых пункта по своему существу имеют характер общих соображений, поэтому не останавливаясь детально на них, ибо дискуссия в этой области привела бы к разрешению проблем общегосударственного масштаба, что не входит в нашу задачу, постараемся кратко осветить эту сторону вопроса.

Прежде всего, конечно, приходится констатировать, что электрификация такой мощной магистрали дело для нас новое и более трудное, чем постройка железнодорожной сверхмагистрали. Эта трудность заключается в отсутствии у нас соответствующего опыта в изготовлениях для дороги оборудования, из какового главными являются моторы для электровозов и преобразователи для подстанций.

Теперь мы можем себе задать вопрос, необходим ли нам этот опыт или в нашем хозяйственном строительстве он не нужен?

Двух мнений по этому вопросу быть не может.

Если мы ставим перед собой такую грандиозную задачу как индустриализация страны, выполнение чего немыслимо без электрификации, то ясно, что мы должны научиться тому всему, что нам необходимо для достижения поставленной задачи.

Момент для получения такого опыта является наиболее подходящим, ибо электрификация Курского направления может дать прекрасный опыт в деле электрификации СССР; ожидать другого случая, который может представиться и нескоро, — это значит задерживать развитие хозяйственной жизни страны. При этом нужно иметь в виду, что введение электрической тяги всегда будет сопряжено со значительными расходами, но так как вложение крупных средств мыслимо только при условии выгодности того дела, в которое эти средства вкладываются, то с этой точки зрения электрификация Курского направления является наиболее подходящим сооружением и пропускать такой момент было бы непростительной ошибкой.

Конечно, часть средств, затраченных на эту работу, неизбежно должна уйти за границу, и наша задача в этом направлении будет заключаться лишь в том, что бы принять все меры к производству большинства оборудования в пределах СССР.

Таким образом, подытоживая все изложенное, можно сказать, что электрификация Курского направления, разрешая задачу вывоза угля из Донбасса, одновременно может послужить прекрасной школой в деле электрификации СССР и, учитывая, что этот опыт является необходимым, следует принять меры к получению его в возможно ближайшее время и именно при электрификации Курского направления, как сооружения весьма рентабельного.

По вопросу о неустойчивости применяющихся за границей систем электрической тяги следует отметить, что это обстоятельство ничуть не является опасным. Всем хорошо известно, что электротехника идет быстрыми шагами вперед, вполне возможно, что в ближайшее время будет признана наиболее выгодной другая система тока, но мы, конечно, можем эксплоатировать нашу линию и при той системе, которую запроектировали, и с успехом, не меньшим, чем это выявилось в предварительных подсчетах. Ожидать того времени, когда окончательно определится наивыгоднейшая система тяги — это значит совершенно не переходить на электрическую тягу.

Последнее соображение относительно необходимости иметь две линии, могущие заменить одна другую, не встречает особых возражений. Конечно, если представляется возможность иметь две таких линии — это было бы весьма удобно, но необходимо иметь в виду, что и при сооружении сверхмагистрали не получается двух линий, одна другую заменяющих, так как в случае порчи сверхмагистрали Курское направление не сможет взять на себя всего грузового потока и заменить эту дорогу.

Две линии, заменяющие одна другую, получились бы только при условии электрификации Курского направления и постойки сверхмагистрали, но так как при настоящих условиях сделать это не представляется возможным, то приходится остановиться лишь на одном из двух вариантов.

В заключение уместно будет кратко указать на те громадные преимущества, которые представляет электрификация Курского направления по сравнению с постройкой сверхмагистрали.[1]

1. Прежде всего строительная стоимость выбранного нами варианта будет дешевле стоимости постройки сверхмагистрали. Действительно, для определения расходов, связанных исключительно с электрификацией линии, следует в общей строительной стоимости на 1931 год не учитывать расходов на путевые переустройства, которые, как указано выше, при всяких вариантах являются неизбежными и, кроме того, снять стоимость освобождающегося при переходе на электрическую тягу имущества. В таком случае единовременные затраты на 1931 год, необходимые для электрификации, будут приблизительно равны 66.000.000 руб.

Стоимость сверхмагистрали, даже однопутной, без подвижного состава, определяется как минимум 150.000.000 руб. Разница в пользу электрификации — до 80.000.000 руб. При этом нужно иметь в виду, что провозная способность однопутной сверхмагистрали (учитывая перевозку только угля) будет значительно ниже провозной способности электрифицированного Курского направления.

2. Себестоимость перевозки угля, определившаяся ориентировочно специальным подсчетом в $^1/_{300}$ коп. с пудо/километра, может быть значительно понижена в части расходов, не зависящих от движения, за счет дохода от перевозки других платежеспособных грузов и пассажиров, между тем на сверхмагистрали весьма сомнительна такая раскладка этих расходов, ибо сверхмагистраль, имея в своем грузовом потоке на 85—90% уголь, почти целиком должна перенести на уголь и расходы, не зависящие от движения.

Кроме того, и себестоимость перевозки угля на сверхмагистрали должна быть выше, чем при электрификации Курского направления, так как все накладные расходы, как-то: капитализация и амортизация, почти исключительно ложатся на угольные перевозки.

3. Одновременно с разрешением проблемы вывоза угля на север электрификация в значительной степени улучшает вообще как местное товарное, так и пассажирское движение на главнейшей магистрали СССР, — это обстоятельство имеет громадное значение для развития хозяйственной жизни страны.

4. Электрифицируя Курское направление, тем самым увеличиваем пропускную способность главнейшей железнодорожной магистрали СССР;

[1] Применительно к грузообороту 1931 года.

при этом имея в виду, что работы по усилению провозной способности данного направления являются неизбежными, следует признать, что электрификация одновременно разрешает как свою основную задачу вывоза угля на север, так и вопрос об усилении провозной способности рассматриваемого направления.

5. Если считают, что новая дорога (сверхмагистраль) может оживить хозяйство края, то, по нашему мнению, и та высоковольтная электрическая сверхмагистраль, соединяющая центр с Донбассом и являющаяся одним из сооружений будущей электрической железной дороги, в неменьшей степени будет способствовать развитию как сельского хозяйства, так и всей промышленной жизни в прилегающем районе. Само собой разумеется, что электрическая магистраль должна быть запроектирована не только для удовлетворения потребностей электрической дороги, но с учетом обслуживания нужд местного края, при чем ее трасса может быть проложена со значительным отклонением от железнодорожной линии и тем самым она может охватить значительно больший район по сравнению с районом, обслуживаемым железной дорогой. Потребность же в электрической энергии в прилегающем районе чувствуется весьма значительная; так, для снабжения Тульского района намечается подача электроэнергии с Каширской электростанции, в Орле в виду отсутствия мощной электростанции имеется большое количество малых станций с высокой стоимостью электроэнергии; для снабжения этого района электроэнергией предполагается увеличение городской дизельной станции и снижение тарифа до 9 коп. (!) за квтч.; положение с снабжением электрической энергией в Курске также неблагополучно; для разрешения вопроса об электроснабжении приступлено к постройке электростанции на торфу на Марицких болотах. Все эти срочные вопросы первостепенной важности радикально будут разрешены, коль скоро будет сооружена электрическая железная дорога. Весьма трудно в настоящее время представить себе все те громадные достижения в хозяйстве СССР, которые могут быть получены при сооружении такой мощной электрической сверхмагистрали, какой будет Москва — Донбасс.

Все изложенное выше с достаточной убедительностью говорит за то, что единственным правильным выходом для разрешения транспортной проблемы — вывоза угля из Донбасса на север, — является переход с паровой тяги на электрическую на железнодорожной линии Москва — Курск — Харьков — Донбасс.

Борьба синтетической и натуральной нефти

В статье С. Богдановского [1] есть много „сомнений", „предположений", выводов, которые он сам называет „несколько быть может смелыми", и даже расчетов, базирующихся, впрочем, также сплошь на „предположительных" основаниях... Зато в ней совсем мало фактов и нередко явно нехватает внутренней логики.

Приводя обширные цитаты, автор статьи очень часто не замечает, что они подтверждают как раз ту точку зрения, которую он с такой убежденностью оспаривает.

Правда, основной подход его к вопросу не экономический, а технический, и здесь может быть он действительно больше чувствует себя „дома", чем в вопросах экономики... Об этом мы судить не беремся. Но большая легкость, с которой он переходит от техники к экономике, приводит нередко к курьезам. [2]

По всему этому мы считаем нецелесообразным отвечать полемической статьей и предлагаем читателю вместо нее позитивное изложение основных фактов и процессов, протекавших в мировом нефтяном хозяйстве в течение последнего года и имеющих существенное значение в связи с будущностью появившегося здесь нового фактора — синтетической нефти.[3]

Как известно, в главном центре добычи нефти — в Соед. Штатах, дающих свыше 70% всей мировой добычи, — продукция возрастала почти безостановочно в течение всех послевоенных лет в соответствии с колоссально возросшим спросом и потреблением нефтепродуктов. После кратковременного снижения в 1924 г., в связи с общепромышленным кризисом, добыча нефти достигла нового исторического рекорда в середине 1925 г. С этого времени, несмотря на дальнейший рост спроса и высокий уровень цен, начинается заминка в дальнейшем развертывании американской нефтедобычи, заминка, которая затем быстро переходит в процесс сжатия ее. Вся вторая половина 1925 г. и вся первая половина 1926 г. характеризуются понижательной тенденцией в развитии нефтедобычи при исключительно высоком уровне цен.

---

[1] См. „План. Хоз.", № 9 за 1927 г.

[2] Ограничимся одним только примером: шансы на государственную поддержку промышленного синтеза нефти в Германии незначительны потому, что „для современной разоруженной Германии нет главного стимула, вытекающего из угрозы нефтяной блокады во время войны" (!!).

[3] Этот вопрос мы выдвинули в пределах Госплана СССР уже с октября прошлого года. Затем в общих оценках мировой кон'юнктуры в бюллетене „Кон'юнктура мирового хозяйства", №№ 1 и 3 от 25 декабря 1926 г. и 25 февраля 1927 г. (стеклографическое издание) и в № 1 и 5 того же бюллетеня (апредь и июнь) печатного издания, а также в статье „Мировое хозяйство в 1925/26 хоз. году" в № 2 „Статистического Обозрения" за 1927 г.

Этот процесс находит себе об'яснение в явном исчерпании ресурсов, по крайней мере, в тех верхних слоях, которые до сих пор подвергались разработке. Летом 1926 г. производит сенсацию официальное заявление „Федерального комитета по охране нефтяных ресурсов", что нефти при нынешнем темпе добычи осталось всего на 6 лет.

По существу, однако, в этом не было ничего неожиданного, так как последовательные исчисления ресурсов, начиная с 1916 г., дают довольно близкие друг другу цифры, если учесть, что в последние годы извлекались из недр по 730—750 млн. баррелей в год: [1]

Чья оценка	Год подсчета	Ресурсы (в мрд. барр.)
1. Геологич. управление	1916	11,2
2. Д. Уайт	1918	11,3
3. Геологич. управление	1920	6,5—8,0
4. „Комиссия одиннадцати"	1925	5,0
5. Федеральный комитет по охране нефтяных ресурсов	1926	4,5—5,0

Правда, эти цифры касались лишь верхних пластов, тогда как в нижних глубоких слоях, по последней оценке, должно было находиться до 25 мрд. баррелей. Однако, поскольку реально разрабатывались только эти так называемые верхние слои, постольку срыв постоянно повышавшейся до того кривой нефтедобычи оказывался совершенно законным и неизбежным.

В то же самое время весной и летом 1926 г. из Германии появились первые сведения о том, что Бергиус, работавший свыше 20 лет над проблемой гидрогенизации угля, считает свои лабораторные изыскания законченными и что оказывается возможным приступить вскоре к постановке заводской добычи синтетической нефти.

Хотя серьезная немецкая печать относилась к этим сведениям чрезвычайно осторожно и отнюдь не раздувала их, ограничиваясь коротенькими сообщениями в несколько строк, факты вскоре показали, что речь идет действительно о событии большой важности.

Начавшаяся вскоре напряженная закулисная борьба разных капиталистических групп Германии за возможность использования патентов Бергиуса довольно быстро закончилась победой недавно образовавшегося Химического треста (I. G. Farbenindustrie), в чьих руках сосредоточились эти патенты. Сам Бергиус оказался на службе Химического треста, финансировавшего его последние работы.

Угольная же промышленность, упустившая возможность расширения своего рынка сбыта, вынуждена была начать в срочном порядке финансировать некоторые другие исследовательские группы.

Естественно, что эти сообщения вызвали большой интерес в Соед. Штатах, где сокращение нефтедобычи создавало тем более напряженное положение, что параллельно шло еще более резкое сокращение добычи в Мексике (главным образом, по политическим причинам), а быстрорастущая добыча южноамериканских государств не могла еще покрыть сокращения мексиканской продукции.

К осени выяснилось, что Бергиус приглашен в Соед. Штаты для участия в конгрессе по вопросам угле- и нефтедобычи. Однако, вскоре

[1] Табличка составлена К. М. Поповым.

германская печать сообщила, что помимо того чрезвычайно общего доклада, который был им прочтен в Питтсбурге, [1] Бергиус, в качестве представителя Химического треста, уполномочен вести переговоры со „Standard Oil Co" (по инициативе этой последней) о координации действий. Нужно сказать, что политическая и общеэкономическая печать Германии придавала этим переговорам чрезвычайно большое значение, потому что с ними связывались надежды на повышение политического и международного веса Германии, только что вышедшей из полосы тяжелого хозяйственного кризиса. Поэтому, когда после возвращения Бергиуса в Германию правление Химического треста выпустило совершенно бессодержательное сообщение о том, что переговоры протекали удовлетворительно и будут продолжаться далее, ничего не говоря о каких-либо практических достижениях, — то это было встречено широкой прессой с явным разочарованием, а наиболее осведомленные органы (как, например, „Magazin der Wirtschaft") — даже с иронией.

Сделка не состоялась, потому что немцы запросили слишком дорого, а американцы не видели положительных доказательств значения нового метода. Однако, „взаимоотношения сторон" на этом не прекратились.

Немедленно после срыва переговоров американская нефтедобыча, несколько повысившаяся уже за некоторое время до того, начинает бурно возрастать. Недостаток нефти быстро ликвидируется, почти каждый месяц устанавливаются новые исторические рекорды, никаких упоминаний о только что возвещенном полном исчерпании ресурсов больше не встречается. Это продолжается всю зиму 1926/27 г. и всю весну. Лишь к июню добыча стабилизуется на необычайно высоком уровне. Кризис недопроизводства, как по мановению волшебного жезла, превращается в кризис перепроизводства.

Каким образом это могло осуществиться? Это было осуществлено двумя методами. Во-первых, значительным форсированием подготовлявшегося уже ранее глубокого бурения, т.-е. переходом к разработке нижних незатронутых еще пластов. Американская нефтепромышленность не любит разглашать своих секретов. Поэтому цифры углубления буровых скважин расходятся между собой. По данным немецкой печати (сообщавшимся в частности Mauntner'ом), за один год предельная глубина буровых скважин возросла с 1.000 до 1.700 и 2.100 метров (в Техасе и Луизиане). По другим данным увеличение составляло только 50%. Во всяком случае быстрый скачок вниз не подлежит сомнению.

Но на ряду с этим были пущены в работу некоторые новые богатые нефтяные районы, державшиеся ранее про запас.

Общее повышение нефтеносности скважин повело, несомненно, к определенному снижению издержек производства, что проще всего доказывалось тем фактом, что добыча продолжала быстро расти, несмотря на резкое понижение цен. [2]

[1] Среди крайне немногочисленных выступлений самого Бергиуса в печати следует отметить его статью в журнале „Internationale Bergwirtschaft", № 1—3, 1925: F. Bergius, „Die Aussichten der Oelerzeugung aus Kohle".

[2] С. Богдановский недоумевает, каким образом можно говорить о снижении издержек производства, благодаря глубокому бурению. „До сих пор непрерывно действовала тенденция увеличения издержек производства в связи с увеличивающейся глубиной скважин". — Мы охотно раз'ясним, в чем дело. Обычная тенденция

Но вскоре снижение цен опередило снижение издержек производства и в ряде районов сложились типичные черты кризиса перепроизводства.

В самом деле: цены, например, в Мид-Континенте на сырую нефть среднего и высшего качества упали с начала ноября 1926 г. до середины апреля 1927 г. с 2 долл. 45 центов и 2 долл. 69 цент. до 1 долл. 17 центов и 1 долл. 43 центов, т.-е. в 2,1—2,2 раза. В других местах мы видим почти такие же коэфициенты. Вместе с тем, уже с января 1927 г. идет непрестанный рост запасов.

Но самое интересное заключается в том, что с февраля—марта мы наблюдаем длинный ряд попыток нефтепроизводителей путем соглашений ограничить производство и таким образом воздействовать на крайне депрессивный уровень цен. Однако, все эти попытки, которые часто декларируются весьма торжественно на специальных с'ездах и пр., решительно ни к чему не приводят и часто добыча после принятых решений продолжает повышаться.

Создается совершенно парадоксальное положение. Нефтепромышленники большинства районов единодушно утверждают, что нынешние цены для них убыточны, цены действительно очень низки, рост запасов показывает, что производство превышает спрос, каждые 2 недели выносятся решения о добровольном и обязательном сокращении производства, — в целом типичная картина кризиса перепроизводства, — а между тем, вопреки всем законам развития кризисов перепроизводства и всем единодушно принятым решениям, — производство не сокращается, а растет!..

Единственное разумное об'яснение, которое можно найти для столь парадоксальных соотношений, заключается в том, что какая-то очень мощная организация заинтересована в продолжении увеличения продукции и запасов и удержании цен на низком уровне.

Что это за организация, мы поймем, если вспомним структуру крупнейшего, почти монопольного органа американских нефтянников — „Standart Oil Co". Все исследователи ее истории единодушно отмечают, что основная организационная идея Рокфеллера заключалась в том, чтобы сосредоточить в своих руках не продукцию нефти, а только нефтеторговлю и нефтетранспорт (нефтепроводы и пр.). С одной стороны, поиски нефтеносных районов бывают часто убыточны, так что этот риск лучше переложить на мелкого и среднего промышленника. С другой стороны, при колебаниях цен львиная доля прибылей достается торговле, тогда как убытки — преимущественно промышленности. В самом деле: при падении цен монопольная организация торговли легко перелагает это падение на производителя, а при повышении, наоборот, удерживает в течение значительного времени большую часть сверхприбыли у себя.

И действительно, „Standart Oil Co" является почти монопольной организацией торговли, которая не только имеет громадное влияние на расширение и сокращение продукции в нужных ей случаях, но и фактически контролирует большую часть американской нефтедобычи в смысле при-

роста издержек при углублении скважин предполагает более или менее равномерное распределение нефти в разных пластах, или даже убывание нефтеносности более глубоких слоев. Наоборот, если глубокие слои гораздо богаче нефтью, чем верхние (а именно так обстоит дело в ряде районов Соед. Штатов), то большая производительность глубоких скважин понижает издержки на единицу продукта.

менения новых методов, включения новых районов и пр., но не несет риска и ущерба от этих операций.

Поэтому, когда в борьбе против нового конкурента, вырастающего на континенте Европы в лице синтетической нефти, „Standart Oil Co" понадобилось резко снизить цены, даже сделав их убыточными для производителя, то она не только легко добилась этого, но и до сих пор препятствует всем решениям о сокращении нефтедобычи.

Каковы были цели этой борьбы? — Для всякого, кто знает внутреннюю механику конкурентной борьбы в течение „новейших" стадий капиталистического развития, совершенно ясно, что в зависимости от обстановки цели борьбы могут быть совершенно различными. Классическое представление о том, что целью капиталистической конкуренции всегда и неизбежно является полное вытеснение противника с поля борьбы, давно пора сдать в архив. Наблюдая экономическую действительность последних десятилетий, борьбу картелей и трестов между собой и с так называемыми „независимыми" предприятиями, можно различить три основных цели конкурентной борьбы. Это борьба: на удушение, на подчинение и на соглашение.

Больше того: можно утверждать, что первая цель стала за последнее время наиболее редким явлением среди всех трех. И, наоборот, вторая и третья цели являются ныне наиболее обычными и повседневными. На первый взгляд третья цель может показаться совершенно непонятной. Не исключает ли логически борьба соглашение, и особенно соглашение борьбу? Как же можно говорить о соглашении, как о сознательно поставленной цели только что начавшейся борьбы? И тем не менее эта цель не только вполне реальна, но и весьма обыденна.

Все дело в условиях соглашения, иными словами во взаимном распределении вытекающих из самого факта соглашения выгод и преимуществ.

Как на классический пример из политической истории XIX века можно указать на австро-прусскую войну 1866 г. Пруссия, быстро победившая своего противника, не только не воспользовалась этим для причинения крупного материального или территориального ущерба Австрии, что она легко могла осуществить, но немедленно предложила ей союз, который Австрией был принят и который просуществовал свыше полустолетия, став ядром последующего „тройственного союза".

В области экономической борьбы классическим случаем можно считать бросовый экспорт германского стального картеля в Италию по ценам намного ниже германских. Итальянская железоделательная промышленность долго и безуспешно боролась против бросового экспорта, заявляя, что он имеет целью уничтожение национальной итальянской индустрии. Однако, совершенно реальной целью оказалось не уничтожение, а соглашение, которое и было заключено обоими картелями в 1913 г.

В истории образования и жизни различных национальных и особенно международных картелей мы наблюдаем целый ряд случаев, когда налаженные уже переговоры неожиданно срывались и сменялись периодами ожесточенной борьбы для того, чтобы добиться новых уступок от других соучастников, когда картели распадались совсем и спустя определенное время возсоздавались вновь на базе нового распределения прав и

преимуществ отдельных участников (борьба за производственные квоты и т. д.). [1]

И весьма вероятно, что как раз обсуждаемый случай борьбы между „Standart Oil Co“ и германским Химическим трестом, через некоторое время, когда станут известны ныне тщательно скрываемые детали ее, станет школьным примером международной борьбы между двумя мощными организациями, борьбы на соглашение.

Какие цели ставят себе борющиеся стороны в каждом данном случае зависит от двух моментов: во-первых, от об'ективного соотношения сил и, во-вторых, от степени правильности суб'ективной оценки положения участниками борьбы.

При этом чрезвычайно важна правильная оценка не только нынешнего положения, но и его дальнейшей эволюции, дальнейших сдвигов в соотношении сил.

Осознание важности этого последнего момента и толкнуло натуральную нефть Соед. Штатов уже в прошлом году на борьбу с синтетической в самый момент ее появления на свет.

В основе этих выступлений совершенно явственно лежало желание поставить противника в тяжелое положение пока он слаб, пока он в колыбели, дабы заставить его принять условия соглашения, диктуемые старой и мощной, владеющей грандиозными капиталами организацией натуральной нефти. Ибо чем дальше, тем больше соотношение сил должно меняться не в пользу натуральной нефти.

Совсем недавние, памятные еще всем исторические опыты появления новых продуктов или новых производств — искусственного индиго, алюминия, плантационного каучука, синтетической селитры, искусственного шелка и пр., — весьма убедительно показывают, как быстро прогрессируют эти новые производства после нахождения нового технического принципа, как быстро снижаются в них издержки производства благодаря ряду усовершенствований технического процесса после постановки массового производства и как быстро вытесняют они собою старые продукты и старые отрасли производства.

Таким образом, для натуральной нефти естественно и необходимо возникала задача поставить противника на колени в его младенческом состоянии и заставить его пойти на соглашение, обеспечивающее интересы натуральной нефти.

Каковы были результаты этой борьбы? Удалось ли „Standart Oil Co“ достигнуть своих целей?

В известной мере да. Не подлежит сомнению, что нынешний уровень цен является весьма мало рентабельным для синтетической нефти.

---

[1] Из большой литературы, которую можно было бы указать по данному вопросу, мы выделим лишь четыре обобщающих работы, содержащие большое количество эмпирического материала: 1) F. Kestner, „Der Organisationszwang“. Berlin. 1912. 2) Р. Лифман, „Картели и тресты“. Перевод под редакцией и с предисловием С. А. Фалькнера. Москва, 1925 г. 3) L. D. Pesl, „Das Dumping“. München, 1921. 4) P. Rousier, „Les grandes industries modernes. 4 volume, Paris, 1924—26.

Это прямо заявляет Dr. C. Krauch, один из директоров заводов Химического треста в Людвигсгафене, впервые выступивший недавно с техническими раз'яснениями о работах и комбинациях различных принципов, применяемых здесь Химическим трестом.

„Впрочем, — пишет он, — Германия и Англия пользуются наиболее низкими ценами на жидкое топливо во всей Европе в силу борьбы, которая развертывается на этих рынках между американской и русской нефтью. Нет большого расстояния между продажной ценой и издержками производства продуктов, полученных гидрогенизацией угля. [1]

Точно также и С. Богдановский должен признать, что „современное перепроизводство в американской нефтепромышленности есть очень серьезное испытание“ для синтетической нефти.

Но может быть самым убедительным показателем эффективности мероприятий „Standart Oil Co“ является тот факт, что нынешнее положение об'ективно дает уже материалы, по которым не только можно подсчитывать (пусть ошибочно, но все же подсчитывать!), что производство синтетической нефти вообще нерентабельно, но и которые создают охоту написать статью (пусть единственную на свете, но все же статью!) о том, что синтез нефти это дело сомнительное и что незачем заниматься иностранными выдумками, когда можно добывать добрую, старую нефть из недр земных...

Между тем, параллельно с описанным развитием борьбы дело производства синтетической нефти в Германии отнюдь не стояло на месте, а быстро двигалось вперед. За 9—10 месяцев, протекших со времени начала этой борьбы, были начаты постройкой два завода, из коих один в Мерзебурге, в провинции Саксония, был и закончен в исключительно короткий срок — в 7 месяцев.

Параллельно с этим начали быстро развиваться опыты и работы других исследователей и групп, ищущих других и более легких решений проблемы гидрогенизации угля. Из них наибольшее значение имеют работы проф. Фишера в Мангейме, [2] чьи идеи теперь отчасти используются, судя по цитированной статье Крауха в комбинированных методах Химического треста. Далее начались аналогичные исследовательские работы и в соседних странах — в Англии, во Франции и др., где уже образовались специальные акционерные общества для разработки и эксплоатации методов гидрогенезации угля.

Больше того: в целях планомерного использования патентов Бергиуса во всех странах была основана „Internationale Bergin Co“, в которую вначале вошли кроме представителей германского Химического треста и представители важнейшей группы англо-голландского нефтяного треста „Royal Dutch-Shell“ в виду предоставления этим последним крупного займа „Internationale Bergin Co“. В последнее время они, однако, были вытеснены английским химическим трестом, координирующим свои действия с германским трестом и подготовляющим широкое соглашение

---

[1] „Stahl und Eisen“ от 7 июля 1927 г.

[2] См. описание метода Фишера в весьма содержательной статье инж. И. Гурфинкеля в № 5 „План. Хоз.“.

с ним, обмен патентами и пр.[1] Также и во Франции, Бельгии и Люксембурге крупная группа промышленников в составе Шнейдер-Крезо, Арбед и др. обеспечила себе лицензии на пользование патентами Бергиуса.[2]

Все это, и особенно нарастающая волна информации из Германии о подготовке заводской выработки нефти, не могло не оказать соответствующего влияния и на „Standart Oil".

В начале июня 1927 г. германский представитель „Standart Oil" возобновил переговоры с Химическим трестом, прерванные в конце 1926 г. Переговоры эти продолжались два месяца, при чем повидимому обе стороны вынуждены были пойти на уступки, ибо создавшееся положение оказалось для них менее выгодным, чем соглашение. В первых числах августа в Мангейм прибыл председатель концерна „Standart Oil of New Jersey" Тигль, а 8 августа германский телеграф оповестил весь мир, что им и директором Химического треста Бошем подписано соглашение о сотрудничестве обеих промышленных групп".

Каково содержание и об'ем этого соглашения? Это держится в строгом секрете и вряд ли скоро станет достоянием гласности. Тем не менее, можно думать, что это соглашение имеет пока временный и частичный характер. Перспективы развития синтетической нефти настолько благоприятны, что ей не зачем связывать себя длительным и тягостным союзом с нефтью натуральной.

Каковы будут его последствия? С большой степенью вероятности можно ожидать теперь сокращения продукции нефти в Америке, уменьшения запасов и повышения цен, весьма желательного также и для синтетической нефти.

Но это повышение цен сможет удержаться лишь на определенное и притом небольшое время. Если мерить время не месяцами, а хотя бы немногими годами, то нужно будет с полной определенностью повторить тот прогноз, который мы дали несколько месяцев тому назад: „чем бы ни закончилась эта борьба, несомненно одно: предстоит эпоха дальнейшего значительного снижения цен на жидкое топливо".

Два соображения делают для нас несомненным именно такое направление эволюции. Во-первых, указанный уже выше опыт целого ряда аналогичных производств — искусственного индиго, искусственной селитры, искусственного шелка и др., где процесс технического усовершенствования после нахождения нового технического принципа всегда приводил к чрезвычайно быстрому снижению издержек после приступа к заводскому производству. И, во-вторых, громадное давление, оказываемое всей современной экономикой на технику в смысле получения

[1] Характерно, что вытеснение представителей Royal Dutch-Shell повело к немедленной перемене позиции по отношению к синтетической нефти председателя этого общества сэра Детердинга, который стал с тех пор чрезвычайно скептически отзываться о перспективах ее реализации. Эти скептические отзывы чрезвычайно импонируют и нашему оппоненту С. Богдановскому, который пользуется ими, — увы! — совершенно не подозревая их „об'ективного" обоснования.

[2] Об этом см. статьи: „Die Internationale Chemieverhandlungen" и „Köninklijke-Shell, Standart Oil und die I. G. Farbenindustrie в „Deutsche Bergwerkszeitung" от 20 и 24 июля 1927 г.

максимально дешевого жидкого топлива. Если совокупная мощность всех имеющихся в распоряжении человечества двигателей оценивается в 600 млн. лош. сил, то большую часть в них составляют двигатели внутреннего сгорания (300 млн. лош. сил приходится на одни только автомобили),[1] т.-е. двигатели, работающие жидким топливом. Вся основная масса их была создана после войны, а исключительно быстрый темп дальнейшего роста делает неизбежным то, что именно им будет принадлежать решающее значение в общей системе мировой энергетики.

Внутренняя связанность этапов технического прогресса, из коих каждый предыдущий ставит задание для следующего и тем обусловливает его, выступает и здесь чрезвычайно ярко.

Отсюда можно сделать и некоторые практические выводы. Не „благожелательное" или „неблагожелательное" отношение „к нашей нефтяной промышленности", которым сугубо интересуется С. Богдановский, должно являться критерием для оценки положения или чьих-либо суждений.

Натуральная нефть—важный элемент нашей народнохозяйственной системы, но все же лишь один элемент ее и притом один из многих. Поэтому вопрос о „благожелательном" отношении к нашему народному хозяйству в его совокупности неизмеримо важнее, чем вопрос об отношении к одной, отдельной его отрасли. А интересы всего народного хозяйства требуют максимально внимательного и настороженного отношения к вопросу о синтетическом топливе, который находится ныне в центре общественного внимания всего мира. Синтетической нефти, как дешевому и в дальнейшем все удешевляющемуся топливу, суждено, повидимому, революционизировать все мировое топливоснабжение. Отсталость в этой области может иметь весьма неблагоприятные последствия для всего нашего хозяйственного развития. Поэтому необходимо теперь же организовать широкую исследовательскую работу в этой области и широко финансировать ее с самого начала. Затраты на нее окупят себя с большим избытком чем где-либо.

[1] Такова оценка Л. К. Рамзина в № 1 „План. Хоз." за 1925 год („Энергетические ресурсы СССР", стр. 153).

И. Т. Гуштюк

К вопросу о месте постройки заводов для металлургической обработки концентратов руд цветных металлов Алтая и Восточного Казакстана[1]

Рост электрификации и машинизации страны и рост культурных запросов населения обусловливает более высокую, сравнительно с довоенным, потребность в цветных металлах, которую, как максимальную, можно ориентировочно очертить цифрами:

	1913 г.	1926/27 г.	1929/30 г.	1934/35 г.
По меди (тонн)	36.000	50.000	78.000	140.000
„ цинку „	33.000	38.500	57.000	100.000
„ свинцу „	50.000	38.000	56.000	107.000

Минимальное потребление, зависящее не только от потребности, но и от покупательной способности государства и населения, размеров собственной выплавки, валютных возможностей и цен мировой биржи на цветные металлы,— во всяком случае не должно быть ниже 10—20% от указанной выше потребности, в противном случае на пути к индустриализации и цивилизации страны создаются непреодолимые препятствия.

В случае фактического потребления страной к 1934/35 г. даже тех количеств меди, цинка и свинца, которые исчислены здесь как максимальные, все же потребление СССР на душу населения составило бы лишь около четвертой части душевого потребления Америки по этим металлам в 1924 г. и около половины потребления Германии за 1913 г.

Максимальные количества меди, цинка и свинца, которые могли бы быть выплавлены из всех месторождений СССР, сколько-нибудь затронутых разведкой и поддающихся какому-либо самому оптимистическому подсчету и промышленной оценке, при самых благоприятных условиях железнодорожного строительства и вложения в эту отрасль капиталов, могут быть выражены ориентировочно в следующих цифрах:

	1913 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1929/30 г.	1934/35 г.
По меди (тонн)	32.300	18.600	26.000	43.000	140.000
„ цинку „ .	2.950	1.810	10.450	29.000	94.000
„ свинцу „ .	1.372	1.120	4.900	21.700	57.000

Сюда включена (с 1931/32 г.) и эксплоатация Нерчинского района, которая почти вовсе невозможна до строительства соответствующих железных дорог и медных руд Минусинского района и Туркестана, которые по малой разведанности небезопасно вводить в расчеты.

[1] В порядке постановки вопроса в связи с обсуждением проблем генерального плана.

Более вероятна значительно меньшая в первое десятилетие выплавка меди, свинца и цинка (на 20—30%), поэтому диспропорция между потребностью в цветных металлах и их выплавкой в стране будет весьма велика, и может легко оказаться, что без проведения особо благоприятственной политики в отношении этих отраслей промышленности мы не достигнем к концу десятилетия выплавки выше: по меди – 75%, по цинку—30%, по свинцу—40—50% от потребности.

Основными препятствиями к успешному развитию у нас металлургии цветных металлов являются: сравнительно небольшие размеры запасов металлов в отдельных месторождениях и даже в целых районах; пространственная разбросанность месторождений в районах и районов по стране — по преимуществу по периферии, что особенно применимо в отношении цинково-свинцовых руд; весьма слабая разведанность месторождений; отсутствие удобных путей сообщения (ж. д.); слабое развитие дела обогащения руд и т. д. Самое крупное по запасам месторождение меди в СССР (на Урале) — Дегтяринское — имеет разведанных запасов руд в общем низкопроцентных (1,5—2%), с валовым запасом меди всего в размере не свыше пятилетней потребности страны по 1926/27 г. Наиболее крупное месторождение цинка и свинца в СССР—Риддерское на Алтае, включает в себе очевидного валового запаса цинка лишь в размере не свыше восьмилетней предвидимой потребности 1929/30 г., а свинца не свыше 4—5-кратной потребности того же года. Это обстоятельство в связи с той экономической истиной, что вырабатывать у нас каждое месторождение в отдельности скорее, чем в 12—15 лет, — невыгодно, об'ясняет почему и в настоящее время, несмотря на национализацию недр и полный простор к рационализации—неизбежно приходится допускать даже и по чисто экономическим соображениям большую разбросанность в деле строительства предприятий цветных металлов как в одном районе, так и по отдельным районам.

Разведанные, частью вероятные и вообще поддающиеся хотя бы некоторому промышленному охвату и оценке запасы металлов в рудах цветных металлов СССР приблизительно могут быть исчислены:

По меди (включая и медь медно-цинковых месторождений Алтая) около 1.300.000 тонн, которые распределяются: на Урал — 54%, на Казакстан—27% (из них по группе Атбассара до 6%, Вост. Казакстана — 13%, Алтая—8%), Кавказ—13% (очень слабо разведан, хотя возможные запасы весьма обнадеживающие), прочие—6%.

По цинку (включая Уральскую Карпушиху, Сандонато и проч.) 2.050.000 тонн; из них: а) на долю Урала — 3%; б) Казакстана—35% (Алтайская часть—28% Вост. Казак. степь—7%); в) Алтаю—Салаиру—12%; г) Концессионному Алтаю—18%; д) Нерчинскому району — 14%; е) Д. Востоку (Тетюхэ)—12,5%; ж) Кавказу—6,5%.

По свинцу—совместно с цинком в полиметаллических рудах соответственно): а) ничтож. количество; б) 40% (Алтайской части—28%; Вост. Казак. степь — 12%); в) Алтаю—Салаиру — 2%; г) Концессионный Алтай—12% ;д) —27%; е) 15%; ж) 4%.

Сказанное ранее относительно размеров запасов металлов — меди, цинка и свинца и их распределения по районам, о потребности страны в означенных металлах, вероятной их выплавке и неизбежности в силу ограниченных размеров отдельных месторождений и целых районов одно-

временной эксплоатации разных районов цветных металлов, ставит, как актуальную задачу, вопрос об эксплоатации месторождений цветных металлов Алтая и Вост. Казакской степи, в особенности цинково-свинцовых, в самых широких размерах, выходящих за пределы строящегося уже Риддерского предприятия.

Однако, на пути к эксплоатации других, кроме Риддера, Белоусовского, Зыряновского и Березовского месторождений и отчасти Салаира имеется громадное препятствие в виде недостаточной разведанности констатированных многочисленных месторождений как Алтая, так и в особенности Вост. Казакской степи.

Отпуск достаточных средств на организацию широких разведочных и исследовательских работ нужно признать необходимым в ближайшем времени, имея в виду, что район, напр., Вост.-Казстепи по всей сумме других экономических условий (продуктам сельскохозяйственным и скотоводническим, распределению мульд с каменным углем и удобной топографии для проведения путей сообщения) является одним из благоприятных для процветания горного дела при условии значительных разведанных запасов руд.

Разведки могут дать другие данные, резко отличающиеся от положенных в основу данных расчетов, при чем наиболее вероятно, что руды окажутся и по Вост. Казстепи богаче цинком и беднее свинцом.

Если по самому характеру рудных месторождений — частью Алтая и в особенности доминирующего количества месторождений Вост. степи — неизбежна децентрализованная добыча и обогащение руды, то этого при современном состоянии дела обогащения, дающего возможность получения высокопроцентных концентратов, и механизированном транспорте (жел. дорогах, местами автотранспорте) — можно и должно избежать в отношении организации металлургических заводов. а) Заводы по возможности,—в пределах экономической целесообразности и коммерческой выгодности, должны быть укрупнены, дабы получилась возможность максимальной рационализации и механизации и удешевления продукции. б) Концентраты должны быть высококачественными и в значительной степени стандартными.

Для концентратов Алтая и Казакстана, как стандарт на первых порах, можно бы назвать: для медных процентное содержание меди 25% при минимуме содержания цинка 5—8%; для цинковых —45% цинка при минимуме содержания железа (5—7%) и свинца (2—5%); для свинцовых 60% свинца при возможном минимуме содержания цинка.

Таких концентратов можно бы получить по запасу руд, поддающихся промышленной оценке и выработке их в 12—15 лет (см. табл. на стр. 247).

По Восточному Казакстану медных концентратов, примерно, с 1931/32 г. округлено:

Группы	
Успенского рудника и Спасского медного завода до	16.000 тонн
Коктас-Джартас и Коктас-Джалал	25.000 тонн
Прибаянаульская	неопределенно
Верхне-Чидертинская	8.000 тонн
Приэкибастусская	неопределенно
Итого около	49.000 тонн

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 и послед. годы
	В тоннах						
По Риддеру.							
Цинковых	10.500	21.000	21.000	31.500	45.000	69.000	69.000
Свинцовых	5.600	11.200	11.200	16.800	23.000	33.000	33.000
По Салаиру							
Цинковых	—	—	—	—	15.000	30.000	30.000
По Вост.-Казакстану							
1. Баянаульск. гр.							
Цинковых	—	—	2.500	5.000	5.000	5.000	5.000
Свинцовых	—	—	1.900	3.800	3.800	3.800	3.800
2. Беркаринская гр.							
Цинковых	—	—	—	22.00	2.200	2.200	2.200
Свинцовых	—	—	—	5.400	5.400	5.400	5.400
3. Кызыл-Эспинск.							
Цинковых	—	—	—	—	4.400	4.400	4.400
Свинцовых	—	—	—	—	10.700	10.700	10 700
Итого по Вост. Казакстепи							
Цинковых	—	—	2.500	7.200	11.600	11.600	11.600
Свинцовых	—	—	1.900	9.200	19.900	19.900	19.900

При выходе из 2,64 тонны цинковых концентратов 1 тонны цинка, из 1,85 тонны свинцевого концентрата 1 тонны свинца и из 5 тонн медного концентрата 1 тонны меди, из указанных количеств концентратов будет получаться в год металлов при стабилизировавшейся производительности добывающих предприятий:

	Цинка тонн	Свинца тонн	Меди тонн	Золота кг	Серебра кг
Риддера	26.200	16.000	700	4.050	20.100
Салаира	14.500	730	400	120	4.500
Вост. Казак. степи	4.300	7.450	10.400	570	30.300

Помимо интересов концентрации металлургической обработки, категорически обязательной в настоящее время, в отличие от практики прошлых времен является руководство при выборе места для заводов принципами рационального промышленного районирования, учитывающего в числе других факторов в особенности географическое распределение: а) энергетических баз; б) сырых вспомогательных материалов, как огнеупорные глины, расходуемые, например, при дистилляции цинка в большом количестве; в) распределение потребителей металлов и таких побочных продуктов обработки сульфидных концентратов, как сернистый газ, серная кислота и т. д.

При расходах на 1 тонну цинка: а) каменного угля (7.000 калорийного) от 4 до 6 тонн при дистилляционном способе и 4.000—4.400 квтч. электроэнергии с шин понизительной подстанции — для случая электролиза; б) огнеупорных глин при дистилляции от 0,4 до 0,75 тонны в) рабсилы от 15 до 20 поденщин при дистилляции и от 6 до 10 при электролизе и т. д., при получении от переработки одной тонны цинковых концентратов 1 – 1,25 тонны серной 50° кислоты,— вполне понятно, вопрос о месте организации металлургических заводов становится сложнейшей и ответственнейшей задачей, разрешением которой в некоторых случаях может явиться постройка цинковых заводов за сотни и тысячи километров от места добычи и обогащения руды, что наблюдается нередко в мировой практике, когда концентраты Австралии или Британской Колумбии перерабатываются в Бельгии или в Германии, а криворожская железная руда перерабатывалась на заводах Польши или Германии.

Попытка такого всестороннего учета разнообразных факторов и подсчет транспортировки грузов приводят в отношении проблемы цветных металлов Алтая и Восточного Казакстана к следующему заключению: экономически наиболее целесообразным может явиться создание отдельных комбинатов с металлургическими центрами: а) Для переработки медных цинковых и свинцовых концентратов из месторождений Вост. Казакстана — в районе Карагандов или по соображению с наличием пресной воды в Вост.-Чидертинском районе, что в 200 и 160 *км* от г. Акмолинска на ю.-в., в районе Экибастусса с ориентировкой на линию ж. д. Петропавловск—Кокчетав—Акмолинск и далее на Караганды или на Баян—Аул—Павлодар. Отметим, при этом, что Экибастусское угольное предприятие менее благоприятно расположено в отношении рудных месторождений и не имеет пресной удовлетворительной воды; поэтому несмотря на то, что в Экибастуссе английская компания, владевшая Риддером, начала было строительство цинкового завода (к настоящему моменту завод значительно разрушен), — эта угольная мульда не имеет таких преимуществ, чтобы на ней безоговорочно остановиться как на будущем метуллургическом центре Вост. Казакстана. б) В районе Кузбасса или Новосибирска вблизи центра сибирской углепромышленности, черной металлургии и потребления серной кислоты — для переработки алтайских цинковых концентратов.

Однако, вопрос о последнем требует еще дальнейшей проработки и согласования, в виду серьезных конкурентов в лице вариантов, основывающихся на использовании гидроэнергии горных речек Ульбы или Убы в Юго-Зап. Алтае или Экибастусского угольного бассейна в Казакстепи в 700 *км* от Риддера. Лишь дальнейшее детальнейшее экономическое обследование и сметно-калькуляционная работа, базирующаяся на составленных хотя бы эскизных проектах силовых станций и заводов, могли бы дать более или менее бесспорное решение проблемы. Вопрос о том, обойдется ли установленный квт. мощности для Ульбинской и Убинской гидростанций в 500 или 700 рублей, а в связи с этим квт.-час в 1 или 1,5 копейки, имеет существеннейшее значение для правильного решения вопроса, так как при таких ценах, как 1,5 коп. за квт.-час гидроэлектрической энергии, дистилляционные способы безусловно побеждают, и даже электролиз цинка на паровлектростанции в районе Новосибирска получает много шансов на осуществление, имея в виду,

что для этой станции 1 квт. установленной мощности обойдется не свыше 400 рублей (станция для 36 — 40 тысяч тонн цинка в год требует с резервами до 26.000—30.000 квт.) и что 1 квт.-час. на шинах понизительной подстанции завода может обойтись при цене кузбасского угля франко—Новосибирск в 0,82—0,90 коп. *кг*, всего около 1,5 коп.

Особым преимуществом вариантов постройки цинкового завода в районе Новосибирска или Кузбасса, кроме указанного, является возможность иметь здесь крупнейшего потребителя серной кислоты, которой при заводе на 36.000—40.000 тонн цинка в год (на основе Риддера и Салаира, или на основе Риддера и вошедших в концессию Белоусовского и Зыряновского рудников) будет получаться не менее 60—70 тыс. тонн; переброска же серной кислоты из района Убы или Ульбы или из Экибастусса в район Новосибирска, т.-е. к единственному предвидимому пока крупнейшему в будущем потребителю серной кислоты, обошлась бы дополнительным расходом от 15 до 20 руб. на тонну кислоты.

По отношению к строительству Убинской гидростанции следует отметить сомнения в возможности быстрого осуществления ее сооружения, в виду явной недостаточности гидрометрического и геологического материала, полученного в результате всего одногодичного наблюдения. Возможность проектировать по аналогии с Ульбой сомнительна в виду того, что аналогичный материал по Ульбе не безупречен в отношении качества, детальности и сроков наблюдений.

Задача о выборе места для завода, долженствующего перерабатывать алтайские цинковые концентраты, весьма осложняется вопросом о металлургической схеме — электролиз ли цинка или дистилляция?

Такого вопроса не возникает в отношении завода для переработки цинковых концентратов Вост. Казакстепи, так как количества последних далеко ниже того предела, за которым может начаться выгодность электролиза (в Америке рентабельность электролитного завода начинается с 20.000 тонн цинка в год, а у нас, вероятно, с 10—15 тыс.).

Существеннейшими моментами, влияющими на разрешение вопроса о металлургической схеме, являются срок ее осуществления, размер капитальных затрат и себестоимость продукции.

Срок осуществления не должен быть растянут больше, чем на 4—5 лет, считая с 1927 года; в противном случае пришлось бы или вывозить доминирующую часть концентрата за границу, что при всей вероятной коммерческой и даже валютной выгоде может быть признано по общим экономическим и прочим государственным соображениям недопустимым, или замедлить темп развития добычи и обогащения руд, что при голоде на цветные металлы—нецелесообразно.

Строительство дистилляционного завода на производительность в 36—40 тыс. тонн цинка в год может быть без особых затруднений закончено в 4—5 лет, при чем осуществимо единицами значительной дробности, начиная от 1.000 и более тонн годовой производительности. Строительство же электролитного завода такой же производительности едва ли осуществимо раньше 6—7 лет, так как в виду новизны и деликатности процесса даже в практике заграницы требуются предварительно длительные опыты заводского масштаба; затем необходимо крупное электростроительство в 26—30 тыс. квт. мощности, что особенно для

случая гидростроительства может затянуться на 6—7 лет, включая и период обсуждения вопроса.

Размер капитальных затрат, каковые (в тыс. рублей) ориентировочно (но для всех вариантов с запасом) могут быть представлены в следующем виде:

I. На организацию цинкового завода для металлургической переработки риддерских и салаирских концентратов.

Наименование вариантов	Металлург. цех	Силовые станции	Вельц. процесс печи для плавки на медь	Серно-кислотный завод для своих нужд	Фабрика для промывки районки	Угольные копи	Жил.-строительство и пр.	Итого
Электролитный								
На энергии Убы	12.000	21.000	3.450	750	—	—	1.200 1.000	39.400 (18.400)[1]
Электролитный								
Новосибирск. на кузбасском угле	11.500	12.000	5.700	500	—	3.100	1.000 500	34.300 (21.200)
Кузбасский дистилляционный	8.500 Включ. и силовую станцию	Учтена в предыд. пункте	5.700	—	360	4.500	2.200 500	21.070

II. На организацию всего комбината, охватывающего Риддер и Салаир, включая оборудование шахт, обогатительных фабрик, свинцового завода, цинкового завода и проч., но без ж. д. на Рубцовку.

При вариантах для цинкового завода	На организацию металлургическ. цинка	Рудники, обогатит. фабрика, свинцовый завод и пр.	Всего (округляя)
Электролитн. Убинском .	39.400 (18.400)[2]	21.900	61.000 (40.000)
Электролитн. Новосиб. .	34.300 (21.200)	21.900	56.200 (41.700)
Дистилляцион. Кузбасск. .	21.700	21.900	43.500

Сравнительная значительность и тяжесть означенных капитальных затрат могут быть отчетливо оттенены при сопоставлении затрат на строительство цинкового завода с валовой и полезной ценностью цинка в рудах, а затрат на организацию всего комбината с валовой и полезной ценностью всех металлов.

Имеем валовую ценность цинка в учтенных рудах Риддера и Салаира, составляющую в червонных рублях, при продажной цене тонны

[1] Цифры в скобках указывают суммы без электростроительства и расширения угольных копей.

[2] См. сноску 1.

в 510 рублей — 311.000.000 рублей; полезную ценность (с учетом потерь при обогащении и металлургии)—288.000.000 рублей.

Капитальные затраты на организацию цинковых заводов составят в процентах от этих величин:

Для Убинского электр. варианта соответств. . . . 12,7 (5.9%) и 13,7% (6,4%)
„ Новосибирского электролитн. „ . . . 11,5(6,8%) и 12,4% (7,3%)
При дистилляции в Кузбассе . . . . . 7% и 7,5%

Валовая ценность всех металлов в руде, при продажной цене цинка 510 рублей тонна, свинца — 466 рублей тонна, меди—991 руб. тонна, золота—1,280 *кг*, серебра—35,37 *кг*, исчислена в 728.300.000 черв. руб., а полезная ценность — в 526.300.000 руб., и соотношения капитальных затрат на весь комбинат составят в %% от валовой и полезной ценности:

Для Убинского варианта . . . . . 8,4(5,6%) и 11,6% (7,6%)
„ Новосиб. „ . . . . . 7,9(5,7%) и 11,0% (7,9%)
Для Кузбасского „ . . . . . 6,0 и 8,3%

т.-е. преимущество и по абсолютной величине капитальных затрат и при их сопоставлении с сырьевой базой — на стороне дистилляционного способа.[1]

Если затраты на строительство станций Убинской и Новосибирской, в виду их районного характера, не относить к затратам на организацию цинковых заводов, равно как не относить на заводы затрат на угольные копи, питающие Новосибирскую станцию и дистилляционный завод, то все три варианта в отношении капитальных затрат значительно сблизятся.

Возможно, что дополнительные капитальные затраты на организацию электролиза цинка являются причинами, в силу которых, несмотря на двадцатилетнюю давность применения электролиза цинка в заводском масштабе, мы видим во всем мире лишь три завода крупного промышленного масштаба: один в Австралии, два в Америке — Анаконда и Канада, при чем в Америке замечается пока как бы некоторая стабилизация процента электролитного цинка 12—14% от общего количества цинка, хотя, с другой стороны, возможно, что одним из препятствий является необходимость концентрации производства для выгодности электролиза, между тем как в прошлом цинковые заводы и рудники были в Америке распылены между многочисленными конкурентами. Неустойчивая кон'юнктура рыночных цен также способствовала практически сохранению обоих способов, в виду сравнительно малой разницы между себестоимостями, по сравнению с кампаниями рыночных цен.

Европа не вышла еще из стадии опытных электролитных заводиков — с производительностью в 2—8 тонн в сутки, несмотря на наблюдающуюся на рынке премию на электролитный цинк в виду лучшего его качества.

Себестоимость продукции является одним из наиболее веских показателей преимуществ того или иного варианта. Нижеследующая таблица дает ориентировочную себестоимость и процентное соотношение слагаемых себестоимости для случая переработки цинковых концентратов из главного их источника — Риддера (см. табл. на стр. 253).

[1] Цифры %% в скобках указывают соотношения без учета затрат на электростроительство и на расширение каменноугольных копей.

Наинизшую себестоимость дает Кузбасский дистилляционный вариант; весьма близок к нему Экибастусский дистилляционный. Близки друг к другу Убинский и Новосибирский электролитные варианты. Если бы построить электролитный завод только для Риддерских цинковых концентраторов и гидроэлектрическую станцию для него на Ульбе (или с использованием Убинской станции — Убинский вариант), то мы выиграли бы сравнительно с Убинским вариантом на сокращении расходов по переброске концентрата до 36 рублей на тонне цинка, но зато потеряли бы от приплаты на энергию 0,20—0,10 коп. на квтч. (8,5 руб.) на тонне цинка, капитальные затраты относительно были бы выше, рабочая плата выше, так что себестоимость цинка от Ульбинского варианта, если к тому же принять в соображение лишний пробег цинка и серной кислоты к потребителю, едва ли была бы сколько-нибудь заметно ниже себестоимости продукции Убинского варианта; затем — самое главное — против Ульбинского варианта сильным возражением является его изолированность от других источников сырья (цинковых концентратов).

Если учитывать более высокое качество электролитного цинка, оплачиваемое на рынке премией до 5—6%, то электролитические заводы дадут прибыль, близкую к дистилляционным, при чем в конечном счете при сравнении Новосибирского и Убинского вариантов разница будет повидимому в пользу Новосибирского, так как для Убинского завода необходимо учитывать дополнительный расход на провоз серной кислоты до Новосибирска, ложащийся накладным расходом до 30 рублей на 1 пуд цинка.

Новосибирский и Кузбасский варианты, как указано выше, имеют еще то преимущество, что одновременно с переброской концентратов к нему перебрасывается удобным способом и сырье (сера) для серной кислоты к месту возможного ее потребления; против обоих Экибастусских или Убинского вариантов это даст как бы лишнюю выгоду на тонне цинка в 30—40 руб.

Постройка дистилляционного завода в Новосибирске взамен электролитного дала бы продукцию почти по той же цене, что и Кузбасский дистилляционный, так как провоз угля почти всецело мог бы быть компенсирован меньшим пробегом концентрата, цинка и серной кислоты. Итак, повидимому, совершенно бесспорна необходимость сосредоточения металлургии цинка в районе Кузбасса и Новосибирска. Выбор же между дистилляционным способом и электролитическим по мотивам стоимости продукции не может быть сделан с достаточной определенностью до тех пор, пока не будет разрешен вопрос о том, будут ли отнесены затраты на постройку электростанции в Новосибирске на металлургию, или же они будут учитываться иначе.

Возможность утилизации в топках цинковых дистилляционных печей избыточных газов от коксовальных печей для варианта постройки дистилляционного завода, например, в Кузбассе, повела бы к дальнейшему снижению себестоимости дистилляционного способа и явилась бы дополнительным доводом в пользу этого способа.

Отмеченное выше относительно стоимости гидростанции и неопределенности стоимости энергии — заставляет быть осторожными с утверждениями о действительной величине исчисленной ранее себестоимости по Убинскому варианту.

Варианты	Убинский электролитный	Экибастусский		Кузбасский дистилляционный	Новосибирский электролитный	Челябинск. электролитный	Донбасский дистилляционный
		Электролитн.	Дистиллац.				
Полная заводская себестоимость (в %%)	100	100	100	100	100	100	100
Процентн. соотношение слагаемых себестоимости. .	—	—	—	—	—	—	—
I. Основное сырье							
1. Концентраты.	18,2	16,5	20	21	19	16,5	18
2. Перевозка концентратов	3,8	7,5	9	10	7	11,5	22
Итого	22	24	29	31	26	28	40
II. Вспомогательное сырье и материалы	9	7	2,5	2	9	7,5	2
III. Топливо и энергия	20	30	17	13	20	24,5	14
IV. Зарплата рабочих и служащих	11	9	19	21,5	11	9,5	18
V. Обслуживание цеха	5	4	3	3,5	4	3,5	3
VI. Общезаводские накладн.	4,5	4	4,5	4,5	4	4	3,5
VII. Расходы правления.	4,5	4	4,5	4,5	4	4	3,5
VIII. Налоги, сборы, плата за недра	4	3	3,5	4	3	3	3
IX. Амортизация из 10%	10	7	8	8	10	8	6
X Проценты на основной и оборотный капитал .	10	8	9	8	9	8	7
Полная себестоим. франко—завод в руб. (округл.)	340,60	415.40 / 405.82	341 / 331	307	347	393	372
Доставка до Москвы	45.50	36,60	36,60	35,40	33,00	25,00	10,00
Себестоимость франко—Москва в черв. рублях .	386	452 / 443	378 / 368	342	380	418.00	383

Примечания: 1) Премию на электролитный цинк можно предположить в 5 — 6% от цены, т.-е. в 30 руб. за тонну цинка. 2) Низшие цифры в дробях указывают стоимости при сооружении соответствующих железных дорог. 3) Для Донбасского варианта приводится только половина цинка.

Для того, чтобы закончить сравнение двух вариантов электролитного и дистилляционного нельзя не отметить некоторые преимущества электролитного способа:

1) Электролитный способ более гигиеничен, в то время как дистилляция относится к категории вредных производств.

2) Электролитный способ требует менее квалифицированной рабочей силы и количество рабочей силы по американским данным в три раза менее (в наших расчетах принято, примерно, в два раза менее) чем при дистилляции.

3) Соответственно п. 2, количество жилплощади для рабочих будет менее.

4) Есть основание надеяться на дальнейший технический прогресс электролитного способа как в отношении самого процесса электролиза (например, в работе большими плотностями тока), так и в отношении подготовительных процессов (уменьшение расходов топлива при введении сульфатизирующего обжига), хотя не исключается возможность прогресса и в дистилляционном способе.

5) При расширении эксплоатации полиметаллов Алтая на менее чистые руды, чем риддерские, могут быть приобретены дальнейшие преимущества в смысле получения лучших выходов металла.

Реализация продукции и рентабельность. Рентабельность, помимо себестоимости, определяется политикой продажных цен. Для ориентировки в вопросе о рентабельности Алтайского комбината (Риддер-Салаир-Кузбасский цинковый завод) и Карагандинского комбината (полиметаллы и медные месторождения Вост. Казакстана, металлургические заводы в Карагандах) приняты цены франко—Москва на медь—991 р. тонна, цинк—510 руб. тонна, свинец—446 руб. тонна, золото—12,80 *кг*, серебро—40,40 *кг*, что даст против цен Лондона удорожание соответственно в 1,75—1,5 раза и для золота и серебра—1 (при расчете по паритету).

Основанием для выбора этих цен послужило следующее:

1) в пятилетие 1909—1913 гг. цены тогдашней Петербургской биржи были выше цен Лондонской биржи по меди в среднем в 1,53 раза при пошлине в 5 руб. на пуд; на цинк—в 1,3, на свинец—в 1,45 раза, золото и серебро в общем в одной цене;

2) в настоящее время при пошлине на медь в 6 руб. на пуд, на цинк и свинец по 30 коп. на пуд и при более плохих в настоящее время соотношениях между ценами на товары у нас и за границей нужно ожидать, что в течение долгого периода времени цветные металлы, франко—Москва, будут против Лондона с коэфициентами вздорожания цен, не ниже принятых нами;

3) эти цены по сравнению с ценами Петербургской биржи 1913 г. дают коэфициенты вздорожания по меди 0,95, по цинку и свинцу 1,85, по золоту 1, по серебру 1,11, т.-е. и у нас, как за границей, получается по цветным металлам индекс вздорожания меньший, чем индекс общего вздорожания промтоваров.

Результаты эксплоатации по Алтайскому комбинату цветных металлов при Кузбасском дистилляционном варианте, но без учета дохода от серной кислоты — выражены в следующей таблице:

Результаты эксплоатации

(Выплавка в год при программе максимум)

Наименование продукции	Количество продукции (тонны)	Себестоимость		Выпуск продукции		Прибыль +, убыток —	
		Единицы в руб.	Всего в тыс. руб.	Единицы в руб.	Всего в тыс. руб.	От единицы в руб.	Всего в тыс. руб.
Медь	10.400	1.031	10.700	991	10 300	— 40	— 400
Свинец	7.450	549	4.100	446	3.300	—103	— 800
Цинк	4.300	587	2.310	510	2.200	— 27	— 100
Золото	470 *кг*	280	160	1.280	730	+ 1.000	+ 570
Серебро	30.300	—	—	40	1.200	440	1.200
Итого . . .	—	—	17.270	—	17.780	—	+ 470

Выводы: 1) На 1 руб. капитальных затрат приходится выпуска около 44 коп.
2) На 1 руб. общего, основного и оборотного капитала приходится выпуска около 36 коп.
3) На одного рабочего (при общем их числе около 8.500) приходится выпуска около 2.000 руб.
4) Предпринимательская прибыль на вложенный капитал в 49.500.000 руб. составит около 1%.

Другие, кроме прибыли, приходы и возвраты в государственную кассу

1) Амортизация из 6% (взята меньше, чем для Риддерско-Салаирского-Кузбасского комбината по причине сомнительной рентабельности комбината) на капитал в 41.000 руб. . . . . около 2.400.000 руб.
2) 6% на вложенный капитал в 49.500.000 руб. . . . . „ 2.970.000 „
3) Налоги, сборы и оплата недр 126.100 руб., плюс сбор за благородные металлы—31.300 руб. . . „ 157.000 „

Итого . . . 5.627.000 руб.

Результаты эксплоатации при кузбасском дистилляционном варианте

Наименование продукции	Количество продукции	Себест. в черв. руб.		Выпуск продукции в черв. руб.		Прибыль		Примечание
		Единицы в руб.	Всей прод. в руб.	Единицы в руб.	Всей прод. в руб.	От единицы в руб.	От всей продукции в руб.	
1. Цинк	36.700 тонн	366	13.065.200	510	18.717.000	154	5.651.800	Окись свинца от Вельцпроцесса переплавляется на свинец.
2. Свинец	16.730 „	335	5.604.550	446	7.461.580	111	1.857.030	
3. Медь	2.500 „	700	1.750.000	991	2.477.500	291	727.500	Расходы по серебру переложены на свинец и золото.
4. Окись цинка	5.000 „	300	1.500.000	360	1.800.000	60	300.000	
5. Золото	4.170 кг	ок. 280	1.167.600	1280	5.337.600	1600	4.170.000	
6. Серебро	30.600 „	—	—	40	1.224.000	40	1.224.000	
Итого . .			23.087.350		37.017.680		13.930.330	

Выводы: 1. На 1 руб. капитальных затрат приходится выпуска около 85 черв. коп.
2. На 1 руб. общего, основного и оборотного капитала приходится выпуска около 70 коп.
3. На одного рабочего (при общем их числе 7.500 выпуска в год в черв. руб. около 5.000 черв. руб.
4. Предпринимательская прибыль на основной и оборотный капитал около 26%.

Другие, кроме прибыли, приходы и возвраты в кассу государства:

Амортизация 10% с капитала 43.500.000 руб. . . . . 4.350.000 руб.
6% на общий капитал в 54.250.000 руб. . . . . 3.255.000 „
Сборы, налоги и оплата недр за цинк и свинец—607.700 руб. и на золото (15 р. с кг) и серебро (0,75 р. с кг.)—85.500 руб. . . . . 693.200 „

Итого . . . 8.298.200 руб.

Характеристика Карагандинского комбината в отношении вложения капитала и результатов эксплоатации видна из следующих таблиц:

Капитальные затраты

I. Полиметаллические предприятия

	Тыс. руб.
1. Барнаульская	3.000
2. Беркаринская	3.100
3. Кызыл-Эспинская	3.850
Округл.	10.000

II. Медные предприятия

1. Группа Успенского рудника	5.000
2. Коктас-Джартас, Коктас-Джалад и проч.	8.950
3. Чидертинские (Тасты-Адыр, Каждан-Чад и проч.)	4 250
Округл.	18.200
Итого округл.	28.000
Карагандинские заводы и каменноугольные копи при предприятиях	13.000
Всего по комбинату капитальных затрат	41.000

Оборотный капитал (при 5—6-месячном обороте)

По медному делу	
10.400 тонн меди по 1.031 руб. около	5.000
По свинцовому делу	
7.450 тонн по 549 руб.	2.250
По цинковому делу	
4.300 тонн по 537 руб.	1.250
Итого оборотного капитала около	8.600
Всего задолжить капитала около	49.500

Карагандинский комбинат с точки зрения индивидуального коммерческого предприятия — нерентабельное предприятие, но с точки зрения общегосударственной, поскольку его эксплоатация диктуется невозможностью покрыть дефицит цветных металлов из других более доходных отечественных источников,— комбинат может считаться выгодным предприятием, так как государству с его организацией пришлось бы меньше валюты платить за заграничные цветные металлы. Главным препятствием к созданию комбината, является недостаточность разведок, необходимость вложения сравнительно крупных средств как на строительство комбината, так и на проведение необходимых железных дорог (см. табл. на стр. 256).

В отношении Алтайского комбината основными предпосылками к созданию мощного рентабельного предприятия при всяких вариантах являются: соединение Риддера железной дорогой с Алтайской ж. д. (около 250 *км*), дальнейшие разведки в Риддерских месторождениях и детальная разведка Салаирских месторождений.

ОТДЕЛ IV

По районам

А. С. Аксамитный

К вопросу о роли Волго-Донского канала в транспортной экономике Союза[1]

Сооружение Волго-Донской водной магистрали окажет весьма крупное влияние на экономику обширнейшего района, притягивая к себе массовый груз, меняя направления некоторых существующих грузовых потоков и оказывая мощное воздействие на создание новых. Хотя этот водный путь приурочен географически к уже сложившемуся сообщению по естественным водным путям в виде реки Волги и ее притоков, но может служить примером воздействия человека на коренное изменение транспортной географии страны, так как наличие Волго-Донского водного соединения придает грузовым потокам новую рыночную ориентацию, отвечающую современной кон'юнктуре, создавшейся на территории Союза. В этом отношении сооружение Волго-Донского канала может быть сравнено с проведением новой железной дороги, создающей как новый поток грузов, так и новое их направление.

История создания русского ж.-д. транспорта, как совершенно правильно отметил С. В. Бернштейн-Коган в своей статье в журнале „Плановое Хозяйство", № 8, 1927 г., действительно привела наши поволжские районы к той „балтийской ориентации", которая никак не может быть принята современным хозяйством страны, как несоответствующая ни планам его развития, ни возможностям выгодного использования ж.-д. транспортных путей, созданных этой ориентацией. В силу этого транспортные проблемы Союза, как это и указано С. В. Бернштейн-Коганом, требуют ныне совершено новых решений.

С нашей точки зрения, Волго-Донская магистараль является тем основным мероприятием, которое наилучшим способом сможет создать для обширного района требуемые транспортные условия, удовлетворяющие как размерам пред'являемого хозяйством грузооборота, так и давая ему наилучшие направления и наиболее дешевые по их стоимости перевозки. Путь, удовлетворяющий этим условиям, должен быть принят к выполнению предпочтительно перед другими.

Техническая сторона проектируемого Волго-Донского водного пути основана на длительном предварительном изучении вопроса, подтверждена результатами весьма уточненных и широкопоставленных исследований на месте с детальной проектной разработкой многочисленных технических вариантов. Выполненные к данному моменту работы приводят широкие авторитетные технические круги к мысли о том, что с технической стороны это гидротехническое сооружение является совсем не сложным и даже очень простым, что при значительной изученности вопроса гарантирует выполнение

---

[1] В порядке обсуждения. Р е д.

всего сооружения в пределах составленных смет и обеспечивает нас от сколько-нибудь значительных колебаний исчисленной стоимости постройки в смысле превышения первоначальных предположений. В самом деле: на соединительном канале, в самой дорогой части магистрали, 40% стоимости канала представляют простейшие земляные работы, значительная часть которых в наших условиях может быть выполнена вручную. В этом отношении благоприятствуют: фронт работ, продолжительность рабочего сезона и геологические условия по установленному уже окончательному направлению канала; эти последние проверены и обследованы на месте с необходимой подробностью и точностью работами авторитетных геологов. Перевальная выемка по своей предельной глубине в 22 метра далека от знаменитой „Кулебры" Панамского канала и лишена всех непредвиденностей, сопровождавших ее разработку. В данном случае также не придется сооружать в русле мощного водного потока каменную плотину, огромной массы, как это было на Волхове или теперь—на работах Днепростроя. Основная расценка бетона, главного материала шлюзов, исчисленная в 360 руб. за одну куб. саж., также обеспечена от превышения при исполнении, учитывая исследованные уже условия снабжения работ строительными материалами, камнем, песком, цементом. Стоимость выемки 1 куб. саж. грунта в сметах канала принята в 8 руб., и имеются все основания для снижения этой расценки.

Основные гидротехнические сооружения в пределах канала, в виде шлюзов, составляющие около 30% стоимости канала, сооружаются все насухо, и постройка их не будет особенно отличаться в отношении непредвиденных расходов от обычных крупных гражданских сооружений.

Техническая особенность Волго-Дона, останавливающая внимание многих, именно перекачка воды в раздельный бьеф канала, применяется уже на многих заграничных системах, а по своим размерам и техническим условиям не представляет собою чего-либо из ряда вон выходящего. Она не выходит за пределы устройства водоснабжения крупного города, и ее работа может быть представлена с достаточной определенностью изучением работы такой водоснабдительной станции, как Рублевская в Москве.

Что касается шлюзования реки Дона, то оно уже частично выполнено, и в этом направлении, помимо обширного опыта аналогичных работ за границей, мы имеем также и свой опыт.

При таких условиях стоимость сооружения самого канала между Волгой и Доном и шлюзование Дона от Калача до Ростова, при общей длине водного пути около 640 *км*, не превысит 105—110 млн. руб. Входящие в состав работ по Волго-Доно-Азовской водной магистрали прорытие глубоководного морского канала к Ростовскому порту и первоочередное его улучшение и развитие, по совершенно правильно установившемуся мнению, независимо от сооружения Волго-Донского канала, все равно должны быть произведены для обслуживания грузооборота из собственного района тяготения. С этим сооружением Волго-Донская магистраль дает первоклассный водный путь от Волги до Ростова на протяжении 600 верст, присоединяя к удобному морскому выходу транзитный Волжский путь, протяжением до 2000 верст, не считая ее притоков. Шлюзование Дона, разрешая транспортную проблему по транзиту основных грузов, в то же время позволяет использовать не только средний участок Дона с довоенным грузооборотом в 60 млн. пуд., но и Северный Донец,

который по уже шлюзованной части может дать грузооборот не менее 30 млн. пудов угля, а также вводит в сферу своего влияния и Верхний Дон до Воронежа.

При таком значении Волго-Донской водной магистрали она, по нашему мнению, не является предприятием какой-либо исключительной дороговизны. Например, ж.-д. линия Саратов—Миллерово, при такой же длине—639 *км*, с мостом через Волгу, обходится от 100 до 105 млн. руб., между тем, при такой ее стоимости она не разрешит задач, выполняемых Волго-Доном, ни в смысле пропускной способности, ни в отношении понижения стоимости перевозок. Наоборот, упираясь в загруженную часть Юго-Восточных дорог, она потребует еще крупных затрат на переустройство участка Миллерово—Ростов.

Между тем, решающим фактором при таких затратах и необходимости разрешения коренным образом переброски огромной массы грузов является дешевизна работы транспортного предприятия.

Поэтому Волго-Донское строительство в течение последних двух лет усиленно останавливало свое внимание на разработке себестоимости перевозок по будущему водному пути и по установлению размера и природы фрахта, по которым этот путь может выгодно работать. После разработки многочисленных вариантов, основанных на подробном изучении работы Волжского флота в довоенной и современной обстановке, удалось установить себестоимость переброски массовых грузов на дальних пробегах со включением 6% на капитал, требуемый не только на постройку пути, но и на заготовку флота в пределах от $^1/_{280}$ до $^1/_{330}$ черв. коп. с пудоверсты. Между тем, по подсчету проф. Михальцева („Подсчеты себестоимости работы жел. дор.") для железнодорожных перевозок надлежит принять на ближайшие 10—15 лет себестоимости на одну пудоверсту в червонных копейках по индексу 1,8, с учетом, конечно, 6% на капитал и амортизационных расходов в нижеследующих размерах:

1. Для однопутной магистрали, длиной около 400 верст, с предельной для нее пропускной способностью в 600 млн. пудоверст,— на версту полная себестоимость перевозки одной пудоверсты составляет $^1/_{125}$ коп.

2. Для однопутной сверхмагистрали протяжением в 1600 верст и при грузообороте в 550 млн. пудоверст — на версту та же себестоимость определится в $^1/_{89}$ коп.

3. Для нормальной магистрали длиной 2800 верст с большим грузооборотом 300 млн. пудоверст — $^1/_{73}$ коп.

В довоенных копейках соответственные цифры будут: $^1/_{335}$; $^1/_{160}$ и $^1/_{181}$.

Мы видим, что к условиям Волго-Дона больше всего подходит магистраль с большим грузооборотом, но не только для нее, но и для более выгодно работающей сверхмагистрали большего протяжения себестоимость железнодорожных перевозок значительно выше исчисленной для Волго-Донской водной магистрали. Этим уже устанавливается значительный приоритет в самом важном обстоятельстве для решения данной задачи — определяется явная дешевизна водных перевозок по сравнению с железнодорожными. Значение вышеприведенных цифр стоимости водной перевозки важно, кроме того, и по тому обстоятельству, что помимо детальной проработки всех данных, из коих эти цифры вытекают, они же были подверг-

нуты оценке авторитетной экспертизы Госплана и не вызвали возражений против того, чтобы положить их в основу экономических расчетов по обоснованию целесообразности сооружения Волго-Донского канала.

При рассмотрении размеров начального грузооборота, каковой дает возможность рентировать капитал, вложенный в постройку Волго-Донского водного пути, основным вопросом является порядок исчисления процента на вкладываемый капитал. Действительно, если принять за основу необходимость начисления 6% на строительный капитал, а также запроектированный состав грузооборота, не позволяющий принимать значительную высоту фрахтов, то в этом случае приходится размер необходимого начального грузооборота устанавливать в пределах от 200 до 250 млн. пуд.

Если же положить в основу исчисление процентов на капитал такого же порядка, какой наблюдается в настоящее время в среднем для ныне существующей сети железных дорог, в размере не свыше 2% (так, в работе железных дорог 1925 26 г. этот процент был около 1,5), а также распространить это и на капитал, вложенный во флот, то порядок начального грузооборота, при указанных выше пределах фрахта, будет выражаться в 120—160 млн. пуд. в зависимости от состава грузооборота.

После опубликованных в 1925 году предварительных цифр возможного к 1932/33 году грузооборота на Волго-Донской водной системе, основанных главным образом, на изучении довоенного транспорта и довоенной экономики, последние годы были употреблены на экономическое обоснование Волго-Дона для выявления тех основных грузов, которые могут появиться к означенному сроку на канале в современной экономической перспективе.

Принимая во внимание все современные условия развития хозяйства в районе тяготения магистрали, взаимодействия потребляющих и производящих районов, рост и улучшение хозяйства, принятые в самых минимальных и осторожных плановых предположениях,— эта проработка вопроса о грузообороте Волго-Дона дала для него гораздо более заманчивые перспективы.

По этим данным начальный грузооборот Волго-Дона рисуется в следующих цифрах:

1) Хлеб (пшеница, жмыхи) от 105 до 160 млн. пуд., в зависимости от темпа восстановления и улучшения заволжского хозяйства, в направлении усиления роли озимой пшеницы и увеличения урожайности на протяжения 1932—1940 гг., при чем эти цифры уже учитывают сезонность работы водного пути вследствие его замерзаемости.

2) Лес — от 70 до 130 млн. пуд., в зависимости от той или иной величины фрахта, который будет установлен для этого груза на водной системе, и срока развития грузооборота на протяжении лет от 1932 до 1940.

3) Уголь — от 30 до 40 млн. пуд.

4) Нефтепродукты — в безусловной их части—15—20 млн. пудов.

5) Прочие грузы — металлообрабатывающей промышленности, калийные удобрения, сахар, рыба, скот, продукты животноводства, цемент, соль — не менее 30 млн. пуд. В общей сумме в первую очередь по минимальным цифрам это дает 250 млн. пуд., каковые к 1940 году имеют тенденцию вырасти.

Переходя к характеристике этих грузов в отношении преимущества следования их по водным путям, на чем достаточно подробно останавливается и С. В. Бернштейн-Коган в своей статье, надо сказать, что некоторые общие соображения, по которым он намечает движение перечисленных основных грузов по железным дорогам, заслуживают следующих замечаний.

Основное указание С. В. Бернштейн-Когана на сезонность хлебного грузооборота учтено уже при исчислении указанного выше размера хлебного грузооборота, правда, в несколько ином проценте. Этот процент сезонности, приходящийся безусловно на железные дороги интересуещего нас района, нами исчисляется в 25%. При этом мы учитываем уже имеющееся сокращение периода обмолотки в заволжском хозяйстве, а в дальне шем приближение его к северокавказским условиям, в каковых главную массу экспортного хлеба хозяйства выбрасывают в навигационное время.

Поэтому указания С. В. Бернштейн-Когана на необходимость осторожного подхода к данному исчислению приняты во внимание уже и в современном исчислении грузооборота.

Цифра хлебного грузооборота исчислена без учета появления на магистрали сибирского хлеба. Однако, по отношению к последнему существует уверенность, что часть его,— правильно с точки зрения сокращения среднего пробега его по ж. д.,—будет выгодно направить по водному пути, сбросив его на воду у Сарапуля, для дальнейшего следования к морскому порту.

В отношении лесного грузооборота при исчислении его размеров, в особенности на первое время, проявлена достаточная осторожность и приняты во внимание все условия, вытекающие из системы смешанных водных и ж.-д. фрахтов и тарифов, а также принят во вниманне лесной грузооборот Днепра, сезонность перевозки, в связи с замерзаемостью канала. При этих условиях размер лесного грузооборота для внутреннего рынка определяется минимум в 70 млн. пуд., в дальнейшем же, если только принять некоторые авторитетные указания, ослабляющие приведенные выше условия в пользу Волго-Дона, он может возрасти до 130 млн. пуд.

Кроме того, строительством Волго-Дона проработан вопрос об использовании канала для продвижения через канал леса в плотах. Это мероприятие представляется технически возможным на достаточно долгое время, в течение которого пропускная способность канала будет далеко не использована; оно должно быть также признано экономически выгодным, способным в значительной степени увеличить принятый в предварительных цифрах минимальный грузооборот.

Цифра количества угля, принятого для перевозки по магистрали, настолько мала, что она уже показывает, насколько в этом отношении был осторожен подход, особенно если учесть довоенное потребление угля поволжских городов (от 15 до 20 млн пуд. в год) без особого развития промышленности и без возможной, с проведением канала, конкуренции на Волге этого вида минерального топлива с нефтью.

В отношении района заготовки угля, который может пойти на канал, особенно в столь небольшом количестве, как 30 млн. пуд., учитывалась производительность шахт лишь в ближайшей зоне,— главным образом, Северо-Донецкого района,—и ближайшее их тяготение к водному пути, позволяющее производить непосредственную погрузку угля в баржи.

Вся экономика Волго-Дона в отношении нефтепродуктов была построена чрезвычайно осторожно, и нефть не являлась грузом, обусловливающим срочность и первоочередность постройки Волго-Дона. Тем не менее, имеющиеся предположения в отношении этого груза, а также проектировка новых заводов и учет работы строящихся нефтепроводов открывают совершенно новые перспективы, могущие дать более высокую цифру перевозок и этого груза.

Обычно указываемый недостаток, присущий водным путям — замерзаемость и сезонность их работы—настолько окупается дешевизной их перевозки, а в данном случае приспособленностью этого водного пути для обслуживания нужд огромных районов хозяйства юго-востока РСФСР, что он является вполне преодолимым экономически.

При транзитном значении проектируемого водного пути и малых ставках пудоверсты пробега вопрос кратчайшего расстояния не играет уже решающей роли, хотя в действительности для данного пути мы имеем и кратчайшее расстояние. Сравнение ж.-д. путей, могущих заменить часть или всю Волго-Донскую магистраль в целом, даст следующие цифры:

1) От Сталинграда до борта морского парохода в Ростове по водному пути через канал и шлюзованный Дон—596 верст.

2) От Сталинграда по железной дороге через Тихорецкую до Новороссийска—753 версты.

3) От Сталинграда по железной дороге через Торговую до борта морского парохода в Ростове—540 верст, т.-е. только на 56 верст короче; но это удлинение теряет свое значение не только из-за большей стоимости жел.-дор. перевозки, но и из-за необходимости перехода через Дон или из-за большей стоимости устройства порта на левом берегу Дона, чем это намечено в проекте магистрали.

В отношении возможности конкуренции водного пути с железнодорожным с точки зрения затрат капиталов и стоимости перевозки, управление Волго-Донского строительства действительно озаботилось проработкой проектов ж.-д линий, могущих заменить Волго-Донскую магистраль в целом или в ее отдельных частях.

Такими линиями могут быть:

1) Перевальная железная дорога между Волгой и Доном (точно — Сарепта — Донская), заменяющая канал. Эта линия, длиной 85 верст, помимо затрат на нее, требует еще устройства двух речных гаваней на реках Волге и Дону, а во время ее работы — двух перевалок с железной дороги на воду и обратно. При существующих условиях эксплоатации и при грузообороте 250 млн. пуд. стоимость перевозки одного пуда груза за все расстояние с двумя перевалками, с 6% на капитал и 3% на амортизацию, — определится в 4,38 коп.

2) Линия Сарепта—Новороссийск, по существующему направлению могущая заменить всю Волго-Донскую водную магистраль (длина 730 верст). При существующих условиях эксплоатации, при пропуске того же транзитного грузооборота в 250 млн. пуд., кроме своего собственного, и с переустройством линии на 2 колеи, себестоимость перевозки 1 пуда груза на все расстояние обойдется 8,06 коп., что соответствует тарифу $^1/_{90}$ коп. с пудоверсты. Сверх этого нужно прибавить стоимость одной перевалки в Сарепте и амортизацию устройства там речной гавани.

3) Линия Сарепта — Торговая — Заречная (длина 517 верст), могущая заменить канал и шлюзованный Дон. Стоимость перевозок одного пуда груза при тех же условиях на все расстояние 5,62 коп., что соответствует тарифу $^1/_{90}$ коп; сверх того требуется одна перегрузка в Сарепте и устройство речной гавани.

Как указано выше, для этой линии необходимо устроить порт на левом берегу Дона, так как переходить реку мостом в самом порту недопустимо. Нельзя также пропускать весь грузооборот по существующему мосту, — он будет уже перегружен. Между тем, устройство порта на левом берегу Дона и дороже и не в интересах Ростовского узла.

В настоящее время производится перерасчет указанных выше железнодорожных направлений на те условия, кои будут иметь место на ж.-д. сети после 1932 г.— тяжелые паровозы „Т“ и „А“ и др.; но приведенные выше данные проф. Михальцева именно данных условий показывают, что резкой разницы в сторону снижения стоимости железнодорожных перевозок ожидать нельзя, и они будут заметно выше водной.

Подробнее следует сказать о магистрали Саратов — Миллерово, о коей упоминает С. В. Бернштейн-Коган.

По последним исчислениям ЦОСа НКПСа стоимость постройки версты этой линии, как магистрали, определяется в 219.000 руб. верста, считая с подвижным составом и при длине ее 580 верст,— без моста через реку Волгу. Без подвижного состава стоимость версты определяется в 164.000 руб.

Так как в указанную нами выше стоимость Волго-Дона 105—110 млн. руб. стоимость флота не введена, то при оценке единовременных затрат ее нужно также считать без подвижного состава. Волго-Донское строительство считает, что затраты на нее будут близки к 100 млн. руб., а если признать необходимость значительного усиления участка Миллерово—Ростов, то затраты будут никак не меньше, если не больше, затрат на Волго Дон. Эта линия будет иметь грузооборот в 1931 г.— всего 130.500.000 пуд., в том числе транзитных грузов около 100 млн. пуд. и местных около 30 млн. пуд.; средняя себестоимость перевозок — $^1/_{83}$ коп. с пудоверсты. Таким образом, при том же, примерно, размере затрат, что и на Волго-Дон, линия Саратов—Миллерово дает возможность перевозки лишь 40% того транзитного груза, который будет пропускать без затруднений Волго-Дон, и притом по гораздо более низким фрахтам; если же на эту дорогу направить весь транзит Волго-Дона, то ее стоимость была бы гораздо больше и без заметного снижения стоимости перевозки. Следовательно, нет никаких оснований ставить эту линию, как транзитную, в противовес Волго-Дону. При наличии же Волго-Дона с линии снимается весь транзит и она переходит в ряд местных, пионерных линий на довольно продолжительное время. Это ее значение бесспорно, и, по нашему мнению, она должна строиться и проектироваться при таком задании без моста через Волгу и при облегченных условиях, допускающих дальнейшее улучшение.

Наконец, нужно принять во внимание еще одно обстоятельство. К концу пятилетия, т.-е. к 1932 году, ж.-д. сеть края на многих участках будет перегружена. Дабы не было замешательства, дабы транспорт не стал тормозом хозяйства страны, необходимо будет затратить крупные суммы на усиление провозной и пропускной способности загруженных участков (особенно загружен будет участок Козлов — Ростов, некоторые участки Рязано-Уральской ж. д., До-

нецких дорог и пр.). Между тем, принимая на себя транзитные грузы, Волго-Дон разгружает их, избавляя надолго от затрат на их усиление. По имеющимся предварительным подсчетам, уменьшение затрат на усиление пропускной способности загруженных участков железнодорожной сети края, при участии Волго-Дона, выразится весьма высокой цифрой порядка нескольких десятков миллионов рублей.

Таким образом, затраты на разрешение транспортных проблем юго-востока РСФСР неизбежны, их все равно придется произвести, будь то железнодорожный путь или водный. Но если решать, куда же выгоднее их затратить, где будет наибольший экономический эффект, то решение в пользу Волго-Дона напрашивается само собой.

Все выводы С. В. Бернштейн-Когана о том, что Волго-Дон нужен — мы приемлем. Что касается предположений, что он должен появиться только после таких мероприятий как железная дорога Саратов—Миллерово, то в нашем представлении эти мероприятия между собой не связаны. Наоборот, учитывая ту бесспорность экономики расчетов, которая определилась за последние время, создается уверенность, что с постройкой Волго-Донского канала мы запоздали по крайней мере уже на два года, что она является мероприятием не только рентабельным, не только необходимым для реконструкции хозяйства огромной части нашего Союза, но и является подсобным мероприятием в отношении индустриализации страны, в силу чего мы стоим перед Волго-Доном, как перед очередным мероприятием, намеченнным в капитальном строительстве СССР.

А. М. Терпигорев

Генеральный план развития каменноугольной промышленности Донбасса [1]

Значение твердого минерального топлива обусловливается той ролью, какую это топливо приобретает в общем плане топливоснабжения. В последний довоенный 1913 г. на долю твердого минерального топлива приходилось 65% общего расхода, а в 1925/26 г.—54,8%. В последующие годы роль твердого минерального топлива значительно возрастает и за ним сохраняется господствующее значение, при котором участие его в топливном расходном балансе достигает к концу генерального плана 72,4%. В связи с общим увеличением в топливном балансе роли каменного угля, увеличивается и процентное участие донтоплива с 45% в 1925/26 г. до 52% в 1940/41 г.

Несмотря на абсолютное увеличение потребления донтоплива, его участие в расходном балансе по всей группе каменных углей, вследствие более значительной роли углей других бассейнов идущих для удовлетворения районных нужд, снижается с 78,4% до 67,5%.

Несмотря на меньшее относительное значение донтоплива в расходном топливном балансе, его абсолютное значение остается доминирующим и из общего количества твердого минерального топлива в 76.660 тыс. тонн расход донтоплива в 1940/41 г. составляет 51.680 тыс. тонн, или 67,5%.

Главными потребителями донтоплива к концу генерального плана остаются те же районы, что и в 1925/26 г., т.-е. Центральный район и Украина.

Потребление донтоплива по главным районам намечается в следующем виде:

Районы	1925/26 г.		1930/31 г.		1935/36 г.		1940/41 г.	
	Количество в тыс. тонн	В % %	Количество в тыс. тонн	В % %	Количество в тыс. тонн	В % %	Количество в тыс. тонн	В % %
Центральный . .	2.151	12,7	4.554	15,2	6.552	16,0	8.845	17,2
Северн. и Северо-Западн.	1.513	9,0	2.686	9,0	3.653	8,7	4.390	8,5
Западн. и Центр.-Черноземн.	1.422	8,5	2.228	7,5	3.685	8,7	4.390	8,5
Урал	26	0,1	—	—	—	—	—	—
Юго-Вост. и Сев. Кавк.	814	4,8	1.572	5,2	2.015	4,9	2.539	4,9
Украина	10.133	60,0	17.690	59,5	24.406	58,4	29.975	58,1
Проч. районы . .	832	4,9	1.081	3,6	1.376	3,3	1.458	2,8
Итого . . .	16.891	100	29.811	100	41.687	100	51.597	100

[1] В основу настоящей статьи положены материалы топливной группы Комиссии генерального плана Госплана СССР.

Печатается в порядке обсуждения проблем генерального плана. Ред.

Из этого распределения усматривается, что главным потребителем донтоплива является Украина, для которой это топливо играет роль местного; такую же роль местного топлива донтопливо имеет и для потребителей Юго Восточного района, а для остальных районов оно является привозным, почему и должно быть рентабельным по сравнению с другими видами топлива и местным твердым минеральным. Значительное потребление донтопливо получает в Центральном районе, где оно идет на удовлетворение нужд городского населения, водосвета, промышленности и железнодорожного транспорта, конкурируя с местными топливами: торфом, подмосковным углем, дровами и привозным — нефтью. Естественными потребителями донтоплива являются районы: Северо-Западный и Западный, где донецкий уголь заменяет импортное твердое минеральное топливо. Роль донтоплива для остальных районов, как видно из приведенной таблицы, весьма скромная.

Распределение донтоплива между главными потребителями в отдельных районах намечается в таблице на 271 стр. (в тыс. тонн).

Главными потребителями донтоплива являются: промышленность, поглощающая к концу генерального плана 55% всей рыночной продукции, железнодорожный транспорт, где расходуется 21,4%, водосвет и электроцентрали, расход на которых достигает 11%. Донтопливо является одним из главных видов топлива для домашнего отопления городского и сельского населения в таких безлесных районах, как Украина и Юго-Восток, где расход его для этой цели к концу генерального плана значительно возрастает.

Общее потребление донтоплива за период генерального плана возрастает в три раза против расхода 1925/26 г. и за ним, как было указано выше, в расходном балансе сохраняется главная роль.

Имея расходный баланс донтоплива и учитывая потери при коксовании, при котором к концу генерального плана должно выжигаться около 9.828 тыс. тонн кокса, а также расход на собственные нужды и потери при отходах при мойке и сортировке, принимаемых в общей сложности к концу генерального плана в 7%, и накопление остатков за счет увеличения расхода, добывной баланс донтоплива определяется к 1940/41 г. в 60.606 тыс. тонн, что дает увеличение добычи по сравнению с 1925/26 г. в 3,1 раза.

Несмотря на такое увеличение добычи донтоплива, его роль в общем добывном балансе по группе каменных углей в период генерального плана, вследствие более интенсивной добычи в других бассейнах, несколько снижается; так, в 1925/26 г. добыча его в 19.525 тыс. тонн составляла 77,2% общей добычи, тогда как к 1940/41 г. она будет составлять только 68,7%.

Рост добычи донтоплива и доля участия его в общей добыче по периодам намечается в следующем виде:

	1925/26 г.	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Участие донтоплива в добывном балансе кам. углей (в тыс. тонн) . .	19.525	37.182	46 190	60.606
В %%	77,2	76	70.5	68,7

Предъявляемые к Донбассу требования вполне оправдываются и теми природными ресурсами, какими он обладает, и тем техническим оборудованием, какое он имеет и какое намечается к установке за период генерального плана.

Донбасс в своих недрах располагает геологическим запасом топлива в 68.167 млн. тонн, из которых на долю антрацитов приходится 39.600 млн.

	Центральный район				Сев.-Западн. район				Юго-Восточн.				Украина	
	1925/26	1930/31	1935/36	1940/41	1925/26	1930/31	1935/36	1940/41	1925/26	1930/31	1935/36	1940/41	1925/26	1930/31
Железные дороги	906	1.130	1.507	1.704	393	524	770	950	195	262	385	475	2.296	3.088
Водный транспорт . . .	—	—	—	—	206	360	434	500	31	54	66	74	185	327
Промышленность	1.004	2.269	2.899	3.325	652	1.268	1.597	1.753	246	508	683	835	6.909	12 145
Водосвет	69	721	1.393	2.817	116	221	270	287	46	290	300	401	151	1.245
Нарком. и гор. население	172	450	753	999	119	311	573	909	281	319	336	344	500	639
Сельское население .	—	—	—	—	—	—	—	—	15	131	246	410	92	246
Всего . . .	2.151	4.570	6.552	8.845	1.486	2.685	3.644	4.399	814	1.564	2.015	2.539	10.133	17.690

	Украина		Прочие районы				Итого по всем районам			
	1935/36	1940/41	1925/26	1930/31	1935/36	1940/41	1925/26	1930/31	1935/36	1940/41
Железные дороги	4.554	5.553	1.576	1.966	2.786	3.112	5.364	6.970	9.992	11.894
Водный транспорт	393	434	87	188	188	213	511	914	1.081	1.220
Промышленность	16.871	20.950	506	868	1.212	1.605	9.320	17.052	23 260	28.468
Водосвет	1.319	1.400	23	147	663	704	405	2.629	3.956	5 626
Нарком. и гор. население	779	901	111	156	221	255	1.184	1.875	2.662	3.407
Сельское население	491	737	—	—	—	—	106	377	737	1.147
Всего . . .	24.407	29.975	2.303	3.325	5.070	5.890	16.890	29.817	41.688	51.762

тонн или 58%; таким образом, добыча его обеспечивается надежным запасом на несколько сотен лет; эта добыча при рациональном использовании его природных ресурсов должна развиваться почти в одинаковой пропорции по отношению как к антрацитовым, так и чисто каменным углям. В настоящее время разработка недр Донбасса производится нерационально, так как добывается всего 25% антрацита (против 18% в довоенное время); поэтому генеральным планом должна быть предусмотрена более интенсивная добыча антрацита, которая к 1940/41 г. должна составлять 20.803 тыс. тонн, или 33% всей добычи, вместо 4.963 тыс. тонн в 1925/26 г.

Такое значительное увеличение добычи антрацита — в 4 раза — потребует сосредоточения особого внимания на внедрение среди его основных потребителей как рядового, так и марочных сортов и на отыскание новых рынков для него. Особое внимание должно быть уделено утилизации самых мелких сортов и штыба, которых в настоящее время получается до 20%; для использования мелких сортов необходимо приспособить котельные установки и сжигать их для удовлетворения собственных нужд в районах, добывающих ценные сорта углей; использование штыбов должно итти по пути сжигания их в виде пылевидного топлива и приготовления из них брикетов. Последнее диктует необходимость предусмотреть устройство брикетных фабрик в местах централизованного скопления штыбов около мощных сортировок, сооружаемых в антрацитовых районах.

В настоящее время недра Донбасса разрабатываются тремя отдельными хозяйственными организациями: Донуглем, Югосталью и Химуглем (трест Транспорткопи, как известно, с 1 июля 1927 г. присоединен к Донуглю), добыча которых в 1926/27 г распределялась в отношении 81%, 15,5% и 3,5%, при чем добыча антрацита происходила только на шахтах Донугля.

К началу генерального плана добыча донтоплива в 19.525 тыс. тонн производилась на 290 шахтах, из которых 260 шахт являются основными, дававшими 85% всей добычи. Из этих основных шахт в довоенное время работало 170 шахт, из которых в 1925/26 г. было добыто 76% всего донтоплива. Таким образом, в начале генерального плана главная добыча производилась из основных шахт, большая часть которых работала в довоенное время, что и дает основание считать существующий Донбасс „старым".

Для удовлетворения выявившейся потребности в донтопливе необходимо производительность старых шахт довести до максимально возможной нагрузки, путем развития новых подготовок и дополнительного частичного переоборудования и дооборудования В настоящее время „старый Донбасс" из своих шахт дает 19.656 тыс. тонн, при чем его шахты нагружены почти до предела. Путем частичного переоборудования производительность его шахт можно поднять до 22.932 — 23.751 тыс. тонн. Поэтому, все остальное недостающее количество до принятой добычи в 60.606 тыс. тонн необходимо к концу генерального плана получить из других производственных единиц.

Помимо новых производственных единиц, необходимо путем капитального переоборудования некоторых старых шахт поднять их производительность до технически рентабельной; при разрешении этого вопроса придется со всей осторожностью выявить эффективность вложения новых средств при переоборудовании старых шахт, так как переоборудование является работою технически сложною и трудною, и приспособление старых шахт к новым рациональным и механизированным условиям работы не всегда просто осуществить из-за технических традиций, установившихся на старых шахтах. При осторожном

подходе к разрешению этого вопроса выявляется возможность приступить к переоборудованию 20 старых шахт (из них по Донуглю 13), которые в течение генерального плана смогут повысить свою ежегодную добывную производительность на 4.095 тыс. тонн.

Из 290 шахт, эксплоатировавшихся в 1925/26 г., только 82 шахты можно отнести к типу крупных, т.-е. с добычею каждая более 82 тыс. тонн в год. Этими шахтами было добыто 65% всего донтоплива, при чем из этого числа только 2 шахты имели ежегодную добычу более 328 тыс. тонн.; 7 шахт, от 246 до 328 тыс. тонн, и 21 шахта, от 164 до 246 тыс. тонн, т.-е. только эту группу в 30 шахт, строго говоря, можно причислить к крупным шахтам в понимании заграничной техники. Таким образом, к началу генерального плана Донбасс разрабатывался, главным образом, шахтами типа среднего. Производящееся дооборудование старых шахт и реконструкция производства дали возможность повысить производительность отдельных шахт, и в 1926/27 г. к типу крупных шахт надо отнести уже 94 производственные единицы, из числа которых с добычею более 328 тыс. тонн имеется 4 шахты, с добычею от 246 до 328 тыс. тонн — 9 шахт и с добычею от 164 до 246 тыс. тонн — 24 шахты, т.-е. группа наиболее крупных шахт увеличилась на 7 единиц, а вся группа крупных — на 12 единиц; эта группа шахт даст в 1926/27 г. 61% всей добычи, что указывает на более значительную роль в добывном балансе среднего и мелкого типа шахт, число которых за один год пришлось увеличить на 100 новых единиц, вследствие чего общее количество шахт, введенных в эксплоатацию в 1926/27 г., достигает 390 единиц.

Громадное большинство вводимых в работу новых шахт имеет годовую производительность от 25 до 82 тыс. тонн и срок существования от 3 до 12 лет. Переход на работу такими мелкими и отчасти средними шахтами был вызван необходимостью удовлетворить потребность в донтопливе за короткий промежуток времени. Как известно, после повышенной добычи донтоплива в 1923/24 г. и образования значительных запасов у потребителей и производителей, пришлось в 1924/25 г. удержать добычу на стабильном уровне и консервировать значительную часть мелких и средних шахт, а добычу крупных шахт сохранить на достигнутом уровне. Бурный рост всей промышленности и транспорта в 1925/26 г. предъявил во второй половине большие требования к донтопливу, и Донбасс, не подготовленный к удовлетворению этого требования за счет своих основных крупных шахт, должен был ввести в работу почти все консервированные и часть даже ликвидированных шахт и заложить большое количество новых мелких и средних шахт, из которых можно было получить топливо в сравнительно короткий период времени.

Все вновь заложенные шахты необходимо разделить на две группы: шахты мелкие, с годовой производительностью от 16 до 49 тыс. тонн и сроком существования 3—5 лет, и шахты средние, с производительностью от 49 до 131 тыс. тонн и сроком существования 6—12 лет. Первый тип шахт, закладываемых на выходах пластов и разрабатывающих нередко весьма зольные и выветрившиеся части пластов, нужно отнести к типу разведочных и временных шахт, почему продукция их только в незначительной части может итти на удовлетворение нужд плановых потребителей и только вторая группа шахт может быть рассматриваема как плановые производственные единицы.

Если первый тип мелких шахт не может являться производственными единицами, то использование естественных ресурсов Донбасса и мощью средних шахт, поскольку закладка их увязана с общим планом разработки определенных месторождений и выявлена рентабельность их, надо признать вполне правильным. Имея в виду, что при таком подходе к эксплоа-

тации средних шахт в определенный промежуток времени может быть заложено только небольшое число их, надо признать, что продукция их будет обеспечивать потребность в донтопливе в сравнительно ограниченном количестве. Ограниченное количество таких шахт обусловливается еще тем обстоятельством, что обслуживание их транспортными средствами вызывает нередко и технические затруднения и значительные денежные затраты. Поэтому целесообразным является групповое расположение их, при котором транспортировку продукции можно осуществить помощью сети воздушных канатных дорог к центральной сортировке, расположенной у ширококолейного железнодорожного пути. Таким устройством создается концентрация поверхностных технических и хозяйственных сооружений около центральной сортировки и рационализация обслуживания центрального сортировочного и погрузочного узла, понижающая стоимость продукции.

Расположение таких средних и, отчасти, мелких шахт, как было указано выше, должно производиться в строгой увязке с общим планом разработки определенного месторождения еще по той причине, чтобы было возможно, по выработке запасов этих шахт, воспользоваться жилою колониею при эксплоатации данного месторождения более глубокими шахтами, так как в противном случае амортизация этой колонии из-за небольшого срока службы шахты ложится значительным расходом на продукцию. Такая общая увязка необходима и технически для облегчения подготовки нижерасположенных участков месторождения и для использования средних шахт с их техническими сооружениями при разработке нижних участков. Только при таком общем плане закладка средних шахт будет наиболее рентабельна и технически целесообразна, но этот же план должен ограничить число одновременно работающих средних шахт.

Все эти соображения предопределяют дальнейшее рациональное развитие Донбасса только за счет крупных шахт, которые к тому же будут давать наиболее теплотный продукт. Закладка таких крупных шахт, с ежегодной производительностью в 328 — 573 тыс. тонн каждая, диктуется еще тем обстоятельством, что только на таких шахтах можно правильным организационным способом осуществить полную механизацию и новые методы добычи угля с учетом достижений современной заграничной техники. Развитие всех стадий производства здесь может быть осуществлено на новых рациональных началах, не считаясь с теми техническими традициями, которые установились в настоящее время на шахтах старого Донбасса и преодолеть которые не всегда удается в полной мере; новые крупные шахты должны выявить все условия, при которых наиболее рационально могут применяться в наших шахтах механизированные способы добычи, а также и те экономические выгоды, которые они могут обусловить. Несмотря на значительное вложение основного капитала на сооружение крупных шахт, использование его будет наиболее рентабельным из-за большего срока работы таких шахт, почему амортизация на добытый продукт не будет выше, чем на средних шахтах, а все применяемые технические усовершенствования и механизация создадут условия для получения наименьшей себестоимости продукции.

На крупных шахтах для обслуживания всех машин и механизмов предположено применять исключительно электрическую энергию, как наиболее дешевую и технически проще применяемую и используемую, при чем питание крупных шахт энергией будет производиться как от районных станций, так и рудничных, которые сооружаются в настоящее время из-за неподготовленности районных станций для удовлетворения всей потребности в электроэнергии. Поэтому при определении общих затрат на развитие Донбасса приходится учитывать необходимые средства на расширение рудничных электрических станций. Надо отметить,

что в настоящее время рационализация работы и введение механизации на старых шахтах Донбасса упирается в недостаток электроэнергии, почему оборудование и расширение существующих станций является наиболее актуальным вопросом.

Выемка угля на новых крупных шахтах будет осуществляться исключительно с помощью тяжелых врубовых машин, которые будут применяться двух стандартных типов: для твердых углей и антрацитов — американские цепные и для более мягких — немецкие штанговые; для отбойки подрубленного угля помощью взрывчатых веществ при проведении шпуров будут применяться механические электросверла, для доставки отбитого угля к рельсовому пути будут служить или конвейеры или скреперы, а при разработке пологопадающих пластов вагончики будут подаваться аккумуляторными электровозами непосредственно к местам работы по выемке угля; по рельсовым путям доставка до ствола шахты будет осуществляться электровозами, при чем для осуществления механической подачи вагончиков в клеть или опрокидыватели при разгрузке вагончиков в бункер будут широко использованы уклоны рельсовых путей для самоката вагончиков и механические толкачи; подъем продукции будет происходить в клетях как обыкновенных, так и самоопрокидывающихся и, главным образом, в скипах, как имеющих значительные преимущества перед клетевым подъемом. С применением механических приемов при выемке антрацитов и скипового подъема приходится отказаться от сохранения плитного сорта антрацита, почему весь добытый в крупных кусках антрацит будет поступать в дробление для получения наиболее рентабельных сортов антрацита, при использовании их в тепловых процессах; подобный рациональный способ получения сортового антрацита даст возможность вывести из употребления плитной антрацит, который перед употреблением все равно нередко подвергается дроблению ручным способом; устранение из производства плитного антрацита даст возможность производить наиболее совершенную механическую погрузку железнодорожных вагонов и облегчит и удешевит обслуживание рудничных складов.

Как правило, весь добытый и поднятый на поверхность уголь за исключением некоторых коксовых сортов, из надшахтного здания механическим способом поступает на сортировку, а грязные сорта затем в мойку, откуда происходит автоматическая погрузка в вагоны, а избыточное количество поступает на склады, обслуживаемые механическими приспособлениями как при размещении сортов угля по складу, так и при погрузке в железнодорожные вагоны или при доставке рядового угля обратно со склада на сортировку. К этому надо добавить, что на целом ряде новых шахт для доставки угля по рельсовым путям приняты вагончики большого тоннажа, в 2—2.5 тонн, и для освещения работ аккумуляторные лампочки.

С целью концентрации обогатительных операций и централизации складского хозяйства и погрузочных операций для отдельных групп шахт как новых крупных, так и старых предполагается устройство центральных сортировок и моек на производительность 1.638 — 2.457 тыс. тонн в год, куда продукция шахт будет транспортироваться помощью канатных воздушных дорог. Подобная централизация, помимо экономических выгод, даст возможность наиболее просто и рентабельно использовать низкосортное топливо, отходы и моечные шламы, сосредоточенные в одном пункте, для центральных электрических станций и для приготовления брикетов на фабриках, сооружаемых около таких сортировок.

Подобная организация всего производства даст возможность наиболее рационально и уплотнено использовать рабочую силу, сократив ее до возможного минимума и тем уменьшит затраты на жилищную

колонию, составляющие самую значительную часть в общих затратах при строительстве новых шахт. И хотя сооружение механизированной новой шахты с централизованным хозяйством требует вложения значительных средств на машины и механические приспособления, но по предварительным подсчетам излишне затраченный капитал на оборудование полной механизированной крупной шахты почти равняется тому капиталу, который освобождается от сокращения затрат на жилищную колонию; поэтому первоначальные затраты при мускульной и механизированной шахте одной и той же производительности можно принять одинаковыми. Учитывая при механизированной шахте увеличение расхода энергии на обслуживание двигателей и уменьшение расходов на коммунальные услуги, социальное обеспечение, отпуска и текущий ремонт колонии, мы получим при равных условиях производства одинаковые накладные расходы на тонну продукции, но так как производительность трудящегося при механизированной шахте будет в среднем в 2 раза более, чем при мускульной, то себестоимость на крупной механизированной шахте может быть понижена только за счет увеличения производительности в ценностном выражении на 1 р. 80 коп. на тонну.

В настоящее время сменная производительность одного трудящегося в среднем 0,5—0,55 тонны (в довоенное время она была 0,75—0,8 тонны), тогда как на крупных механизированных шахтах в среднем она достигает 1,25 — 1,4 тонны, а на отдельных шахтах, разрабатывающих пласты в наиболее благоприятных условиях, даже 2—2,5 тонны. Если принять во внимание, что на заграничных западно-европейских рудниках, где введена механизация в широких размерах, эта производительность не превышает 1—1,5 тонны, а в среднем равняется 0 8—1 тонны и только на американских рудниках, разрабатывающих совершенно пологие пласты в особо благоприятных условиях, она достигает 4 — 4,5 тонны, то можно считать принятую на новых шахтах производительность довольно высокою. Говоря о типах шахт, нельзя не отметить, что в Донбассе будут, кроме того, создаваться, сообразно естественным условиям залегания пластов, шахты с производительностью в 164 — 246 тыс. тонн и шахты значительной добывной мощности до 737 — 900 тыс. тонн в год, главным образом, при разработке свит крутопадающих пластов, но вышеуказанные типы шахт останутся господствующими.

Как было указано выше, „старый Донбасс" может при полной нагрузке существующих шахт дать добычу в 23.751 тыс. тонн, которая к концу генерального плана из-за выработки некоторых небольших шахт снизится до 22.113 тыс. тонн и, кроме того, из переоборудованных шахт он повысит свою производительность к 1930/31 г. на 3.276 тыс. тонн и в последующие годы до 4.095 тыс. тонн. Таким образом распределение добычи по группам шахт к концу каждого пятилетия должно быть следующее (в тыс. тонн):

	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Вся добыча	37.183	46.683	60.606
Добыча из старых шахт . . .	23.751	22.932	22.113
Увеличение добычи за счет переоборудованных шахт .	3.276	4.095	4.095
Добыча из новых шахт	10.156	19.656	34.398

Группа шахт мелких и средних к концу первого пятилетия может развить свою производительность в 6.880 тыс. тонн, которая к концу второго пятилетия из-за выработки некоторых участков мелких шахт понизится до 3.276 тыс. тонн. Поэтому для того, чтобы удержать производительность этой группы на том же уровне в период второго пятилетия, необходимо заложить новую группу таких же шахт на производительность в 4.095 тыс. тонн, а так как к концу второго пятилетия (1935/36 г.) первая группа шахт будет в большей своей части выработана, а во второй группе будут выработаны самые мелкие шахты, то в третье пятилетие придется заложить новую группу шахт на производительность в 4.095 тыс. тонн для удержания добычи этой группы на установленном уровне. Стоимость оборудования одной шахты этой группы определена в 9 р. 76 к. на тонну добычи, из которых 4 р. 88 к. падает на жилстроительство упрощенного типа и 4 р. 88 к. — на горные работы и механическое оборудование. Небольшие расходы на горные работы и механическое оборудование, включая и механизацию, исчисляемые в 4 р. 88 к., об'ясняются тем, что часть оборудования по окончании выработки поля одной шахты, вследствие небольшого срока службы шахты среднего типа (10 — 12 лет), может быть перенесена на новую среднюю или мелкую шахту и что само оборудование будет возводиться более легкое и дешевое. Затраты на жилстроительство принимаются также уменьшенные, вследствие возведения построек упрощенного типа, большего уплотнения живущих и меньшего процентного отношения живущих в рудничных колониях к общему числу занятых рабочих (70%), так как большая часть мелких шахт будет обслуживаться местными жителями. Все это дает основание принять к погашению затраты на тонну 7 р. 94 к. в течение среднего времени, определенного в 8 лет. Тогда погашение затраченного капитала на тонну добычи составит 98 к., а с процентами на затраченный капитал из шести сложных годовых — 1 р. 27 к. и шести простых — 1 р. 22 к. Если отнести весь затрачиваемый капитал на сооружение среднего типа шахты к запасу угля в ее шахтном поле, принимаемом в 1.065 тыс. тонн, то эти затраты падают на тонну запаса в сумме 1 р. 09 к. За весь период генерального плана стоимость проходки и оборудования первой группы шахт обойдется в 67,2 млн. руб., из которых в 1926/27 г. будет израсходовано 12 млн. руб., второй группы 40 млн. руб. и третьей группы — 40 млн. руб., а всего за весь рассматриваемый период на эту группу шахт придется израсходовать 147,2 млн. р.

Для получения наибольшего производственного эффекта из шахт среднего типа на них предполагается использовать достаточно полную механизацию, применяя для выемки угля и антрацита врубовые машины, а для доставки к рельсовому пути — скреперы или конвейеры и для подъема добытого материала скипы, особенно на наклонных шахтах. Подобная организация работ дает возможность иметь производительность трудящегося не ниже, чем на крупных переоборудованных шахтах „старого Донбасса". Входящие в эту группу мелкие шахты не могут иметь повышенную производительность труда из-за примитивного оборудования и применения исключительно мускульного труда. Поэтому общая производительность трудящегося по всей группе принимается в генеральном плане равной средней производительности по всем шахтам „старого Донбасса". При определении рентабельности работы этой группы необходимо учесть, что средний срок службы мелких шахт будет не более 5 лет, а средних от 10 до 12 лет.

Если исключить из общей добычи новых шахт добычу группы мелких и средних, то на долю новых крупных шахт к концу каждого пятилетия придется добыча:

1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
3.276 тыс. тонн.	12.285 тыс. тонн.	27.027 тыс. тонн,

в том числе из этих шахт будет добываться антрацита

1.310 тыс. тонн.	4.095 тыс. тонн.	10.647 тыс. тонн.

На основании этих заданий вся добыча к концу пятилетия разбивается по группам шахт и по основным сортам топлива таким образом (в тыс. тонн):

	1925/26 г.	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Уголь из старых шахт	14.578	20.147	19.656	19.328
Уголь из новых мелких и средних шахт	—	4.914	4.914	4.095
Уголь из новых крупных шахт	—	1.966	8.190	16.380
	14.578	27.027	32.760	39.803
В %/%/% к общ. добыче	74,9	73	70	67
Антрацит из старых шахт	4.974	6.880	7.371	6.880
Антрацит из новых мел. и средн. шахт.	—	1.966	2.457	3.276
Антрацит из крупных новых шахт	—	1.310	4.095	10.647
Антрацит	4.947	10.156	13.923	20.803
Всего в %/%/% к общ. добыче	25,1	27	30	33
Всего топлива	19.525	37.183	46 683	60.606

Распределение добычи из разных групп шахт между отдельными трестами намечается следующее:

	1930/31 г.				1935/36 г.				1940/41 г.			
	Стар. шахты	Нов. мел. и ср. шахт.(тыс.тонн	Крупн. нов. шахты	Всего	Старые шахты	Нов. мел. и ср. шахт.(тыс. тонн)	Крупн. новые шахты	Всего	Старые шахты	Нов. ел. и ср. шахт. (тыс.тонн)	Крупн. новые шахты	Всего
Донуголь.	19.656	6.552	2.457	28.665	19.165	6.880	9.337	35.382	18 673	6.716	20.311	45.700
В том числе антрац.	6.880	1.966	1 310	10.156	7.371	2.457	4.095	13.923	6 880	3.276	10 155	20.311
Югосталь	6.061	328	819	7.208	6.552	491	2.457	9.500	6 388	491	5.733	12.612
Химуголь.	1.310	—	—	1.310	1.310	—	491	1 801	1.147	164	983	2.29
Всего.	27.027	6.880	3.276	37.183	27.027	7.371	12.285	46.683	26.208	7.371	27.027	60.606

Доля участия каждого треста в общей добыче намечается в следующем виде:

	1925/26 г.		1930/31 г.		1935/36 г.		1940/41 г.	
	Тыс. тонн.	%/%	Тыс. тонн.	%/%	Тыс. тонн.	%/%	Тыс. тонн.	%/%
Донуголь и Транспорткоп	15 831	81.0	28.665	77,0	35.382	75,8	45.700	75,5
Югосталь	3.014	15,4	7.208	19,4	9.500	20 3	12.612	20,7
Химуголь	680	3,6	1.310	3,6	1.801	3,9	2.294	3,8
Всего	19.525	100	37.183	100	46.683	100	60.606	100

Участие Донуголя в общем добывном балансе, как видно из этой таблицы, снижается за счет развития производительности других трестов для удовлетворения нужд своих комбинатов. Развитие Югостали

предусмотрено для удовлетворения к концу генерального плана потребности коксования и нужд своих комбинатов приблизительно в том же проценте, как это имеет место теперь.

Развитие коксового производства для удовлетворения потребности в коксе в количестве 9.828 тыс. тонн, из которых на выплавку 7.371 тыс. тонн чугуна предусматривается расход в 8.190 тыс. тонн кокса, а остальные 1.638 тыс. тонн идут на удовлетворение нужд других потребителей, намечается в таком темпе:

	Выжиг кокса в тыс. тонн			
	1925/26 г.	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Донуголь	1.392	2.948	3.440	3.849
Югосталь	1.245	2.621	4.259	5.979
Всего	2.637	5.569	7.699	9.828

Как видно из этой таблички, выжиг кокса значительно усиливается на Югостали, где сооружаются новые коксовые батареи на металлургических заводах, так как выявлены более совершенные технические и экономические условия получения кокса на месте выплавки чугуна, чем на рудниках. В связи с этими условиями на предприятиях Югостали будут сооружены новые коксовые печи на выжиг к началу 1940/41 г. — 4 505 тыс. тонн, а всего со старыми коксовыми печами — 5.979 тыс. тонн. На рудниках Донугля должны быть за период генерального плана сооружены новые коксовые печи на выжиг кокса в 2.048 тыс. тонн, не считая строящихся новых печей с производительностью в 819 тыс. тонн, которые предназначены на замену старых печей, работающих в настоящее время без рекуперации.

Сооружение новых крупных шахт потребует вложения значительных новых средств в течение всего генерального плана как на шахты, которые вступят в работу к концу генерального плана, так и на шахты, которые придется закладывать в последнее пятилетие и которые вступят в работу за периодом генерального плана для удовлетворения потребности в донтопливе после 1940/41 г. Подобная затрата обусловливается тем, что проходка и оборудование крупной шахты обнимает период в 5 лет, который и принят для определения затрат на новое крупное строительство. Потребность в донтопливе за периодом генерального плана принята увеличивающейся ежегодно на 3.276 тыс. тонн, которая должна удовлетворяться исключительно за счет крупных шахт, при сохранении достигнутой к 1940/41 г. производительности шахт „старого Донбасса" и группы мелких и средних шахт.

Затраты на технические факторы — проходку и оборудование крупной шахты — определены в таких размерах:

Горные работы падают на тонну добычи	3 р. 66 к.	при сроке амортиз.	30	лет
Механическое оборудование	4 р. 58 к.	„ „ „	20	„
Механизация	2 р. 14 к.	„ „ „	10	„
Имущество и инвентарь	0 р. 92 к.	„ „ „	5	„
Технические сооружения и тяга	3 р. 05 к.	„ „ „	20	„
Всего	14 р. 35 к.			

В эти затраты не включаются необходимые ассигнования на электрические станции, так как предполагается, что электрическая энергия будет получаться от централей и рудничных электрических станций, установленных на шахтах „старого Донбасса" и расходы на которые учтены отдельно.

Для определения затрат на жилстроительство приняты следующие показатели: годовая производительность одного трудящегося—368 тонн (или 1,25 тонн в смену); состав трудящихся 75% семейных и 25% холостых. В жилищной колонии будет проживать 80% всех трудящихся. На семейного принято 155,4 *куб. м* жилого и 223,3 *куб. м* строительного об'ема. На холостого соответственно принято 19,4 и 29,1 *куб. м.*

Общая строительная кубатура на одного трудящегося: $223{,}3 \times 0{,}75 + 29{,}1 \times 0{,}25 = 174{,}8$ *куб. м*. Стоимость постройки 1 *куб. м* 18 р. 53 к. Стоимость постройки культурно-просветительных учреждений и благоустройство составляет 25% от стоимости жилищной колонии.

Тогда стоимость жилищной колонии, приходящаяся на одного трудящегося, составит:

$$(174{,}8 \text{ куб. м} \times 18 \text{ р. } 53 \text{ к.})\ 1{,}25 = 4.050 \text{ руб.},$$

а на 1 тонну добычи

$$\frac{4.050 \times 0{,}80}{368} = 8 \text{ р. } 85 \text{ к.}$$

Погашение жилищной колонии принимается в 30 лет. Общая стоимость затраченного капитала, приходящаяся на тонну добычи, выразится в 23 р. 20 коп., при взвешенном погашении в 25 лет, что дает погашение на тонну добычи при шести сложных процентах на капитал—1 р. 89 к., а при шести простых процентах 1 р. 62 к. и одну амортизацию—93 к.

Если отнести затраты на сооружение крупной шахты, с добывною мощностью в 410 тыс. тонн на запас угля в ее шахтном поле, принимаемом в 12.285 тыс. тонн, то затраты на 1 тонну запаса составят 77,5 коп.

Если сопоставить между собою оба типа шахт: средних и крупных, то имеем в первом случае затраты на одну тонну запаса 1 р. 09 коп., а во втором—77,5 коп., погашение капитала и проценты (простые) на тонну годовой добычи в первом случае 1 р. 22 коп., а во втором 1 р. 61,8 коп.

Таким образом, несмотря на то, что затраты на средние шахты по сравнению с крупными и меньше, использование затраченного капитала получается почти одинаковое, но принимая во внимание значительно меньшую производительность трудящегося на шахтах среднего типа и, следовательно, более высокую себестоимость, надо признать, что экономически более выгодными и технически более совершенными являются шахты крупного типа.

Затраты на новое строительство по годам распределяются следующим образом:

	1-й год	2-й год	3-й год	4-й год	5-й год
В %%	10	20	35	25	10
В абсолютн. затрате на 1 тонну угля	2 р. 32 к.	4 р. 39 к.	8 р. 12 к.	5 р. 80 к.	2 р. 32 к.

В указанные элементы затрат на новое строительство входит импортное оборудование, которое составляет от общей затраты:

	%	Абсолютн. затраты в коп. на тонну добычи
На горные работы	5	18,3 к.
„ механическое оборудование	30	1 р. 37,4 к.
„ механизацию	70	1 р. 49,5 к.
„ имущество	5	4,3 к.
„ тягу, сортировку	10	30,5 к.
		3 р. 40 к.

Как было указано выше, кроме нового строительства как средних, так и крупных шахт, производится капитальное переоборудование небольшого числа основных шахт, которые дадут суммарную добычу в 6.798 тыс. тонн, повысив свою существующую производительность приблизительно на 60%. Это переоборудование потребует установки новых машин, сооружения новых копров, надшахтных зданий, переустройства рудничных дворов, перекрепления стволов шахт, введения полной механизации, почему затраты на такое переоборудование ложатся на тонну добычи значительным расходом, определенным по предварительным подсчетам в 12 р. 21 к., из которых падает на

горные работы	2 р. 44 к.
механическое оборудование	3 р. 66 к.
механизацию	2 р. 14 к.
имущество и инвентарь	0 р. 92 к.
сортировку, мойку, техническое сооружение и тягу .	3 р. 05 к.

Из этих расходов на импортное оборудование приходится по

механическому оборудованию	30% или	1 р. 09,8 к.
механизации	70% „	1 р. 37,4 к.
имуществу и инвентарю	5% „	0 р. 04,3 к.
техническому сооружению	10% „	0 р. 30,5 к.
		2 р. 82 к.

Подобное переоборудование, связанное с реконструкцией и расширением производства потребует вложения в первое же пятилетие генерального плана новых средств в размере 83 млн. рублей.

Эта реконструкция производства и введение полной механизации даст возможность поднять годовую производительность одного трудящегося до 286,6 тонны, что составляет 75% производительности на новых крупных шахтах.

Для повышения производительности на шахтах „старого Донбасса" необходимо ввести технически возможную механизацию, переоборудовать частично механическое оборудование, улучшить технические сооружения, обновить сортировки и установить новые, а также восстановить старые мойки и улучшить тягу и под'ездные пути. Все это дооборудование требует вложения новых средств из расчета 4 р. 88 к. на тонну добычи, в которые включены и расходы на капитальный ремонт и из которых 3 р. 05 к. обходится механическое оборудование и механизация и 1 р. 83 к. технические сооружения, сортировка и мойка. Из этих затрат на импортное оборудование приходится 1 р. 53 к. Все затраты на дооборудование старых шахт, производительностью в 20.475 тыс. тонн, которое придется произвести в первое пятилетие, составят 100 млн. руб. Это улучшение даст возможность поднять производительность трудящегося до 196,5 тонны вместо 116,2 тонны 1925/26 г., т.-е. на 69%.

При расширении добычи на шахтах „старого Донбасса" потребуется увеличение жилищной колонии и вложение на это новых средств, которые определяются на основании следующих данных.

При добывной мощности старых шахт к концу генерального плана в 19.656 тыс. тонны и годовой производительности одного трудящегося в 196,5 тонн, необходимое число трудящихся по основному производству определится в

$$\frac{19.653 \text{ тыс. тонн.}}{196{,}5} = 100.000 \text{ чел.}$$

и при добывной мощности переоборудованных шахт в 6.798 тыс. тонн и производительности трудящегося в 286,6 тонн, число рабочих по основному производству будет

$$\frac{6.798 \text{ тыс. тонн}}{286{,}6} = 23.700 \text{ чел.},$$

всего 123.700 чел., а с рабочими на подсобных предприятиях и капитальных работах:

$$1{,}15 \times 123.700 = 142.250 \text{ чел.}$$

Считая, что на шахтах будет проживать только 80% всех рабочих и принимая строительную кубатуру по пониженной норме НКТ в 13б *куб м* на одного трудящегося при 70% семейных и 30% холостых, получим необходимую строительную кубатуру в 15.536.000 *куб. м.* Исключая отсюда имеющуюся строительную кубатуру в 11.652.000 *куб. м* и принимая стоимость строительной кубатуры в 18 р. 53 к. и 25% на культурно-просветительные учреждения и благоустройство,—получим общую затрату в 90.000.000 руб., из которых в первое пятилетие будет израсходовано 75%, или 67,5 млн. руб. и второе пятилетие — 22,5 млн. руб.

Общее число трудящихся, занятых в Донбассе, определяется:

	1925/26 г.	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
„Старый Донбасс"	—	146.000	142.000	142.000
Новые мелкие шахты	—	36.500	39.500	39.500
Новые крупные шахты	—	9.000	32.000	73.300
Итого . . .	168.000	191.500	213.500	255.800
Из них технического персонала . .	13.500	15.300	21.300	30.500

При определении числа трудящихся была принята производительность на старых шахтах и средних новых в 196,5 тонн, переоборудованных старых — 286,6 тонн и новых крупных — 368 тонн в год; при определении общего числа трудящихся принято, что число рабочих на подсобных предприятиях и капитальных работах на шахтах „старого Донбасса" будет составлять 15%, а на мелких и средних 5% от общего числа трудящихся; на крупных новых шахтах эта категория рабочих учтена при определении производительности трудящихся.

Количество технического персонала и служащих принято в 1930/31 г. в 8% от общего числа трудящегося, как это имеет место в настоящее время, в 1935/36 г. в 10% и 1940/41 г.—12%, так как, с одной стороны, производительность рабочего будет возрастать и число их сокращаться, а с другой — будет вводиться механизация и рационализация производства, которые потребуют большего технического персонала для обслуживания машин и механизмов и для надзора и учета производства.

Для получения намеченного производственного эффекта трудящихся необходимо на шахтах Донбасса проводить усиленную электрификацию и механизацию работ. Если для проведения электрификации не имеется никаких технических препятствий, то введение механизации ограничивается целым рядом естественных и технических условий. Прежде всего, на целом ряде мелких и отчасти средних шахт введению механизации будет препятствовать соответствующее техническое оборудование и мелкий масштаб работы; на некоторых старых шахтах введение механизации будет встречать препятствие со стороны подземных выработок и принятой системы разработки; наконец, на шахтах, разрабатывающих крутые

пласты, введение механизации при выемке угля встречает препятствие со стороны подходящих типов врубовых машин и сложности и даже опасности работ с ними. Все эти условия ограничивают применение полной механизации, почему в генеральный план включается развитие механизации в пределах, технически возможных, что усматривается из следующей таблички, где в %% указана только механизированная выемка угля от общей добычи; по отношению к электрификации в %% указывается та добыча, при которой введено обслуживание электрической энергией всех двигателей, за исключением части под'ема, электрификация которого на крупных шахтах требует капитального переоборудования и вложения значительных средств.

	Электрифик.	Механизац.
1925/26	60	9
1930/31	85	30
1935/36	100	50
1940/41	100	70

Для проведения полной электрификации необходимо на тысячу тонн добычи 61 квт. установленной мощности, считая в этом количестве 35% резерва; тогда к концу 1930/31 г. необходимо иметь установленную мощность:

Для добычи из крупных шахт . .	3.276 тыс. тонн	× 61 квт. =	20.000 квт.
„ „ „ переоборуд. шахт .	5.733 тыс. тонн	× 55 квт. =	31.500 „
„ „ „ остальных шахт . .	27.027 тыс. тонн	× 43 квт =	115.500 „
Всего . . .			167.000 квт.

К началу генерального плана на шахтах Донбасса имелась установочная мощность в 76.500 квт., из которых около 20.000 квт. требуют, вследствие полной изношенности замены новыми установками. Считая, что в ближайшие 2—3 года Штеровская электростанция не сможет отпустить более 30.000 квт., а с Артемовской электроцентрали рудники Шахтенского района получат всю потребную энергию в количестве 8.000 квт., необходимо на шахтах Донбасса в течение первого пятилетия установить новой мощности:

$$167.000 - (565.000 + 30.000 + 8.000) = 72.500 \text{ квт.}$$

Необходимые средства на возведение и оборудование рудничных электростанций, при стоимости 1 квт. в 400 руб., составят 29.000 тыс. руб., затрачиваемых в первое пятилетие.

Как было указано выше, общая потребность в коксе к концу генерального плана выражается в 9.828 тыс. тонн, производство которого по трестам Донугля и Югостали распределяется в количествах, приведенных на странице 279.

В числе существующих коксовых печей у Донугля работают в настоящее время печи без рекуперации на общую производительность 819 тыс. тонн кокса. Считая, что в дальнейшем использование таких печей недопустимо и что они подлежат замене, в генеральный план вводится постройка на шахтах Донугля новых коксовых печей с общею производительностью в 2.866 тыс. тонн, из которых на 819 тыс. тонн для замены существующих старых печей без рекуперации (в настоящее время работают печи с производительностью в 1.802 тыс. тонн). В виду большого недостатка в коксе задерживающего развитие металлургической промышленности, необходимо в генеральном плане предусмотреть усиленный темп строительства коксовых печей в первое и второе пятилетие,

почему в первое пятилетие намечается постройка на шахтах Донугля ряда коксовых печей с рекуперацией и заводами для побочных продуктов, производительностью в 1.638 тыс. тонн, общею стоимостью в 30 млн. руб. (при затрате 18 руб. 31 коп. на тонну выжигаемого кокса), во второе — на 819 тыс. тонн, стоимостью в 15 млн. руб. и в третье — 410 тыс. тонн, стоимостью в 7,5 млн. руб. В эти затраты входит и стоимость жилстроительства, принимаемая в 10% от общей суммы. Здесь необходимо отметить незначительные запасы настоящих коксовых углей, почему для рационального использования донтоплива при коксовании придется утилизировать угли спекающиеся и даже некоторое количество тощих, приготовляя из этих углей соответствующие смеси. При устройстве коксовых печей на это должно быть обращено соответствующее внимание.

Наконец, в генеральном плане предусматривается устройство брикетных фабрик для рационального использования накопившихся шламов при мойке угля и мелких сортов тощих углей и штыбов, получающихся при сортировке антрацита, а также утилизации пека, получающегося на заводах побочных продуктов. Такие брикетные фабрики предполагается возводить не только на угольных рудниках, но и около центральных антрацитовых сортировок, где будут сконцентрированы в одном пункте сортировка, мойка и брикетный завод, что без сомнения даст удешевленный продукт. В виду незначительного спроса на брикеты со стороны потребителей, в ближайшее пятилетие предполагается возвести 3 небольших брикетных фабрики, производительностью каждая в 65 тыс. тонн в год, а в последующие годы для использования шламов и штыбов от крупных установок довести производство брикетов к 1935/35 г. до 819 тыс. тонн, а к концу генерального плана до 1.638 тыс. тонн. Считая затраты на небольшие брикетные фабрики по 7 руб. 33 коп. на тонну готового брикета, а крупных — 6 руб. 10 коп., получим общую затрату в 11 млн. руб.

Себестоимоть топлива будет зависеть, прежде всего, от производительности трудящегося, так как зарплата вместе с начислением составляла в 1925/26 г. 57,8% общей себестоимости. Поэтому понижение себестоимости будет зависеть от повышения производительности трудящегося, которую можно поднять почти исключительно за счет введения механизации и уплотнения работы, так как другие факторы, влияющие на производительность, как нагрузка шахт и интенсификация труда, почти использованы сполна. Но, так как за период генерального плана нагрузка старых шахт все-таки несколько увеличится, примерно, на 13%, то за счет этого фактора производительно ть трудящегося повысится к концу первого пятилетия (увеличение добычи на старых шахтах будет достигнуто в первое же пятилетие) — на 8%. За счет интенсификации труда можно ожидать повышения в первое пятилетие всего на 3%, за счет рационализации и уплотнения работы — на 8% и за счет механизации — на 52%, а всего на 71%, что дает увеличение производительности с 116 тон в 1925/26 г. до 203 тонны в 1930/31 г.

На переоборудованных старых шахтах, нагрузка которых за первое пятилетие будет повышена на 100%, производительность трудящегося от этого фактора может возрасти на 35%; от рационализации и интенсификации труда повышения надо ожидать на 20% и от механизации на 95%, а всего на 150%, и она достигает 236,6 тонн.

Наконец, на новых крупных шахтах, где будет полная механизация, производительность трудящегося не будет ниже 368 тонн, а средневзвешенная производительность на новых мелких, и средних шахтах — 196,6 тонн. Таким образом, самым могучим фактором, влияющим на производительность, является механизация, почему на более полное про-

ведение ее и должны быть направлены усилия всех руководящих органов. В виду того, что наибольшая производительность трудящегося будет на новых крупных шахтах и переоборудованных, общая взвешенная производительность трудящегося будет зависеть от участия в добывном балансе каждой группы шахт, которое намечается в таких размерах:

Наименование шахт	Производит. одного труд. в тоннах	1930/31 г.		1935/36 г.		1940/41 г.	
		Добыча тыс. тонн	%% участ.	Добыча тыс. тонн	%% участ.	Добыча тыс. тонн	%% участ.
Старые шахты	196.6	21.294	57,5	20.475	44,4	19.656	32,4
Переоборуд.	286,6	5.733	15,3	6 552	14,2	6.552	10,8
Н вые средн. и мелк. шахты	196,6	6.880	18,5	7.371	15,9	7.371	12,2
Новые крупн. шахты	368	3.276	8,7	12.285	25,5	27.027	44,6
	—	37.183	100	46.683	100	60.606	100

При таком участии в добывном балансе отдельных групп шахт, взвешенная производительность одного трудящегося по всему Донбассу будет:

	1925/26 г.	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
В тоннах	115,1	224,4	253,9	281,7
Рост в %%	100	195	202,5	244,5
		100	113	—
			100	111

В связи с ростом производительности должна возрасти и зарплата, главным образом, за счет интенсификации труда и отчасти за счет механизации и рационализации труда.

Рост зарплаты за период генерального плана предусматривается в таких размерах:

1925/26 г.	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
53 руб.	77 руб.	84 руб.	90 руб.
100%	145%	158,5%	170%
	100%	109%	—
		100%	107%

Увеличение зарплаты к 1930/31 г. на 45% предположено за счет интенсификации труда—на 3%, механизации—на 34%, рационализации — на 3% и нагрузки — на 5%; увеличение к концу 1935/36 г. — на 9% и к 1940/41 г.—на 7% исключительно за счет механизации, при чем увеличение зарплаты в эти пятилетия принимаются, приблизительно, в 75% от увеличения производительности трудящегося.

Себестоимость одной тонны брутто донтоплива намечается в следующем виде:

	1925/26 г.	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Зарплата	5 р. 35 к.	4 р. 12 к.	3 р. 97 к.	3 р. 83 к.
Начисления	0 „ 83 „	0 „ 64 „	0 „ 61 „	0 „ 56 „
Материалы	1 „ 43 „	1 „ 31 „	1 „ 31 „	1 „ 34 „
Топливо и энергия	1 „ 05 „	0 „ 95 „	0 „ 85 „	0 „ 76 „
Аренда	0 „ 30 „	0 „ 31 „	0 „ 31 „	0 „ 31 „
Амортизация	0 „ 81 „	1 „ 22 „	1 „ 31 „	1 „ 44 „
Общие расходы	0 „ 75 „	0 „ 61 „	0 „ 58 „	0 „ 55 „
Торгов. и финан. расходы	0 „ 19 „	0 „ 18 „	0 „ 15 „	0 „ 12 „
	10 р. 71 к.	9 р. 34 к.	9 р. 09 к.	8 р. 91 к.

В этой калькуляции стоимость зарплаты определена на основании принятых показателей о производительности и месячного заработка одного трудящегося; начисления приняты в размере 15,5% на зарплату; материалы приняты в расценке 1925/26 г., при чем расход их несколько снижается из-за улучшения технических факторов производства; к концу генерального плана расход их немного увеличивается за счет введения значительной механизации, которая потребует дополнительных материалов на ремонт механизмов и двигателей и смазку их; расход топлива на удовлетворение коммунальных нужд и отопление технических и хозяйственных сооружений принят в 1930/31 г. 4%, 1935/36 г. — 3% и 1940/41 г.—2,5%; расход энергии на одну тонну добытого угля в механизированной шахте определен в 18—20 квт.-час по цене 3 коп. за квт.-час; общие расходы из-за увеличения нагрузки шахт и всего бассейна, а также проводимой рационализации приняты снижающимися с 1930/31 г. на 18%, к 1935/36 г. на 5% и к 1940/41 г. — на 5%; амортизация принята взвешенной по всем группам шахт и повышающейся к концу каждого пятилетия из-за ввода в работу более крупных шахт и в следствие этого увеличения основного капитала; увеличение амортизации к концу 1930/31 г.— на 50% против 1925/26 г. об'ясняется более правильным расчетом этой амортизации на затраченный капитал (это было осуществлено в 1926/27 г., поэтому, если отнести амортизацию 1930/31 г. к этому году, то увеличение ее будет на 23,8%); аренда на недра принята стабильною в 30 коп,

Себестоимость тонны по крупным новым и механизированным шахтам определена при производительности одного трудящегося в 368 тонн в год и зарплаты в 100 руб. в месяц в следующем размере:

Зарплата	3 р. 26 к.
Начисления	0 „ 49 „
Материалы	1 „ 34 „
Топливо и энергия	0 „ 67 „
Аренда	0 „ 31 „
Амортизация	1 „ 62 „
Общие расходы	0 „ 43 „
Торговые расходы	0 „ 12 „
	8 р. 24 к.

Зарплата взята увеличенной вследствие большого числа высококвалифицированных рабочих, занятых на производстве в механизированных шахтах; расход топлива принят в 2% и расход электроэнергии в 18 квт.-час. на одну тонну.

Себестоимость кокса определяется на основании следующих показателей:

	1925/26 г.		1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Зарплата	1 р. 47 к.				
Начисления	0 „ 22 „				
Материалы	0 „ 33 „	3,41	2 р. 75 к.	2 р. 56 к.	2 р. 44 к.
Топливо и энергия	0 „ 36 „				
Общие расходы	1 „ 02 „				
Амортизация	0 „ 38 „		0 р. 49 к.	0 р. 55 к.	0 р. 61 к.
Уголь — сырье	17 „ 08 „		14 „ 04 „	13 „ 56 „	13 „ 44 „
Всего	20 р. 81 к.		17 р. 28 к.	16 р. 67 к.	16 р. 48 к.
Отсюда исключается аренда за газ	1 р. 34 к.		2 р. 32 к.	2 р. 32 к.	2 р. 43 к.
Выручка от мусора	0 „ 82 „				

	1925/26 г.	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Стоимость кокса на месте производства	18 р. 65 к.	14 р. 96 к.	14 р. 35 к.	14 р. 04 к.
Отправка (экспедиция и попудный сбор)	0 „ 56 „	0 „ 42 „	0 „ 42 „	0 „ 31 „
Стоимость тонны кокса франко-вагон	19 р. 21 к.	15 р. 38 к.	14 р. 77 к.	14 р. 35 к.

Рационализация производства при выжиге кокса должна обусловить снижение общих расходов и материалов, при одновременном увеличении амортизационных отчислений из-за увеличения основного капитала, вследствие введения в работу новых коксовых печей; рационализация должна также понизить эксплоатационные расходы; кроме того, необходимо отметить малую стоимость отпускаемого газа с коксовых печей заводам побочных продуктов вследствие существующих договорных условий между Донуглем и Коксобензолом; в генеральном плане стоимость отпускаемого газа несколько повышается, но все-таки не в том размере, как это имеет место на заграничных установках, где стоимость газа превышает все издержки, связанные с производством кокса. Таким образом себестоимость кокса за период генерального плана снижается с 19 р. 21 к. за тонну до 14 р. 35 к., или на 25%.

Брикеты предполагается изготовлять двух сортов: из мытого антрацитового штыба с примесью полужировых углей в количестве 17—18% и каменноугольного пека в количестве 8%; себестоимость тонны таких брикетов определяется:

			1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Пек	36 р. 63 к.	8%	2 р. 93 к.	—	—
Антрацит	3 „ 66 „	75%	2 „ 75 „	—	—
Уголь	13 „ 43 „	17%	2 „ 26 „	—	—
Переработка	—	—	1 „ 83 „	—	—
			9 р. 77 к.	9 р. 46 к.	8 р. 85 к.

Второй сорт брикатов будет готовиться из тощих углей с прибавлением моечного шлака, вблизи мест коксового производства; себестоимость таких брикетов определяется:

			1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Пек	30 р. 52 к.	8%	2 р. 44 к.	—	—
Шлак	3 „ 05 „	20%	0 „ 61 „	—	—
Уголь	9 „ 16 „	72%	6 „ 59 „	—	—
Переработка			2 „ 07 „	—	—
			11 р. 71 к.	10 р. 99 к.	10 р. 38 к.

Общие затраты на развитие Донбасса за период генерального плана по пятилетиям выражаются (в млн. руб.):

	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.	Всего	В %%
Новые крупные шахты	163,2	303,8	383,3	850,3	62,5
Новые средн. и мелкие шахты	67,5	40,0	40,0	147,5	10,8
Дооборудование стар. шахт	100,0	—	—	100,0	7,4
Переоборуд. и расширен.	83,0	—	—	83,0	6,1
Коксовые печи	30	15	7,5	52,5	3,8
Электрическ. рудничн. станц.	29,0	—	—	29,0	2,1
Жилстроительство на „стар. Донбассе“	67,5	22,5	—	90,0	6,6
Брикетные фабрики	1,5	4,5	5,0	11,0	0,7
	541,7	385,8	435,8	1.363,3	100

Из средств, ассигнованных на новое крупное строительство в 850,3 млн. руб., на шахты, которые будут обеспечивать добычу за периодом генерального плана, относится расход в 149 млн. руб.: эти средства включаются в затраты генерального плана, так как шахты начнут проходиться с 1935/36 г., с тем, чтобы они могли вступить в работу постепенно, начиная с 1941/42 г.

Из всех капитальных затрат на жилстроительство по всем группам ассигновываются следующие средства:

	1930/31 г.			1935/36 г.			1940/41 г.			
	Донуг.	Югост.	Химуг.	Югост.	Донуг.	Химуг.	Донуг.	Югост.	Химуг.	
Новые крупн. шахты. . . .	38,8	13,4	0,9	86,8	21,4	4,3	106,8	33,7	4,3	310,4
„ средн. и мелк. шахты.	32,0	1,6	—	18.4	1,6	—	18,4	1,6	—	73,6
Жилстроит. стар. шахты. . .	50 0	15.0	2,5	18,0	3,0	1,5	—	—	—	90,0
Электростанц.	3.0	0,5	—	—	—	—	—	—	—	3,5
Коксовые печи	3 0	—	—	1,5	—	—	0,7	—	—	3,5
Брикетн. фабр.	0 2	—	—	0,4	—	—	0,5	—	—	1,1
	127,0	30,5	3,4	125,1	26,0	5,8	126,4	35,3	4,3	483,8

В общую сумму на жилстроительство входят затраты в 72 млн. руб., обеспечивающие добычу за периодом генерального плана. Затраты на жилстроительство составляют почти 36% общих затрат на развитие Донбасса, т.-е. являются самыми крупными, поэтому вопрос об удешевлении этого жилстроительства приобретает существенное значение.

В общую сумму затрат на капитальное строительство включены, как было указано выше, импортное оборудование, общая стоимость которого за каждое пятилетие выразится по предварительным подсчетам в следующих суммах (в млн. руб.):

	% %	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Крупные шахты	(169 × 15)	24,5	—	—
„ „	(303 × 15)	—	45,0	—
„ „	(234 × 15)	—	—	—
„ „	(149 × 5)	—	—	42,5
Средние шахты	(67,5 × 5)	3,5	—	—
„ „	(40 × 5)	—	2,0	—
„ „	(40 × 5)	—	—	2,0
Дооборудование	(100 × 25)	25,0	—	—
Переоборудован.	(83 × 23)	19,0	—	—
Электрич. станц.	(29 × 30)	8,5	—	—
Коксовые печи	(30 × 17)	5,0	—	—
„ „	(15 × 17)	—	2,5	—
„ „	(75 × 17)	—	—	1,3
Брикетные фабр.	(1,5 × 33)	0,5	—	—
„ „	(4,5 × 33)	—	1,5	—
„ „	(5,0 × 33)	—	—	1,7
		86,0	53,5	47,5

Распределение капитальных затрат по отдельным трестам намечается в следующих размерах (в млн. руб.):

	1930/31 г.			1935/36 г.			1940/41 г.		
	Донуг.	Югост.	Химуг.	Донуг.	Югост.	Химуг.	Донуг.	Югост.	Химуг.
Новые крупные шахты	119,8	40,10	3,3	235,4	57,2	11,2	282,0	90,0	11,3
Новые средн. и мелкие шахты	64 0	3,5	—	36,8	3,2	—	36,8	3,2	—
Дооборудование старых	80,0	16,0	4,0	—	—	—	—	—	—
Переоборудование старых	50,0	30,0	3,0	—	—	—	—	—	—
Коксовые печи[1]	30,0	—	—	15,0	—	—	7,5	—	—
Электр. рудн. станц.	25 0	4,0	—	—	—	—	—	—	—
Жилищн. строит. на „ст. Донбассе“	50,0	15,0	2,5	18,0	3,0	1,5	—	—	—
Брикетные фабрики	1,5	—	—	4.5	—	—	5 0	—	—
	420,3	108,6	12,8	309,7	63,4	12 7	331,3	93,2	11.3
	541.7			385,8			435,8		
Ассигновано в 1926/27 г.	109,1	15 4	2.5	—	—	—	—	—	—
Остается к ассигнованию	311,2	93 2	10.3	—	—	—	—	—	—
	414,7								

Для осуществления этого темпа развития Донугля потребность в оборотных средствах, считая оборот их в течение года равным пяти, определяется из такого расчета (в млн. руб.):

	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Для капитальных работ	20	15	15
„ эксплоатационн. работ . .	59	71	89
	79	86	104

На 1/X 1926 г. оборотные средства Донугля с Транспортконями составляли 36 млн. руб., таким образом, за каждое пятилетие потребуется увеличение оборотных средств на:

1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
43 млн. руб.	7 млн. руб.	18 млн. руб.

Финансирование Донугля за каждое пятилетие должно выразиться в следующих размерах:

	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Потребные средства на капитальные работы за пятилетие . . .	420,3	309,7	331,3
Увеличение оборотн. средств . .	43,0	7.0	18,0
Взносы в доход казны	31,5	47,0	67,0
В том числе:			
60% от прибылей	27,0	41,0	59,5
Процентн. бумаги	4 5	6,0	7.5
Рента	39,0	48,9	62,0
	533,8	412,6	478,3

Прибыль определена из расчета на тонну добычи в первое пятилетие в 36,6 коп., второе — 42,7 коп. и третье — 48,8 коп., прибыль на товарную продукцию будет выше на 10—15%.

[1] Затраты на коксовые печи по Югостали не приняты во внимание.

Покрытие потребных средств может быть произведено из следующих источников (в млн. руб.):

Амортизационные отчисления	145,0	202,5	279,0
Прибыль	46,8	68,5	99,2
Увеличение кредита	41,0	10,0	12 0
Рента (доход от недр)	39,0	48,9	62,0
Государств. финансирование	262,0	82,7	26,1
	533,8	412,6	478,3

Взаимоотношения с бюджетом за каждое пятилетие выражаются в таких суммах (в млн. руб.):

	1930/31 г.	1935/36 г.	1940/41 г.	Всего
Взнос в доход казны	70.5	96.0	129,0	295.5
Государств. финансир.	262 0	82.7	— 26,1	370,8
	— 191,5	+ 13,3	+ 102,9	— 95,3

При вложении в Донбасс новых средств в сумме 1.363,8 млн. руб., из которых по Донуглю — 1.061,3 млн. руб., народнохозяйственный эффект выражается:

1) Продукция по всему Донбассу повышается с 19.525 тыс. тонн до 60.606 тыс. тонн, или в 3,1 раза, а по Донуглю с 15.831 тыс. тонн до 45.700 тыс. тонн, или в 2,9 раза.

2) Вводится в работу значительное число крупных механизированных шахт, доля участия которых в добывном балансе Донбасса к концу генерального плана достигает 45%.

3) Повышается производительность одного трудящегося с 115,1 тонн до 282 тонн, или на 144,5%.

4) Увеличивается зарплата с 53 руб. до 90 руб., или на 70%.

5) Повышается электрификация производства с 60% до 100% и механизация с 9% до 70%.

6) Снижается себестоимость одной тонны донтоплива с 10 руб. 99 коп. (цена в 1926/27 г.) до 8 руб. 85 коп., или на 19,5%, это снижение стоимости донтоплива дает следующие сбережения расходов по использованию его за каждое пятилетие (в млн. руб.):

	I пятил.	II пятил.	III пятил.
Донтопливо по цене 1926/27 г.	1.818	2.305	2.947
По ценам, средним для пятилетия	1.676	1.933	2.407
Сбережение	142	372	540

7) Увеличивается амортизационный фонд за каждое пятилетие в млн. руб.):

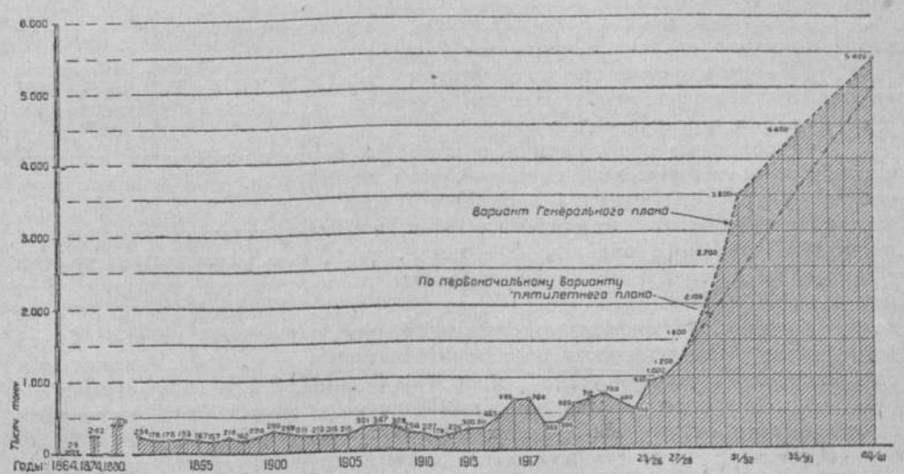
	I пятил.	II пятил.	III пятил.
По всему Донбассу	187,8	265,0	368,5
» Донуглю	145	202,5	279,0

И. И. Федорович

Подмосковный бассейн, как топливная база Центрально-Промышленного района[1]

Общие данные. Добыча угля в Подмосковном бассейне в промышленном масштабе стала производиться на Бобриковском руднике Богородицком уезде, Тульской губ., но с начала эксплоатации в 1860 года и до настоящего времени она велась непланомерно и в работе бассейну наблюдались непрерывные колебания.

Обычно периоды оживления работы бассейна совпадали с затруднениями в топливоснабжении страны, связанными чаще всего с войнами.



Как только топливная конъюнктура улучшалась и топливо появлялось в достаточном количестве, Подмосковный бассейн должен был резко сокращать добычу и переживать тяжелые кризисы, так как его потребитель — Центрально-Промышленный район — переходил на дальнепривозные виды топлива — нефть и донецкий уголь. Неравномерность работы бассейна наглядно иллюстрируется на диаграмме.

Основной причиной такого положения было неумение использовать с должной эффективностью подмосковный уголь и особенно его мелкие сорта.

Неустойчивость сбыта не позволяла частным предпринимателям, работавшим в бассейне, вкладывать сколько-нибудь крупный капитал в предприятия и его технические усовершенствования. Поэтому бассейн оставался в состоянии самого примитивного оборудования и хозяйственной отсталости при использовании крестьянского труда.

[1] В основу настоящей статьи положены материалы Топливной секции Госплана и Комиссии генерального плана.

В настоящее время возрастающее значение энергетики, особенно в Центрально-Промышленной области, и ряд соображений, связанных с перспективами развития хозяйства на более продолжительный срок,— определенно обязывают изменить отношение к Подмосковному бассейну и принять меры к планомерному развитию добычи в бассейне до более значительного размера.

Главными доводами для такого решения являются:

1) Значительные достижения в области рационализации методов сжигания подмосковного угля, в результате которых вопрос о его сжигании нужно считать в общем разрешенным.

2) Благоприятные результаты горно-геологических разведок, законченных пока лишь в одном из районов Подмосковного бассейна (Бобриковском) и установивших сплошное залегание мощного пласта, без всяких пережимов и выклиниваний, обычных в других районах бассейна.

3) Возможность в разведанном Бобриковском районе укрупнения производственных единиц и полной механизации производства, при намечаемом значительном удешевлении себестоимости добычи угля.

4) Максимальная обеспеченность бассейна от внешних осложнений, а поэтому наибольшая пригодность его в качестве мобилизационной топливной базы.

5) Быстрый рост промышленности Центрального района, которая территориально связана с угольным бассейном.

6) Мощное усиление потребления электроэнергии в Московском районе, вызывающее необходимость срочного расширения существующих и сооружения новых электростанций.

Эти основные соображения, при общем росте потребления топлива промышленно-технической группы Союза до 100 млн. тонн и возможном увеличении расхода топлива в ЦПО с 7 млн. тонн до 16.8 млн. тонн, заставляют наметить поднятие добычи в Подмосковном бассейне на период генерального плана до 5 — 6 млн. тонн, т.-е. увеличить ее против современной в пять раз, и этим повысить долю участия местного угля в топливном балансе ЦПО с 4,7% до 13 — 14%. При этом такую добычу нельзя считать технически максимальной, но дальнейший ее рост будет зависеть от последующих усовершенствований и развертывания методов совершенного использования угля, между прочим, и его газификации.

Темп развития добычи на ближайшие годы может быть установлен в зависимости от уже выявленных потребителей.

В порядке пятилетнего плана добыча первоначально намечалась в 2 000 тыс. тонн к 1930/31 г. и 2.400 тыс. тонн к 1931/32 г.

Возможность и необходимость форсирования этой добычи представляются в настоящее время вполне обоснованными.

Затруднения при использовании подмосковного угля. Основным препятствием к широкому распространению подмосковного угля до сего времени являлись затруднения при его использовании, которые в настоящее время нашей теплотехникой можно считать преодоленными.

Подмосковный уголь представляет собой топливо низкого качества со следующей средней характеристикой по всему бассейну:

Марка	Рабочее топливо: Влажность	Зольность	Сера	Средняя теплотв. способн. низшего пред.
Крупный — „К“ .	31,5	15,5	2	3400
Орех — „О“ . . .	32	17	2	3250
Мелкий — „МС“ .	33	20	2,6	2700

Большое количество балласта, в среднем около половины веса топлива, является главным затруднением при сжигании этого угля. При этом та часть балласта, которая остается в зольнике — около четверти от веса топлива, — вызывает все неудобства, которые связаны с необходимостью удаления из котельной такого количества золы.

Кроме того, вследствие свойств самого угля получается очень большой унос золы и несгоревшего топлива, заполняющий дымоходы котла, понижающий эффект теплопередачи и увеличивающий расходы по чистке котла со всеми ее последствиями. На ряду с этим через трубы выходит значительное количество сернистого газа и „уноса“, вредящих и загрязняющих окружающую местность. В отношении хранения уголь этот имеет тот большой недостаток, что крупные его сорта не выдерживают длительного, свыше трех недель после выхода из шахты, лежания на складах без потерь в своих механических свойствах. В то же самое время и мелкий уголь после относительно недолгого времени по выходе из шахты теряет на воздухе часть теплотворной способности. Поэтому нахождение в запасах этого угля может быть лишь самое недолгое (около 1 месяца по выходе из шахты), без заметного ущерба для его свойств.

Сжигание подмосковного угля. Однако, вышеприведенные недостатки угля, столь существенные в прежнее время, при современном состоянии теплотехники, когда понятие „плохое топливо“ не существует, когда всякое топливо можно сжигать с высоким коэфициентом полезного действия, могут быть устранены и локализированы.

Профессор К. В. Кирш первый дал общие основания для сжигания этого топлива. Опыт Каширской электростанции, работы Теплотехнического института, работы Москвугля и промышленное применение топок заграничных конструкций,—дают основания считать, что сжигание подмосковного угля может производиться с относительно хорошим техническим и экономическим эффектом.

В зависимости от крупности угля и размеров котла уголь может сжигаться на различных топках.

Для котлов с небольшой и средней поверхностью нагрева применяются ручные топки с плоскою колосниковой решеткой. При увеличенной высоте топочного пространства до 2,5 — 3,5 *м* с вентиляторным дутьем, с давлением 40 — 50 *мм* топки могут дать коэфициент полезного действия до 62 — 70%. Съем пара при этом нормально будет в 18 — 20 *кг*, при форсировке даже 25 — 30 *кг* с *кв. м*.

Механические топки дают при сжигании подмосковного угля при работе на мелочи коэфициент полезного действия до 56%, при съеме пара до 17 *кг* в час при холодном дутье, и повышают эти нормы до 70 — 75% и 20 — 24 *кг* при горячем дутье.

Особо удачны ступенчатые механические топки Зейбота (с подсушивающей камерой). Топка работает при небольших нагрузках без дутья, при повышении же их—с холодным или горячим дутьем. Коэфициент полезного действия этой топки 65—67% и выше при съеме пара в 25—30 *кг*. Топка пригодна при котлах средней и большой мощности. Такие топки установлены на Тульском оружейном заводе, работают с очень высоким коэфициентом полезного действия при сведенном до минимума обслуживающем персонале. Еще более удачным решением вопроса будет сжигание угля в пылевидном состоянии. Опытами такого сжигания на Каширской и Побединской электростанциях доказана возможность получения высокого коэфициента полезного действия до 80% и нагрузки котла в 45—50 *кг* на кв. метр. Однако, унос при этом составляет весьма большую часть (до 80%) золы и поэтому для преодоления этого затруд-

нения придется вводить добавочные устройства, что является технически разрешимым.

В общем можно считать, что так или иначе вопрос о сжигании подмосковного угля разрешен при лучших топках с коэфициентом полезного действия в размере до 70%, а при пылевидном сжигании и выше.

Применение подмосковного угля на железных дорогах. Использование подмосковного угля на железных дорогах может иметь место на стационарных установках и на паровозах. В первом случае такое же его применение, как и в промышленных топках, с устройством последних в зависимости от размеров котла и его назначения.

Что же касается до применения его на паровозах, то в общем не встречается затруднений в этом случае, однако, до сего времени удавалось использовать лишь один его сорт, а именно крупный.

Этот уголь вполне усвоен некоторыми дорогами (Сызрано-Вяземск., Ряз.-Уральск.), и дальнейшему его распространению мешает лишь его неконкурентоспособность при современных ценах с нефтью и донецким углем, что, конечно, может измениться в пользу подмосковного угля при дальнейших понижениях его стоимости и улучшении техники сжигания на паровозах.

В истекшем 1926/27 г. поставка железным дорогам была в размере 240 тыс. тонн, в 1927/28 г. потребление подмосковного угля будет доведено до 345 тыс. тонн. При расширении работы сети к 1931/32 г., когда общее потребление топлива железными дорогами увеличится в 1,5 раза, потребление подмосковного угля дойдет до 510 тыс. тонн, т.-е. удвоится.

В качестве потребителей намечаются работающие в настоящее время и вновь вводимые участки Сызрано-Вяземск., Ряз.-Уральской, Московско-Курской и Киево-Воронежской ж. д.

Общее протяжение сети железных дорог, находящихся в сфере возможного обслуживания подмосковным углем составляет до 3.500 *км* и общий возможный расход в период генерального плана и мобилизационных соображений может составлять от 1.100 до 1.700 тыс. тонн.

Важное значение железных дорог, как обязательного потребителя подмосковного угля, заключается в том, что ими используется „крупный" сорт „К", который пока не применяется в промышленности и на электростанциях.

Промышленное потребление. Потребление подмосковного угля промышленными предприятиями в котельных установках зависит исключительно от цены на подмосковный уголь, так как при выше характеризованном положении с сжиганием, техника последнего дает вполне удовлетворительные способы. Поэтому, хорошие коэфициенты использования на ряду с понижением цены могут усилить потребление подмосковного угля в тех районах, где он применяется в настоящее время, а также и в более отдаленных зонах. Применение угля в сушеном виде, при чем содержание влаги в „МС" понижается с 30% до 10—12%, а теплотворная способность рабочего топлива повышается с 2.700 кал. до 4.200 кал., позволяет расширить радиус сбыта до 400 *км*. Серьезной группой потребителей уже и в настоящее время являются цементные заводы, бумажно-полиграфическая промышленность, сахарно-пищевая и тульские военные заводы. Можно ожидать усиления спроса и со стороны вновь пущенных местных металлургических и металлообрабатывающих заводов. Стабильным пока остается потребление подмосковного угля на текстильных фабриках, работающих преимущественно на торфе.

Применение подмосковного угля в домашнем хозяйстве. Пока в домашнем быту подмосковный уголь мало распространен, нужно считать, что и в дальнейшем, вследствие недостатка этого угля — большой зольности, сернистости — особенно ощутительных и едва ли устранимых при бытовом отоплении, уголь этот мало будет пригоден для такой цели. Во всяком случае, особо благоприятные перспективы в этом направлении предвидеть трудно, хотя, однако, при разрешении вопроса брикетирования положение может измениться.

Брикетирование бурых углей за границей дает хорошие результаты, ибо заграничный бурый уголь имеет относительно низкую зольность и несколько другие свойства, чем подмосковный уголь. Брикетирование подмосковного угля могло бы значительно расширить сферу его распространения; однако, опыты в этом отношении пока не дали удовлетворительных результатов, хотя в дальнейшем положение может измениться для этого вопроса в благоприятную сторону.

Газификация. Вопрос о газификации топлив для использования их не в твердом, естественном виде, а в газообразном, с одновременным улавливанием продуктов перегонки, представляется с теплотехнической точки зрения вполне рациональным путем для наиболее экономного использования топлива. Газификация углей получила очень широкое распространение в Германии и еще большее в Англии, где душевое потребление газа достигает 180 куб. метров в год.

Имеется несколько методов газификации: 1) простейшие генераторы, 2) газовые реторты для получения светильного газа с одновременным образованием и кокса, 3) коксование при низкой температуре (полукоксование) с получением: а) первичной смолы, содержащей ряд ценных продуктов и б) полукокса, могущего итти для дальней газификации в газогенераторы для получения генераторного газа или для производства пылевидного топлива, идущего для отопления котлов, 4) нормальное коксование с улавливанием продуктов перегонки и использованием свободного газа, 5) гидрогенизация – разложение угля действием водорода при высокой температуре и значительном давлении для превращения его в масла с образованием в качестве побочного продукта водяного газа. Оба метода гидрогенизации, предложенные в настоящее время в Германии проф. Фишером и проф. Бергиусом начинают уже выходить из стадии лабораторных исследований и приобретают характер промышленного производства.

Все указанные способы газификации, за исключением нормального коксования могут быть применены к подмосковному углю, но промышленное его значение для этих целей еще не подтверждено.

Необходимы годы опытов промышленного масштаба, чтобы прийти к основам, которые бы дали возможность проектировать такие установки, — вероятнее всего на местах добычи угля, — с дальней передачей газа в крупные городские центры использования по магистральным газопроводам, получившим за последние годы огромное распространение в Германии. Никакого сомнения в смысле рентабельности перегонки подмосковных богхедов, богатых битумами не имеется, но известные запасы их очень ограничены. Обыкновенный же подмосковный курной уголь содержит всего около 7% первичной смолы; поэтому требуется очень тщательная проработка методов рентабельной перегонки, так как, кроме того, необходимо считаться с значительной зольностью получающегося после перегонки полукокса. Но во всяком случае, исследование всех вопросов, связанных с переработкой подмосковного угля представляется ближайшей задачей нашей теплотехники и химической промышленности, подлежащей разрешению в период генплана.

Пылевидное топливо и потребление на районных электростанциях. Широкое развитие за границей сжигания низко-

сортного топлива в пылевидном состоянии обязывает провести ряд исследований этого нового метода сжигания и для подмосковного угля.

Преимущества этого метода сводятся к следующему: 1) пылевидные топки допускают использование всех худших сортов и отбросов топлива; 2) уголь в виде тонкого порошка обладает большой поверхностью соприкосновения с воздухом и горение идет с близким к теоретическому расходом воздуха; 3) горение летучих и твердого углерода идет одновременно; 4) полная механизация, автоматичность и легкость регулировки работы всей установки и 5) возможность получения огромного с'ема до 100 кг с кв. метра при коэфициенте полезного действия до 80% и выше.

Удачные результаты опытов сжигания сушеного подмосковного угля сорта „МС" и мусора из старых отвалов в пылевидном состоянии на Побединской и Каширской электростанциях дают уверенность в возможности применения этого метода на крупнейших котельных установках районных электростанций, которые в настоящее время являются уже крупными потребителями подмосковного угля и в сыром виде. Поставка угля Каширской и др. электростанциям в 1926/27 г. поднимается до 220 тыс. тонн, что составляет 20% от общего сбыта угля.

Расширение станций и постройка новых, действующих на угле, диктуется ростом потребления энергии в ЦПО и необходимостью базировать электрификацию важного промышленного центра не только на одном и притом сезонном виде местного топлива — торфе, разрабатываемом крестьянским трудом, а использовать и другой широко распространенный по области вид — подмосковный уголь, планомерно добываемый в течение всего года, в значительной мере уже пролетаризировавшейся частью крестьянского населения.

Развитие Каширской районной электростанции главной потребительницы сорта „МС", предположено по пятилетке Госплана в следующих размерах:

	1927/28 г.	192 /29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.
Мощность (тыс. квт.)	12	34	78	122	122
Отпуск энергии (млн. квтч.). .	60	150	300	500	600
Расход подмоск. угля (тыс.тонн)	195	300	450	750	900

В предположении устройства на новых станциях пылевидных топок можно считать расход подмосковного угля на квтч. в размере около 1,5 кг.

В конце 1926 г. максимальная нагрузка электростанций Московского района была 180 тыс. квт., а к концу 1931 г., по предположениям Секции электрификации Госплана Союза, она должна подняться максимум до 460 тыс. квт., и может быть покрыта соответственно с Каширой развившимися другими существующими станциями (работающими преимущественно на торфе). К 1932 г. необходимо будет иметь дополнительную мощность; поэтому уже в 1928/29 г. следует приступить к постройке новой районной станции, мощностью в 150 тыс. квт., с доведением ее в дальнейшем до 300 тыс. квт.

Для сооружения столь мощной станции пока намечено два места: 1) на болоте Оршинский мох, близ г. Твери, в 150 *км* от Москвы, запасы которого оцениваются в 246 млн. тонн и 2) в Тульском районе на вновь разведанном Бобриковском месторождении каменного угля с детально разведанным запасом в 57,8 млн тонн, в пределах намеченного к разработке поля и со значительно большими геологическими запасами на прилегающих площадях.

Нет сомнений, что для удовлетворения дальнейшего роста потребления электроэнергии оба указанные места будут использованы, но для

установления того, какая из станций — торфяная или угольная, должна быть сооружена в первую очередь необходимо составление двух конкурирующих вариантов для установления относительной выгодности.

По проекту, составленному МОГЭСом, возможная стоимость торфа в бункере электростанции намечается в 8 р. 50 к. за тонну с возможным удешевлением до 8 рублей.

По подсчетам Топсекции Госплана СССР на основании проекта разработки Бобриковского месторождения, составленного американской фирмой Стюарт, и варианта, составленного проф. А. М. Терпигоревым, цена подмосковного угля сорта, идущего для электростанции в 3.000 кал. франко—центральный бункер Бобриковской группы шахт, определяется в 3 р. 90 к. за тонну или 4 р. 20 к. франко—бункер районной станции на реке Любовке.

При калорийности торфа в 3.200 кал., стоимость 1.000 кал. торфяных —0,25 коп., а угольных —0,14 коп. Стоимость капитальных затрат на тонну годовой добычи торфа —24,4 руб. Затраты же на добычу угля по последним проектам будут не свыше 13—15 руб. на тонну. Все эти соображения дают предварительные преимущества угольной станции.

Опасения о возможности организации необходимого для Бобриковской станции водоснабжения по предварительным данным устранены; вопрос разрешается вполне благоприятно как с количественной, так и с технической стороны, устройством двух плотин на р. Любовке.

При общей мощности станций, работающих на подмосковном угле в 160 тыс. квт., потребуется 1230 тыс. тонн угля, а при увеличении до 320 тыс. квт. — 2.400 тыс. тонн, каковые цифры и принимаются, как ориентировочные, для учета возможного потребления по группе водосвета и электроэнергии.

Конкурентоспособность подмосковного угля. Конкурентоспособность подмосковного угля с другими видами топлива определяется топливной кон'юнктурой в ЦПО.

Уголь этот будет тем более распространяться, чем ниже будет полная стоимость тонны пара или квтч., получаемых на нем. В этом отношении при конкуренции подмосковного угля с другими видами топлива должно быть отмечено следующее.

Распространение дров ограничено некоторыми стабильными величинами, вследствие невозможности по ряду причин увеличивать дровозаготовки. В отношении торфа у подмосковного угля есть много сходства по тепловой ценности и транспортабельности. Исходя из этих соображений, нужно считать, что подмосковный уголь и торф, как местные топлива, делят между собой потребление топлива ЦПО так, что территория к юго-западу от Москвы будет сферой распространения подмосковного угля, как местного топлива, остальная же часть—области торфа.

Нефть и уголь, как привозные топлива, должны потребляться лишь в размерах, экономически допустимых необходимостью развития потребления местных топлив.

Таким образом, подмосковный уголь мыслится как конкурент привозному топливу. Вследствие этого, его распространение зависит от величины главных элементов полной стоимости топлива у потребителя, т.-е. стоимости добычи плюс накладные расходы по транспорту и использованию различного вида топлива.

В настоящее время в ЦПО тонна условного топлива подмосковного угля у потребителя при радиусе распространения в 200—250 *км* в среднем обходится в 20 руб., в то время как донецкий уголь стоит в ЦПО 24 руб., а нефть — 32 руб.

Вообще же положение с подмосковным углем в отношении конкурентоспособности таково, что в местах его настоящего потребления он оказывается самым выгодным топливом и всякое снижение цены на него увеличивает как район, так и количество его потребления. Если в дальнейшем удастся осуществить проектируемое сжигание добычи подмосковного угля, то в ЦПО он будет наиболее дешевым видом топлива.

Сбыт подмосковного угля и доля участия в топливном балансе ЦПО. Сводя возможный расход подмосковного угля на три ближайших пятилетия, мы можем наметить сбыт угля по главным группам потребителей в таких размерах (тыс. тонн):

Наименование потребителей	1926/27 г.	1931/32 г.	1935/36 г.	1940/41 г.
Железные дороги	242	630	700	1.000
Промышленность	427	1.115	1 560	1 400
Электростанции	208	1.230	1.600	2.400
Прочие потребители	66	115	140	170
Итого . . .	983	3.160	4.000	4.970

Оценивая характер топливного баланса ЦПО в настоящее время и возможное и желательное его изменение в будущем, участие подмосковного угля и других видов топлива предст. вляется в следующем виде:

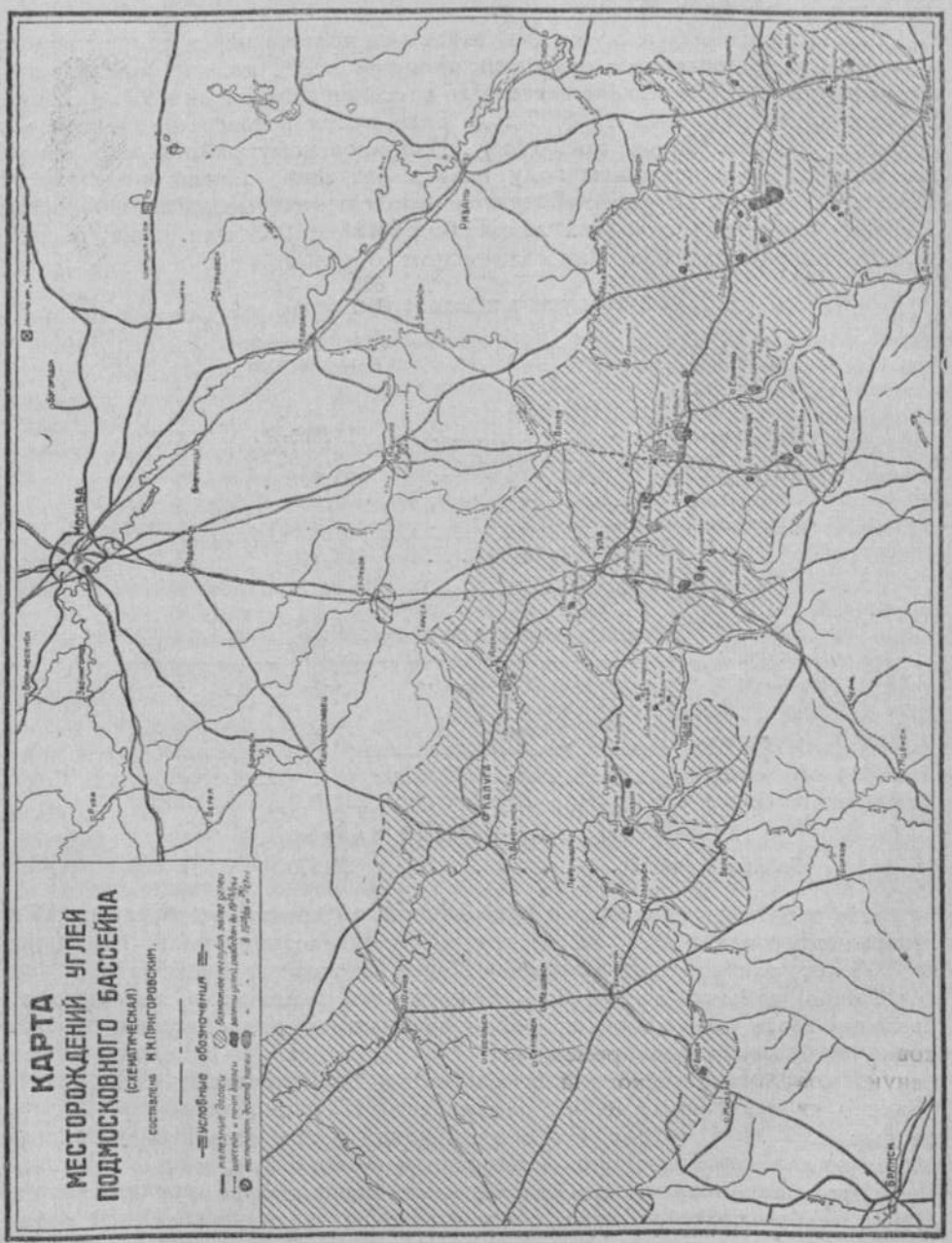
Виды топлива	1925/26 г. тыс. тонн.	1925/26 г. %	1930/31 г. тыс. тонн.	1930/31 г. %	1940/41 г. тыс. тонн.	1940/41 г. %
Подмосковный уголь	735,9	4 7	2.550	10,4	4.970	13,5
Торф	2,518	17.4	6.323	27,8	11.376	33 8
Дрова (тыс. куб. метр.)	11.451	29,8	10 435	17,5	9.213	10,3
Нефтетопливо	1.075	21,3	1.360	17,3	1.805,7	15,3
Донуголь	1.973,8	26,8	3.076	27,0	4.657	27,1
Всего тыс. тонн усл. топл. .	7.222	100	11.226	100	16.868	100

Доля участия донецкого топлива остается стабильной, дровяное топливо спускается до 10%, нефтетопливо сокращается до 15,3%, а роль подмосковного угля поднимается за период генерального плана от современных 4,7% до 13,5% общего топливного баланса ЦПО.

Геологическая характеристика Подмосковного бассейна. Запасы угля. Угленосные отложения обширной Подмосковной котловины, состоящие из глин, песков, песчанников и залежей угля каменноугольного возраста, располагаются на почти горизонтально залегающих известняках девонской системы.

По характеристике проф. М. М. Пригоровского под Подмосковным бассейном в современном его понимании следует разуметь лишь южную окраину Подмосковной котловины, где угли залегают неглубоко от поверхности. На прилагаемой карте (см. стр. 299) эта часть покрыта штриховкой. Северную границу бассейна составляет линия, проходящая через г. Серпухов, Венев, Михайлов, Пронск. Эта граница совпадает с максимальной глубиной до основания угленосной свиты в 100 метров, каковая глубина при условиях прерывистого залегания пластов Подмосковного бассейна является предельной для рентабельной разработки.

Угленосная свита южной полосы бассейна прикрывается рыхлыми юрскими и меловыми осадками, и послетретичными наносами. Глубина залегания угольных пластов не превышает 35—45 метров. В этой полосе расположены: Побединский район, Товарковский, Князевский, Казановский и др.


КАРТА
МЕСТОРОЖДЕНИЙ УГЛЕЙ
ПОДМОСКОВНОГО БАССЕЙНА
(СХЕМАТИЧЕСКАЯ)
составлена И.М.ПУТГОРОВСКИМ.
Условные обозначения
МОСКВА
Тула
Калуга
Рязань
Серпухов
Коломна
Подольск
Можайск
Звенигород
Волоколамск
Клин
Дмитров
Сергиев
Переславль
Александров
Владимир
Ногинск
Орехово
Зуево
Егорьевск
Шацк
Ряжск
Скопин
Михайлов
Ефремов
Белев
Алексин
Тарусса
Малоярославец
Боровск
Верея
Можайск
Вязьма

Средняя полоса бассейна, с залеганием угольных пластов от 40 до 70 метров, включает месторождения Бобриковского, Щекинского и Оболенского районов.

Общая площадь бассейна, около 25.000 *кв. км*, а возможный запас угля не менее 8,25 мрд. тонн.

Действительные и вероятные запасы на подвергшейся до настоящего времени более детальным разведкам площади в 250 *кв. км* определялись по данным Геологического комитета до настоящего времени в 90 млн. тонн. Разведочными работами 1926/27 г. в ряде районов выяснены значительно большие запасы. Лишь по одному Бобриковскому району, где наиболее интенсивно в истекшем году велись разведки, запасы подняты до 163,8 млн. тонн, а общие действительные и вероятные запасы по всему бассейну с учетом последних данных составляют 223 млн. тонн, распределяясь по районам бассейна следующим образом:

Запасы угля в недрах (в тыс. тонн)

Наименование районов	Действит. и вероятные	Из них эксплоатац. разведанных
А. Работающие		
Побединский	11.800	1.960
Товарковский	8.700	2.460
Бобриковский	163.800	57.350
Оболенский	2.000	800
Щекинский	2.600	980
Итого...	188.900	63.550
Б. Консервированные		
Кезановский	6.600	660
Князевский	800	660
Итого...	7.400	1.320
В. Разведуемые		
Остальные	26.700	700
Итого.	26.700	700
Всего ..	223.000	65.570
Г. Запасы огнеупорной глины		
Бобриковский	24.570	8.600

Из таблицы видно, что общие запасы обеспечивают намечаемый по генеральному плану сбыт на 45 лет, а по пятилетнему плану, примерно, на 100 лет, так что с точки зрения общих запасов нет препятствий к форсированию добычи, но нужно отметить, что вследствие запущенности разведок лишь Бобриковский район располагает надлежащими эксплоатационно-разведанными запасами.

В результате разведочных работ по Бобриковскому району установлено, что на значительной территории залегает постоянный пласт мощностью от 2 до 4 метров, без выклиниваний и значительных утончений, обычных для других районов Подмосковного бассейна.

Это дает возможность закладывать здесь более крупные шахты с значительно более длинным сроком службы, технически более совершенные и обеспечивающие удешевление себестоимости добычи.

Запущенность эксплоатационных разведок по остальным районам требует срочной их форсировки в ближайшие же годы.

Добыча угля. В связи с выяснившейся потребностью в подмосковном угле развертывание отдельных районов бассейна намечается в таких размерах (тыс. тонн):

Районы	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	193 /31 г	1931/32 г.	1935/36 г	1940/41 г.
Побединский	320	350	400	450	500	650	800
Товарковский	320	350	420	500	600	600	700
Бобриковский	300	550	770	1.070	1.500	2.000	2.500
Оболенский	140	160	200	250	300	300	300
Щекинский	120	140	160	180	200	200	200
Остальные районы	—	50	150	250	400	650	900
По бассейну..	1.200	1.600	2.100	2.700	3.500	4.400	5.400
	100%	133%	175%	225%	290%	366%	450%

В настоящее время наиболее дорогим по себестоимости угля является Побединский район; поэтому при развитии добычи в нем необходимо последнюю концентрировать в некоторых участках его, с доведением производительности в них до максимально возможных пределов, в остальных районах, кроме Бобриковского, необходимо развивать добычу сообразно с их запасами, трудностями разработки и в меру их значения на рынке, малое развитие Щекинского района учтено в силу незначительных запасов и пониженного качества угля.

Главное внимание обращено на развитие Бобриковского района, на основании вышеизложенных соображений, которые дают возможность сооружения крупных шахт, производящих уголь наименьшей себестоимости.

Современное состояние бассейна. В настоящее время разработка угольных залежей во всех районах бассейна происходит при помощи небольших шахт с годовой производительностью в 65—100 тыс. тонн и сроком службы 5—6 лет. Шахты имеют самое простое оборудование и добыча угля происходит исключительно при помощи мускульной силы, причем значительный процент рабочих составляет местный крестьянский элемент, для которого работа в руднике является подсобным отхожим промыслом. Поэтому работы на шахтах происходят с большими перебоями, особенно в летнее время когда громадное количество рабочих уходит на полевые работы.

Подобная организация работ дает низкую производительность трудящегося, составляющую всего 140 тонн в год, которая ниже довоенной, равной 177 тонн., а также и низкую зарплату, которая за первое полугодие 1926/27 г. составила в среднем 38 рублей. Низкая производительность трудящегося обусловливает и высокую себестоимость угля, достигавшую в 1926/27 г. 6 руб. 15 коп. за тонну; наиболее дешевый уголь получается в Бобриковском районе, где средняя себестоимость равняется 5 руб. 50 коп. и наиболее высокая — в Побединском — 9 руб.

Такая высокая себестоимость угля заставила обратить серьезное внимание на применение более совершенных способов разработки, и в настоящее время в Бобриковском районе производятся опыты с новыми системами разработки, которые дали возможность повысить производительность трудящегося на 15% и снизить себестоимость на 10%.

Новое шахтное строительство. Основным фактором, который существенным образом может повлиять на повышение производительности трудящегося и снижение себестоимости добычи, является введение полной механизации и перехода на укрупненное шахтное строительство в тех районах, где естественные условия залегания дают возможность осуществить эти мероприятия. В настоящее время с полной

определенностью выявлены возможности для таких работ в Бобриковском районе. Для составления проекта разработки месторождения были привлечены американская фирма Стюарт и проф. А. М. Терпигорев. Представленные ими проекты дают, примерно, одинаковую схему разработки шахтами в 245—330 тыс. тонн годовой производительности при вполне механизированной разработке пласта малыми столбами. Американский проект намечает разработку части месторождения наклонными шахтами, дает более дешевую себестоимость, правда при пониженном среднем заработке и повышенной производительности трудящегося.

Данные проекта проф А. М. Терпигорева ближе к действительно возможным результатам.

Из сопоставления этих двух проектов можно наметить следующие вероятные показатели работы в Бобриковском районе, где возможно перейти к разработке угольного пласта крупными шахтами, с ежегодною производительностью в 330.000 тыс. тонн (20 млн. пуд.) и сроком существования до 20 лет. В таких шахтах может быть осуществлена полная механизация как выемки, так и доставки угля. Такая организация работ может обусловить себестоимость угля в 3 руб. 80 коп. за тонну, при единовременной затрате на каждую производительную единицу 4,0 млн. руб. Таких производственных единиц в Бобриковском районе в ближайшее пятилетие будет создано пять, на что потребуется вложение новых средств в размере 20 млн. руб.

Надо отметить, что при добыче угля в Бобриковском районе будет попутно добываться в количестве 15% прекрасная огнеупорная глина, которая пойдет на керамическое производство.

В остальных районах, где характер месторождения не позволит перейти к укрупненным шахтам, в ближайшее пятилетие производство останется прежним, с введением более совершенных методов разработки и частичной механизации, что даст возможность к концу пятилетия довести себестоимость одной тонны угля до 5 руб. 60 коп., а среднюю взвешенную себестоимость иметь 4 руб. 95 коп. При таких себестоимостях возможно отпускать средний сорт топлива в 3.000 кал. по цене 3 руб. 90 коп. за тонну при цене крупного сорта „К“ в 5 руб. 80 коп. тонна.

Районы	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	Всего
Побединский	1.200	900	800	700	600	4.200
Товарковский	800	900	700	600	500	3.500
Бобриковский	2.000	3.000	4.000	5.000	6.000	20.000
Оболенский	400	400	400	400	400	2.000
Шекинский	300	300	300	300	300	1.500
Друг. районы	300	600	700	700	700	3.000
По бассейну	5.000	6.100	6.900	7.700	8.500	34.200
Кроме того:						
Геолого-развед. работ	1.000	700	600	500	500	3.100
Сушильн. завод	700	600	400	300	300	2.300
Побочн. произв.	1.000	800	500	400	400	2.700
	2.700	2.100	1.500	1.200	1.200	8.100
Всего	7.700	8.200	8.400	8.900	9.700	42.300

Общие затраты. При осуществлении нового крупного шахтного строительства в Бобриковском районе и введении реконструкции в других районах, общий размер капитальных вложений выразится в тыс. руб. (см. табл. на стр. 302).

Из этой суммы капитальных затрат на жилстроительство, главным образом, в Бобриковском районе, будет израсходовано 10,0 млн. руб. Эта сумма будет направлена на создание благоустроенных колоний для постоянного кадра квалифицированных рабочих, при которых только и возможно проведение механизации.

Этот фактор является одним из важных для осуществления мероприятий по введению механизации и крупного шахтного строительства, а также и по снижению себестоимости угля. Введение механизации и постоянного кадра рабочих обусловливает значительное повышение заработной платы, которая к концу пятилетия достигает в Бобриковском районе 75 руб. в месяц вместо 38 руб. в 1926/27 г., при средней годовой производительности трудящегося 525 тонн вместо 142 тонн.

Достигнув в течение предстоящего пятилетия максимального темпа развития, почти утроив добычу, реорганизовав на новых основаниях эксплоатацию и выполнив подготовку в качестве стратегического резерва, Подмосковный бассейн в дальнейшем в период генерального плана может развиваться более спокойно, как это видно из диаграммы на стр. 291. К 1935/36 г. добыча должна быть поднята на 900 тыс. тонн, а к 1940/41 г. еще на 1.000 тыс. тонн, с доведением до общего размера в 5.400 тыс. тонн.

Нужно предположить, что указанная для первого пятилетия реорганизация методов работы в полной мере войдет в жизнь и может быть использована и в последующий период генплана.

Необходимый подъем добывной способности шахт потребует вложения новых средств около 23 млн. руб., которые представится рациональным вкладывать в порядке ряда энергохимических, керамических и иных комбинатов, намечаемых в ЦПО.

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Джон Гобсон. Империализм. Перевод с английского, с предисловием к русскому изданию В. Г. Беленко. Изд-во „Прибой", 1927 г., тираж 5.000, стр. 286.

Вышедшее в 1902 г. исследование Гобсона представляет в своем роде знаменательный труд.

Гобсон не марксист. Он очень боится, как бы ему не сползти с пути „надклассовой науки" на „узкий путь исторического материализма". И тем не менее, его работа—лучшее доказательство правильности марксистского метода, ибо всякий раз, когда Гобсон добросовестно анализирует факты и цифры современной ему действительности, убийственная логика фактов „загоняет" его в марксистскую лабораторию. Социал-реформист Гобсон начинает говорить марксистским языком. Все же „ножницы" между языком цифр и неправильной научной установкой автора накладывают печать противоречивости и реформистской половинчатости на все его исследование.

В отличие от ленинской концепции империализма, согласно которой империализм представляет собой фазу в развитии капитализма с определенными экономическими признаками (монополии, финансовый капитал и т. д.), Гобсон рассматривает империализм, как определенным образом обусловленную политику, политику территориальной экспансии. Но так как территориальная экспансия — явление не новое в истории, то это дает ему основание говорить о „новом" и „старом" империализме. „Современный империализм отличается от империализма былых времен... тем, что честолюбивые стремления создать единую мощную империю уступили место теории и практике соперничающих между собой империй, из которых каждая охвачена одними и теми же вожделениями политической экспансии и коммерческой наживы" (242) Империализм, таким образом, есть стремление к созданию империи. Это определение не на много расходится с ответом, который дал один юноша на вступительных испытаниях в ВУЗ: „империалисты — это когда царствует император".

Направление и темп территориальной экспансии при „новом" империализме существенно отличаются от таковых в период, непосредственно предшествовавший ему. Территориальная экспансия до 1870—80 гг. прошлого столетия имела своей целью колонизацию, „естественное продвижение национальности", объектом ее были земли и области, пригодные для освоения белым человеком. Другое необходимо сказать об империалистической экспансии, возникновение которой Гобсон относит к 80-м годам XIX века. К началу XX века площадь британской империи равнялась 13.000.000 кв. миль, с населением приблизительно в 400—420 млн. Одна треть этой площади с одной четвертью населения была приобретена в течение 80-х и 90-х годов, при чем подавляющее большинство территорий, приобретенных за этот промежуток времени, относится к тропическим и субтропическим областям.

Где же, спрашивает Гобсон, источник, где движущие силы этой экспансии? Ответу на эти вопросы посвящена первая экономическая часть книги. Эта движущая сила, очевидно, не торговля, так как в результате тщательного статистического исследования Гобсон приходит к выводу,

что, „во-первых, внешняя торговля Великобритании пропорционально уменьшается по сравнению с ее внутренней промышленностью и торговлей. Во вторых, внешняя торговля с британскими владениями пропорционально уменьшается по сравнению с ее торговлей с иностранными государствами. В-третьих, торговля с британскими владениями, тропическая торговля и, в особенности, торговля с новыми тропическими владениями, является самой незначительной, наименее прогрессирующей и наиболее колеблющейся по количеству и низкому качеству своих товаров“ (50).

Но может быть такой движущей силой является колонизация? Подробно исследовав этот вопрос, Гобсон и здесь приходит к выводу, что „вследствие целого ряда условий, новые пионерские земли еще более непригодны для населения, чем для прибыльной торговли“ (55).

Итак, „политика империализма последних 30 лет, как политика торговая, оказалась обреченной, так как при огромных материальных затратах они дали лишь ничтожное, невыгодное и ненадежное увеличение рынка, поставив в то же время на карту все достояние нации и вызвав против себя сильное недовольство других народов Видя все это, мы можем спросить себя: „Как мог британский народ позволить, чтобы его вовлекли в такую невыгодную сделку?“. Очевидно, рассуждает Гобсон, должны существовать какие-то группы и классы, которым выгоден империализм, и Гобсон начинает их перечислять: 1) Предприниматели, занятые производством морских и сухопутных вооружений. „Эти люди — империалисты по убеждению, им выгодна наступательная политика“. 2) Крупные фабриканты, представители определенных отраслей экспортной торговли (грубые текстильные товары, спиртные напитки, рельсы, машины и т. д.). 3) Представители морской торговли. 4) Военнослужащие, являющиеся империалистами, „в силу профессиональной заинтересованности“. 5) Различного рода авантюристы, дипломаты, колониальные чиновники, миссионеры, золотоискатели и т. п., ищущие в новых колониях места „для неудавшихся карьер и испорченных репутаций“.

Но это все второстепенные факторы империализма. „Еще более важным экономическим фактором империализма является его содействие в деле помещения капиталов“ (59 стр., разрядка наша). К 1893 г. британский капитал за границей составлял около $^1/_{15}$ всего состояния Соединенного королевства.[1] Вот, где главная движущая сила империализма. „При виде огромных затрат на вооружение, на разорительные войны, при виде смелой низости дипломатов, которые современные правительства пускают в ход, чтобы расширить свою территориальную мощь, мы невольно задаем себе простой практический вопрос: для кого все это делается? Ответ может быть только один: для финансирующего капиталиста“ (63 стр., разрядка наша).

Но если Гобсон правильно подметил основную движущую силу империализма (погоня за рынками приложения капиталов), то он становится совершенно беспомощным, когда пытается экономически об'яснить ее. Экономические корни империализма Гобсон видит не в характере современного производства, а в неправильном распределении. Процесс концентрации и автоматического накапливания капиталов, говорит он, в последнее время достиг таких размеров, что самый расточительный

[1] Добавим от себя, что по данным, приводимым Левиным (Империализм и т. д.“ стр. 101, изд. 1919 г.), „народный доход Англии удвоился с 1865 — 1898 гг., а доход от „заграницы“ за это время возрос в девять раз“. Брэйльсфорд (Война стали и золота“) считает, что к 1915 г. доходы от английского капитала, вложенного за границей, составляли около $^1/_{13}$ всего национального дохода и, вероятно, около $^1/_4$ всего дохода средних и высших классов.

образ жизни господствующих классов не может приостановить роста „и быточных“ капиталов. С другой стороны, структурное строение промышленности (тресты, синдикаты) „сразу ограничивает то количество капитала, которое может найти фактическое применение“. „Избыточные“ массы капиталов и товаров ищут рынков приложения и сбыта. Погоня за тем и другим рождает империализм.

Но Гобсон вовсе не считает перепроизводство капиталов и товаров необходимым признаком капиталистической системы; он, кроме того, не считает империализм неизбежным „Все, что произведено,— говорит он,— или может быть произведено, может быть и потреблено, так как право на продукт в форме прибыли или заработной платы составляет часть фактических доходов какого-либо члена общества, и он может потребить данный товар или же обменять его на какой-нибудь другой предмет потребления у того, кому лично не нужен. На ряду с производством рождается и потребительская способность. Нужно только исправить систему распределения, и империализм исчезнет, как „сон и молва быстротечная“... Заблуждение — считать империалистическую экспансию неизбежной, как необходимый выход для развивающейся промышленности. Не прогресс промышленности требует открытия новых рынков и новых сфер помещения капитала, а плохое распределение потребительных способностей, мешающее поглощению продуктов и капиталов внутри страны“ (83). Гобсон пускается в плавание по тихому, реформистскому болоту и начинает сочинять „социальные рецепты“. Рассуждения его в этой области поневоле заставляют вспомнить характеристику, которую Герцен в свое время дал речам Тьера. Они похожи на взбитые сливки: кажется берешь полную ложку, а во рту остается несколько капель молока с сахаром. В конце концов дело сводится к тому, что государство (империалистическое государство) должно отнять у имущих классов излишки их доходов, и тогда империализм, со всеми его последствиями, исчезнет как дым.

Интересны главы, посвященные протекционизму и финансовой системе империализма. Гобсон совершенно прав, когда говорит, что „поскольку империалист логичен, он откровенно признает себя протекционистом“. И в области государственных финансов у империализма имеются свои принципы. Это—рост государственной, преимущественно военной задолженности, рост расходов на вооружение (за период 1870—90 гг.— три четверти расходной части бюджета) и перенесение центра тяжести доходов на косвенное обложение.

Вторая большая часть труда Гобсона посвящена изучению влияния империализма на различные стороны социально-политической жизни. Гобсон жестоко и подчас очень метко критикует целый ряд апологетических теорий империализма, пытающихся представить его, как „биологическую потребность“, „носителем цивилизации“ и т. п.

С большей обстоятельностью и правдивостью рисует он методы прихозяйничанья империализма в колониях, экспроприации туземца и приучение их к „прелестям труда“. Эти места читаются с большим интересом и могут послужить ценным пособием при изучении колониальной политики империализма.

Очень интересные страницы посвящены в книге описанию способов формирования империалистической идеологии. Пугающийся исторического материализма Гобсон вынужден признать, что наука, школа, печать и т. д. целиком подчинены империализму, составляют простые части империалистической костоломной машины. „Всякий раз, когда деловые интересы сталкиваются с академическими, преподавание берется деловыми интересами под свой контроль и соответствующим образом направляется (176). Все это имеет своей целью дать тип сладострастного джингоиста-

марсомана, слепо преданного интересам своего „великого отечества". В этом „истинное евангелие империализма".

Неотъемлемым спутником империализма является дух консерватизма и реакции. „Представительные учреждения,—говорит Гобсон,—плохо уживаются с колониальной империей" (125). „Политически империализм является расширением самодержавия" (36). Гобсон взывает к возвращению изгнанного либерализма, free trade, не понимая, что именно диалектическое развитие „свободной конкуренции" с неизбежностью привело к монополиям и империализму.

Приведенные выше экономические и политические особенности империализма пропитывают всю хозяйственно-политическую жизнь империалистической державы духом паразитизма. „Печать" паразитизма „лежит на каждом белом поселке, раскинувшемся среди низших рас",— говорит Гобсон. Это учение о паразитизме, как известно, было подробно развито Лениным и сделалось одной из важных составных частей его теории.

Не чужд Гобсон пресловутой теории „Ультраимпериализма". Он допускает возможность прочного и длительного соглашения передовых стран для совместной эксплоатации Китая. Гобсон рисует жуткую картину будущего человечества, напоминающую некоторые места из романов Уэльса. В случае, если бы такое соглашение совершилось, большинство европейских стран превратилось бы тогда в жирных паразитов, живущих за счет колоссальной дани, поступающей из стран Востока, главным образом, Китая. Нарисовав такую картину, напоминающую эпоху распада римской империи, он грозно пророчествует о биологической необходимости крушения такого общества. Но от этих пророчеств никому не страшно, ибо остается совершенно неизвестным, когда такое крушение произойдет: через 50, 100 или 1 000 лет.

Таково краткое содержание солидного труда Гобсона. Книге предпослано очень содержательное и марксистски-выдержанное критическое предисловие тов. Беленко, дающее среднему читателю необходимую предварительную установку для чтения этого труда.

Исследование Гобсона не прошло бесследно. Революционно-марксистская (ленинская) теория империализма, отбросив реформистскую половинчатость Гобсона, сумела взять и переварить революционное ядро этой книги. Но эта реформистская половинчатость, социальное знахарство и пацифистская розовая водица, которыми так изобилует труд Гобсона, также нашли своего „потребителя". Их целиком подобрал Каутский, построивший на их основе свою пресловутую теорию „ультраимпериализма", цель которой замазать и сгладить противоречия империализма, затушевать его неизбежный революционный взрыв.

— Каждому свое!

З. Сушков

Проф. Я. Б. Диманштейн. Проблема районирования металлопромышленности в связи с условиями промышленного развития Украины и Союза. Труды Комиссии по металлу при Госплане УССР № 20. Изд. Госплана УССР, 1927 г., 226 стр.

Упомянутой книгой Комиссия по металлу при Госплане УССР закончила издание серии своих трудов по металлопромышленности, при чем данная книга проф. Я. Б. Диманштейна имеет целью подвести итоги всей работы Комиссии и дать выводы, пригодные и для анализа всей совокупности условий развития металлопромышленности и для построения правильной экономической политики нашей металлопромышленности,— иначе говоря, пригодные и для ретроспективных и перспективных изысканий.

Прежде чем перейти к существу книги, надо отметить крупную заслугу самого издателя — Госплана УССР, поставившего себе, очевидно, целью дать целостную картину нашей металлопромышленности путем опубликования серии трудов и исследований, отображающих совокупность естественных ресурсов страны и экономических условий, задач и тенденций развития как в прошлом, так и в перспективе. Предпринятый Госпланом УССР труд не только выполнен весьма быстро (20 выпусков вышли едва ли не в течение одного года), но и дал ценный вклад в экономическую литературу Союза.

Если идея районирования вообще уже ненова, то все же она еще очень юна, и блестящее применение ее к экономике металлопромышленности составляет вполне оригинальную и немалую методологическую заслугу автора. В этом отношении, так же как и в самом содержании, настоящая книга близка к другой книге того же автора и того же издания „Уголь, руда и железо в их взаимной связи".

Свое исследование автор начинает с генезиса районирования металлопромышленности на Западе и присущих этому генезису закономерностей. Всесторонне, хотя кое в чем и слишком схематично, изложены предпосылки такого развития как естественные (наличие и доступность естественных богатств), так и особенно социально-экономические — наличие относительной перенаселенности, капиталонакопления и обеспечивающих это явление условий, значение рынка и факторов, создающих рост рынка для металла; роль технико-экономических факторов, определяющих, в связи с характером производственного процесса, конструктивный тип предприятия и структуру его капитала. К числу факторов этого рода надо, очевидно, отнести и применение каменного угля (кокса) для доменной плавки — явление, которому автор с достаточным основанием приписывает решающую роль промышленной революции XVIII века. При всем этом автор очень хорошо передает читателю представление о сложной взаимозависимости производственных, рыночных и других экономических явлений, создающих в совокупности единый процесс хозяйственного развития.

Особенно подробно и полно (уже не схематично) изложены влияние транспорта на районирование металлургии и металлообработки, а также роль условий, связанных с концентрацией и комбинированием производства. Выводы автора хотя и построены преимущественно на анализе исторического материала, существенно важны и для будущего; согласно исследованию проф. Я. Б. Диманштейна, тяготение металлургии к углю, а не к руде, есть не только исторический пережиток той эпохи, когда расход каменного угля значительно превосходил расход руды на единицу выплавленного чугуна, но даже в условиях бесплановой капиталистического хозяйства представляет собою устойчивую тенденцию, покоющуюся на оптимальности хозяйственного развития. Отмечая появление противоборствующей тенденции, как результат успехов техники и снижения относительного расхода топлива, автор подробно аргументирует в защиту той мысли, что и в перспективном развитии промышленности месторождения высокосортной руды только в слабой степени будут оказывать воздействие в смысле притяжения к ним металлургии; наоборот, при использовании низкосортных руд (вроде нашей керченской) картина районирования может складываться существенно иначе.

Как указывает автор, преимущественное тяготение именно к каменному углю вытекает по транспортному признаку как из весовых соотношений, так и из большей транспортабельности руды сравнительно с углем, а также из того, что в противном случае загруженность подвижного состава в обоих направлениях была бы еще более неравно-

мерной, чем в сложившихся условиях, причем и теперь она такова, что дает основания к понижению жел.-дор. тарифов в направлениях к каменноугольным бассейнам; затем по признаку комбинирования и концентрации производства указанная тенденция вытекает, главным образом, из выгод комбинирования черной металлургии с коксованием свежего угля, а также из преимуществ, какие открываются в угольных бассейнах для комбинирования металлургии с другими производствами, как металлобработка, силикатная, химическая промышленность и др.

Наконец, интересен и содержателен даваемый автором анализ консервативного влияния уже сложившихся исторических условий и мирохозяйственных связей и самого существования предприятий, заинтересованных в полной амортизации своих основных капиталов.

Свои теоретические положения проф. Диманштейн иллюстрирует изложением новейших этапов в развитии металлопромышленности С.-А. С. Ш., Франции и Германии, давая, напр., тщательный анализ причин частичного перемещения Рурской металлургии в направлениях к Рейну и к железорудным месторождениям Лотарингии и Люксембурга. Только недостаток места не позволяет нам подробнее остановиться на этой части работы, имеющей бесспорно большой научный интерес.

Ту же оговорку следовало бы сделать и в отношении дальнейшего изложения, именно главы III, дающей историко-экономический очерк развития металлургии и машиностроения в довоенной России. Здесь довольно полно изображены народнохозяйственные предпосылки быстрого развития южной металлургии в конце прошлого века, во взаимной связи с ростом хлебного экспорта, крестьянской реформой и сопровождавшими ее социально-экономическими явлениями с общим транспортно-промышленным грюндерством и, в частности, с энергичным железнодорожным строительством. Устанавливаемая здесь автором теснейшая связь между южной металлургией и железнодорожным строительством и между донецким углем и криворожской рудой в общем достаточно хорошо известна; при всем том мы считаем ценным исследование причин быстрого перемещения главной металлургической базы страны с Урала на юг и влияния этих причин на эволюцию типа и характера металлургических предприятий. Противопоставляя чрезвычайную распыленность, мелкий масштаб, архаичность конструктивных форм и разнообразие ассортимента уральской металлургии крупным масштабам и массовому производству южной, проф. Я. Б. Диманштейн отмечает, что те естественные, технические и экономические условия, какие создали это различие, продолжают действовать, препятствуя и до сих пор процессам развития технической концентрации и комбинирования в уральской металлопромышленности. Однако, устанавливая коренную причину этого в пользовании древесно-угольным топливом, автор, как увидим далее, является убежденным противником замены этого топлива кузнецким коксом; строго говоря, большая часть книги посвящена именно аргументации в пользу того спорного положения, что исторически складывавшиеся пути развития русской металлургии сохранили в общем всю свою значимость и для советского времени, что своеобразия Урала и юга в отношении типа топлива, ассортимента изделий и рынка и теперь не должны и не могут быть по крайней мере иначе, как во вред оптимальности хозяйственного развития Союза, нарушены. Это, разумеется, отнюдь не означает еще само по себе консерватизма автора; наоборот, если в нашей рецензии по поводу другой книги того же автора („План. Хоз.“, № 5 за 1927 г.) мы могли упрекнуть проф. Диманштейна в том, что в вопросе районирования будущей металлопромышленности СССР он слишком доверяется историческому опыту, не прибегая к прямым расчетам,— то в отношении данной книги подобный упрек отпадает

поскольку автор пытается подтвердить свои исторические закономерности именно расчетами максимальной народнохозяйственной выгоды.

Особая глава, посвященная этому вопросу (гл. IX) дает в частности подробную, тщательную и суровую критику Урало-Кузнецкого проекта. Мы приводим здесь некоторые цифровые выводы автора в отношении проектируемых новых заводов, разумеется, ориентировочные, как признает это и автор; эти выводы построены в предположении питания проектируемых Магнитогорского и Алапаевского заводов кузнецким коксом и в условиях равенства жел.-дор. тарифов для Урала и юга.

Заводы	Себестоимость (в коп. на пуд чугуна) Шихты	Горючего	Флюсов	Колоши	Полная себестоим. чугуна
Криворожский	17	31,8	2,5	51.3	57,05
Завод в Донбассе	28	22	2,6	52,6	59.35
Керченский	2 6	52	3	57,6	63 35
Алапаевский	11 25	49.79	2,5	63 5	70 25
Магнитогорский	10,2	54,43	3	67,6	74,35
Тельбесский (в Кузбассе)	14,4	18	2,5	35,0	41.75

Разница себестоимостей на главных рынках потребления (например, в Центр.-Пром. области) делается еще значительнее не в пользу уральского металла. Главнейшие выводы автора, основанные на этих расчетах и на приблизительном изучении емкости рынков в пределах границ тяготения рынка к металлургическим центрам, таковы:

1) Крайне отрицательное отношение к Урало-Кузнецкому проекту и особенно к идее сооружения завода на Магнитной горе; в этом вопросе мы хотели бы взять автора в защиту от него самого: страстность, с какой он аттестует неоднократно и самую идею создания коксовой металлургии на Урале и особенно проект Магнитогорского завода, как вредные и „искусственные“ начинания, обрекающие страну нести длинный ряд лет ярмо ненужных затрат и хронических убытков, невольно может породить у читателя впечатление о тенденциозности автора, о том самом местном патриотизме, против которого автор возражает в других местах книги. Так ли это или нет — вопрос излишний, если только читатель отвлечется от такого вопроса и даст себе труд с большой внимательностью отнестись ко всем об'ективным доводам и расчетам книги.

2) Доля юга в производстве коксового чугуна должна остаться еще надолго огромной; по расчетам проф. Диманштейна, она должна быть не менее 80% производства всего Союза.

3) Автор указывает необходимость развертывать немедленно металлургическое производство в самом Кузбассе на рудах Тельбесского и др. ближайших месторождений и предсказывает Кузбассу в более отдаленном будущем приоритет среди всех металлургических районов Союза (с использованием уральской руды, транспортируемой в Кузбасс). Кстати сказать, постройка Тельбесского завода, с производительностью в 20 млн. пуд. в год, предусмотрена уже планом ближайшего года, но мы присоединяемся к мысли автора о целесообразности развертывать сразу этот завод на производство 40 млн. пуд. в год.

4) Уральская индустрия должна сохранить свои исторические пути и посвятить себя изготовлению, для специальных целей, высокосортных древесноугольных чугунов из чистых руд с повышенной рыночной ценностью против коксового чугуна, а также развитию здесь цветной металлургии и химической промышленности.

5) Пятый вывод автора состоит в необходимости форсировать создание новых металлургических заводов именно на юге, где автор

рекомендует приступить к закладке, помимо строящегося Керченского, двух заводов-гигантов — одного в Кривом Роге и другого в Донбассе.

Мы далеко не исчерпали содержания книги проф Диманштейна. Отметим, по крайней мере, кратко следующие темы, трактуемые ею:

а) Влияние фактора рабочей силы на характер исторического развития металлургии и металлопромышленности.

б) Общий очерк районирования металлопромышленности в связи с развитием металлургии и факторами рабочей силы, топливоснабжения, транспорта и влияния рынков потребления. Игнорируя здесь общие выводы автора, укажем, что в конкретной политике он предуказывает: плановое развитие паровозостроения, вагоностроения и сельскохозяйственного машиностроения в Кузбассе, в связи с возникновением кузнецкой металлургии и вместо проектируемого развития этих производств на Урале; создание новых специализированных заводов по постройке паровозов, вагонов, тракторов, двигателей и станков — на юге; завода текстильного машиностроения — в центре.

в) Процессы развития и деградации металлургии и машиностроения в пертурбационные периоды мировой и гражданской войн.

г) Характер восстановительного процесса и его результаты для металлургического производства СССР, в частности анализ причин, обусловивших более быстрый темп восстановления для Урала.

д) Анализ изменений в условиях работы уральской и южной металлургии, в частности, причин относительного вздорожания уральского металла сравнительно с южным в позднейший период.

е) Характеристика исторических тенденций и перспективный прогноз относительно емкости и строения металлического рынка.

ж) Анализ условий развития металлопромышленности в связи с условиями ее финансирования; здесь важно отметить вывод автора, что развитие металлургии не может быть основано на собственном накоплении и будет опираться преимущественно на ассигнования из госбюджета, если не удастся привлечь к этому делу значительные иностранные капиталы.

з) Анализ причин значительного вздорожания металлургической и машиностроительной продукции сравнительно с довоенными и заграничными ценами сужающих возможность снижения себестоимости вне коренного обновления всего основного капитала металлопромышленности на новой технической основе.

и) Общая оценка потенциальных сырьевых ресурсов в СССР — железорудных, топливных и пр. Эта глава (VIII) хотя и не дает подробных геологических описаний тех или иных бассейнов, но является весьма ценной, так как содержит позднейшие варианты подсчетов подземных запасов, основанные на современных исследованиях советских ученых и отличающиеся от традиционных цифр Стокгольмского конгресса (по железной руде).

к) Определение перспектив развития металлопромышленности в связи с Днепровским строительством; эта глава X) является самой бедной и малосодержательной, особенно в сопоставлении с высокой содержательностью в трактовке всех других затронутых книгою тем; достойно удивления, что Комиссия по металлу при Госплане УССР оставила до сих пор вопрос о Днепрострое в такой скудной обработке, не лишенной и некоторых внутренних противоречий (в том числе и в самой книге проф. Диманштейна).

Мы должны отметить то, что кажется нам недочетами книги, в частности, отсутствие технического и географического описания действующих заводов и шахт и вообще общую скупость описательного

элемента, равно отсутствие при книге географических карт. Затем не установлены, а следовательно и не обоснованы, точные места расположения предполагаемых автором к постройке двух новых южных металлургических заводов; вопрос о целесообразности расположения одного из них в Кривом Роге, а другого — в Донбассе не доказан, и само по себе это предложение заключает некоторое скрытое внутреннее противоречие; не рассмотрено также предположение о целесообразности постройки одного из них именно близ Днепростроя... Не рассмотрена проблема технического комбинирования древесноугольной плавки и передела с углежжением и химической промышленностью.

Затем мы находим некоторую неточность в расчетах границ рынков, проистекающую от допущения различной себестоимости перевозки угля и металла, и полагаем, что рынок кузнецкой металлургии может распространиться и несколько западнее Урала... Исчисление убыточности Югостали для 1925/26 года неверно—Наркомфин определил прибыль в 22 млн. руб.. Излишним мы считаем повторение выпада против Волго-Донского канала, как „не обещающего значительных преимуществ перед железными дорогами". Такое утверждение требует более серьезных обоснований. Если руководствоваться общими местами, надо учесть в качестве выгод Волго-Донского проекта значительную трудоемкость работ по сооружению канала и все преимущества бесперегрузочного водного транспорта, способного вызывать в дальнейшем стихийный рост производительных сил населения, в частности в смысле индустриализации,— без специальных затрат казны и на таких хозяйственных фронтах, за которыми трудно угоняться в плановом порядке.

Наконец, нельзя согласиться с той абсолютной формой, в какой автор высказывает мысль, что „процесс распада металлопромышленности (в эпоху военного коммунизма) должен быть приписан... всей хозяйственной системе" и что именно „создание условий для восстановления товарно-менового хозяйства привело к возрождению промышленности и транспорта"; „как только были устранены его (т.-е. промышленного хозяйства) меновые основания, с этого момента из-под ног промышленности была вырвана какая бы то ни была почва". Ведь и система хозрасчета в государственной промышленности, к чему апеллирует проф. Диманштейн в подтверждение своей мысли, еще далеко не равноценна полному восстановлению товарно-денежного (частно-капиталистического) хозяйства, с присущим ему стремлением к снижению издержек производства и расширенному воспроизводству ради увеличения прибыли, все-таки и в системе нэпа происходит быстрое восстановление и развитие советской металлургии.

Не ясно, почему автор предлагает восстановление ценностных соотношений между металлами и другими товарами на довоенном уровне.

Не во всем, по нашему мнению, прав автор в своей критике современной экономической политики металла в СССР.

Но все указанные и некоторые другие недочеты не могут изменить нашего взгляда на рецензируемую книгу, как на значительное явление в современной нам экономической и плановой литературе.

А. Сегаль

М. Гурвич. Капитальное строительство промышленности СССР и УССР в 1926/27 г. Изд. „Пролетарий", 1927 г., стр. 75.

Капитальное строительство промышленности, как один из элементов реконструкции советского народного хозяйства, как вопрос, практически отражающий в себе генеральную линию развития народного хозяйства—

индустриализацию страны,— несомненно должно быть хорошо известно широким слоям трудящихся Союза Технико-экономическая и социально-политическая сущность строительства не могут не интересовать всякого, кто принимает то или иное участие в общем развитии хозяйства Союза. Между тем, мы, пожалуй, не имеем литературных работ, освещающих вопросы капитального строительства в популярной, доступной для широкого читателя форме, за исключением разве газетных и журнальных работ, не затрагивающих обычно всего комплекса вопросов, связанных с капитальным строительством. Следует поэтому приветствовать всякую попытку „восполнить этот пробел и посильно помочь агитатору в его поисках цифр, фактов и об'яснения наиболее важных явлений".

По содержанию рецензируемая брошюра может быть разбита на три части: первая часть на протяжении семи страничек знакомит читателя, при помощи ряда цифр, с хозяйственными достижениями СССР за последние пять лет и планом развертывания промышленности в 1926/27 г. Во второй части автор раз'ясняет читателю-агитатору генеральную линию развития советского хозяйства и отличительные черты капитального строительства у нас и в капиталистических странах. И, наконец, третья — основная часть — освещает капитальное строительство в 1925/26 г. и план его на 1926/27 г. В качестве приложений приведены резолюции пленумов ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У о капитальном строительстве промышленности в 1926/27 г.

Те проблемы, которые трактуются автором, изложены в популярной и доступной форме, но, к сожалению, круг этих проблем слишком ограничен. Автор ограничился изложением соответствующего раздела из „Сводного промфинплана на 1926/27 г." и не затронул целого ряда вопросов нашей экономики, органически связанных с капитальным строительством в промышленности. Ни единым звуком автор не обмолвился ни о проблеме районирования (капитальное строительство в окраинных союзных республиках), ни о проблеме себестоимости и качестве продукции, ни о финансовых ресурсах строительства и накопления в промышленности, ни о сырьевой базе. В теоретической части тов. Гурвич правильно ставит ряд вопросов, между прочим и вопрос о моральном изнашивании оборудования. Изложив этот вопрос в духе Маркса в отношении капиталистического общества, автор переходит к СССР и его специфическим отличиям. „Устанавливаемое у нас новое оборудование не может привести к быстрой моральной смерти старого оборудования. Мы можем использовать старое оборудование, совершенствуя его и используя его, в гораздо большей степени, чем это имеет место при капитализме. У нас оборудование может быть использовано полностью, пока оно не кончит срока службы в порядке амортизации. Все же и у нас новое оборудование может быть введено до окончания срока службы старого оборудования. Но у нас это не приводит к расточению средств... Новая техника повышает у нас производительность труда в массовом масштабе (разрядка автора), что делает введение нового оборудования и отказ от старого оборудования чрезвычайно выгодным..." (стр. 23—26).

С общественной или народнохозяйственной точки зрения технический прогресс, несмотря на то, что он выводит из строя устаревшее технически оборудование, является глубокоположительным явлением. Автору следовало бы указать на другие моменты в вопросе технического прогресса и морального изнашивания машин, присущие капиталистической промышленности и являющиеся отрицательными с общественной точки зрения—это, во-первых, противодействие капиталистов применению новых, технически более усовершенствованных машин, равноценных стоимости рабочей силы, ими заменяемой, и, во-вторых, появление в эпоху монополистического капитализма „экономической возможности искусственно задерживать технический прогресс" (Н. Ленин Империализм, т. XIII, стр. 314). В советской промышленности, как промышленности последовательно-социалистической, машина должна занять гораздо большее место, чем в промышленности капиталистической... Впрочем, сам автор согласился после колебаний на протяжении десяти строчек с необходимостью и даже выгодностью морального износа в нашей промышленности.

На поставленный вопрос: „что означает капитальное строительство?" — автор отвечает таким образом: „Это сумма капитальных затрат, сумма капиталов, вкладываемых в новые заводы, в новые цеха, в новое оборудование или идущих на переоборудование и ремонт (не текущий)." Следовало бы добавить, что капитальное строительство означает на данной ступени нашего развития постройку новых заводов, реконструкцию, расширение и капитальный ремонт существующих заводов.

Неблагополучно обстоит дело с грамматикой. Например: „Металлосплавы, металлообработка все это удешевится, благодаря энергии Днепростроя, которая будет самая дешевая (самой дешевой. Б. С.) в мире" (стр. 47—48), или „Машиностроение в довоенной России было слабо развито. В 1912 г. внутренний спрос (?) на транспортные машины удовлетворялся на 81%, на промышленные машины на 41%"... (стр. 16). Очевидно, автор хотел сказать, что спрос на транспортные машины удовлетворялся на 81% внутренним производством.

В цифрах как в тексте, так и в таблицах, приводимых в конце книжки и заимствованных из „Сводного промфинплана на 1926/27 г." изрядное количество опечаток, что может быть поставлено в вину корректуре. В таблице, на стр. 74, между прочим, лесная промышленность названа мясной.

Брошюру можно все же рекомендовать читателю, несмотря на отмеченные недостатки изложения.

Б. Страхов

Проф. И. Эслен. Политика внешней торговли (Die Politik des auswärtigen Handels), перевод Б. Я. Жуховецкого, под редакцией Ш. М. Дволайцкого. Изд. НКТорга СССР, М, 1927., стр. 226, Ц. 2 р. 75 коп.

В предисловии к русскому изданию рецензируемой книги тов. Дволайцкий пишет, что „работа проф. Эслена принадлежит к числу очень немногих работ, охватывающих основные вопросы внешнеторговой политики буржуазных государств". Поэтому редактор полагает, что „при полном отсутствии на русском языке систематических пособий по политике внешней торговли, сокращенный перевод книги Эслена, несомненно, окажется весьма полезным подспорьем для всех, кто приступает к изучению этого предмета". Однако, сам тов. Дволайцкий несколькими строками выше подчеркивает, что „ценность этой книги не в теоретических построениях автора... и не в его попытках дать обоснование свободной торговле, а в добросовестном подборе и систематизации фактов" (курсив тов. Дволайцкого).

Прочитав заглавие книги, скрывающее в себе множество интересных моментов экономического и политического характера, мы были очень удивлены такой сдержанной характеристикой редактора, а внимательно прочитав все 226 страниц книги пришли к заключению, что если и правильно отмечать ценность работы только в регистрации и подборе фактов — но подборе, производимом без достаточного анализа, могущего удовлетворить изучающего предмет читателя,— то замечание редактора о несомненной крайней полезности книги кажется нам несколько

преувеличенным, тем более, что и сам автор задается более скромными целями и пишет всего только „учебник общего характера“ „для учебных целей“ (стр. 29), по которому действительно изучить, а не выучить, предмет — нельзя.

В первую очередь необходимо отметить, что автор подбирает факты недостаточно полно: доводя свою книгу почти до 1925 года он ни единым словом (кроме 5 строк на стр. 7) не обмолвился о том, что есть на земле Советский Союз, имеющий свою совершенно особую экономическую структуру, весьма отличную от буржуазных образцов, что внешнеторговая политика этого Союза основана на таком необычайном и в то же время исключительно эффективном принципе, как монополия внешней торговли, осуществляемая по методам, нашей страной выработанным, и средствами, не встречающимися в практике никакой другой страны. А об'ективный собиратель фактов, желающий быть добросовестным, хотя и не мог обозреть эту интереснейшую тему в историческом аспекте, все же обязан был в соответствующий хронологический период уделить ей должное внимание.

Нежелание следовать в своем анализе за реальными процессами, происходящими в последние годы в мировой экономике, приводит автора к утверждению, что „когда рассуждают о политике внешней торговли, то об отдельных странах говорят только в целях краткости и удобства выражений, ибо в действительности не страны, а принадлежащие к ним частные хозяйства вступают между собой в хозяйственные отношения“. В наше время, когда процессы капиталистических сдвигов, концентраций, выхода капитала за национальные границы под флагом и охраной своих правительств, осуществляющих в подавляющей части в своей политике — внутренней и внешней — волю этого капитала,— несколько странно звучит приведенная выше цитата, подробным анализом которой мы здесь заниматься не можем.

Мы не имеем возможности проследить в журнальной рецензии ход мысли и всех рассуждений автора и полемизировать с ним, но отдельные моменты все же отметим. Рассуждая на тему о том, показателем чего является относительный размер внешней торговли отдельных стран, проф. Эслен говорит, что было бы ошибкой считать этот размер мерилом „богатства и хозяйственного благополучия“ (разрядка наша. Л. Х.) этих стран. Уже на следующей странице, продолжая развивать ту же самую мысль, автор соглашается рассматривать указанный момент, как „мерило экономического расцвета народного хозяйства“: здесь только сошлись концы с концами у автора, при чем в дальнейшем мысль излагается совершенно правильно и отчетливо. Вот почему нам казалось бы, что после справедливого утверждения, что государство „мерами торговой политики оказывает влияние не только на характер внешней торговли и на положение всех отечественных отраслей хозяйства“, нет надобности говорить более чем элементарные вещи — как это делает автор в следующем параграфе — о традиционном учении, о внешней торговле, согласно которому, „внешняя торговля снабжает народ товарами, которых он без нее не мог бы себе добыть“, и т. п. Как-будто бы в самом деле даже в учебнике можно так определять современное существо экономики внешнеторговых процессов капиталистических стран.

Интересна характеристика, даваемая автором довоенной России и заключающаяся в том, что „единственной в России естественной промышленностью является сельское хозяйство“... (стр. 22). Каково будет удивление почтенного профессора, когда он проснется в своем кабинете и увидит, каким бурным темпом и как эффективно индустриализируется эта самая Россия, десять лет тому назад ставшая советской страной.

Нужно все-таки отметить, что по ряду затрагиваемых в книге вопросов даются правильные и исчерпывающие положения; для примера отметим указание автора, что „деньги работают за границей не ради более высокого процента (ученого. Л. Х.), а несмотря на более низкий процент. Движение денег между отдельными денежными рынками определяется преимущественно политическими мотивами“.

Уделяя очень много места в своей книге вопросам платежного баланса, автор, переходя к рассмотрению влияния Лондонского соглашения 1924 г. и вскрывая намерение Антанты ввести в Германии высокую процентную ставку, указывает, что в результате этого „будет ограничено помещение капитала в имеющих длительное значение средствах производства... тяжелая промышленность, требующая большого основного капитала, не должна будет расширяться“... Например, разработок калийных солей в Германии очень много, „но,—продолжает свои рассуждения профессор,—для усиления добычи необходимо построить новые жилища для рабочих. Если мы будем помещать рабочих в массовых бараках, то организованный пролетариат всего мира будет вопить (!? Л.Х.) о недобросовестной конкуренции Германии и о недопустимом обращении с рабочими. Кроме того, нам угрожает (угрожает! Л. Х.) ратификация Вашингтонского соглашения, относительно 8-часового рабочего дня“. Эта цитата в достаточной мере характеризует автора и в известной степени — его работу: организованный мировой пролетариат, ненавистный ученому профессору, поднимающий голос в защиту своих братьев, повергает автора в трепет, а тут еще угроза капиталу (к нему г. профессор вполне почтителен) со стороны 8-часового дня.

Переходя к вопросу о свободной торговле и протекционизме, автор тщательно излагает сущность обоих принципов и обычные для каждого из них обоснования, но сам не делает никаких ясных выводов. Кстати будет указать здесь, что автор отмечает существовавшее перед войной мнение, что „затруднение ввоза и поощрение вывоза необходимо для бедных стран, чтобы воспрепятствовать росту их задолженности в отношении заграницы“... „Указывалось,—говорит автор,—что торговая политика С.-А. С. Ш. (высокие покровительственные пошлины. Л. Х.) позволяет из года в год получать значительное превышение вывоза над ввозом, выплатить долги за границей и стать самым мощным кредитором всего мира. Они и стали им, но не благодаря пошлинам, а вследствие ослепления (!), овладевшего народами Европы“. До сих пор мы полагали, что войны имеют другие причины; профессор Эслен авторитетно поправил нас: на ученого экономиста мы можем вполне положиться.

Продолжая излагать вопросы протекционизма и фритредерства, автор высказывает ряд спорных утверждений. Автор заявляет, например, что „ввоз является целью всей внешней торговли; вывоз представляет собой только цену, уплачиваемую за ввоз“. „Усиление вывоза товаров путем снижения цен сокращает выгоду, которую народное хозяйство в целом извлекает из внешней торговли“ и т. п. Можем ли мы, например, согласиться, что „покровительственная пошлина, действующая в течение продолжительного времени, не может быть обоснована соображениями хозяйственного характера“... Покровительственные пошлины в условиях экономики СССР и монополии внешней торговли весьма обоснованы и именно на длительный срок. В наших условиях очень мало убедителен также такой аргумент против протекционизма: „С растлевающим влиянием, которое покровительственные пошлины оказывают на политическую жизнь, связано еще другое обстоятельство. Интересам производителей товаров оказывается предпочтение перед интересами по-

требителей. Производители большей частью об'единены в союзы, потребители не организованы и представляют собой политически более слабую величину, с их интересами мало считаются (?!).

Наиболее заслуживающая внимания часть работы заканчивается рассмотрением проблемы пошлин, премий и тарифов. В дальнейшем автор переходит к истории (торговая политика Средних веков, осуществление свободной торговли в Великобритании, германская торговая политика до 70-х годов, торговая политика Франции и Соед. Штатов) и к оценке германской торговой политики.

Л. Хейфец

Плановое хозяйство Дагестана. Ежемесячный журнал Госплана Дагестанской республики. №№ 1, 2, 3, 4 и 5 за 1927 год.

Рецензируемый журнал выходит первый год. До его издания Дагреспублика не имела ни одного периодического органа, освещающего экономику и быт Дагестана. Чрезвычайно мало материала о Дагестане мы могли бы найти и в непериодической литературе.

Каждый округ или еще меньшая единица республики представляет собой в хозяйственном отношении нечто совсем отличное от рядом лежащего района. Свыше 30 национальностей населяет эту маленькую, совершенно своеобразную страну в 50 тыс. *кв. км*. И каждая национальность имеет свой язык. Часто рядом расположенные аулы не понимают друг друга.

Этот край не может быть сравним ни с одним из районов Союза или входящих в него нац. республик. Мы сталкиваемся здесь с совершенно своеобразными условиями. Тем сложнее стоящие перед хозяйством горной республики задачи. И работа республиканского журнала, надобность в котором уже давно назрела в этих условиях, не менее сложна и благодарна. Журнал должен консолидировать силы республики, должен явиться, как говорит редакция, „штабом для мобилизовавшихся работников ДССР".

Журнал в значительной части справился с поставленными задачами. Содержание статей, особенно первого номера, свидетельствует о значительной работе плановой мысли.

Журналом в I отделе дается освещение вопросов плана, бюджета, торговли, сельского хозяйства и других сторон хозяйственной жизни республики. Им затрагиваются не только вопросы хозяйственного строительства, но и вопросы здравоохранения, культурного строительства и проч.

II отдел — „По Дагестану" — представляет собой экономическую хронику работ Госплана ДССР и отдельных ведомств, и в отражении этих работ можно найти освещение отдельных частей народного хозяйства республики. Этот характер хроники особенно ярко выражен в первом номере. В последующих номерах эта хроника дается в виде коротких статеек. Но существо дела от этого не меняется. Нельзя не отметить нечеткости в распределении материала между I и II отделом. Иногда во II отделе встречаются статьи явно общего характера, как, например, ст. В. Н. Щербинина в № 2 „Баланс народного хозяйства ДССР в 1924/25 г.", а в № 1 такие статьи, которые представляют собой информационно-хроникерскую заметку — такова статья В. Н. „Ближайшие этапы работы плановых органов ДССР".

III отдел — „По Советскому Союзу" — дает краткое изложение материалов по хозяйству СССР и отдельных его районов. Подбор материала в этом отделе отличается некоторой бессистемностью, нет определенной программы и плана.

IV отдел — „За границами СССР" — освещает материал, главным образом, по вопросам хозяйства восточных стран. И в этом отделе не чувствуется плана и системы. Нам кажется, что без ущерба для журнала, этот отдел можно упразднить.

Переходя к освещению отдельных статей, помещаемых в журнале, мы отметим статью А. Н. Щербинина в № 2 „Баланс народного хозяйства за 1924/25 г." Статья дает достаточно полное представление об общей структуре народного хозяйства ДССР. Сельскохозяйственный его характер выявляется с особой отчетливостью: при общей валовой продукции свыше 113 млн. рублей сельское хозяйство дает до 70%, а промышленность только 28%. В первом преобладающей статьей является земледелие (63%), крупную роль все же играет и животноводство (37%). В продукции промышленности на первом месте стоит мелкая промышленность (55%) при преобладании мукомольной отрасли, на втором — цензовая (26%) и лишь на третьем — кустарная промышленность (19%). Анализ расходной части баланса и баланса ввоза и вывоза говорит о дефецитности общего баланса в 3,4 млн. руб., покрываемых дотациями центра в бюджете ДССР.

Доход на душу населения составляет 37—38 дов. рублей, свидетельствуя о бедности населения ДССР.

В первом номере журнала статья А. Дударева „Пути развития народного хозяйства Дагестана" (№ 1) излагает „основные экономические показатели", составленные Госпланом ДССР и легшие в основу генерального плана. Исходя из последних, автор рисует дальнейшие перспективы развития народного хозяйства ДССР. Автор особо отмечает проблему переселения горцев из перенаселенного Нагорного Дагестана, где на 1 кв. версту приходится 46,93 человека и на 100 душ населения приходится 22,5 *га* посева, в Плоскостный Дагестан (Ачикулакский, Кизлярский и др. районы), в котором плотность населения низка — 6,3 человека на 1 *кв. км* и удобной земли несравненно больше.

Из задач, стоящих перед народным хозяйством республики по поднятию обнищалого хозяйства горца, автор, кроме проблемы переселения, выдвигает вопросы мелиорации, осушения площадей в Плоскостном Дагестане, развития кустарных промыслов для изживания безработицы, проблему устройства курортов, разработки полезных ископаемых, использования силы рек и т. д.

Этим же вопросам перспектив народного хозяйства ДССР посвящена в том же номере статья Н. Самурского „Второе пятилетие сов. власти в ДССР и основные задачи, стоящие перед дагестанским правительством".

Заслуживает внимания статья Мирзабек-Ахундова в № 5 „Проблема переселения в Дагестане". Здесь даны итоги разработки кардинальнейшей для Дагестана проблемы.

Хотелось бы еще отметить статью А. Н. Щербинина „Трудовые ресурсы Дагестана" (№ 1). Источником для исчислений послужили автору „данные административной статистики" (обзоры, отчеты губернаторов), единственные за время с 1896 по 1914 гг., за которое и произведено исследование. Распределив население по возрастным группам и полу, дав каждому возрасту и полу определенный коэфициент в переводе на мужскую рабочую силу, автор исчисляет общий годовой запас рабочих мужских человеко-дней. Затем он исчисляет потребность в рабочей силе в человеко-днях на каждую операцию в сельском хозяйстве и промышленности и, вычтя эту сумму затраченного труда из общего запаса, получает цифру свободного остатка труда, достигающую, по этим исчислениям 34,08%. Эту цифру автор разбивает на две части: „неиспользуемый запас" и „со-

вершенно свободный, подлежащий использованию остаток труда". К первой группе автор относит неиспользуемый по ряду причин труд, в последней же группе остается, таким образом, чистая цифра труда, которая должна быть использована и которая составляет 17,67% от общего запаса рабочей силы или труд 73 тыс. трудоспособных мужчин. Считая очень высоким этот процент, автор видит разрешение вопроса в развитии промышленности и кустарных промыслов.

Не входя в подробную критику этой статьи, мы хотели бы, во-первых, отметить некоторую искусственность исчислений автора, статистически возможных и правильных, но экономически себя не оправдывающих. В этих исчислениях нет достаточного учета специфических условий быта населения Дагестана и недостаточно учтены особенности каждого района республики. Делать из этих исчислений хотя бы и ориентировочный вывод о свободной рабочей силе, которую можно было бы считать запасной армией безработных, вряд ли можно. Если эта цифра 34,08% или 17,07% была бы действительно верна, то положение можно было бы считать относительно благополучным, так как по ряду более богатых районов в РСФСР мы имеем процент неиспользованного в сельском хозяйстве труда, доходящий до 50.

Кроме того, трудно согласиться с автором, что приложение свободного труда нужно искать именно в промышленности и кустарных промыслах на том де основании, что население в этих областях имеет определенные навыки. При отсутствии ближайших перспектив широкого развития промышленности республики, при котором весь неиспользованный труд города и аула Дагестана мог бы быть применен, нужно экономическую мысль направить в другую сторону — в сторону нахождения приложения этого труда в сельском же хозяйстве, в развитии трудоемких и ценных культур.

Следует еще отметить статью А. Р. Даидбекова в №№ 2 и 3 „Дороги и дорожное строительство". Автор подробно описывает каждую из существующих дорог ДССР и приводит (в № 3) план дальнейшего дорожного строительства.

Следует еще указать на отсутствие в рецензируемых номерах материалов по расслоению крестьянства в ДССР, недостаточность материалов по исследованию общего состояния сельского хозяйства ДССР и, в особенности, животноводства, являющегося важнейшей отраслью хозяйства дагестанского населения.

Отсутствует общепринятый отдел библиографии. При этих замечаниях следует, конечно, иметь в виду, что журнал находится еще очевидно в периоде своего формирования и пути его, возможно, еще недостаточно нащупаны.

Издан журнал вполне удовлетворительно.

С. Славин

ОТДЕЛ VI

Статистика

Е. М. Тарасов

Сельское строительство

(Оценка, воспроизводство, вероятная динамика фонда построек)

Задача планирования народного хозяйства может быть успешно разрешена только в том случае, когда обобществленный сектор и связанные с ним нитями товарооборота участки частного сектора изучены, „взвешены и измерены“ с достаточной точностью со стороны как статики, так и динамики. За этими освещенными участками хозяйственного фронта лежат малоисследованные массивы частного сектора, где мы еще не ставим себе непосредственно целей планового воздействия, но, тем не менее, вынуждены считаться с теми почти стихийными процессами, которые там протекают, так как они оказывают известное влияние на рынок, цены и прочие элементы товарооборота.

Одним из таких массивов является фонд сельских построек; процессы сельского строительства, потребляющего наемную рабочую силу и материалы, должны остановить на себе внимание планового работника, хотя задачи непосредственного планирования в этой области только ставятся на очередь и ограничены известными рамками (огнестойкое строительство, расселение, переселение).

Говорить о „плане“ сельского строительства возможно лишь с оговорками.

Сельские постройки, на ряду с другими элементами основного капитала сельского хозяйства (с.-х. инвентарем, скотом и пр.), являются собственностью двух с половиной десятков миллионов мелких товаропроизводителей, а потому сельское строительство в высокой степени обладает той инерцией, которая вообще присуща мелкому крестьянскому хозяйству.

Общеизвестна устойчивость типов и размеров сельских построек, которые за обозримый период истории претерпевают, как правило, только своего рода „вековые“ изменения, в то время как другие элементы сельского хозяйства, более тесно связанные с товарооборотом, являются и более чуткими к конъюнктуре последнего, а следовательно, легче поддаются плановому воздействию. Так, с.-х. инвентарь в зависимости от роста с.-х. машиностроения и находящейся в руках государства политики цен, на наших глазах меняется количественно и качественно; так, в зависимости от той же политики цен ежегодно и подчас довольно резко изменяются пропорции полевых культур. Сельское строительство, наоборот, до сих пор находится во власти „дурной бесконечности“, которая на месте сгоревшей или развалившейся избы строит такую же новую. Еще в 1882 г., т.-е. спустя тысячелетие по призвании варягов, в Рязанской губернии свыше половины изб (в Раненбургском у.— 88%) топилось „по-черному“. В Орловском у. на самом рубеже XX века топилось „почерному“ 45% всех изб.

„Румянцевская опись“ 1767 г. зафиксировала в Полтавской губ. соотношение между числом рубленых и плетневых хат, как 1:2. Через

140 лет, в 1907 г., это соотношение осталось без изменения,[1] хотя в губернии изменился состав населения и чрезвычайно поредели леса.

Однако, эта громадная инерция сельского строительства не всесильна. В той же Рязанской губ. избы „по-черному" почти исчезли к настоящему времени, следовательно, при известных условиях деревня в состоянии в короткий срок перестроиться по-новому. В Западном районе ко времени империалистической войны население настолько заинтересовалось огнестойким строительством и так усиленно стало перестраиваться, что выработались странствующие мастера-специалисты по этому виду строительства. В настоящее время, в связи с работами по землеустройству и расселению, обстановка для коренной перестройки деревни благоприятна, как никогда, и моменту „плана" в этой области может быть отведено достаточно почетное место. Тем более необходимым является предварительное изучение среды, в которой будет проводиться план, изучение стихийных процессов, происходящих в этой среде, и уже на этом фоне — оценка планомерного воздействия. Здесь необходимо со всей серьезностью подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство. Как раз отмеченная выше устойчивость этой среды, „дурная бесконечность" сельского строительства, вела к тому, что исследователи сельского хозяйства уделяли строительству непропорциально малое внимание: вполне естественно, что внимание их скорее обращалось в сторону процессов, а не заранее данной среды. Следствием этого является чрезвычайная скудость относящихся к вопросу материалов как в довоенной, так и в современной литературе, с чем в дальнейшем нам не раз придется считаться.

1. Об'ем и стоимость фонда сельских построек

Общее число крестьянских хозяйств по СССР к 1926/27 г. может быть принято равным 24,67 млн., при среднем числе душ на хозяйство около 5 (точнее 4,87). Это, однако, еще не дает нам полного представления о числе дворов. Как в дореволюционные годы, так и теперь число хозяйств превышает число дворов, при чем по некоторым губерниям это превышение довольно значительно. По данным земских подворных переписей, % бездомовых хозяйств был таков:[2]

Губернии	% бездомовых хозяйств	Губернии	% бездомовых хозяйств
Саратовская (2 уезда) . .	10,7	Полтавская	4,3
Рязанская (4 уезда) . .	8,1	Орловская	3,2
Курская	7,4	Воронежская	1,8
Тамбовская.	5,0	Калужская	0,2
Самарская (Бугурусл. у.)	4,9		

Уже самый размер колебаний % бездомовых хозяйств заставляет сомневаться в сопоставимости приведенных данных. Повидимому, в губерниях с высоким % бездомовых в число последних включены и „ушлые" семьи; таких семей, напр., по Вятской губернии в 1900—1902 гг. насчитывалось 7,3% от всего числа семей. Таким образом, число бездомовых хозяйств из числа наличных было значительно меньше. Эта категория хозяйств образуется, главным образом, из погорельцев, которые временно живут в чужой избе, и частью из семей, уже разделившихся, но еще не

[1] „Цифровые данные по хоз. статистике Полт. губ.", Полтава, 1899, и „Полтавск. земск. календарь на 1909 г.".

[2] См. данные подворных переписей и материалы для оценки зем. угодий соответствующих губерний.

живущих в обособленных дворах. Тем самым верхний предел бездомовости определяется горимостью крестьянского двора и частично зависящим от органических процессов дробления приростом числа хозяйств, что в сумме дает не больше 2.5—3%. Так как при пожарах не всегда сгорает двор целиком с жилыми строениями, а момент раздела или выдела обычно связан с выселением в собственную избу,— этот верхний предел должен значительно понизиться. В полном соответствии с этим данные по Белоруссии определяют для настоящего времени число бездомовых хозяйств всего в 0,7%.[1] В нашем распоряжении нет данных по другим республикам, но сказанное выше позволяет принять, что стойкое расхождение между числом хозяйств и числом дворов в среднем не превышает 1%, колеблясь по районам, по годам и даже по временам года (выше летом, т.-е. в период более опустошительных пожаров, ниже осенью и зимой — после сезона стройки).

Обратимся к норме построек на один двор.

Бюджетные обследования последних лет не дают ответа на этот вопрос, статистика Госстраха в центре не имеет интересующих нас данных. В нашем распоряжении имеются лишь данные земского обязательного страхования за 1914 г. по 30 губ., ныне входящим в состав РСФСР, и по ряду губерний Белоруссии и Украины.[2] Мы считаем, что нормы 1914 г. не расходятся с современными, так как являются в среднем тем голодным минимумом, ниже которого двор опуститься не может, не внося серьезного расстройства в свою хозяйственную деятельность; с другой стороны, нет оснований думать, что эти нормы сколько-нибудь заметно повысились за период усиленной сельской стройки последних лет, так как новое строительство в деревне должно было покрыть накопившуюся за годы войны потребность в обновлении построек и капитальном их ремонте, а главное,— было связано с усиленным почкованием хозяйств в размерах, едва ли когда имевших прецеденты. Для характеристики последнего явления достаточно указать, что среднее число душ на одно хозяйство, до войны равное 6,2—6,0, к настоящему времени упало до 5,0 или даже несколько ниже: процесс, выразившийся в образовании около 20% новых дворов по отношению к общему числу их в 1913 году, при чем нормальный прирост числа дворов, связанный с ростом населения, должен быть учтен особо.

Пополняя указанные выше данные земского страхования некоторыми указаниями литературы по недостающим губерниям, мы можем принять, что в среднем по СССР на один двор приходится 4,24 строения, в том числе жилых — несколько больше 1, так как некоторое незначительное число дворов имеет больше 1 жилого строения. В 1890—1900 гг. приходилось жилых строений на двор в губерниях:[3]

Московской	1,14	Тамбовской	1,04
Екатеринославской	1,07	Орловской	1,02
Полтавской	1,05	Ленинградской	1,02
Курской	1,05		

Нет оснований думать, что с уменьшением населенности двора эти коэфициенты повысились; более вероятно обратное предположение.

Сопоставим все данные, характеризующие об'ем фонда сельских построек (табл. 1).

[1] Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства БССР. Минск, 1927 г.

[2] Данные сгруппированы С. Г. Струмилиным.

[3] Данные подворных переписей и статистических обследований.

Таблица 1

Об'ем фонда сельских жилых и хозяйственных построек к 1926/27 г. [1]

Республики и районы	Численность сельского населения		Число хозяйств	Число строений [2]	
	Всего тыс. душ	На одно хоз. душ	Тысячи	На один двор	Всего тыс.
1	2	3	4	5	6
1. Северо-Западный	4.350	4,85	888	3,76	3.335
2. Северо-Восточный	2.125	4,73	446	2,66	1.184
3. Центр.-Промышл.	14.356	4,70	3.038	3,63	10.963
4. Западный	3.787	4,97	758	4,06	3.057
Итого потребл. полоса	24.618	4,77	5.130	3,62	18.539
5. Уральский	5.389	4,34	1.234	6,08	7.466
6. Башкирия	2.509	4,91	507	4,10	2.070
7. Вятско-Ветлужский	3.226	5,22	613	8,64	5.288
8. Центр.-Черноземный	9.798	4,68	2.069	4,01	8.373
9. Средне-Волжский	8.981	4,74	1.899	4,42	8.274
10. Нижне-Волжский	4.550	4,92	945	4,64	4.246
11. Крым	391	4,59	84	4,82	361
Итоге произв. полоса	34.834	4,73	7.351	5,00	36.078
12. Сев. Кавказ и Дагестан	7.395	5,00	1.449	3,61	5.289
13. Казакстан	6. 50	5,26	1.251	(3,61)	4.444
14. Сибирь	8.271	5,19	1.546	(6,08)	9.582
15. ДВО	1.390	6,04	234	(6,08)	1.386
Итого РСФСР	83.058	4,86	16.961	4,48	75.318
16. УССР	23.621	4,65	5.061	3,45	17.367
17. БССР	4.126	5,28	779	4,84	3.736
18. ЗСФСР	4.443	4,87	914	(4,24)	3.829
19. Ср.-Аз. республики	4.898	5,85	1.034	(4,24)	3.515
Всего по СССР	120.146	4,87	24.749	4,24	103.765

В то время как по отдельным районам мы имеем лишь незначительные колебания в числе душ на 1 двор,— число строений на двор изменяется очень резко: от 2,66 по Сев.-Восточному району до 8,64 по Вятско-Ветлужскому. Это об'ясняется тем, что в последнем строения более мелки, чем в первом. Так, в Вятской губ. под отдельными крышами стоят: избы, скотные избы, скотные дворы, кладовые, амбары, хлева (несколько на один двор), овины, бани. Между тем, более северная стройка характеризуется концентрацией построек под одной крышей двухэтажного здания, которое заключает в себе два этажа избы, скотный двор, сарай для инвентаря и кладовую.

[1] В настоящей таблице, как и во всех последующих, к Сев. Зап. району отнесены губернии: Ленинградская, Псковская, Новгородская, Череповецкая, Мурман и Карелия, к Сев.-Восточному: Архангельская, Сев.-Двинская, Вологодская и Обл. Коми: к Вятско-Ветлужскому: Вятская и Обл. Вотская и Марийская; к Нижне-Волжскому; Саратовская, Сталинградская, Калмыцкая, Астраханская, Немреспублика: к Средне-Волжскому: Самарская, Ульяновская, Пензенская, Оренбургская, Чувобласть и ТАССР, к Западному: Смоленская, Брянская; к Центр.-Черноземному: Воронежская, Тамбовская, Курская, Орловская. Белоруссия в границах 1926 г., т.-е. с Гомельской губ.

[2] При подсчете общего числа строений принято, что число дворов по каждому району на 1% меньше числа хозяйств.

Если даже в области, где достаточно применения методов сплошной регистрации и сводки результатов последней (число дворов, число строений), мы вынуждены мириться с известной неполнотой данных и делать закономерные допущения, то при попытке оценить наличный фонд сельских построек мы встречаемся с гораздо большими трудностями. Это зависит от нескольких причин. Как правило, здесь неприменим приуроченный к одному моменту прием оценки каждого из наличных дворов, и потому приходится пользоваться выборочным методом. Между тем, колебания в стоимости двора необычайно велики: от десяти рублевого „гадючника"-землянки, куда можно войти только согнувшись наподобие гада, до тысячерублевого двора из резаного камня (в одном и том же Одесском округе), от ушедшей в землю по окна рязанской избы, красная цена которой 50 рублей, до двора подмосковной деревни, оцениваемого в 5 тысяч.

От правильного выбора об'ектов исследования зависит, таким образом, очень многое. В самой оценке, с другой стороны, заложен элемент суб'ективности, который можно преодолеть лишь увеличением исследуемой массы. Кроме того, если неустойчива или разнообразна во времени или на изучаемой территории денежная единица, то пользование хотя бы надежными данными прежних лет чрезвычайно затруднено, как затруднено и сопоставление оценок даже двух последовательных годов. По ряду губернии имеются данные земских оценок сельских построек за период с начала земского страхования до войны 1914 г. Однако, сопоставление этих оценок без всяких поправок было бы совершенно неправильным, так как за это время шел непрерывный рост цен, в частности, на строительные материалы. О темпе этого роста можно судить хотя бы по данным, относящимся к Моск. губ., где оценка с 1868 г. по 1882 г. возросла с 119 руб. на двор до 250 руб. благодаря росту цен на лес более чем вдвое. Следовательно, если мы хотим установить так называемую довоеную стоимость двора, то необходимо или пользоваться индексами для пересчета данных предыдущих лет или обратиться непосредственно к данным 1914 г. Такие данные имеются по земским губерниям Европейской части бывшей Империи и дают среднюю взвешенную стоимость крестьянского двора в 330 руб. Использовав все имеющиеся в литературе показания бюджетных исследований, С. Г. Струмилин установил, что средняя бюджетная оценка двора по той же территории равна 421 р. (в рублях 1913 г.) или на 27% выше. Привлекая данные бюджетных исследований по Сибири и Киргизии, определим среднюю по СССР (без Ср.-Аз. республик и Закавказья) стоимость бюджетного двора в 389,1 р., и тем самым вероятную страховую оценку, т.-е. стоимость массового двора в 1914 г.— в 305 р., а в пересчете на одну душу — около 55 р., при чем эта цифра уже сближается с цифрой стоимости построек (59,2 р.), приходящейся на одну бюджетную душу. Можем ли мы остановиться на этих данных и считать их достаточно надежными для оценки двора по „довоенным ценам"? Прежде всего повторим, что „довоенные цены"— мерило чрезвычайно ненадежное, и при сопоставлениях совершенно необходимо оперировать с ценами того или иного года, допустим — 1913. Ниже, в главе об амортизации сельских построек, мы определяем средний возраст всей массы построек в условиях нормальной их жизни и равномерно-расширенного воспроизводства в 14 лет. Таким, примерно, является и средний возраст сельских построек в 1913/14 г. Обычный прием оценки как при бюджетных обследованиях, так и страховой, состоит в том, что в первую очередь ставится вопрос о первоначальной стоимости постройки, а затем, путем глазомерного учета изношенности последней, определяется стоимость современная.

Таким образом, оценка всей массы дворов 1913 г., из которых половина возведена до 1900 г., а половина в период 1900—1913 гг. дана нам в основе своей в рублях года постройки и нуждается в приведении к рублям 1913 г. Мы не располагаем строительным индексом за интересующие нас годы и потому воспользуемся индексом оптовых цен. За период 1890—1900 гг. этот индекс[1] изменяется незначительно в сторону повышения, почему всю массу дворов, построенных до 1900 г., можно считать оцененной в рублях этого года. За последующие годы индекс возрастает на 25%, что дает меру необходимой поправки к оценкам этой половины дворов. Отнесенная ко всей массе дворов, эта поправка выразится в +12,5%. Не приводя соответствующего расчета для тех дворов, которые построены после 1900 г. и для которых поправка даст повышение на 9%, примем из осторожности общую поправку к страховой оценке двора в 1914 г. в размере только 15%, что повысит стоимость среднего двора с 305 р. до 350 р. Эту цифру мы и считаем наиболее вероятной для довоенного времени, точнее — для 1913 г.

Подтверждением необходимости такой поправки и правильности ее размера являются неоднократные указания в земской литературе на отставание страховых оценок от действительной стоимости. Приведем пример. Оценочные ведомости по Моск. губ. в 1883 г. дают стоимость среднего двора 259 р., в то время как стоимость возведения среднего двора по губернии была 410 р., а стоимость с учетом износа (25%) — 307 р., что превышает страховую оценку на 18%.

Переходя к современности, отметим прежде всего, что в области оценок сельских строений мы располагаем по объему вполне достаточным материалом. Оценку двора и элементы ее динамики дают прежде всего регулярно ведущиеся бюджетные обследования крестьянского хозяйства; так как данные по большинству бюджетов в настоящее время являются сквозными, т.-е. из года в год относящимися к одним и тем же хозяйствам, то тем более оснований ожидать от этих данных правильного отражения действительных процессов в сельском строительстве. К сожалению, необходимо отказаться от пользования бюджетами 1922/23 г., так как оценки даны в золотых рублях, не поддающихся сопоставлению ни с червонными, ни с рублями 1913 г.; кроме того, эти бюджеты захватили крупную группу „выставочных“ (с.-х. выставка 1923 г.) хозяйств, т.-е. хозяйств повышенного типа, что делает невозможным пользование даже душевыми нормами.

Данные 1923/24 г. опубликованы далеко не в полном объеме, и это делает затруднительным их сопоставление с данными следующего года. Остаются данные бюджетов 1924/25 г. (материал 1925/26 г. полностью еще не поступил с мест), которые и были подвергнуты специальной разработке. Материал с мест, сконцентрированный в ЦСУ, позволил по 7.5 тыс. крестьянских бюджетов выбрать ряд показаний отдельно для каждой административной единицы, и внутри последней — по каждой из 8 посевных групп.

Вопросы, поставленные нами, были таковы: стоимость построек к началу года — отдельно жилых, хозяйственных для земледелия, для скота и прочих, промысловых; прирост или убыль стоимости в течение года для тех же групп построек; затраты на ремонт с.-х. построек, на ремонт и сооружение промысловых построек, на возведение жилых построек и ремонт их. Отнеся каждое из показаний на один двор и на одну душу сельского населения по административным единицам и посевным группам, мы в дальнейшем воспользовались действительными соотношениями между численностью посевных групп, чем полностью устранили нерепрезентативность бюджетов в этом отношении. Средняя по СССР стоимость крестьянского двора в 1924/25 г. оказалась равной 397 руб.

[1] М. П. Кохн. Русские индексы цен. М. 1926 г. Приложение табл. 1.

Прежде чем привести цифры по районам и критически подойти к ним, необходимо остановиться на другом источнике наших знаний — на оценках Госстраха. Так же, как бюджетные обследования, данные Госстраха по окладному страхованию охватывают всю территорию Союза и этим выгодно отличаются от данных земской страховой статистики. Однако, последняя имела за собой многолетний опыт, Госстрах же, повидимому, только теперь становится на путь правильных оценок. В самом деле, 1923/24 год,—год падающей валюты,—не может нам дать ничего для оценки крестьянского двора. 1924/25 год прошел под знаком спешного приспособления к червонной валюте. Наконец, 1925/26 год является первым годом в выполнении пятилетнего плана Госстраха по сплошной переоценке сельских строений. Таким образом, данные 1925/26 г. еще не являются сплошными, и четыре следующих года могут внести в них значительные изменения. Три ряда интересующих нас цифр сопоставлены в табл. 2.

Таблица 2

Стоимость сельских построек по районам СССР

(В рублях на одно хозяйство)

Республики и районы	По бюджетам 1924/25 г.	По Госстраху			
		1924/25 г.	то же в %% к гр. 2	1925/26 г.	то же в %% к гр. 2
1	2	3	4	5	6
1. Северо-Западный	516 96	721,0	140,0	789,0	153,0
2. Северо-Восточный	456,45	601,0	132,0	802,0	176,0
3. Центр.-Промышл.	623,10	842,0	135,0	887,0	143.0
4. Западный	374,37	651,0	174,0	791,0	212,0
Итого потребл. полоса	550,07	766,0	139 0	847,0	154,0
5. Уральский	401,16	621,0	155,0	638.0	159,0
6. Башкирия	305,39	397.0	130.0	429,0	141,0
7. Вятско-Ветлужский	383,11	473 0	124,0	691,0	180,0
8. Центр.-Черноземн.	353,87	478,0	135,0	508,0	144,0
9. Средне.-Волжский	281,43	369,0	132,0	449,0	160.0
10 Нижне-Волжский	290,54	480,0	165,0	621,0	214,0
11. Крым	609,41	—	—	—	—
Итого произв. полоса	337 38	473,0	141 0	536,0	159,0
12. Сев. Кавказ. и Дагестан	525,00	561.0	107,0	735,0	140,0
13. Казакстан	229,73	226 0	99,0	498,0	218,0
14. Сибирь	257,03	415 0	162,0	(490)	(190,0)
15. ДВО	206,49	310,0	150,0	365,0	177,0
Итого РСФСР	389,81	575,0	144,0	682,0	171,0
16. УССР	404,59	608,0	151.0	701,0	174.0
17. БССР	301,86	600,0	199,0	793,0	264,0
Всего по СССР без ЗСФСР и Ср. Аз. респ.	397,22	584,0	147,0	694,0	175,0

Прежде всего, необходимо задать себе вопрос: в каких рублях произведены оценки, приведенные в табл. 2? Если бесспорно, что Госстрах дает оценки в червонных рублях, то вся обстановка бюджетных обследований 1924/25 г. и близость их данных к данным 1914 г. приводит

к убеждению, что бюджетные оценки даны в довоенных ценах, близких к ценам 1913 г. В самом деле, обследование 1924/25 г., охватившее период с апреля 1924 г. по апрель 1925 г., совпало с первым годом денежной реформы; в силу этого все ответы на вопросы о стоимости строений только в редких случаях могли быть даны в червонных рублях. Половина крестьянских дворов, существовавших в 1924 г, построена до 1910—1912 гг., и стоимость их дана в ценах этих лет; другая половина построена уже в годы войны и революции, в эпоху падающей валюты, что не могло не сказаться на номинальном повышении их стоимости. Вот почему, считая материал бюджетного обследования 1924/25 г. в общем достаточно надежным, мы вынуждены внести в него некоторые поправки. Они сводятся к следующему. За годы с 1913 по 1918 сельское строительство шло чрезвычайно замедленным темпом, последующие годы дают бурный его рост, который не только должен был ликвидировать запущенность, образовавшуюся за время войны, но и обеспечить постройками всю ту массу новых хозяйств, которые образовались с 1917/18 г. благодаря дроблению крестьянской семьи. Представление об этой потребности могут дать следующие цифры. Число хозяйств на территории СССР с 18,3 млн в 1913 г. достигло 24,5 к 1926/27 году, т.-е. увеличилось за счет роста населения и дробления семьи на 6,2 млн хозяйств, или на 34%. Мы не можем итти дальше допущения, что при таком росте числа хозяйств современный двор при меньшем составе семьи обеспечен постройками большей стоимости, чем в 1913/14 г. Сделав же это допущение, мы должны будем для настоящего времени принять среднюю по СССР стоимость построек на двор в 350 р. по ценам 1913 г.

Что касается стоимости двора по районам, то устойчивость соотношений по производящей и потребляющей полосам РСФСР (100 к 162) в данных Госстраха и бюджетных позволяет остановиться на этом именно соотношении, не противоречащем и данным 1914 г. Данные по Украине близки к средним по РСФСР, согласно всем трем источникам. Данные бюджетов по БССР необходимо признать преуменьшенными. Сопоставляя таким образом наличный материал по районам, мы можем остановиться на следующих цифрах, дающих стоимость крестьянского двора в рублях 1913 г. (табл. 3).

Переход от цифр табл. 3 к стоимости строений в червонных рублях может быть произведен только условно. Мы не можем безоговорочно принять данные Госстраха, так как повышая среднюю оценку двора в 1925/26 г. почти на 20% по сравнению с 1924/25 г., они по отдельным районам (и особенно по более мелким территориальным единицам) дают ничем необ'яснимые скачки в оценках (см. табл. 2). Необходимо сопоставить их как с оценкой в рублях 1913 г., так и с вероятным индексом сельского строительства. Совершенно ясно, что если до сих пор мы не имеем удовлетворительного индекса городского строительства, то сельский строительный индекс может носить только ориентировочный характер. Сделаем, тем не менее, попытку построить его для трех последних лет (см. табл. 4).

Мы не имеем права пользоваться этими индексами без всяких поправок. Часть круглого леса отпускается сельскому населению по льготной цене и бесплатно, часть (и притом большая по сравнению с базисным 1913 годом) добывается путем самовольных порубок, что должно значительно понизить индекс. Часть пиленого леса получается путем распилки собственными силами на месте, что сказывается на индексе также в сторону понижения. Индекс рабочей силы примем для 1926/27 г. равным 1,50 и снизим его в соответствии с индексами зарплаты промыш-

Таблица 3

Стоимость сельских жилых и хозяйственных построек.

(По районам СССР к 1926/27 г. в рублях 1913 г.)

Республики и районы:	На одну душу сельского населения	На одно хозяйство				
		Всех построек	В том числе:			
			жилых		хозяйств.	
			в руб.	в % к гр. 3	в руб.	в % к гр. 3
1	2	3	4	5	6	7
1. Северо-Западный	96,0	465	302	65,0	163	35,0
2. Северо-Восточный	84,5	400	242	60,5	158	39,5
3. Центр.-Промышл.	117,0	550	374	68,0	176	32,0
4. Западный	66,5	330	188	57,0	142	43,0
Итого потребл. полоса	101,5	485	320	66,0	165	34,0
5. Уральский	82,0	355	260	73,5	95	26,5
6. Башкирия	55,0	270	170	63,0	100	37,0
7. Вятско-Ветлужский	75,0	390	212	54,5	178	45,5
8. Центр.-Черноземный	66,0	310	212	68,5	98	31,5
9. Средне-Волжский	53,0	250	172	69,0	78	31,0
10. Нижне-Волжский	52,0	255	200	78,5	55	21,5
11. Крым	76,5	350	256	73,0	94	27,0
Итого производ. полоса	63,5	300	207	69,0	93	31,0
12. Сев. Кавказ и Дагестан	93,0	465	311	67,0	154	33,0
13. Казакстан	38,0	200	139	69,5	61	30,5
14. Сибирь	43,5	225	153	68,0	72	32,0
15. ДВО	30,5	185	130	70,0	55	30,0
Итого РСФСР	72,0	350	236	67,5	114	32,5
16. УССР	71,5	355	208	58,5	147	41,5
17. БССР	62,5	330	180	54,5	150	45,5
Всего по СССР без ЗСФСР и Ср. Азии	72,0	350	230	65,5	120	34,5
18. ЗСФСР	56,5	275	214	79,0	61	21,0
19. Ср.-Аз. республики	55,5	325	216	67,0	109	33,0
Всего по СССР	71,0	345	228	66,0	117	34,0

Таблица 4

Индексы строительных материалов за 1924—1927 гг.

(В провинциальных городах)

Годы	Лес круглый	Лес пиленый	Кирпич	Известь	Стекло	Солома
1924/25	2,86	1,72	2,60	3,11	2,54	1,25
1925/26	4,17	2,52	2,44	3,04	2,54	1,25
1926/27	3,85	2,80	2,36	3,14	2,72	1,25

ленных рабочих до 1,4 в 1925/26 г. и до 1,2—в 1924/25 г. В таком случае построение будет носить следующий вид:

Таблица 5

Индексы сельского строительства.

Элементы сельского строительства	Удельный вес[1]	Индексы		
		1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
1	2	3	4	5
Лес круглый . . .	36	1,5	1,8	1,7
Лес пиленый . . .	12	1,5	2,2	2,4
Прочие материалы	12	2,0	2,0	2,0
Наемная рабсила .	20	—	—	—
Собств. рабсила . .	20	1,2	1,4	1.5
Итого . .	100	1,44	1,71	1,73

О построении районных индексов в настоящее время не может быть речи; распространяя полученный нами индекс для 1926/27 г. на всю территорию Союза и корректируя подсчеты по районам (табл. 3) данными Госстраха за 2 года, мы можем положить в основу дальнейшей работы следующие цифры (табл. 6).

Таблица 6

Душевые и дворовые нормы обеспеченности сельского населения жилыми и хозяйственными постройками по районам СССР в 1926/27 г.

(В червонных рублях)

Республики и районы	На одну душу сельского населения	На одно хозяйство			
		всех строений	В том числе:		
			жилых	хозяйств. строений	
				всех	одного
1	2	3	4	5	6
1. Северо-Западный	166,0	790	513,0	277,0	100,0
2. Северо-Восточный	143,5	680	411,0	269,0	162,0
3. Центр.-Промышл.	188,5	887	602,0	285,0	108,0
4. Западный	131,0	651	371,0	280,0	91,5
Итого потребл. полоса .	169,0	805	530,0	275,0	105,0
5. Уральский	139,0	605	444,0	161,0	31,7
6. Башкирия	87,5	429	269,0	160,0	51,5
7. Вятско-Ветлужский	127,0	665	362,0	303,0	39,7
8. Центр.-Черноземный . . .	112,0	527	361,0	166,0	55,2
9. Ср.-Волжский	90,0	425	293,0	132,0	38,6
10. Нижне-Волжский	98,0	480	376,0	104,0	28,6
11. Крым	129,5	595	434,0	161,0	42,2
Итого производ. полоса .	109,0	517	356,0	161,0	40,3
12. Сев. Кавказ и Дагестан . .	147,0	735	492,0	243,0	93,0
13. Казакстан	64,5	340	236,0	104,0	(40,0)
14. Сибирь	80,0	415	282,0	133,0	(26,1)
15. ДВО	52,0	315	220,0	95,0	(18,3)
Итого РСФСР . . .	124,0	603	407,0	196,0	56,5

[1] Удельный вес элементов принят, согласно указаниям страховой литературы, для деревянной стройки под соломенной крышей.

Республики и районы	На одну душу сельского населения	На одно хозяйство			
		всех строений	В том числе:		
			жилых	хозяйств. строений	
				всех	одного
1	2	3	4	5	6
16. УССР	130,0	605	353,0	252,0	103,0
17. БССР	113,5	600	327,0	273,0	70,0
Итого СССР без ЗСФСР и Ср. Азии	124,0	603	394,0	209,0	64,5
18. ЗСФСР	96,0	468	368	100	30,8
19. Ср.-Аз. республики . . .	116,0	557	371	186	57,4
Всего по СССР . . .	122,0	595	392	203	62,8

Примечания: 1) Допускаем, что на одно хозяйство приходится одно жилое строение.

2) При подсчете стоимости 1 хозяйственной постройки использованы нормы обеспеченности двора хозяйственными постройками (табл. 1).

Пользуясь нормами табл. 6, подсчитаем стоимость всего фонда сельских построек.

Таблица 7

Стоимость фонда сельских построек к 1926/27 г.

(По современным ценам с учетом изношенности)

Республики и районы	Стоимость построек в млн. черв. руб.					
	всех	В том числе:				
		жилых	хозяйственных			
			для земледелия	для рабочего скота	прочих	всего
1	2	3	4	5	6	7
1. Северо-Западный .	701,5	455,0	82,0	40,8	123,7	246,5
2. Северо-Восточный .	303,3	183,0	35,0	62,0	23,3	120,3
3. Центр.-Промышл. .	2.694,7	1.842,0	276,0	384,0	192,7	852,7
4. Западный	493,4	280,0	68,5	23,0	121,9	213,4
Итого потребл. полоса	4.192,9	2.760,0	461,5	509,8	461,6	1.432,9
5. Уральский	746,6	547,0	78,0	58,5	63,1	199,6
6. Башкирия	217,5	136,5	48,2	10,3	22,5	81,0
7. Вятско-Ветлужский .	407,6	221,0	45,8	49,8	91,0	186,6
8. Центр.-Черноземный	1.090,4	751,0	164,0	93,0	82,4	339,4
9. Средне-Волжский .	902,0	628,0	91,5	53,6	128,9	274,0
10. Нижне-Волжский . .	453,6	355,0	38,6	19,4	40,6	98,6
11. Крым	50,0	36,5	(5,3)	(3,21)	(5,0)	13,5
Итого производ. полоса	3.867,7	2.675,0	471,4	287,8	433,5	1.192,7
12. Сев. Кавказ и Дагестан	1.065,0	715,0	124,0	131,0	95,0	350,0
13. Казакстан	425,3	295,0	21,8	36,5	72,0	130,3
14. Сибирь	641,6	435,0	70,5	28,1	108,0	206,6
15. ДВО	73,7	51,5	10,0	1,1	11,1	22,2
Итого РСФСР . .	10.266,2	6.931,5	1.159,2	994,3	1.181,2	3.334,7
16. БССР	467,4	255,0	115,0	61,5	35,9	212,4
17. УССР	3.051,8	1.790,0	595,0	361,0	305,8	1.261,8
18. ЗСФСР	427,7	339,0	(34,0)	(26,0)	(28,7)	88,7
19. Ср. Азии	575,9	386,0	(74,5)	(56,0)	(59,4)	189,9
СССР	14.789,0	9.701,5	1.977,7	1.498,8	1.611,0	5.087,5

2. Жилая площадь. Кубатура. Стоимость норм по посевным группам

Какою жилою площадью обеспечено сельское население? Сводя вместе имеющийся скудный материал по этому вопросу, получим следующую картину:

Таблица 8

Средний размер теплой избы

Районы	Год обследования	Площадь пола[1]	
		всего кв. саж.	на одну душу кв. саж.
1	2	3	4
Московской губ. . .	1911	6,1	1,30
Полтавской „ . .	1898	6,1	1,31
Рязанской „ . .	1882	6,2	1,32
Саратовской „ . .	1883	6,3	1,28
Тамбовской „ . .	1884	5,9	1,26
Костромской „ . .	1909	8,25	1,75

Как видим, площадь пола избы и размер жилплощади на 1 душу по большинству районов не испытывают резких колебаний и равны 1,3 кв. саж. или 5,9 *кв. м.*; более северная Костромская губ. дает некоторое повышение. Городские бюджеты дают следующие нормы жилплощади для рабочих в среднем по СССР:

Приходилось на 1 душу в ноябре

1924 г. . . . . 5,1 *кв. м*
1925 г. . . . . 4,9 „ „
1926 г. . . . . (4,8) „ „

Таким образом, далеко не удовлетворяя минимальным санитарным требованиям (8,1 *кв. м.*), сельские нормы жилплощади все же превышают нормы для городских рабочих. Сравнение это носит довольно условный характер, так как, с одной стороны, на крестьянскую жилую площадь претендуют из неодушевленных предметов — печь, из одушевленных — телята, ягнята и (на севере зимой) птица, с другой стороны, летом крестьяне пользуются „дополнительной" площадью в холодных жилых строениях.

Что касается внутренней кубатуры, то данные по Полтавской губернии и более поздние по Белоруссии определяют коэфициент перехода в деревне от площади в кв. саж. к об'ему в куб. саж. в 1,15—1,20, т.-е. дают высоту от пола до потолка в 1.15—1.20 саж. На одну душу приходится, таким образом, около 1,5—1,6 куб. саж., т.-е. столько же, сколько имеют городские рабочие (половина санитарной нормы).

Современная стоимость 1 кв. саж. жилплощади из приведенных данных вырисовывается в размере 60—70 руб., а восстановительная (см. главу об амортизации) — около 100 р., т.-е. по крайней мере раз в 6 ниже, чем в городе, где минимальная восстановительная стоимость 1 *кв. м* жилой площади равна 130 р. (1 кв. саж.—600 р.).

Эти сопоставления дают некоторую меру для оценки того достаточно известного факта, что в сфере жилищных условий крестьянства в минимуме находится не количество площади, а качество ее, поэтому, в будущем необходимо предположить на ряду с некоторым повышением душевых норм площади также повышение стоимости единицы последней.

[1] Площадь пола на одну душу исчислена с учетом современной населенности избы (одной на хозяйство).

До сих пор мы оперировали исключительно со средними величинами, не диференцируя данных в зависимости от зажиточности отдельных групп крестьянства и размеров семьи. Упомянутые бюджетные обследования 1924/25 г. позволяют в следующих цифрах обрисовать связь между размером посева хозяйства (условно-зажиточностью), числом душ в хозяйстве и стоимостью построек (табл. 9).

Те же связи рисуются диагр. 1, где все относительные величины табл. 9 расположились на плавных кривых, кроме I группы, которая на диаграмму не нанесена.

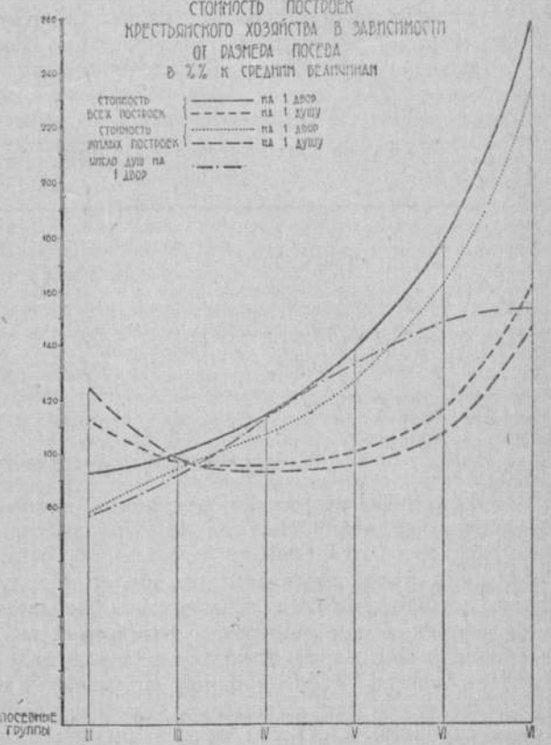
О чем говорят табл. 9 и диагр. 1?

1) Стоимость построек на одно хозяйство стремительно возрастает с ростом посевов на хозяйство и в высшей группе в 4,5 раза превосходит стоимость построек низшей группы.

2) Возрастание стоимости жилых построек отстает от возрастания общей стоимости построек (отношение между крайними группами равно 3,25).

3) Стоимость построек на одну душу выше среднего только у крайних групп — 2 и 6—7.

4) То же самое относится и к стоимости жилых построек на одну душу.



Диагр. 1

Таблица 9

Стоимость построек крестьянского хозяйства в зависимости от размера посева (В %% к средним величинам)

Посевные группы	I беспосевные	II до 2 дес.	III 2—4 дес.	IV 4—6 дес.	V 6—8 дес.	VI 8—16 дес.	VII больше 16 дес.
Число душ на одно хозяйство . .	72	77	92	113	132	148	153
Стоимость построек:							
А. На хозяйство							
Всего	57.5	93	100	115	138	178	258
Жилых	69,5	78	95	107	126	162	233
Б. На 1 душу							
Всего	78,5	113	97	96	101	115	162
Жилых	97,5	125	98	93,5	96	107	147

Необходимо, таким образом, констатировать (и вывод этот важен для оценки перспектив), что с ростом посевов на хозяйство (зажиточности) связано в первую очередь возраста е стоимости хозяйственных построек.

Стоимость жилых построек возрастает в целом медленнее; в пересчете на одну душу стоимость тех и ругих по мере перехода от II группы к высшим сначала падает и только у зажиточных групп начинает быстро возрастать. Душевые нормы площади, как правило, неуклонно при этом понижаются, как это показывает табл. 10.

Таблица 10

Размер площади теплых изб в связи с раз ero надела и семьи [1]

(Кв. арш.)

Семья	Надел		
	До 5 дес.	5—10 дес.	10 и более дес.
До 3 душ	47,19	50,32	50,87
„ 4—6 душ	51,05	52,94	57,03
„ 7 и более душ	55,14	58,62	64,05

3. Сроки службы. Амортизация. Ремонт

Если бы мы могли построить кривые возрастного распределения сельских строений за ряд лет, то задача определения среднего срока службы этих строений, а отсюда — и размера ежегодного изнашивания могла бы быть поставлена на более твердую почву. К сожалению, земские источники такой возможности не дают, а современные бюджетные обследования крестьянского хозяйства не концентрируют необходимых данных, и последние остаются для нас недоступными. С другой стороны, мы не можем безоговорочно применить к сельским строениям сроки службы и нормы ежегодного износа, которые принимаются для городских строений. Остается путь экспертных оценок с учетом особенностей районов, материала и назначения построек. Собранные нами таким образом данные отвечают на вопрос о средней продолжительности службы жилых и хозяйственных построек в отдельных районах при условии необходимого поддерживающего ремонта и без учета горимости (табл. 11).

Взвесив показания экспертов по стоимости построек, мы получаем средний по СССР срок службы жилых строений — около 40 лет, хозяйственных — около 23,5 а в среднем — 33,7 года. В соответствии с этим нормы ежегодного изнашивания определяются в 2,55%, 4,23% и в среднем около 3%. Эти цифры мы считаем довольно вероятными: средний срок службы деревянных строений в городах равен 60 годам, для сельских деревянных строений, стоящих обычно без фундамента и защищенных соломенной крышей, этот срок наши подсчеты сокращают до 40 лет; хозяйственные строения, конечно, служат меньше. Можно сослаться на показания бюджетов Моск. губ., которые определяют нормальный срок службы жилых домов в Моск. уезде в 30 лет, в Волоколамском — в 35 лет, [2] т.-е. даже несколько меньше по сравнению с нашими подсчетами; в далекой Фергане, где материалом строенний служит местный кирпич, срок

[1] Данные относятся к Моск. губ. (1910 г.)

[2] И. П. Степанов, „25 бюджетов крест. хозяйств Моск. губ.“, М. 1925.

службы жилых домов равен 40 г., хозяйственных построек — 30 г. [1] „Перспективный план развития сельского хозяйства БССР“, на который нам уже приходилось ссылаться, определяет средний срок службы сельских построек в 40 лет. Секция местного хозяйства Госплана РСФСР считает предельным сроком службы 50 лет (ошибочно при этом исчисляя ежегодный естественный износ в 2%). Со средним сроком службы тесно связан средний возраст данной массы предметов, колеблясь около половины среднего срока службы, при чем средний возраст может быть больше или меньше этой половины в зависимости от характера кривой вымирания предметов и типа воспроизводства их. Для нашей группы предметов (строений) средний срок службы равен 33,7 годам, т.-е ежегодно умирает 3% строений; ежегодно строится: 3% взамен выбывших, около 0,5% взамен сгоревших и кроме того (в среднем) 1,7% общего числа строений соответственно приросту населения; за ряд лет, с 1918 г. по 1926 г., было сверх того построено известное количество новых дворов благодаря происходившему за эти годы дроблению крестьянской семьи. Е. Н. Бухман, положив эти допущения в основу под-

Таблица 11

Средний срок службы (в годах) и процент ежегодного изнашивания рубля, вложенного в сельское строительство

(Взвешено по стоимости построек)

Районы	Срок службы строений			Процент изнашивания рубля в строениях		
	Жилых	Хозяйственных	В среднем	Жилых	Хозяйственных	В среднем
1	2	3	4	5	6	7
1. Сев.-Западный . . .	50	30	44,0	2,0	3,33	2,27
2. Сев.-Восточный . . .	50	30	42,0	2,0	3,33	2,38
3. Центр.-Промышл. . .	40	25	36,3	2,5	4,0	2,75
4. Западный	40	25	33,5	2,5	4,0	2,98
Итого потребляющая полоса	43,6	26,2	37,6	2,29	3,81	2,65
5. Уральский	40	25	36,0	2,5	4,0	2,77
6. Башкирия	35	20	29,4	2,85	5,0	3,40
7. Вятско-Ветлужский .	40	25	33,1	2 5	4,0	3,02
8. Центр.-Черноземн. .	35	20	30,2	2,85	5,0	3,31
9. Ср.-Волжский . . .	35	20	30,3	2,85	5,0	3,30
10. Нижне-Волжский . .	35	20	31,7	2,85	5,0	3,15
11. Крым	40	25	35,9	2,5	4,0	2,78
Итого производящая полоса	36,5	21,6	31,9	2,73	4,62	3,13
12. Сев.-Кавк. и Дагест. .	40	25	35,0	2,5	4,0	2,85
13. Казакстан	30	20	26,9	3,33	5,0	3,71
14. Сибирь	50	30	43,3	2 0	3,33	2,30
15. ДВО	50	30	43,9	2,0	3 33	2,27
Итого РСФСР (1—15)	40,2	24,4	35,0	2,48	4,08	2,85
16. БССР	40	25	33,1	2,5	4,0	3,02
17. УССР	35	20	28,7	2,85	5,0	3,48
18. ЗСФСР	40	25	35,7	2,5	4,0	2,8
19. Ср.-Аз. республики .	40	30	36,4	2,5	3,3	2,75
Итого СССР (1—19)	39,2	23,6	33,7	2,55	4,23	2,96

[1] Бюджеты 45 хоз. Ферг. обл. Изд. ТЭС. М. 1924 г.

счетов, доказал математически, что в таком случае средний возраст наличной массы построек не превосходит 14 лет. Вот почему косвенным подтверждением правильности наших предположений о сроках службы являются данные по Костромской губ.,[1] где средний возраст жилых строений — 14,2 г., хозяйственных — 12,5 –15 лет, и данные по Ленинградской губ. (бюджеты 1923/24 г.), где средний срок службы жилых строений принят нами в 50 лет, и где средний возраст их оказывается равным 20 г.

Средний возраст сельских жилых строений в Московской губ. равен 17 годам, как нам удалось доказать специальной разработкой первичного материала бюджетного обследования 1924/25 г.

К вопросу о размере изношенности любого вида имущества мы подходим сопоставлением остающегося срока службы со средним, получая этим путем представление о том, насколько это имущество сохранилось. В нашем случае среднему возрасту в 14 лет соответствует вероятная остающаяся продолжительность службы в 22 года, и подсчет дает около 68% сохранности; следовательно, сельские строения в настоящее время изношены на 32% или, округленно,—на одну треть. Довольно вероятно, что этот процент преувеличен: мы осторожно оценили горимость в 0,5% и совершенно не учли возведения новых построек для расселяемого населения и переселенцев; „омоложение“ наличного фонда построек за счет этих факторов понижает изношенность процентов до 30, а сохранность — повышает до 70%. Тем самым мы получаем возможность от современной стоимости двора переходить к восстановительной. В среднем по РСФСР эта последняя может быть определена в 865 р. Секция местного хозяйства Госплана РСФСР дает цифру 850 р.

Возвращаясь к срокам службы сельских построек, мы должны задать себе вопрос: можем ли мы в перспективе помириться с „дурною бесконечностью“ вымирания построек в 30—35 лет? Как увидим дальше, пожары в деревне, обрушиваясь на хозяйство внезапно, уничтожая вместе со строениями и прочее имущество, иногда в корне подрывая самостоятельность хозяйства,— наносят, тем не менее, фонду сельских построек в несколько раз меньший ущерб, чем быстрое одряхление построек, которые деревне приходится возобновлять целиком в течение 3—4 десятков лет ценою вложения материалов и Сизифова труда на миллиарды рублей. Задача, возникающая отсюда, заключается в том, чтобы повысить сроки службы сельских строений. Не останавливаясь здесь на мероприятиях, которые должны вести к поставленной цели, мы в проектировке затрат на сельское строительство должны предусмотреть удлинение сроков службы строений в тех районах, где эти сроки особенно понижены.

Не приводя деталей, укажем только, что при соответствующих подсчетах стоимости сельского строительства нами предположено в среднем по СССР понижение нормы ежегодного износа строений в течение ближайших 15 лет до 2,6% вместо современных 3%.

Бюджетные обследования 1924/25 г., являющиеся для нас в ряде вопросов ценным источником сведений, позволяют оценить размер затрат на ремонт сельских построек. Отметим прежде всего, что обследование не проводит деления ремонта на капитальный и текущий; с своей стороны мы считаем совершенно достаточным оценку затрат на ремонт в одной сумме, так как если даже в таких отраслях народного хозяйства, как транспорт или промышленность, граница между указанными видами ремонта часто является довольно спорной, то в сельском строительстве наметить ее еще труднее. Но кроме того, есть еще одно соображение, которое заставляет нас отказаться от попыток провести эту имеющую в значительной мере академический интерес границу. Дело в том, что ремонт сельских построек производится в значительной мере собственными силами хозяйства и притом по большей части за счет материалов, оставшихся после смерти — естественной или от огня — других построек. Вследствие этого мы не включаем затрат на ремонт в общую сумму капитальных вложений, а показываем ее рядом и считаем, что, поддерживая строения на уровне средней годности, затраты эти на динамике основных фондов не отражаются.

[1] Н. П. Воробьев и Н. Макаров. Крест. бюджеты по Костр. губ., Кострома. 1924 г.

Размер затрат на ремонт приведен в табл. 12.

Таблица 12

Затраты на ремонт сельских построек по данным бюджетного обследования 1924/25 г.

Республики и районы	Затрачено на один массовый двор для ремонта					
	Всех строений		В том числе			
			Жилых		Хозяйственных	
	В руб.	В % к их восстан. стоим.	В руб.	В % к их восстан. стоим.	В руб.	В % к их восстан. стоим.
1	2	3	4	5	6	7
1. Сев.-Западный	9,05	0,80	1,53	0,21	7,52	1,89
2. Сев. Восточный	12,40	1,29	2,90	0,49	9,50	2,46
3. Центр.-Промышл.	10,10	0,80	4,50	0,52	5,60	1,36
4. Западный	6,50	0,70	2,19	0,41	4,31	1,07
Потребл. полоса	9,53	0,855	3,46	0,46	6,07	1,69
5. Уральский	7,48	0,87	1,80	0,28	5,68	2,45
6. Башкирия	2,28	0,37	1,49	0,39	0,79	0,33
7. Вятско-Ветлужский	10,82	1,14	3,20	0,62	7,62	1,75
8. Центр.-Черноземн.	9,95	1,32	(7,72)	(1,49)	(2,23)	(0,94)
9 Ср.-Волжский	5,65	0,93	2,84	0,68	2,81	1,49
10. Ниж.-Волжский	7,14	1,04	4,01	0,75	3,13	2,10
11. Крым	7,28	0,86	5,70	0,92	1,58	0,69
Производ. полоса	7,57	0,98	4,12	0,81	3,45	1,50
12. Сев. Кавказ и Дагестан	8,13	0,77	3,94	0,56	4,19	1,20
13 Казакстан	8,00	1,64	5,03	1,49	2,97	1,99
14. Сибирь	11,10	1,87	4,76	1,18	6,34	3,33
15. ДВО	9,72	2,16	(3,73)	(1,18)	5,99	4,47
РСФСР	8,74	0,99	4,06	0,70	4,68	1,67
16 БССР	5,94	0,69	2,08	0,45	3,86	0,99
17. УССР	5,90	0,68	3,51	0,70	2,39	0,66
18 ЗСФСР	(5,36)	(0,80)	(3,64)	(0,69)	(1,72)	(1,19)
19. Ср. Азия	(6,36)	(0,80)	(3,68)	(0,69)	(2,68)	(1,01)
СССР	8,02	0,95	3,88	0,69	4,14	1,43

Примечания: 1) Переход от современной стоимости строений к восстановительной показан выше.

2) Показания бюджетов 1924/25 г. о размере затрат на ремонт переведены в рубли 1926/27 г. в соответствии с подсчитанными выше индексами

3) Затраты на ремонт изгородей включены в затраты на ремонт хозяйственных строений.

Таким образом, ремонт составляет в среднем около 1% от восстановительной стоимости строений, повышаясь в лесистых местностях (Сибирь, ДВО) до 2% и нигде, за исключением Башкирии, не падая ниже 0,7%. Как и следовало ожидать, в производящей полосе с менее ценными и менее долговечными постройками % этот выше, чем в потребляющей; это замечание относится и к жилым строениям. Кажущееся отклонение по ремонту хозяйственных построек об'ясняется тем, что сюда входит ремонт изгородей, составляющий в среднем по СССР около 25% всех затрат на ремонт хозяйственных строений, при чем этот процент повышается по потребляющей полосе до 40. В общем, % затрат на ремонт жилых построек на половину, а без учета затрат на изгороди — на треть ниже % затрат на ремонт хозяйственных построек.

По посевным группам затраты на ремонт в % к стоимости испытывают небольшие колебания около средней величины, заметно повышаясь (до 1,34%) лишь для многопосевной группы (табл. 13). Устойчивость этих соотношений позволяет сделать окончательное заключение в пользу того, что в этой части материал обследования достаточно надежен и может быть положен в основу дальнейшей проектировки.

Таблица 13

Затраты хозяйства на ремонт сельских построек.

Посевные группы	Восст. стоимость по ценам 1926/27 г.			Затраты на ремонт					
				В рублях 1926/27 г.			В %% к соотв. фонду		
	Двора	В том числе:		Всего	В том числе:		Всего	В том числе:	
		Жил. постр.	Хоз. постр.		Жил.	Хоз.		Жил.	Хоз.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I	500	401	99	4,81	4,80	—	0,96	1,20	—
II	809	570	239	5,65	2,36	3,29	0,70	0,99	1,38
III	870	552	318	8,72	3,38	5,34	1,00	0,61	1,68
VI	1.005	625	385	10,40	6,26	4,14	1,04	1,00	1.07
V	1.145	723	422	9.26	4,65	4,61	0,81	0,64	1,09
VI	1.575	965	610	14,70	4,87	9,83	0,93	0,50	1,61
VII	2.245	1.345	900	30,05	15,20	14,85	1,34	1,13	1,65
В среднем	850	560	290	8.02	3,88	4,14	0,95	0,70	1,43

Все сельское хозяйство СССР затрачивает в настоящее время на ремонт построек до 200 млн. руб., деля эту сумму примерно пополам между жилыми и хозяйственными строениями. Около 38% от общего расхода на ремонт, т.-е. 76 млн. руб., тратится на наем рабочей силы, остальное, т.-е. 124 млн. руб., является стоимостью материалов. Затраты собственной рабочей силы при этом не учтены, а они представляют значительную величину. По данным тех же бюджетных обследований средний двор тратит на ремонт строений 4,3 мужских рабочих дня ежегодно. Оценивая стоимость дня в 1,5 руб., найдем, что расход собственной рабочей силы на ремонт во всем сельском хозяйстве достигает 160 млн. руб., повышая тем самым стоимость ремонта до 360 млн. руб. ежегодно, из которых на материалы падает 120 млн. руб., т.-е. ровно треть, остальное — на долю своей и наемной рабочей силы.

4. Горимость сельских построек

Горимость нашей деревянно-соломенной деревни очень высока в действительности, но еще выше, пожалуй, в ходячих представлениях о ее размере. Нередки утверждения, что наша деревня выгорает в 30—40—

50 лет. В дальнейшем мы подойдем к точному определению размера горимости в разных районах, сейчас заметим только, что по Союзу горимость колеблется в широчайших пределах, и ряд губерний действительно выгорает в названные выше сроки. Однако, средний по Союзу период выгорания значительно выше и, как увидим, выражается не десятками, а сотнями лет.

Обратимся к отдельным элементам горимости страхового рубля и прежде всего сделаем сопоставление за сорок довоенных лет и три последние года.

Таблица 14

Элементы горимости рубля в окладном страховании в сельских местностях на территории Европейской части СССР [1]

Годы	Число пожаров в год в %% к числу застрахованных дворов (частота пожаров)	Число горевших дворов на один пожар (опустошительность пожаров)	Число горевших за год дворов в %% к числу застрахованных (горимость двора 2×3).	Стоимость сгоревшей части двора в %% к его полной стоимости (коэфициент сгорания двора)	Горимость рубля (стоимость сгоревших за год дворов и их частей в %% к стоимости всей застрахованной массы $\frac{4\times5}{100}$)
1	2	3	4	5	6
1875—1879	0,37	3,6	1,33	96	1,28
1880—1884	0,41	3,3	1,36	94	1,28
1885—1889	0,48	3,1	1,47	82	1,20
1890—1894	0,43	3,5	1,50	66	0,99
1895—1899	0,53	2,8	1,27	(62)	(0,78)
1900—1904	0 49	2,8	1,37	(58)	(0,79)
1905—1909	0,62	2,7	1,67	(55)	(0,92)
1910—1914	0,49	2,5	1,21	52	0,63
1923—1924	0,40	2,23	0,89	50	0,44
1924—1925	0,49	1,95	0,96	46	0,44
1925—1926	0,49	1,70	0,83	43	0,36

Колебания элементов горимости по отдельным административным единицам были и остаются очень значительными. Сводя эти элементы за два последних года уже для всей территории СССР (без ЗСФСР) по районам Госплана, мы в известной мере нивеллируем указанные колебания, однако, только в таком виде данные становятся обозримыми (см. табл. 15).

Как видим из таблиц, частота пожаров в Европейской России с некоторыми колебаниями повышалась к пятилетию 1910—1914 гг., когда оказалась выше частоты начального пятилетия на 32%. Пятилетие 1905—1909 гг. вообще следует рассматривать особняком, так как в частоте пожаров и в других элементах горимости, вплоть до горимости рубля, за это пятилетие отразились издержки революции 1905 года и крестьянского движения следующих лет. Современная частота пожаров близка к предвоенной и не показывает тенденций к понижению.

Рост частоты сельских пожаров в значительной мере зависел и зависит от роста промыслов в деревне и проникновения в нее городской культуры: источником пожаров всего чаще становится кустарная мастерская, керосиновая лампа, самовар. Поэтому-то в пределах одного и того же уезда, а иногда и волости, колебания частоты пожаров достигают

[1] В основу таблицы положены данные Госстраха, а также ЦСК — „Статистика пожаров в Росс. Имп.“ (Статистика Росс. Имп., XXVI, СПБ. 1912 г.) и Г. Андреева „Повышается ли горимость сельского страхования?“ Вестн. Гос. Стр. 1926 г., № 10 и 11).

значительных размеров: земледельческие волости и селения при прочих равных условиях горят реже, чем соседи их с развитыми промыслами или теснее связанные с городом. Так как эта причина роста горимости будет действовать и в будущем, то следовало бы предположить, что частота пожаров будет возрастать и дальше. Однако, этому возрастанию благодаря развитию огнестойкого строительства в какой-то мере будет противодействовать все более затрудненное загорание строений, почему, для ближайшего периода вероятен достигнутый уровень частоты — 0,49, т.-е. один пожар в год на 200 застрахованных дворов. Колебания по отдельным местностям останутся весьма значительными; что касается современности, то в 1924/25 году один пожар приходился в Томской губ на 90 дворов (максимальная частота), в Рязанской — на 118 дворов а в Немреспублике — на 1.250.

Таблица 15

Элементы горимости в сельских местностях СССР [1]

По данным окладного страхования

Республики и районы	Частота пожаров		Опустошительность пожаров		Горимость двора		Коэфициент сгорания двора		Горимость страхового рубля	
	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Северо-Западный	0,49	0,64	1,40	1,41	0,68	0,90	44,2	41,0	0,30	0,37
2. Северо-Восточный	0,47	0,52	1,23	1,23	0,58	0,64	25,5	28.0	0,15	0,19
3. Центр. Промышл.	0,63	0,60	2,28	2,06	1,45	1,24	58,2	42.0	0 84	0 52
4. Западный	0.72	0,71	2,06	1,85	1,48	1,31	57,9	48,0	0.86	0,64
Итого потребл. полоса	0,61	0,62	2,05	1,84	1,25	1,14	50,8	42,3	0,63	0,48
5. Уральский	0,33	0,35	1.61	1.37	0.53	0,48	54,2	44,0	0,29	0,21
6. Башкирия	0,35	0,29	2,38	1,62	0,83	0 47	67 3	(44,0)	0,56	(0,21)
7. Вятско-Ветлужский	0,60	0,58	1,32	1,23	0,79	0,71	45,6	(35.0)	0.36	(0,25)
8. Центр. Черноземный	0,73	0,70	1 73	1,56	1,26	1,0	44 4	36,0	0,56	0,40
9. Ср. Волжский	0.39	0,39	3.36	2,23	1,31	0,87	79,6	58.0	1.04	0,50
10. Крым	0,09	0.10	1.06	1.02	0,09	0,10	31.0	34.0	0,03	0,03
Итого производ. полоса	0,48	0,48	2,10	1,64	1,01	0,79	61,0	42,5	0,62	0,34
11. Сев. Кавказ и Дагестан	0 25	0,26	1.11	1,13	0.27	0,29	37,9	34,0	0,10	0,10
12. Казакстан	0,41	0,37	1,30	1,18	0,53	0.44	41 4	39,0	0,22	0,17
13. Сибирь	0,61	0,68	1,41	1 23	0,88	0,84	27,1	33,0	0,24	0 28
14. ДВО	0,53	0.34	1,41	1,28	0,75	0,43	47 6	30,0	0.36	0.13
Итого РСФСР	0,52	0,53	1,95	1,65	1,01	0,87	49,2	43,0	0,50	0,37
15. УССР	0,40	0,37	1,59	1,35	0,64	0,50	40,0	39,0	0,26	0.21
16. БССР	0.59	0,5	2,13	1,86	1.25	1.08	59,0	53,0	0.73	0.57
17. Ср.-Азиатские республ.	0,80	0,46	1,00	1,00	0,80	0,46	23.0	19,0	0.19	0,10
Всего СССР	0,50	0,50	1,89	1,61	0,94	0,80	46,0	41,0	0,43	0,33

[1] В основу таблицы положены погубернские данные Госстраха; при группировке по районам данные соответствующим образом взвешены.

Опустошительность пожаров за рассматриваемый период обнаруживает, по сравнению с частотой пожаров, совершенно противоположную тенденцию: с 3,6 дворов на 1 пожар за 1875 — 1879 гг. она упала до 2,5 дворов в предвоенное пятилетие и в настоящее время понижается еще больше — до 1,7 в 1925/26 году. В ряду факторов, содействующих падению опустошительности, назовем развитие противопожарных мероприятий, более правильную планировку поселений (увеличение разрывов между строениями), расселение и связанное с последним уменьшение размера поселений. Для характеристики влияния последнего фактора приведем следующие цифры:

Московская губерния, (1870 — 77 гг.) Размер селений	Опустошительность пожаров	Полтавская губерния, (1892 — 1895 гг.) Средний размер селений	Опустошительность пожаров
до 20 дворов	3,4		
от 21 до 50 дворов	4,6	20 дворов	2,08
„ 51 „ 100 „	5,3	37 „	4,09
больше 100 „	6,4	44 „	5,85

В дальнейшем все более крупную роль в уменьшении опустошительности будет играть и развитие огнестойкого строительства.

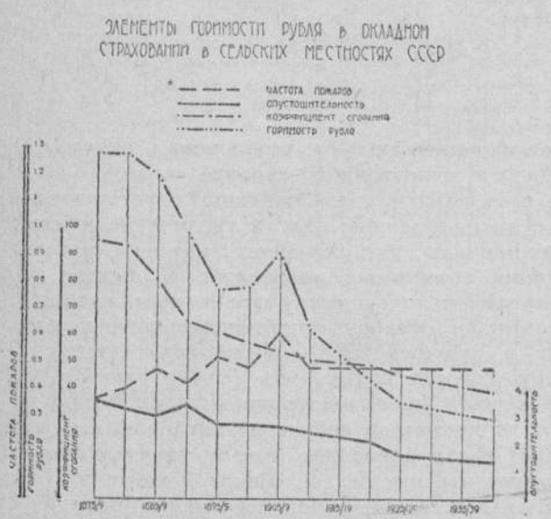
В отдельных районах и в отдельные годы падению опустошительности содействуют: избыток осадков в данном году и увеличение зимних пожаров за счет летних. Эти причины, как случайные, нами не должны приниматься в расчет при оценке возможных перспектив в данном вопросе. Но есть фактор, являющийся по существу временным, который, тем не менее, будет действовать в сторону понижения опустошительности еще известное время и в будущем. Это — рост числа поджогов. Прямые данные по Белоруссии говорят о том, что относительный вес числа пожаров от поджогов в настоящее время увеличился втрое по сравнению с довоенным: 35% всех пожаров сейчас возникает благодаря поджогам (чужого двора), тогда как в довоенное время таких пожаров было 12%. Аналогичную картину мы имеем для северной части УССР. Так как поджигают обычно не жилое строение, а хозяйственную постройку, часто стоящую особняком, так как поджигатель, кроме того, действует в безветренную погоду из опасения погореть самому, — то такой пожар обычно ограничивается частью одного двора. Не касаясь причин подобного развития практики поджогов, коренящихся, очевидно, в современных взаимоотношениях внутри крестьянства, в дальнейшем мы должны ожидать, повидимому, лишь постепенного падения волны поджогов.

Та же самая причина, наконец, — развитие мелких промышленных предприятий в деревне, — которая влечет за собой рост частоты пожаров, действует в сторону понижения опустошительности, так как пожар здесь возникает в строениях, часто стоящих особняком.

Учитывая все эти соображения, мы должны ожидать в дальнейшем некоторого падения опустошительности пожаров. Полагая, однако, что цифра 1925/26 г. (1,70 дворов на пожар) является до некоторой степени случайной, допустим падение опустошительности с 1,9 дворов в 1924/25 г. до 1,5 к концу ближайшего пятнадцатилетия. Тем самым горимость двора понизится с 0,95 в 1924/25 г. до 0,75 в конце периода.

Ту же тенденцию понижения, как и опустошительность пожаров, обнаруживает третий элемент горимости рубля, именно коэфициент сгорания, характеризующий отношение стоимости сгоревшей части двора к полной стоимости последнего. Этот коэфициент понизился почти вдвое с 1875 — 1879 гг. ко времени войны 1914 г. и ныне понижается еще больше.

Помимо тех же причин, которые содействуют понижению опустошительности, здесь действует еще одна, по терминологии страховых органов — „улучшение в деле ликвидации страховых убытков". Дело в том, что при учете стоимости сгоревшей или, наоборот, оставшейся части двора можно проявить ту или иную степень мягкости, которая, повидимому, была выше в начальный период окладного страхования. Таким образом, кроме действительного понижения коэфициента сгорания цифры табл. 14 и 15 отражают, вероятно, несколько возросшую жесткость органов страхования при оценке пожарных убытков. Вот почему, допуская, что коэфициент сгорания двора с развитием огнестойкого строительства должен будет понижаться, мы не решаемся продолжить на ближайший период то крутое падение, которое дают три последних года, и останавливаемся для конца пятнадцатилетия на цифре 40%.



Диагр. 2

Хотя вероятные величины частоты пожаров (0,50), опустошительности (1,50) и коэфициента сгорания (40%) (см. диагр. 2) определяют собою вероятную горимость рубля, именно 0,30, мы считаем необходимым привести несколько соображений в защиту столь осторожного подхода к снижению горимости рубля.

Возвращаясь прежде всего к ходячим представлениям о размерах горимости деревни, мы теперь, с цифрами в руках, можем констатировать, что горимость рубля в постройках современной деревни не превышает 0,5%, — другими словами, период выгорания равен минимум 200 годам, понижаясь для Пензенской губ. до 56, для Ульяновской — до 68, для Гомельской — до 73 лет и повышаясь для Киргизии до 2.000, а для Немреспублики — до астрономической цифры 3.300 лет. [1]

Однако, относящиеся к горимости рубля средние величины или даже данные по наиболее горящим районам необходимо рассматривать совместно с данными о горимости двора, чтобы составить себе более четкое представление о деятельности „красного петуха" в деревне. В среднем по СССР в течение года горит примерно 1 двор из 110. Пределы колебаний таковы: в Рязанской губ. горит 1 двор из 43, в Гомельской — 1 из 46, в Ульяновской 1 из 47; в Немреспублике и в Крыму — 1 из 1.000 дворов. Местности с максимальной горимостью двора отличаются обычно и высоким коэфициентом сгорания; поэтому, если для них размер убытков и характеризуется формально сгоревшей долей страхового рубля, то число хозяйств, потерявших в результате пожара свою экономическую самостоятельность, скорее определяется показателем горимости двора. Этот вывод тем более справедлив, что вместе со

[1] Последние из названных цифр имеют, конечно, лишь иллюстративное значение.

строениями сгорает и незастрахованное имущество в сумме, примерно, равной стоимости сгоревшей части строений (данные страховой статистики по Московской губ. — 1870—77 гг.).

5. Строительство

Каков об'ем сельского строительства, которое возмещает ежегодную убыль строений и обеспечивает постройками вновь возникающие хозяйства?

Обследование 1924/25 г. дает цифру прироста стоимости жилых и прочих строений за год, при чем цифра эта должна бы, по мысли обследования, быть алгебраической суммой убыли и валового прироста строений в наличных хозяйствах. Знакомство наше с первичным материалом приводит к заключению, что в цифре прироста заключается только стоимость вновь возводимых построек, да и то с известным недоучетом, так как, отмечая факт замены развалившейся постройки новою, обследование в ряде случаев не дает стоимости последней. За всем тем, распространяя прямые показания на всю массу хозяйств СССР без ЗСФСР и Ср.-Аз. республик, мы получаем в 1924/25 году прирост стоимости жилых построек в ценах этого года в 313,7 млн. руб., прочих — 174,6, а всего — 488,3 млн. руб. Прежде всего обратим внимание на соотношение стоимости прироста жилых и хозяйственных построек: оно равно 65:35, т.-е. вполне подтверждает наше предположение о том, что соотношение стоимости фонда жилых и фонда хозяйственных строений, близкое к указанному (66:34) сохранится неизменным в течение ближайшего времени.

Переходя к абсолютному размеру названных цифр, внесем в последние следующие поправки: 1) учтем ЗСФСР и Ср.-Аз. республики, для чего повысим цифру 488,3 млн. руб. на 6,2%; получим 520 млн. руб.; 2) пересчитаем этот размер прироста по ценам 1925/26 года, что повысит цифру 520 млн. руб. до 625 млн. руб.; 3) учтем рост хозяйств от 1924/25 г. к 1925/26 г., что повысит подсчитанную нами сумму на 2,8%, т.-е. до 643 млн. руб.; 4) оценим затраты собственной рабочей силы. На один двор приходится 7,8 мужских рабочих дней, затраченных за год на возведение новых построек; на всю массу дворов 1925/26 г. это ляжет расходом в 193 млн. раб. дней или, считая по 1 р. 50 к. день, около 300 млн. руб. Тем самым общая стоимость строительства выразится для 1925/26 г. в 940 млн. руб.

Помимо отмеченного выше недоучета (отсутствие показаний о стоимости вновь возводимых построек), на величине только что названной цифры сказывается и недоучет в отношении вновь возникающих хозяйств, которые, как показывают первичные материалы по Моск. губ., не включены в число хозяйств, дающих прирост стоимости построек. Попробуем оценить общий размер недоучета и тем самым наметить вероятную цифру затрат сельского населения на строительство.

В основу подсчетов положим допущение — минимум, что убыль строений за год полностью будет покрываться новым строительством; последнее, кроме того, полностью покрывает потребность новых хозяйств в постройках. Наше право сделать это допущение для настоящего времени проистекает из констатированной нами стабильности стоимости среднего двора на протяжении значительного промежутка времени.

Сделав подсчеты, мы найдем, что за 1925/26 г. стоимость строительства должна быть равна 1.145 млн. руб., из которых 690 млн. руб. возмещают убыль стоимости строений и 455 млн. руб. идут на расширение фонда, обеспечивая строениями молодые хозяйства, возникшие в последние годы и еще не обстроившиеся до уровня среднего двора.

Исчисленная нами сумма на 22% превышает данные бюджетного обследования. Если отнести на долю недоучета половину этого расхождения, то остающиеся 10—11% лежат в пределах возможной ошибки как нормативного исчисления, так и подсчетов на основе бюджетных данных. Мы не претендуем на большую точность и считаем, что стоимость сельского строительства в последние годы колеблется около миллиарда рублей в год, повышаясь для периодов, когда дробление хозяйств идет усиленным темпом, и понижаясь к настоящему времени.

Таблица 16

Стоимость сельского строительства

(Без затрат на ремонт; в млн. руб. по ценам 1926/27 г.)

Республики	За 1925/26	В среднем за год				Всего в пятилетия			За 15 лет
		В пятилетия			За 15 лет				
		I	II	III		I	II	III	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. РСФСР									
Все строительство . .	805,9	888	1.072	1.275	1.078	4.440	5.358	6.376	16.174
В том числе:									
Возмещ. убыли	467,0	482	524	592	533	2.410	2.619	2.961	7.990
Расширение фонда . .	338,9	406	548	683	545	2.030	2.739	3.415	8.184
2. УССР									
Все строительство . .	224,6	253	298	337	296	1.266	1.488	1.684	4.437
В том числе:									
Возмещ. убыли	158,4	162	167	175	168	808	832	873	2.513
Расширение фонда . .	66,2	91	131	162	128	458	656	811	1.925
3. БССР									
Все строительство . . .	33,1	36	44	51	44	178	220	257	655
В том числе:									
Возмещ. убыли	23,6	24	26	28	26	120	128	141	389
Расширение фонда . .	9,5	12	18	23	18	58	92	116	266
4. ЗСФСР									
Все строительство . .	34,6	36	43	57	46	182	217	286	685
В том числе:									
Возмещ. убыли	17,2	18	21	26	22	91	105	128	324
Расширение фонда . .	17,4	18	22	31	24	91	112	158	361
5. Ср.-Аз. республики									
Все строительство . .	46,6	49	58	74	61	244	292	372	908
В том числе:									
Возмещ. убыли	22,7	24	28	34	29	121	141	172	434
Расширение фонда . .	23,9	25	30	40	32	123	151	200	474
СССР									
Все строительство . .	1.145	1.262	1.515	1.795	1.524	6.310	7.575	8.975	22.860
В том числе:									
Возмещение убыли . .	690	710	765	855	777	3.550	3.825	4.275	11.650
Расширение фонда . .	455	552	750	940	747	2.760	3.750	4.700	11.210
Затраты на одну душу (руб.)	9,69	10,2	11,4	12,3	11,3	51,05	57,2	61,6	169,85

Для перспективного и генерального плана народного хозяйства массив частно-хозяйственного сельского строительства имеет значение не только как фон, на котором мы строим перспективы в поддающихся планированию отраслях, и не только как представитель частного сектора, связанный нитями товарных отношений с твердынями обобществленного хозяйства; самый этот массив рано или поздно подвергнется нашему воздействию, которое пока намечается в направлениях огнестойкого строительства, переселения и расселения. Тем самым попытка заглянуть в будущее сельского строительства не лишена интереса и должна помочь нам правильнее оценить масштабы, в которых мы будем работать. Не останавливаясь детально на предположениях, которые нами приняты для подсчетов, и отсылая интересующихся к работе нашей для комиссии по построению генерального плана, укажем лишь, что затраты на строительство, в настоящее время равные 10% чистого дохода сельского насе-

Таблица 17

Стоимость фонда сельских построек на протяжении периода генерального плана

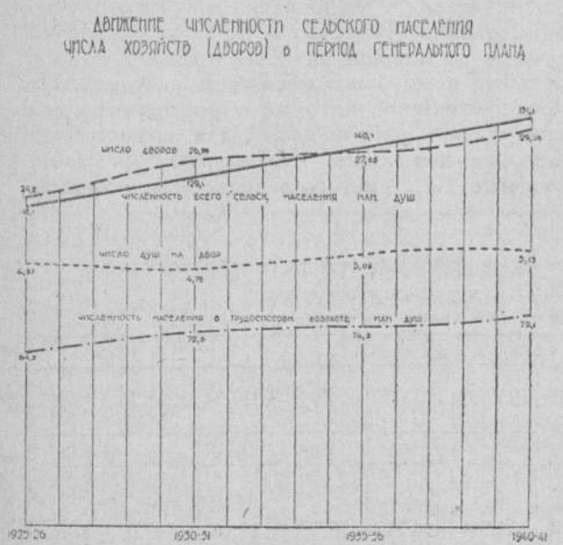
(По ценам 1926/27 г. с учетом изношенности;
весь фонд — в млн. руб., коэфициенты — в руб.)

Республики и показатели	Абсолютные числа				В %% к 1925/26		
	1925/26	1930/31	1935/36	1940/41	1930/31	1935/36	1940/41
1	2	3	4	5	6	7	8
1. РСФСР							
Весь фонд	10.038	12.069	14.779	18.226	120,5	147,0	181,5
То же на 1 двор	603	650	771	895	108,0	128,0	148,5
То же на 1 душу	124	135	152	174	109,0	123,0	140,0
Число дворов — млн. . .	16,57	18,59	19,17	20,41	112,0	115,6	123,3
2. УССР							
Весь фонд	2.976	3.418	4.095	4.893	115,2	138,0	165.0
То же на 1 двор	605	635	755	865	105,0	125,0	143.0
То же на 1 душу	130	135	147	163	104,0	113,0	125.0
Число дворов — млн . .	4,98	5,40	5,43	5,66	108,0	109,0	113,5
3. БССР							
Весь фонд	457	516	609	723	113,0	133.0	158,0
То же на 1 двор	60	627	745	855	104,3	124.0	142.5
То же на 1 душу	113,5	117,0	130	147	103,0	114.5	129,5
Число дворов	0,77	0,82	0,82	0,85	106,4	106,4	110,5
4. ЗСФСР							
Весь фонд	404	500	614	764	124,0	152,0	189,0
То же на 1 двор	468	495	590	685	106,0	126,0	146,4
То же на 1 душу	96,0	106	115	134	110,5	120,0	140.0
Число дворов.	0,89	1,01	1,04	1,12	113,5	117,0	126,0
5. Ср.-Аз. республ.							
Весь фонд	559	692	848	1.039	124,0	152,0	186,0
То же на 1 двор	555	605	720	825	109,0	130.0	148,8
То же на 1 душу	116	135	154	174	116,2	132.8	150,0
Число дворов.	1,00	1,15	1,18	1.26	115,0	118,0	126,0
СССР							
Весь фонд	14.435	17.195	20.945	25.645	119,0	145,0	178,0
То же на 1 двор	595	638	760	877	107,2	128,0	147,3
То же на 1 душу	122	133	149	170	109,0	122,0	139,5
Число дворов.	24,21	26,98	27,63	29,28	111,2	114,1	121,0

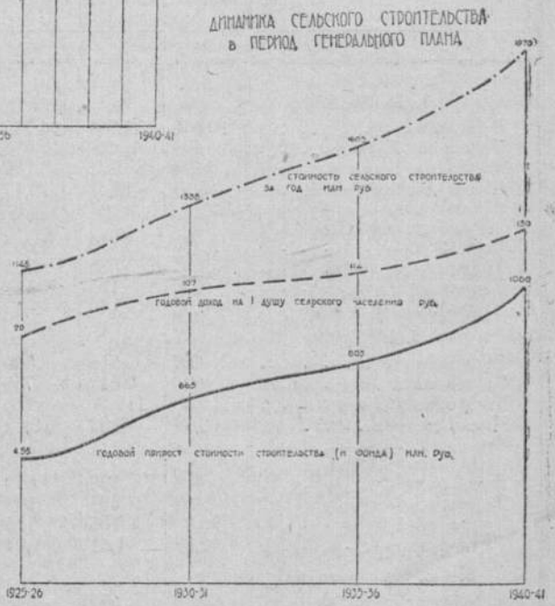
ления, для дальнейшего приняты нами в том же относительном размере. Результаты подсчетов дают табл. 16 и 17 и диагр. 3 и 4.

Об'ем сельского строительства за 15 лет выразится в сумме 22,86 мрд. руб., из которых несколько больше половины, а именно 11,65 мрд. возместят убыль строений, которая за это время будет иметь место. Убыль эта на 90% зависит от изнашивания строений и на 10% — от пожаров. Остальные 11,21 мрд. руб. характеризуют расширение фонда построек, представляя собою стоимость построек как вновь возникших хозяйств, так и вложения в наличный фонд.

Этот размер строительства обеспечивается ежегодными затратами на душу населения от 10 до 12 рублей и приводит к возрастанию фактической стоимости фонда построек



Диаг. 3



Диаг. 4

с 14,4 мрд. рублей в 1925/26 году до 25,6 мрд. рублей в 1940/41 году, т.-е. на 78%, а средней стоимости двора — с 595 руб. до 877 руб. Число дворов за это же время возрастает с 24,21 млн. до 29,28 млн. Весь расчет ведется, как оговорено выше, в неизменных ценах 1926/27 г. Возможное за период генплана снижение цен на материалы сельского строительства должно привести к дальнейшему увеличению стоимости как всего построечного фонда, так и отдельного двора, при чем доля дохода, вкладываемая населением в строительство, останется постоянной (10%). Однако, размер снижения цен сейчас не может быть фиксирован, почему мы ограничиваемся приведенными расчетами.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, ФИНАНСОВ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА

„Социалистическое Хозяйство"

Под ред. **М. Г. Бронского, Ш. М. Дволайцкого и М. А. Савельева**, при ближайшем участии **Н. Н. Баранского, М. И. Галицкого, С. Т. Кистенева и И. А. Трахтенберга.** Отв. секр. редакции **Н. С. Семенович.**

Находятся в продаже следующие книги журнала

„СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА"

за 1927 год

КНИГА I

СТАТЬИ: **В. Ледер.** — Ра онализация промышленности и со алистическое строительство. **С. Г б рман.**—Проблемы малых циклов. **С. ыгодский.**— К поднятию денежного ры а. **А. Финн-Енотаевский.** — Ценность золота и покупательная сила денег . **Фидлер.**— Экономический источник ма ого переворота в Польш

ОЧЕРКИ и ЗАМЕТКИ.
БИБЛИОГРАФИЯ.

КНИГА II

СТАТЬИ: **З. Каценелен ау** И усто рализация хозяйства и е п Рар дита в СССР. **Н. Оганов ви н** — йан струкция сельского хозяйс-ки—ад ач ральный план. **А. Леонтьев.**— ха рактеристике денежной систе ы в переходном хозяйств . **Дж. Иллисон.**— Очерки новой Италии.

ОЧЕРКИ и ЗАМЕТКИ.
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАЙОНЫ С
БИБЛИОГРАФИЯ.

КНИГА III

СТАТЬИ: **А. Гинзбург.**—Перспективы развития промышленности СССР на 1927/28—1931/32 гг. **Вайнштейн А. Л.**— Крестьянские индексы СССР как показатели сельского хозяйства **Таусиг Ф.**— Влияние бумажных денег на внешнюю торговлю. **Леонтьев А.**— Вопросы переходного хозяйства в Германии.

ОЧЕРКИ и ЗАМЕТКИ.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ.
БИБЛИОГРАФИЯ.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫЙДЕТ

КНИГА IV

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ и ЗАМЕТКИ:

М. Бронский.— Перспективы народного хозяйства СССР и задачи экономической политики **Выгодский.**—Теоретические системы Густава Касселя. **Губерман.** — Проблема экономических кризисов **Кутузов.** — Франция после победы. **Айзенберг.**— Критика финансологической и энергетической точек зрения в теории трудовой стоимости. И другие статьи и заметки.

ВСЕГО В 1927 ГОДУ ВЫЙДЕТ 6 КНИГ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год **20р.** На ½ г. **11 р.** Цена отдельн. номера **3 р. 50к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Главной Конторой Подписных и Периодических изданий Госиздата; в отделениях, магазинах киосках Госиздата; у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями; во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах.

МОСКВА 19, Воздвиженка, 10. Тел. 4-87-19.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

ГОСПЛАН СССР

Москва 19, Воздвиженка, 5, тел. 2-98-15 и 2-30-85, доб. 153.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

НОВЫЕ КНИГИ:

К. П. Ловин и Б. А. Барсуков „Современные американские электрические станции“, под редакцией и с предисл. **Г. М. Кржижановского**, с 519 фигур. и 6 картами. Цена в переплете 13 руб. 50 коп.

Экономическая и социальная роль электрификации. Сборник статей, опубликованных Американской Академией политических и социальных наук. Перев. Н. Вашкова. Предисл. **Г. М. Кржижановского**. Цена 1 руб. 90 коп.

Г. М. Кржижановский. Десять лет хозяйственного строительства СССР. Цена 1 руб.

Контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 г. Ц. 5 р. 75 к., в переп.—6 руб. 75 коп.